ДОНЦЫ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ,

БІОГРАФІИ СТАРШИНЪ

ПРОШЛАГО ВѢКА,

ЗАМѢТКИ ИЗЪ СОВРЕМЕННАГО БЫТА И ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРІЮ

ВОЙСКА ДОНСКАГО.

МИХАИЛА СЕНЮТКИНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ АКТОВЪ И ТАБЛИЦЫ РЕГАЛІЙ ВОЙСКА ДОНСКАГО.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.
1866.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

БІОГРАФІИ ДОНСКИХЪ СТАРШИНЪ ПРОШЛАГО ВѢКА, ЗАМѢТКИ ИЗЪ СОВРЕМЕННАГО БЫТА И ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРІЮ ВОЙСКА ДОНСКАГО.

I. БІОГРАФІИ

ДОНСКИХЪ СТАРШИНЪ

ПРОШЛАГО ВѢКА.

БІОГРАФІИ

ДОНСКИХЪ СТАРШИНЪ

ПРОШЛАГО ВѢКА.

De mortuis nil nisi vere.

Войсковые старшины (правильнѣе—войсковая старшина) играютъ весьма важную роль въ исторіи Войска Донскаго. Это были лица испытанной храбрости и честности, пріобрѣвшіе своими заслугами довѣріе всего Войска. Въ мирное и военное время они были первыми совѣтниками войсковаго атамана: изъ нихъ только избирались члены въ войсковую канцелярію, завѣдывавшую тогда всѣми дѣлами Войска; изъ нихъ лишь назначались полковые командиры. До первой турецкой войны въ царствованіе Екатерины II (1769—1775), чинъ старшины считался на Дону высшимъ идеаломъ награды для казаковъ. Бывали правда случаи, что Донцы удостоивались за свои подвиги, генеральскихъ чиновъ еще отъ императрицы Елисаветы (напр. войсковой атаманъ Данила Еѣремовъ пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ, Алексѣй Краснощоковъ генералъ-маіоромъ, Сидоръ Себряковъ бригадиромъ), но примѣры эти были такъ рѣдки, что могли считаться исключеніемъ изъ общаго правила. Заслуженный того времени старшина и наказный атаманъ Войска Донскаго Михаилъ Паздѣевъ (въ рапортѣ князю Потемкину 1775 г.) прямо говоритъ, что въ его время Донцы за свои заслуги ничего не получали больше старшин-

скаго чина. За то чинъ этотъ въ старину высоко былъ поставленъ въ общественномъ мнѣніи у казаковъ; полученіе его считалось, большимъ счастьемъ на Дону. Случалось, что дѣти старшинъ награждались имъ только черезъ 40 лѣтъ боевой службы, (см. біографію Барабанщикова). Чинъ этотъ былъ какъ бы вывѣскою, патентомъ храбрости, такъ что слово *храбрый* сдѣлалось необходимымъ эпитетомъ старшинъ. Старшина пользовался большимъ уваженіемъ и властію у казаковъ: иногда онъ начальствовалъ въ нѣсколькихъ донскихъ станицахъ, а на войнѣ командовалъ не однимъ, а тремя-четырьмя полками. Само собою разумѣется, что, пользуясь такимъ значеніемъ на Дону, чинъ старшины въ старину былъ несравненно выше теперяшняго старшинскаго чина, даже выше полковничьяго. Старшины на войнѣ иначе и не назывались, какъ полковниками, а старшіе изъ нихъ—командиры нѣсколькихъ полковъ—походными атаманами.

При малой разработкѣ Донской исторіи нельзя съ достовѣрностію сказать, когда именно появились на Дону первые старшины. Броневскій въ своей исторіи полагаетъ ихъ современными началу Войска Донскаго, утверждая, что Ермакъ былъ уроженцомъ и старшиною Качалинской станицы, откуда и вышелъ для завоеванія Сибири. Но лучшій знатокъ нашей исторіи, покойный Сухоруковъ (въ рукописной критикѣ на исторію Броневскаго) говоритъ напротивъ, что во время Ермака не существовало еще на Дону ни чина старшины, ни даже самой Качалинской станицы, и что чинъ этотъ появился у казаковъ спустя полвѣка послѣ Ермака. Какъ бы то ни было, намъ извѣстно, что старшины пользовались на Дону большимъ вліяніемъ въ концѣ 17 и особенно въ первой половинѣ 18 столѣтія, когда со временъ Петра Великаго, древній войсковой кругъ (91) потерялъ свое значеніе и утвержденіе войсковаго атамана стало зависить прямо отъ верховной власти. С того времени вся власть круга (гдѣ имѣлъ голосъ каждый неопороченный казакъ) перешла къ войсковому атаману и старшинамъ. Съ этой же поры собственно почти изъ однихъ старшинъ образовывался по временамъ въ Черкаскѣ кругъ,

раздававшій всѣ награды и рѣшавшій важнѣйшія дѣла, разумѣется съ утвержденія военной коллегіи, которой тогда непосредственно подчинялось Войско Донское.

Вообще всѣ казачьи чины (квартермистра, хорунжаго, сотника, есаула и старшины) уже по одному названію своему, совершенно отличались отъ армейскихъ военныхъ чиновъ Россіи. Это обстоятельство, и то, что они раздавались въ старину казакамъ не верховною властію, а кругомъ или войсковымъ атаманомъ, было безъ сомнѣнія причиною, что русскіе полководцы, подъ начальствомъ коихъ служили донскіе полки, не придавали казачьимъ чинамъ почти никакого значенія. Бывали примѣры оскорбительнаго униженія чести донскихъ офицеровъ, которыхъ никогда не равняли съ армейскими. Впрочемъ, можетъ быть, это происходило еще и отъ того, что въ старину сами Донцы считаясь между собою совершенно равными, братьями, тернѣли старшинство только въ военное время, а дома всѣ чиновники, не исключая и старшинъ, слагали съ себя чины и считались снять простыми казаками. Чтобы положить конецъ такому непостоянству чинопроизводства на Дону, со временъ Екатерины II, велѣно считать казачій чинъ старшины въ арміяхъ заурядъ съ секундъ-маіорскимъ чиномъ, а прочіе съ оберъ-офицерскими.

Въ первую Турецкую кампанію Румянцовъ, Долгоруковъ, Панинъ и другіе полководцы произвели нѣсколькихъ старшинъ за ихъ отличные подвиги, преміеръ-маіорами. Новость эта такъ сильно поражала казаковъ, считавшихъ своихъ старшинъ полковниками, что дала поводъ къ смѣшной поговоркѣ на Дону: „*нашего полковника пожаловали въ маіоры!*“ Изъ преміеръ-маіоровъ обыкновенно производили старшинъ въ подполковники отъ арміи, потомъ въ полковники и т. д. Во время Пугачевскаго бунта былъ на Дону одинъ только полковникъ отъ арміи М. С. Себряковъ. Чинъего считался тогда у насъ такъ важнымъ, что даже войсковой атаманъ С. Н. Сулинъ въ военное время не осмѣливался давать ему предписаній, а сносился съ нимъ, какъ съ равнымъ, предложеніями. Унизительное по-

ложеніе донскихъ чиновъ въ арміяхъ было причиною, что въ 1798 году, по случаю всеподданнѣйшей жалобы одного донскаго старшины, Императоръ Павелъ I-й повелѣлъ сравнять казачьи донскіе чины съ армейскими гусарскими чинами (92).

Говоря о донскихъ старшинахъ, нельзя не упомянуть еще объ одномъ довольно важномъ обстоятельствѣ. Наши полководцы, не придавая большой важности донскимъ чинамъ, стали (особенно со временъ Елисаветы), по своему усмотрѣвію,—производить за отличіе въ старшины старыхъ и молодыхъ казаковъ, а иногда даже малолѣтнихъ, за заслуги ихъ отцовъ. Примѣръ Машлыкина (см. его біографію) 14-ти лѣтъ отъ роду командовавшаго донскимъ полкомъ, доказываетъ, что въ старину бывали иногда на Дону малолѣтки полковыми командирами. Такая неразборчивость въ чинопроизводствѣ естественно давала поводъ къ злоупотребленіямъ. Заслуженные старшины, не считая нужнымъ при отставкѣ просить себѣ повышенія, всячески, добивались передать свой чинъ дѣтямъ своимъ, еще не оказавшимъ никакихъ заслугъ,—и нѣкоторые изъ нихъ, къ удивленію, достигали желаемаго: были примѣры, что еще въ колыбели качался донской есаулъ или старшина! Впрочемъ неурядица эта продолжалась только до 1775 года. Въ это время старшина Туровѣровъ подалъ въ войсковую канцелярію на высочайшее имя прошеніе о томъ, чтобъ ему дали отставку отъ службы, а сына его Федора, въ уваженіе его (отца) службы и тестя его генералъ-маіора Краснощокова, наградили старшинскимъ чиномъ. Войсковая канцелярія, не разобравши хорошо дѣла, представила прошеніе Туровѣрова въ военную коллегію. Чрезъ нѣсколько времени полученъ былъ ордеръ за подписью князя Потемкина на старшинскій чинъ Туровѣрову. Но когда, по справкѣ, оказалось что этому сынѣ Федору только 7 лѣтъ отъ роду, войсковая канцелярія стала въ тупикъ и сочла нужнымъ испросить разрѣшеніе у свѣтлѣйшаго: „можно ли Туровѣрова приводить къ присягѣ на чинъ и съ какого времени наряжать его на службу,“ т. е. командовать ему полкомъ. Потемкинъ, недовольный тѣмъ,

что канцелярія въ представленіи не упомянула о лѣтахъ Туровѣрова (см. прилож. 1, лит. К.) приказалъ ей возвратить назадъ подписанный имъ патентъ на чинъ Туровѣрова, и вмѣстѣ съ тѣмъ представить ему формулярные списки всѣмъ донскимъ старшинамъ, съ подробнымъ указаніемъ, гдѣ кто служилъ. Эти-то формуляры, вмѣстѣ съ атестатами старшинъ, послужили главнымъ матеріаломъ къ составленію настоящихъ біографій.

Помѣщая здѣсь (въ алфавитномъ порядкѣ) эти біографіи, авторъ имѣлъ въ виду двѣ цѣли: первую—пополнить изложенные имъ историческіе очерки двухъ замѣчательныхъ событій Дона жизнеописаніемъ тѣхъ лицъ, которые были въ нихъ главными дѣятелями, и вторую—представить потомкамъ назидательные примѣры ихъ предковъ. Какъ ни кратки эти біографіи, не трудно однакожъ замѣтить всякому,—что: 1) дѣды наши полагали военную службу непременною своею обязанностію, съ первыхъ лѣтъ юности до могилы, ибо и самая глубокая старость не считалась у нихъ законнымъ правомъ на отставку, дававшеюся единственно лишь раненнымъ и изувѣченнымъ въ бояхъ воинамъ (см. Андроновъ, Барабанщиковъ, Грековы и проч.) 2) дѣды наши, подобно древнимъ римлянамъ, служа отечеству изъ чести, мало заботились о наградахъ за службу и многіе изъ нихъ за блистательные подвиги довольствовались скудными наградами (см. Перфиловъ, Головъ, Поповъ, Колпаковъ и др.), и 3-е) дѣды наши столько гордились и дорожили званіемъ честнаго казака, что, имѣвши несчастіе впасть въ какое либо преступленіе, омрачавшее это званіе, старались подобно своему родоначальнику Ермаку, загладить, вину свою дѣлами доблести. (си. Сенюткинъ).

АНДРОНОВЪ Василій Андроновичъ, сынъ проотаго казака Середней станицы города Черкаска, родился въ 1729 году. Жизнь этого старшины замѣчательна по одному совершенному имъ подвигу терпѣнія, который близко подходитъ къ мученическому и достоинъ всякой хвалы и подражанія. Вступивъ

въ службу въ 1746 году, Андроновъ 8 лѣтъ провелъ въ походахъ противъ сосѣднихъ враговъ Дона—крымскихъ Татаръ и Черкесъ и „за отличную храбрость и расторопность въ дѣлахъ" опредѣленъ былъ въ 1754 году войсковымъ атаманомъ Данилою Ефремовымъ въ *сотную* команду для секретныхъ дѣлъ. Состоя въ этой командѣ, Андроновъ 2 раза былъ посылаемъ Ефремовымъ на Кубанскую сторону „для примѣчанія непріятельскихъ партій, одинъ разъ до урочищъ Албашъ-Челбаши и Есени, а въ другой до р. Еи и Караусуна. Успѣшное исполненіе порученій доставило Андронову чинъ хорунжаго; въ 1757 году, въ бытность въ Москвѣ съ атаманомъ, онъ пожалованъ государственною военною коллегіею на чинъ саблею. Въ 1758 году, при началѣ семилѣтней войны, Андроновъ участвовалъ въ прусскомъ походѣ казаковъ, подъ начальствомъ Ефремова, и находился въ генеральномъ сраженіи подъ Кистринымъ.

Въ началѣ турецкой компаніи Андроновъ, посланный атаманомъ въ Крымъ съ 3 казаками и 8 калмыками, для развѣдыванія о непріятелѣ, имѣлъ несчастіе, попасть вмѣстѣ съ казаками въ плѣнъ въ г. Перекопѣ. Сначала Татары содержали ихъ только подъ строгимъ арестомъ; потомъ, вѣроятно озлобленные успѣхами нашихъ войскъ, вдругъ грозно приступили къ нимъ съ распросами. Тутъ-то Андроновъ обнаружилъ необыкновенное мужество. Онъ рѣшился самъ и убѣдилъ казаковъ: „страдать до послѣдней капли крови, ничего не открывая врагамъ о своемъ отечествѣ." Видя упорное молчаніе плѣнниковъ, Татары многократно подвергали ихъ величайшему мученію, „тиранствовали надъ ними разными орудіями и били такъ жестоко, что не оставили на тѣлѣ ихъ ни однаго мѣста не избитымъ." Когда же увидѣли, что это не приноситъ ни какой пользы, посадили ихъ въ „тяжелыхъ оковахъ въ темный и глубокій *зинжуль*" (подземная тюрьма), и тамъ нѣсколько дней морили голодомъ. Всѣ казаки, находившіеся съ Андроновымъ отъ голода и мученій умерли. Самъ онъ, отчаявшись въ своемъ избавленіи,—уже готовился раздѣлить участь своихъ товарищей, но въ это время утѣшенъ

былъ однимъ видѣніемъ, о которомъ извѣстно только по преданію (93). Въ ночь иодъ свѣтлое Христово Воскресенье, Андронову (такъ неоднократно расказывалъ онъ самъ своему сыну) представилось, что люкъ, закрывавшій отверстіе его темницы, отворился, яркій свѣтъ осіялъ узника и неизвѣстный голосъ громко произнесъ три раза: *Христосъ воскресе!* Видѣніе это, по собственному сознанію Андронова, чрезвычайно подкрѣпило его ослабѣвший духъ. Съ тѣхъ поръ ничто уже не могло поколебать твердой рѣшимости Андронова. Разъяренные Татары, въ тѣхъ же оковахъ, отправили его для осужденія на смерть къ крымскому хану Капланъ-Гирею, находившемуся тогда за Днѣстромъ въ мѣстечкѣ Каушанахъ. Но чтобы болѣе излить свою злобу на Андронова, Татары нарочно возили его для поруганія по городамъ Кинбургу, Очакову и Бендерамъ, гдѣ онъ долженъ былъ испытывать „новое немилосердное мученіе отъ бою.“ Два года и восемь мѣсяиевъ мужественный страдалецъ терпѣлъ жестокія оскорбленія отъ враговъ, утѣшаясь единственно надеждою на Бога. Наконецъ завоеваніе крымскаго полуострова русскими войсками, подъ начальствомъ князя Долгорукова, въ 1771 году дало свободу истомленному плѣннику.

По выздоровленіи отъ ранъ, вступивъ въ ряды войскъ, Андроновъ въ томъ же году имѣлъ случай отличиться. Князь Прозоровскій намѣреваясь штурмовать крѣпость Еникале, 2 іюня велѣлъ Андронову, какъ болѣе другихъ знакомому съ татарскими мѣстностями, осмотрѣть городскія стѣны, чтобъ указать самое слабое мѣсто для приступа войскамъ. Андроновъ удачно исполнилъ это не легкое порученіе: ему посчастливилось даже, при осмотрѣ крѣпости, схватить 2-хъ татаръ. На другой день Еникале взята была нашими войсками безъ большихъ потерь.

Геройскій подвигъ терпѣнія, совершенный Андроновымъ, обратилъ на него вниманіе войсковаго начальства, и онъ вскорѣ, послѣ возвращенія на Донъ въ 1773 году назначенъ былъ въ войсковомъ кругу войсковымъ есауломъ, а чрезъ годъ произведенъ княземъ Потемкинымъ въ войсковые старшины: зъ то же

время общество середней станицы избрало его своимъ станичнымъ атаманомъ. Такимъ образомъ на Андроновѣ буквально оправдалась старинная донская пословица: *терпи казакъ горе— атаманъ будешь.*

По окончаніи атаманства, Андроновъ два года пробылъ донскимъ почтъ—коммиссаромъ, потомъ четыре года (1781—1785) командовалъ полкомъ на задонской сторонѣ для отраженія Нагайцевъ и Черкесъ, и наконецъ лѣтъ шесть (1791—1796) прослужилъ въ должности начальника сыскныхъ дѣлъ въ Усть-Аксайскомъ стану и въ нижнихъ хоперскихъ станицахъ. Онъ умеръ 75-ти лѣтъ отъ роду (въ 1801-мъ году), получивши только за годъ до смерти чистую отставку отъ службы.

БАРАБАНЩИКОВЪ, Михаилъ Афанасьевичъ, сынъ донскаго старшины, родился въ 1695 году въ Черкаскѣ; замѣчателенъ своею долговременною боевою службою: 60 лѣтъ провелъ онъ почти безпрерывно въ походахъ противъ враговъ Россіи. Записанный казакомъ въ 1714 году, Барабанщиковъ въ томъ же году находился съ походнымъ атаманомъ Аксеномъ Фроловымъ, при разграниченіи донскихъ земель отъ воронежскихъ (которымъ отошло тогда значительное пространство прежнихъ владѣній Дона по вершинамъ рѣки Хопра). Въ 1717 году, во время вторженія кубанскаго салтана Бахты-Гирея съ сильнымъ войскомъ въ предѣлы Россіи, онъ участвовалъ въ кровопролитномъ сраженіи, между Татарами и Донцами, подъ начальствомъ походнаго атамана Василія Фролова, на рѣчкѣ Бердахъ, гдѣ непріятель былъ разбитъ на голову, потерялъ обозъ и 1,500 русскихъ плѣнниковъ. Прослуживши затѣмъ нѣсколько лѣтъ въ Кизлярѣ, Барабанщиковъ, по возвращеніи на Донъ, въ 1724 году принималъ участіе въ походѣ Донцовъ противъ Дундукъ-Омбо (въ послѣдствіи калмыцкаго хана), вознамѣрившагося бѣжать изъ Россіи въ Турцію со многими единомышленниками. Едва совершенъ былъ этотъ походъ, какъ въ 1726 г., по распоряженіе правительства, онъ назначенъ былъ съ каза-

кани ловить шайки запорожцевъ разбойничавшихъ по Волгѣ. Вскорѣ послѣ того ему досталось въ числѣ другихъ заниматься построеніемъ новой крѣпости Св. Креста (на Кавказѣ) для обороны противъ горцевъ. Когда ханъ Дундукъ-Омбо и калмыцкій владѣлецъ Гунга въ 1731 году бѣжали за Кубань, съ намѣреніемъ отдаться въ покровительство Турціи, Барабанщиковъ находился въ числѣ преслѣдовавшихъ ихъ донскихъ войскъ, и вскорѣ затѣмъ въ 1735 году онъ охотою принялъ участіе въ другомъ походѣ Донцовъ въ Крымъ до *Бѣловозерикъ*, гдѣ совершенно истреблены были казаками, такъ называемые, *Салтанъ-Макбетевскіе* татарскіе аулы. Чинъ походнаго есаула служилъ наградою Барабанщикову за отличіе, здѣсь имъ совершенное.

Во время турецкой кампанія (при Аннѣ Іоанновнѣ) Барабанщиковъ находился при осадѣ и взятіи Азова (въ 1736 году), сражался съ Туркими подъ Очаковымъ (1737) Бендерами (1738), подъ Хотинымъ (1739), и въ то же время выучился свободно говорить по турецки. Возвратившись изъ кампаніи Барабанщиковъ не долго прожилъ дома: въ 1741 году онъ ходилъ съ казаками въ Финляндію гдѣ въ кратко-временную шведскую войну участвовалъ въ пораженіи Шведовъ фельдмаршаломъ Лассіемъ при г. Вильманстрандѣ. Въ 1746 году, Барабанщиковъ сопутствовалъ атаману Ефремову, при осмотрѣ межеванія донскихъ границъ съ запорожскими отъ устья Калміуса къ Бахмуту. Въ продолженіи шести лѣтъ потомъ (1747—1753) онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агентовъ войсковаго атамана „въ секретныхъ развѣдываніяхъ о непріятельскихъ движеніяхъ“ въ Крыму и на Кубани. Успѣшное исполненіе возложенныхъ на него порученій было причиною, что въ 1753 году въ войсковомъ кругѣ, онъ избранъ былъ войсковымъ толмачемъ (переводчикомъ), и въ этой значительной въ то время должности пробыть три года. Въ концѣ 1755 года, Барабанщиковъ, съ командою казаковъ, прикрывалъ Черкаскъ отъ непріятельскихъ нападеній на р. Кагальникѣ; и въ 1757 году, чрезъ сорокъ лѣтъ службы, онъ произведенъ былъ въ войско-

вомъ кругу старшиною. Въ томъ же году онъ съ полкомъ гонялся за крымскими хищниками до Бердъ и, по прогнаніи ихъ, присутствовалъ, въ числѣ членовъ, въ войсковой канцеляріи. Съ 1759 по 1762 г. Барабанщиковъ пробылъ съ командою: то у прикрытія донскихъ границъ отъ нападенія непріятелей на р. Салу, то въ верховыхъ станицахъ у сыска бѣглыхъ бродягъ, то при Дербетевскихъ калмыцкихъ улусахъ для защищенія станицъ отъ воровства Калмыкъ и для воспрепятствованія побѣгу ихъ на Кубань. Въ 1763 году, Барабанщиковъ командированъ былъ съ полкомъ въ корпусъ графа Олица близъ Кіева и, возвратись домой, „состоялъ въ ежеминутной къ походу готовности на границахъ Дона,“ откуда въ 1766 году онъ посланъ былъ походнымъ атаманомъ съ 600-мъ полкомъ на Царицынскую линію. Въ турецкую кампанію въ 1770 г. онъ участвовалъ съ 500-мъ полкомъ въ поголовномъ походѣ казаковъ до Днѣпра, подъ предводительствомъ войсковаго атамана Степана Ефремова. Наконецъ, въ 1773 году, во время пугачевскаго бунта, Барабанщиковъ ѣздилъ по станицамъ для высылки малолѣтнихъ казаковъ противъ Пугачева. Въ 1775 году осьмидесятилѣтній старецъ еще „состоялъ при Войскѣ, какъ говоритъ самъ, въ числѣ служилыхъ старшинъ,—готовый, по первому зову, выступить на конѣ противъ враговъ отечества.“

ГРЕКОВЪ, Гаврила Никитичъ, сынъ казака г. Черкаска, родился въ 1701 году. Командированный на службу въ 1718 году, Грековъ около 3-хъ лѣтъ провелъ въ Астрахани, откуда, во время персидскаго похода Петра Великаго, въ 1722 году перешелъ въ низовый корпусъ и состоялъ тамъ въ сотенной донской командѣ, для разныхъ услугъ, при саломъ государѣ. По возвращеніи на Донъ, Грековъ произведенъ былъ въ войсковомъ кругѣ за отличную храбрость въ есаулы, а въ 1728 году вторично командированъ въ Низовый корпусъ, въ числѣ 3,000 Донцовъ, подъ командою походнаго атамана Мартынова. Тамъ успѣшнымъ исполненіемъ порученій Грековъ успѣлъ

обратить на себя вниманіе генералъ-аншефа Румянцева (отца Кагульскаго героя), который произвелъ его походнымъ полковникомъ и въ 1730 г. послалъ съ 500-мъ донскимъ полкомъ на р. Куру, для переговоровъ, къ извѣстному Муганскому Кули-хану, весьма упорно сопротивлявшемуся нашему оружію. На пути своемъ, разсѣявъ нѣсколько незначительныхъ непріятельскихъ партій, Грековъ благополучно прибылъ къ хану, и своими переговорами умѣлъ такъ искусно склонить его къ миру, что не только онъ, но и другіе „начальники персидскихъ Ордъ—Мирза-Султанъ, Джарьетъ-Султанъ и Карабетъ-Бей“ согласились вступить въ подданство императрицы Анны Іоанновны. Всѣ они тогда же, по приказанію Румянцева и корпуснаго командира Левашева, приведены были Грековымъ къ присягѣ, „по ихъ идолаторскому закону.“ Въ 1732 году, когда Грековъ возвратился изъ Персіи на Донъ съ отличными атестатами отъ своихъ начальниковъ, войсковой атаманъ Иванъ Фроловъ, въ тоже время, сдѣлалъ представленіе о заслугахъ его въ военную коллегію, съ которымъ и отправилъ самаго Грекова въ Петербургъ, назначивъ его атаманомъ *лежой* станицы, для полученія обыкновеннаго жалованья на войско. Императрица Анна Іоанновна, питавшая, какъ извѣстно, величайшее уваженіе къ памяти великаго дяди своего императора Петра 1-го узнавъ, что Грековъ имѣлъ счастіе находиться лично при государѣ и что потомъ съ честію служилъ въ персидскую кампанію, пожаловала его золотою саблею съ надписью: „за отличную службу въ Низовомъ корпусѣ.“ Саблю эту, по волѣ государыни, Грековъ получилъ въ присутствіи государственной военной коллегіи изъ рукъ знаменитаго фельдмаршала Миниха. Въ томъ же году Грековъ назначенъ былъ походнымъ атаманомъ въ Астрахань. Здѣсь онъ, въ теченіи двукратнаго своего пребыванія, имѣлъ случай ознакомиться съ разговорными языками татарскимъ и персидскимъ и, по возвращеніи на Донъ, въ 1734 г. избранъ былъ въ войсковомъ кругѣ войсковымъ толмачемъ. Должность эта, въ то время, при частыхъ сношеніяхъ съ Татарами и другими народами, была

такъ затруднительна, что исправлять ее, по незнанію языковъ, могли рѣдкіе изъ Донцовъ. Это видно изъ того, что по прошествіи 5 лѣтъ, при перемѣнѣ должности Грековъ принужденъ былъ ѣхать въ Астрахань за тѣмъ только, чтобы выбрать на свое мѣсто достойнаго переводчика Войску. 1740-й годъ Грековъ простоялъ съ полкомъ на Міусѣ, для предосторожности отъ набѣговъ Татаръ; а въ 1742 году онъ былъ командированъ въ Новохоперскъ, для встрѣчи чрезвычайнаго персидскаго посла, возвращавшагося изъ Москвы въ Персію, съ многочисленною свитою, для препровожденія которой по войску потребовалось, по словамъ Грекова, три тысячи лошадей.—Въ 1753 году онъ служилъ походнымъ атаманомъ съ 600-полкомъ на Царицынской линіи. При началѣ семилѣтней кампаніи, Грековъ участвовалъ въ походѣ Донцовъ въ Пруссію, числясь, послѣ бригадира Краснощокова, старшимъ полковникомъ въ войскѣ. Изъ послѣдующей жизни Грекова извѣстно, что онъ командовалъ полкомъ нѣсколько лѣтъ на задонской сторонѣ и въ г. Таганрогѣ, для содержанія карантина, и былъ два года (1762 и 1763 г.) походнымъ атаманомъ тысячной команды на Иртышской пограничной линіи въ Омской крѣпости. Въ 1775 году, будучи 74 лѣтъ отъ роду, онъ еще считался служилымъ старшиною.

ГРЕКОВЪ, Макаръ Никитичъ, братъ предъидущаго, родился въ 1705 году въ г. Черкаскѣ. Жизнь этого старшины, проведенная въ безпрерывныхъ походахъ и битвахъ съ многочисленными врагами Россіи, представляетъ собою поучительный образецъ, долговременнаго и безкорыстнаго служенія царямъ и отечеству. На восемнадцатомъ году записанный въ полкъ, Грековъ служилъ сначала семь лѣтъ, въ разныхъ мѣстахъ, простымъ казакомъ: въ это время онъ былъ у крѣпости Св. Креста и въ Низовомъ корпусѣ на Кавказѣ (1726,) участвовалъ въ прогнаніи воровской запорожской партіи на р. Самбекѣ (1727), вмѣстѣ съ другими преслѣдовалъ бѣжавшаго съ Дона въ Азовъ (1728) калмыцкаго мурзу Батырь-Тайджи, который

однакожь не пойманъ казаками; находился у содержанія форпостовъ по р. Ей противъ кубанскихъ Татаръ (1729). Отличною храбростью въ дѣлахъ съ непріятелемъ Грековъ обратилъ на себя вниманіе начальства и произведенъ въ чинъ хорунжаго (1730). Послѣдующія обстоятельства доставили ему скоро случай заслужить новое отличіе. По примѣру Батырь-Тайджи успѣвшаго ускользнуть въ Азовъ, и другіе недовольные калмыцкіе владѣльцы стали искать счастія подъ властью Турокъ. Въ 1734 году, одинъ изъ самыхъ главныхъ дербетевскихъ мурзъ, Гунга, вздумалъ было также уйдти въ Азовъ со многими Калмыками, и чтобы отвлечь вниманіе Донцовъ, предварительно склонилъ Азовцовъ сдѣлать нападеніе, во время его бѣгства, на жилища казаковъ Однакожь Гунгѣ не удалось достигнуть своей цѣли: онъ былъ настигнутъ Донцами при вершинахъ р. Міуса и силою оружія возвращенъ назадъ, а Азовцы разбиты наказнымъ атаманомъ Иваномъ Фроловымъ у р. Большаго Лога (близъ Аксайской станицы). Грековъ участвовавшій въ обоихъ этихъ походахъ, снова отличился мужествомъ и удостоился получить чинъ есаула (1735 г).

Въ началѣ турецкой кампаніи (1736—1739), Грековъ отправился подъ Азовъ, при походномъ атаманѣ Иванѣ Краснощоковѣ. Командированный оттуда на Кубань для поимки *языка*, онъ напалъ на татарскую партію при рѣчкѣ Волчьихъ Водахъ, разбилъ ее, и захвативъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ, представилъ ихъ фельдмаршалу Лассію. Вслѣдъ за этимъ Грековъ посланъ былъ опять фельдмаршаломъ на Кубань, вмѣстѣ съ полковникомъ Альбаковымъ; командуя передовымъ его отрядомъ, онъ наткнулся на сильную татарскую заставу при р. Аганлахъ и въ происшедшемъ здѣсь жаркомъ бою (1736), кончившемся совершеннымъ пораженіемъ Татаръ и взятіемъ въ плѣнъ многихъ мурзъ, столько оказалъ храбрости и распорядительности, что, по возвращеніи на Донъ, единогласно избранъ былъ въ войсковомъ кругу полковникомъ на Царицынскую линію (1737). Въ томъ же году, вызванный изъ Царицына на Донъ, Грековъ принялъ участіе во вторичномъ походѣ Донцовъ въ Крымъ

подъ начальствомъ войсковаго атамана Данилы Ефремова, но пробылъ здѣсь не долго. Вѣсть о возмущеніи старшаго сына калмыцкаго хана Дундукъ-Омбы, противъ отца своего, побудила атамана, для усмиренія мятежниковъ, послать Грекова, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ (впослѣдствіи войсковымъ атаманомъ) Степаномъ Ефремовымъ. Успѣшнымъ исполненіемъ порученія Грековъ вполнѣ оправдалъ довѣренность къ нему атамана. Скоро послѣ примиренія хана съ сыномъ, Грековъ совершилъ другой замѣчательный подвигъ. Въ 1739 году, по выходѣ русскихъ войскъ изъ Крыма, Татары, раздраженные удачнымъ дѣйствіемъ казаковъ въ этой кампаніи, съ многочисленными силами вторгнулись въ донскіе предѣлы. Но казаки, предувѣдомленные о покушеніи враговъ, бодро стерегли ихъ при р. Донцѣ и, сошедшись на р. Грушевкѣ (не далеко отъ Новочеркаска), въ кровопролитномъ сраженіи разбили и прогнали непріятеля. Здѣсь Грековъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ одержанной побѣды: командуя полкомъ, онъ „поступалъ неустрашимо, не щадя живота своего, и былъ раненъ стрѣлою въ правую ногу". Впослѣдствіи много лѣтъ страдалъ онъ отъ этой раны, но за то отличнымъ подвигомъ своимъ пріобрѣлъ уваженіе войсковаго круга, который присудилъ ему въ награду важный въ то время на Дону чинъ „дѣйствительнаго полковника." Въ томъ же году онъ назначенъ былъ, въ числѣ отборныхъ старшинъ, сопровождать войсковаго атамана до Кизляра, для встрѣчи полномочнаго персидскаго посла, ѣхавшаго въ Петербургъ съ многочисленною свитою.

Вскорѣ, послѣ заключенія Бѣлградскаго мира съ Турціею, Грековъ посланъ былъ съ казаками взорвать укрѣпленія Азова (1741), единственный городъ, который съ такимъ невыгоднымъ условіемъ, пріобрѣла Россія отъ Турціи, не смотря на всѣ блестящіе успѣхи нашихъ войскъ въ эту кампанію. Такъ какъ крымскіе Татары всѣ еще не переставали тревожить Донъ, то Грековъ, по исполненіи своего порученія, два года содержалъ форпосты на Міусѣ для предосторожности отъ ихъ нападенія. Когда въ 1744 году калмыцкій владѣлецъ Читанъ изъявилъ

желаніе принять христіанскую вѣру, войсковой атаманъ избралъ Грекова для охраненія новокрещеннаго отъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ; Грековъ сопровождалъ Читана въ г. Саратовъ, гдѣ онъ крестился со всѣми подвластными ему Калмыками, въ числѣ 132 кибитокъ. Возвратившись домой, Грековъ въ слѣдующемъ году, вызвался самъ участвовать въ походѣ Донцовъ противъ Татаръ, но на пути слѣдованія, не доходя Бойволы, получилъ приказаніе войсковаго атамана отразить отъ Дона двѣ непріятельскія партіи кубанскихъ Татаръ и Запорожцевъ; почему онъ быстро обратился съ казаками противъ нихъ и, нагнавъ одну изъ партій въ *Осиновомъ урочищѣ*, а другую близь Кубани, разбилъ на голову, при чемъ взятыхъ въ плѣнъ 27 человѣкъ доставилъ въ Черкаскъ. Въ 1747 г. Грековъ охранялъ Астрахань, а потомъ около 3-хъ лѣтъ, по порученіе начальства, занимался розыскомъ въ донскихъ и хоперскихъ станицахъ бѣглыхъ великороссійскихъ крестьянъ, изъ коихъ въ одинъ 1750 годъ, поймано и выслано имъ въ Черкаскъ 139 человѣкъ. Между тѣмъ новое покушеніе на Донъ кубанскихъ Татаръ въ 1754 году понудило Грекова еще простоять съ полкомъ нѣсколько времени на вершинѣ р. Керчика; оттуда, въ началѣ семилѣтней войны, онъ ходилъ въ Пруссію и тамъ принималъ дѣятельное участіе, вмѣстѣ съ другими старшинами, въ Гросъ-Егерндорфской битвѣ, „поступая отлично противъ непріятеля.“

Остальная служба Грекова проведена была имъ большею частію въ предѣлахъ Дона, въ постоянномъ бодрствованіи противъ Крымцевъ и Нагайцевъ, часто тревожившихъ Донцовъ. 12 лѣтъ (1758—1770) онъ содержалъ съ полкомъ форпосты то на Міусѣ, то по Маночи и Егарлыкамъ, неусыпно сторожа хищныхъ враговъ своихъ. Въ этотъ промежутокъ времени, мужественною обороною Моздока (1767) отъ нападеній татарскаго мурзы Сикуръ-Аджи, Грековъ успѣлъ оказать важную заслугу отечеству, доставившую ему званіе походнаго атамана, которое онъ сохранилъ до самой смерти. Въ поголовныхъ походахъ Донцовъ въ 1771 и 1772 г. по рр. Тузлову и Кум-

шаку, противъ крымскихъ и нагайскихъ Татаръ, Грековъ командовалъ нѣсколькими полками, а во время пугачевскаго бунта, въ августѣ 1774 г. вызвался самъ охотою идти съ ополченіемъ противъ самозванца, и уже отправился было къ Царицыну, но получивъ на дорогѣ извѣстіе объ окончательномъ разбитіи Пугачева Михельсономъ, возратился назадъ. Съ того времени, въ продолженіи шести лѣтъ (1776—1782), Грековъ состоялъ въ ежеминутной готовности выступить съ поголовнымъ ополченіемъ казаковъ противъ Горцевъ и нагайскихъ Татаръ, неоднократно но безуспѣшно покушавшихся въ это время напасть на Донъ, потому что Донцы зорко сторожили сосѣднихъ враговъ.

Въ 1783 году исполнилось шестьдесятъ лѣтъ службы Макара Никитича. Маститый лѣтами, бодрый тѣломъ и духомъ старецъ способенъ былъ еще служить грудью престолу и отечеству, но, видя себя обойденнымъ въ наградахъ противъ своихъ сверстниковъ, не могъ не огорчаться сердцемъ, что долговременная служба его не обратила на себя надлежащаго вниманія правительства. Рѣшившись подать въ отставку, онъ не усумнился, по тогдашнему обычаю, просить самъ себѣ награды. Въ поданномъ войсковому атаману Иловайскому на Высочайшее имя прошеніи, изчисливъ сперва кратко свои заслуги, Грековъ написалъ въ заключеніе: „и дабы Высочайшимъ Вашего Импе„раторскаго Величества указомъ повелѣно было: меня Всепод„даннѣйшаго, во уваженіе крайне-долговременной моей службы „и наступившей старости уволить отъ оной, и въ воздаяніе „вышедонесенной шестидесятилѣтней безиорочной моей службы „наградить меня, противъ сверстниковъ моихъ Тимофея Грекова „и Михаила Паздѣева, кои получили при отставкѣ чины Бри„гадирскіе чиномъ Бригадирскимъ же и орденомъ Св. Равноапостольнаго князя Владиміра.“ Достойно замѣчанія, что атаманъ не только не отказалъ въ этой смѣлой просьбѣ Грекову, но даже счелъ долгомъ ходатайствовать о немъ предъ начальствомъ. Вотъ что писалъ онъ поэтому случаю князю Потемкину: „первостепенный и заслуженный Войска Донскаго войсковой

старшина Макаръ Грековъ, въ поданной ко мнѣ на Высочайшее имя челобитной, просить о снабженіи его, по наступившей старости, отъ воинской службы увольненіемъ и о награжденіи его за отлично долговременную службу чиномъ Бригадирскимъ и орденомъ св. Равноапостольнаго Князя Владиміра. Поставляю должностію означенную челобитную представить высокому Вашей свѣтлости обозрѣнію со всенижайшимъ испрашиваніемъ, дабы ваша свѣтлость удостоили принять оказанныя симъ первостепеннымъ и посвятившимъ почти всю свою жизнь къ вѣрноподданическому усердію и ревности войсковымъ старшиною отлично долговременныя и безпорочныя заслуги, (къ коимъ, не смотря на созрѣлыя уже лѣта свои охотно онъ стремится, но твердости духа и сложенія его, еще и нынѣ) въ милостивое уваженіе, доставя ему въ правильное воздаяніе похвальной и отличной 60-ти лѣтней его службы, просимые имъ Бригадирскій чинъ и Владимірскій орденъ, дабы таковою Монаршею милостію и благоволеніемъ, какъ сей престарѣлый и заслуженный старшина имѣлъ счастіе достойно воспользоваться, такъ побуждаемы бы здѣсь были и прочіе подобные, къ соревнованію по службѣ и неутомимой бодрости.“ Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвела на князя Потемкина эта единственная въ своемъ родѣ просьба донскаго старшины, но изъ актовъ видно, что представленіе о немъ повторено было атаманомъ въ слѣдующемъ 1784 году. Между тѣмъ какъ М. Н. Грековъ терпѣливо ожидалъ себѣ увольненія отъ службы, войсковой атаманъ пригласилъ его командовать донскою бригадою, подъ начальствомъ Суворова, въ походѣ Донцовъ противъ Нагайцевъ. Семидесятивосьмилѣтній старецъ съ удовольствіемъ принялъ лестное для него предложеніе и въ окончательной борьбѣ съ татарами поддержалъ прежнюю свою славу—храбраго вождя Донцовъ. Но вѣроятно, это былъ уже послѣдній его подвигъ на военномъ поприщѣ. Годъ кончины этого первостепеннаго старшины намъ неизвѣстенъ.

ГОЛОВЪ, Алексѣй, принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которые служатъ отечеству вѣрою и правдою, мало за-

ботясь о наградахъ за оказанныя ими заслуги. Сынъ бѣднаго старшины, Головъ рано почувствовалъ влеченіе къ военной службѣ, и въ 1755 году, имѣя не болѣе 15 лѣтъ отъ роду былъ ужо произведенъ полковымъ есауломъ за отличіе въ сраженіяхъ съ Башкирцами и Киргизами, дѣлавшими тогда грабежи и разбои около Оренбурга. Но, послѣ похода въ Пруссію при началѣ семилѣтней войны, Головъ, неизвѣстно почему, болѣе 10 лѣтъ провелъ дома, конечно, не безъ службы внутри Войска, отъ которой тогда никто не освобождался. Такимъ образомъ Турецкая кампанія (1768—1775 г.) была, можно сказать, единственнымъ поприщемъ военныхъ подвиговъ Голова. Здѣсь служа безпрерывно около 6 лѣтъ, съ честію участвовалъ онъ во многихъ сраженіяхъ съ непріятелемъ. Командированный сначала въ польшу, Головъ въ прежнемъ чинѣ есаула, находился при разбитіи казаками Гайдамацкихъ партій у мѣстечекъ: Матронина, Смѣлова и Лысянки (1769). Вскорѣ переведенный отсюда въ первую арміо, расположенную въ Молдавіи, Головъ сражался зъ слѣдующемъ году съ Татарами при Фальчѣ у Рябой Могилы (на р. Прутѣ) и въ генеральной битвѣ при Ларгѣ (7-го іюля 1770,) гдѣ за отличное мужество получилъ отъ фельдмаршала Румянцова чинъ войсковаго старшины и дазачій полкъ въ свою команду. Поступивъ за тѣмъ въ отрядъ генерала Вейсмана, Головъ, по свидѣтельству этого славнаго русскаго полководца, составлялъ у него съ полкомъ своимъ передовую стражу, первый открывалъ сраженіе съ непріятелемъ и имѣлъ счастіе храбростію своею и неусыпною бдительностію принесть существенную пользу отряду. Вотъ нѣсколько случаевъ, служащихъ тому доказательствомъ: 20 октября 1771 года, при быстромъ наступленіи Вейсмана къ г. Тульчѣ, когда непріятель ретируясь безпокоилъ нашу пѣхоту, Головъ съ полкомъ своимъ, при эскадронѣ гусаръ, съ такою стремительностію ударилъ на Турокъ, что послѣдніе разбитые на голову, искали спасенія въ бѣгствѣ, оставивъ въ рукахъ казаковъ одно знамя и пушку. На другой день, 21-го октября, когда отважвый Вейсманъ пошелъ изъ Тульчи прямо на верховнаго визиря,

стоявшаго при г. Бабадагѣ, Головъ съ полкомъ своимъ первый напалъ на вышедшую изъ лагеря турецкую конницу и, послѣ долгаго упорнаго сопротивленія Турокъ, подкрѣпленный двумя эскадронами гусаръ, успѣлъ сбить ихъ и прогнать къ своимъ батареямъ, стоявшимъ на берегу болота, которое окружало непріятельскій лагерь; тутъ также казаками отбито было 3 знамя. Чрезъ два дня потомъ 24 октября, подъ Исакчею, Головъ, по приказанію Вейсмана, догналъ отступавшую изъ города турецкую кавалерію, врубился въ нее съ казаками, покололъ многихъ Турокъ, остальныхъ гналъ около 4-хъ верстъ до самого лѣсу, при чемъ взялъ не малое число плѣнныхъ и 1 знамя.

Не менѣе блистательны были подвиги Голова въ кампанію 1773 года. По смерти Вейсмана, убитаго въ сраженіи при Кучукъ-Кайнарджи, Головъ съ полкомъ своимъ поступилъ въ составъ 3-й дивизіи подъ начальство генералъ-иоручика барона Унгерна но, почти все время, дѣйствовалъ противъ непріятельскихъ партій отдѣльно, вмѣстѣ съ другимъ донскимъ полкомъ преміеръ-маіора (впослѣдствіи знаменитаго графа) Ѳед. Петр. Денисова. Трудно было бы повѣрить чудесамъ храбрости, произведеннымъ этими полками, если бы все сдѣланное ими не подтверждалось единогласными свидѣтельствами генераловъ Унгерна и Чорбы. Мы приведемъ здѣсь только самые замѣчательные ихъ подвиги. 11-го августа 1773 г. Денисовъ и Головъ разбили значительную непріятельскую партію у р. Карамурата, захвативъ 7 челов. въ плѣнъ; 20 августа имѣли удачное сраженіе съ Турками между рѣчекъ Тангриверда и Хазаивата; 16-го сентября, при Кюстенжи нанесли сильное пораженіе Черкесъ-пашѣ, отбивъ у него 4 знамя; 30 числа, при слѣдованіи къ Бабадагу Сераскиръ-паши, прогнали передовой его отрядъ отъ р. Хазаивата; а 1-го октября, перехвативъ ему дорогу у Чехтайскаго моста, опять вторично разбили, принудивъ возвратиться въ мѣстечко Карасу, гдѣ расположенъ былъ турецкій лагерь. Тутъ чтобы заманить Турокъ въ полѣ, Денисовъ употребилъ хитрость: съ небольшимъ числомъ казаковъ

подъѣхалъ онъ, 15-го октября, подъ самый ихъ лагерь, и когда турецкая конница, подъ начальствомъ Черкесь-паши, кинулась въ атаку на казаковъ, Денисовъ притворился бѣгущимъ назадъ за Карамуратъ; но лишь только Турки отошли отъ лагеря на значительное разстояніе, какъ вдругъ, скрывавшійся въ засадѣ съ обоими полками Головъ, ударилъ на нихъ съ такою силою, что мгновенно опрокинулъ толпы ихъ и, преслѣдуя, положилъ на мѣстѣ до 50 человѣкъ, при чемъ взято было 7 Турокъ въ плѣнъ. На третій день, 17 октября, желая загладить свое пораженіе, Турки подъ начальствомъ двухъ пашей, рѣшились въ превосходныхъ силахъ атаковать Денисова и Голова, но и тутъ, послѣ жаркаго сраженія, были разбиты Донцами на голову: 4 пушки, 10 знаменъ, оба паши и посемьсотъ пѣшихъ Янычаръ составляли трофеи побѣдителей. Въ слѣдъ за этимъ дѣломъ, 23-го числа, взято было приступомъ укрѣпленное турецкое мѣстечко Базарджикъ. Послѣ того Головъ имѣлъ случай не однажды отличиться при рекогносцированіи и штурмѣ Варны (26, 29 и 30 октября), а во время перехода нашихъ войскъ обратно черезъ Дунай, онъ, вмѣстѣ съ Денисовымъ, прикрывалъ отъ непріятеля переправу христіанъ, взятыхъ изъ турецкихъ селеній, и плѣнныхъ Турокъ.

Между тѣмъ какъ Головъ пробылъ 6 лѣтъ на войнѣ, родители и ближніе родственники его умерли, а имѣніе, какое было, пришло въ упадокъ. Это обстоятельство было причиною, что Головъ, неполучившій никакаго вознагражденія за свои подвиги, подалъ въ февралѣ 1774 г. прошеніе фельдмаршалу о уволненіи его домой „для поправленія своихъ экономіи.“ Съ тѣхъ поръ, по прибытіи на Донъ, Головъ прожилъ опять 10 лѣтъ въ покоѣ, и только въ 1783 году, на короткое время, наряженъ былъ съ полкомъ къ г. Перекопу, въ числѣ 5-ти донскихъ полковъ, подъ начальствомъ его прежняго товарища Денисова, бывшаго тогда уже походнымъ атаманомъ, полковникомъ отъ арміи и кавалеромъ ордена св. Георгія. Не получивъ и за этотъ походъ никакой награды и видя, что многіе младшіе по службѣ старшины опередили его чинами, Головъ, по

совѣту товарищей, рѣшился въ 1784 году подать прошеніе къ атаману Иловайскому, въ которомъ, напомнивъ кратко о своихъ прежнихъ заслугахъ, просилъ исходатайствовать ему за то, по крайней мѣрѣ, чинъ преміеръ-маіора. Вотъ что, между прочимъ, писалъ по этому случаю Иловайскій князю Потемкину: „представляя при семъ въ высокое обозрѣніе Вашей свѣтлости оригиналомъ поданное ко мнѣ отъ полковника Алексѣя Голова доношеніе съ приложеніемъ въ копіяхъ данныхъ ему отъ разныхъ командовавшихъ персонъ аттестатовъ, обязываюсь должностію доложить Вашей свѣтлости, что сей храбрый и исправный полководецъ какъ за продолжаемую имъ съ 755 года воинскую службу, такъ особливо за многіе мужественные его по службѣ и въ пораженіяхъ непріятеля труды и подвиги, по коихъ подробно свидѣтельствуется въ помянутыхъ аттестатахъ, заслуживаетъ просимое имъ награжденіе.“ Въ іюлѣ того же года Головъ пожалованъ былъ чиномъ преміеръ-маіора, какъ сказано въ ордерѣ Потемкина, за добропорядочную службу и храбрые поступки противъ непріятеля. Къ сожалѣнію, ни мѣсто родины, ни годъ смерти этого „храбраго, попечительнаго и достойнаго воина“ намъ не извѣстны.

ДАВЫДОВЪ, Михаилъ Ивановичъ, родился въ 1747 году. Отецъ его, природный грузинъ, неизвѣстно почему переселившійся изъ Имеретіи на Донъ, былъ вѣроятно, знатнаго происхожденія, потому, что 19 лѣтній Давыдовъ, при поступленіи въ Войско Донское въ 1766 году, принятъ прямо старшимъ есауломъ—чинъ въ то время значительный. Кратковременна была жизнь Давыдова, но за то ознаменована военными подвигами, доставившими ему мѣсто въ ряду храбрыхъ донскихъ старшинъ. Блистательнымъ поприщемъ его службы была турецкая кампанія (1767—1774 г.) Въ 1769 году, во время перваго приступа къ Бендерамъ, состоя во 2 арміи подъ командою извѣстнаго генералъ-маіора Зорича, Давыдовъ отличился необыкновенною храбростію: подъ нимъ убито было двѣ ло-

шади, нога его прострѣлена пулею, а голова пробита сабельнымъ ударомъ. Ивлечившись отъ ранъ Давыдовъ снова пошелъ на войну. Въ 1770 году, командированный съ партіею казаковъ къ Аккерману, онъ имѣлъ удачное дѣло съ бѣлградскими Татарами. Вскорѣ послѣ взятіи Бендеръ, въ 1772 году Давыдовъ переведенъ былъ въ 1-ю армію; поступивъ въ отрядъ полковника Мисюрева, въ 1773 г. онъ разбилъ съ казаками непріятельскую партію за Дунаемъ, при мѣстечкѣ Кадикѣ, и взялъ въ плѣнъ 5 челов. Турокъ; на другой день, по соединеніи съ Мисюревымъ, атакованный, при мѣстечкѣ Черноводахъ многочисленнымъ числомъ пѣхоты и конницы турецкой, Давыдовъ сражался цѣлый день, оказалъ чудеса храбрости, и собственными своими руками взялъ въ плѣнъ 2-хъ человѣкъ. Въ 1774 году Давыдовъ участвовалъ въ сраженіи съ Турками подъ Турною, и вскорѣ потомъ, командированный, вмѣстѣ съ преміеръ-маіоромъ Гоцемъ, къ деревнѣ Опретинѣ, разбилъ и прогналъ находившагося въ ней непріятеля. Въ этомъ же году Давыдовъ находился подъ Рущукомъ „при всѣхъ шермиціяхъ и вылазкахъ непріятельскихъ,“ въ числѣ первыхъ сражающихся: тутъ подъ нимъ была убита лошадь, а лѣвая рука прострѣлена пулею. Рана эта, однакожь, не помѣшала ему оказать въ скоромъ времени еще новое отличіе: посланный съ командою для рекогносцированія Рущука полковникъ Фабрицанъ внезапно былъ атакованъ при деревнѣ Пулѣ многочисленнымъ непріятелемъ, сдѣлавшимъ вылазку изъ крѣпости; въ эту критическую минуту Давыдовъ прискакалъ съ казаками на помощь и, „не однократнымъ стремленіемъ, поражая самъ поединщиковъ, обратилъ ихъ въ бѣгство,“ лишившись снова одной лошади подъ собою. Послѣ того онъ съ казаками охранялъ пикетами находившуюся въ нашихъ рукахъ крѣпость Журжу. Замѣтивъ, что Турки переправились, 9-го апрѣля, въ значительныхъ силахъ отъ Рущука на близъ лежащій къ Журжѣ островъ, Давыдовъ рѣшился, вмѣстѣ съ полковникомъ Яновскимъ, предупредить ихъ нападеніе: переплылъ туда на лодкахъ съ казаками, внезапно напалъ на непріятеля, выгналъ его, и въ произшедшей

здѣсь жаркой схваткѣ, (по его словамъ) „имѣлъ счастіе оказать противъ прочихъ отмѣнную храбрость.“ Въ 1775 г. возмутилась тысячная команда запорожскихъ казаковъ; Давыдовъ, по приказаніе полковника Бедряги, съ одними Донцами усмирилъ ее и привелъ въ повиновеніе, успѣвъ предварительно занять „тайно приготовленныя запорожцами при устьѣ Днѣпра лодки съ артиллеріею.“ За эти подвиги мужества и неустрашимости Давыдовъ произведенъ былъ, по окончаніи кампаніи, въ 1776 году въ полковники Войска Донскаго. Въ 1780—1782 годы Давыдову, вмѣстѣ съ полковниками Ребриковымъ и Андроновымъ, поручено было войсковымъ атаманомъ Иловайскимъ охранять донскія границы по р. Кагальнику отъ набѣговъ горцевъ и Татаръ; въ слѣдующемъ за тѣмъ 1783 г., во время возмущенія Нагайцевъ, онъ участвовалъ въ пораженіи Татаръ нашими войсками, подъ начальствомъ Суворова, при р. Лабѣ, отличился храбростію, и отъ вновь полученныхъ ранъ скончался (въ 1784 г.) 37 лѣтъ отъ роду.

КОЛПАКОВЪ, Карпъ Ерофѣевичъ, сынъ есаула Раздорской станицы (на Дону), родился въ 1721 году. Начавъ службу съ 1737 года, Колпаковъ провелъ нѣсколько лѣтъ на Кубани, въ битвахъ съ горцами. По прибытіи на Донъ, онъ командированъ былъ, въ 1742 году, въ Финляндію, гдѣ во время кратко-временной шведской кампаніи, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ съ непріятелемъ. Возвратившись домой въ чинѣ хорунжаго, Колпаковъ поступилъ въ войсковую канцелярію и здѣсь въ короткое время оказалъ такія способности къ дѣламъ, что вскорѣ избранъ былъ войсковымъ дьякомъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ, за отличіе по этой должности, награжденъ чиномъ войсковаго старшины. Кромѣ своей дьяческой обязанности, Колпаковъ исправлялъ съ успѣхомъ и другія, по словамъ его „нужнѣйшія коммисіи по Войску.“ Впрочемъ не мирная служба за гражданскими дѣлами, а война была родною стихіею Колпакова. Въ 1761 году, когда уже семилѣтняя война при-

блажалась къ концу, Колпаковъ взялся опять за оружіе, пошелъ съ полкомъ въ Пруссію, и тамъ, при первой стычкѣ съ непріятелемъ близъ мѣстечка *Костяны*, (въ іюлѣ того же года), пораженіемъ отряда прусскихъ гусаръ доказалъ, что онъ владѣлъ саблею также искусно, какъ и перомъ. Поступивъ затѣмъ въ корпусъ графа Румянцева, осаждавшій тогда Колбергъ, Колпаковъ вновь отличился въ сраженіи при мѣстечкѣ *Старгардъ* (въ Помераніи) и особенно при *Голнау*, гдѣ онъ съ однимъ 500 полкомъ своимъ истребилъ (1-го октября 1761 г.) прусскій транспортъ съ военными припасами, слѣдовавшій изъ Штетина къ Колбергу, подъ прикрытіемъ 2-хъ тысячнаго кавалерійскаго отряда; при чемъ отбито казаками 10 тысячь ядеръ и бомбъ. Въ награду за этотъ блистательный подвигъ Колпаковъ получилъ отъ фельдмаршала Бутурлина только сто прусскихъ талеровъ.

Кончина императрицы Елисаветы была причиною, что побѣдоносныя войска наши сдѣлались вдругъ изъ враговъ союзниками Пруссаковъ. По повелѣнію Императора Петра III, корпусъ графа Чернышева двинулся на помощь Фридриху Великому, сражавшемуся тогда съ Австрійцами. Только два донскихъ полка Денисова и Колпакова состояли въ корпусѣ Чернышева; но Фридрихъ такъ былъ доволенъ ихъ храбростію, что, при прощаніи, въ іюнѣ 1762 года хотѣлъ было наградить полковниковъ Денисова и Колпакова золотыми медалями (съ своимъ потретомъ) (94). Какъ не лестно казалась эта награда для Донцовъ, однакожъ, дорожа по тогдашнему обычаю, всего болѣе письменными о себѣ отзывами важныхъ лицъ, Колпаковъ и Денисовъ просили лично короля выдать имъ, вмѣсто медалей, аттестаты о ихъ службѣ, за своею королевскою подписью. Фридрихъ охотно на это согласился и далъ имъ обоимъ похвальныя свидѣтельства. Вотъ что написано въ аттестатѣ Колпакова (переведенномъ съ нѣмецкаго тогдашнимъ секретаремъ государственной коллегіи Краузольдомъ): „Понеже у Его Королевскаго Величества Прусскаго нашего Всемилостивѣйшаго Короля и Государя, казацкой полковникъ Карпъ Колпаковъ,

который съ Императорскими Россійскими вспомогательными войсками при арміи Его Королевскаго Величества служилъ, всенижайше просилъ, чтобъ Его Величество всемилостивѣйше соизволилъ о добропорядочныхъ его чрезъ то время поступкахъ аттестатъ пожаловать, на которое его прошеніе Его Величество и склонился. Того ради Высочайше симъ и силою сего засвидѣтельствуетъ, что упомянутый казацкій полковникъ Карпъ Колпаковъ чрезъ все время своей при арміи службы при случающихся оказіяхъ, какъ храбрый офицеръ себя содержалъ и оказалъ. Во увѣреніе наибольшаго сего утвержденія Его Королевское Величество сей аттестатъ собственноручно подписалъ и своею печатью укрѣпить повелѣлъ, еже учинено и дано Берлинъ, іюня 17 дня 1762 года.

Подписано: „Фридрихъ Король.“

Турецкая кампанія (1768—1776 г.) представила Колпакову случай вновь отличиться на военномъ поприщѣ. Состоя въ корпусѣ генералъ-поручика Берга, Колпаковъ съ полкомъ своимъ участвовалъ съ честію въ пораженіи Татаръ во время похода къ Сивашу въ 1769 году, въ сраженіи подъ Перекопомъ въ 1770 г.; въ разбитіи турецкой арміи близъ Кафы 14-го іюня 1771 г. и при взятіи этого города. Но особенно Колпаковъ совершилъ отличный подвигъ въ началѣ кампаніи: осенью 1769 г. поставленный, по распоряженіе начальства, съ командою казаковъ на вершинахъ рѣки Калміуса, для охраненія одного изъ самыхъ важныхъ постовъ, Колпаковъ узналъ однажды, что татарская партія, въ числѣ 537 человѣкъ, подъ начальствомъ знатнѣйшаго изъ крымскихъ мурзъ Шатемиръ-Аги, слѣдуетъ по р. Торцѣ, намѣреваясь ворваться въ наши предѣлы; не мало не медля, Колпаковъ взялъ 200 казаковъ, погнался за Татарами и настигнувъ ихъ, 14-го ноября, не далеко отъ Торца, разбилъ на голову, при чемъ сто Татаръ положено на мѣстѣ, одинъ взятъ въ плѣнъ: самъ Шатемиръ-Ага, вмѣстѣ съ славнымъ наѣздникомъ своимъ Хозбогачемъ, палъ отъ руки храбраго старшины. Этимъ рѣшительнымъ пораженіемъ Колпаковъ навелъ такой страхъ на Татаръ, что они послѣ того,

во вое продолженіе кампаніи, не осмѣливались болѣе вторгаться въ донскія владѣнія. Въ 1772 году, по прошенію, Колпаковъ уволенъ былъ за ранами въ отставку.

Изъ сохранившихся при дѣлахъ актовъ видно, что Колпаковъ въ свое время пользовался большою извѣстностію на Дону. Фельдмаршалы: Голицынъ, Бутурлинъ и Чернышевъ, въ аттестатахъ, данныхъ Колпакову, единогласно называютъ его храбрымъ и искуснымъ предводителемъ казаковъ. Графъ Чернышевъ нарочно даже прислалъ въ 1762 году изъ Пруссіи письмо войсковому атаману Ефремову, въ которомъ, отдавая справедливость отличнымъ заслугамъ Колпакова и Денисова, просилъ его оказывать обоимъ имъ „за ревностную ихъ службу должное почтеніе.“

КУТЕЙНИКОВЪ, Ефимъ Дмитріевичъ, родился въ 1725 г. въ Черкаскѣ, принадлежитъ къ числу замѣчательно-храбрыхъ старшинъ Войска Донскаго. Первоначальная жизнь его мало извѣстна. Изъ актовъ видно только, что онъ былъ сынъ старшины, пятнадцати лѣтъ вступилъ въ службу и въ 1746 году, подъ начальствомъ славнаго Краснощокова совершилъ первый походъ въ Лифляндію, пробывъ тамъ пять лѣтъ въ чинѣ походнаго есаула. Въ 1754 году Кутейниковъ наряженный въ зимовой станицѣ въ Москву, для принятія обыкновеннаго жалованья Войску Донскому, расторопностію своею обратилъ на себя вниманіе войсковаго атамана Данилы Ефремовича Ефремова, который вскорѣ назначилъ его есауломъ своей сотной команды „состоявшей тогда изъ лучшихъ людей всего Войска.“ Возвышеніе это имѣло замѣтное вліяніе на судьбу молодаго воина. Съ тѣхъ поръ, желая оправдать выборъ атамана, Кутейниковъ старался всѣми силами отличиться въ глазахъ своихъ товарищей, хотя обстоятельства несовсѣмъ тому благопріятствовали. Войны заграничной тогда не было, а всегдашніе сосѣдніе враги Донцовъ Татары и Черкесы вели себя довольно смирно. Тѣмъ не менѣе однакожъ Кутейниковъ, „часто употребля-

лсь во всякія нужныя секретныя посылки,“ неоднократно удостоивался похвалъ атамана, за успѣшное исполненіе его порученій. Такъ однажды посланный къ Кубанскому сераскиру, „для развѣдыванія о намѣреніяхъ тамошнихъ народовъ,“ Кутейниковъ, кромѣ нужныхъ свѣдѣній, привезъ еще на Донъ шесть русскихъ солдатъ, томившихся нѣсколько лѣтъ въ плѣну у Татаръ.

Во время семилѣтней войны, Кутейниковъ участвовалъ въ поголовномъ походѣ казаковъ въ Пруссію, находясь неотлучно при атаманѣ; сражался въ Гроссъ-Егерндорфской битвѣ (1757 г.), отличился храбростію и, по возвращеніи на Донъ произведенъ былъ въ войсковомъ кругу войсковымъ есауломъ, чрезъ годъ старшиною (1761), а вскорѣ потомъ назначенъ походнымъ атаманомъ *легкой* станицы въ Москву. Принявъ въ свое вѣдѣніе полкъ, Кутейниковъ, въ продолженіи пяти лѣтъ, служилъ большею частію на границахъ Дона: то въ волновавшейся тогда Калмыцкой ордѣ, „для узнанія о ея намѣреніяхъ“ (1763), то на Мусѣ для предосторожности отъ крымскихъ Татаръ (1764), то на Кубани „для отвращенія отъ Дона Дербетевской орды „(1765), то, наконецъ, внутри войска,“ для сыску бѣглыхъ великороссійскихъ крестьянъ„—которыхъ множество поймано и выслано имъ въ Черкаскъ. Такая служба въ то время была общею для всѣхъ старшинъ и, по причинѣ частыхъ безпокойствъ отъ сосѣднихъ народовъ, столько же нужною, какъ и заграничная.

Турецкая кампанія (1768—1774), столь счастливая для русскаго оружія, была самымъ лучшимъ поприщемъ въ жизни Кутейникова. Немедленно, по объявленіи на Дону поголовнаго ополченія противъ Турокъ, Кутейниковъ съ 500 полкомъ отправился въ Бахмутскую провинцію, гдѣ поступилъ подъ начальство генералъ-маіора Романіуса, стоявшаго съ отрядомъ войскъ въ Бахмутѣ. Здѣсь къ полку его присоединено было еще 300 казаковъ. Оберегая постами и пикетами этотъ городъ отъ внезапныхъ нападеній непріятеля, онъ совершилъ здѣсь первый замѣчательный подвигъ. Весною 1769 года сильное

скопище Татаръ напало неожиданно на окреетные бахмутскія селенія, ограбило ихъ и, забравъ въ плѣнъ жителей съ имуществомъ, устремилось прямо на Бахмутъ. Получивъ извѣстіе о грозящей опасности, Кутейниковъ тотчасъ собралъ полкъ и „неустрашась многочисленнаго и вѣроломнаго непріятеля,“ пошелъ къ нему на встрѣчу, атаковалъ мужественно и въ кровопролитномъ бою разбилъ его на голову, отбивъ всѣхъ плѣнныхъ; 4 татарина были живьемъ представлены имъ своему командиру. Въ томъ же году, Кутейниковъ поступилъ съ полкомъ своимъ въ составъ 2-ой арміи, осаждавшей тогда, подъ начальствомъ графа Панина, Бендеры. Осада длилась довольно долго; Турки дѣлали частыя вылазки; бремя аванпостной службы лежало на казакахъ. Тутъ Кутейниковъ съ полкомъ своимъ нѣсколько разъ отличался. Однажды, посланный съ казаками для рекогносцированія крѣпости, онъ быстро успѣлъ отрѣзать только что вышедшій изъ ней „отрядъ конныхъ Турокъ и пѣшихъ янычаръ,“ атаковалъ его съ такою стремительностію, что Турки, пораженные паническимъ страхомъ, бросались въ Днѣстръ и тамъ погибали. Личная благодарность главнокомандующаго и не въ зачетъ годовое жалованье (100 руб.) были наградою Кутейникова за это блистательное дѣло. Въ слѣдующемъ 1770 году, во время неоднократныхъ приступовъ къ Бендерамъ, Кутейниковъ, „стоя съ полкомъ близъ нижняго форштадта, имѣлъ ежедневныя сраженія съ турецкою конницею,“ а за нѣсколько дней до взятія крѣпости, посланный съ 300 казаковъ къ Бѣлграду для развѣдыванія о непріятелѣ, онъ разбилъ, подъ городскими стѣнами, турецко-татарскую партію, вогналъ ее въ городъ и 22 человѣка плѣнныхъ привезъ въ лагерь. Предъ начатіемъ окончательнаго штурма Бендеръ, вечеромъ 15-го сентября 1770 года Кутейникову съ полкомъ его досталось стоять подъ самыми крѣпостными валами: „всю ночь терпѣлъ онъ съ казаками отъ выстрѣловъ непріятельскихъ“: но на разсвѣтѣ—лишь только показался изъ города непріятель—Кутейниковъ быстро ударилъ на него, обратилъ въ бѣгство, и въ преслѣдованіи, „рубя и коля Турокъ, истребилъ до послѣд-

нлго", взяты были, при началѣ боя, только 2 байрахтара (знаменщика), для представленія ихъ вмѣстѣ съ знаменами, торжествующему покорителю Бендеръ.—Не менѣе счастливо служилъ Кутейниковъ и въ открывшуюся за тѣмъ крымскую кампанію. Здѣсь, по словамъ самаго главнокомандующаго князя Долгорукова, онъ „оказалъ особливые подвиги храбрости и неустрашимости", при переходѣ русскихъ войскъ чрезъ Сивашъ, въ сраженіи подъ Перекопомъ, при штурмѣ этого города и разбитіи турецкой арміи подъ Кафою (въ іюнѣ 1771); „во всѣхъ этихъ сраженіяхъ, по отзыву бригадира Бринка, Кутейниковъ сражался весьма храбро и отъ прочихъ отлично, употреблялъ себя во всѣ опасныя мѣста, какъ бравому воину надлежитъ, и его стараніемъ отбито у непріятеля знаменъ: при первомъ сраженіи одно, при второмъ два, а при послѣднемъ пять." Подъ Кафою подъ нимъ была убита лошадь. Золотая медаль на шею служила наградою храбраго старшины за оказанные имъ подвиги; кромѣ того, изъ уваженія къ его заслугамъ, молодой сынъ его Степанъ Кутейниковъ, произведенъ былъ изъ казаковъ прямо въ есаулы.

Въ 1774 году Кутейниковъ, за болѣзнію, уволенъ домой, но вскорѣ, по прибытіи въ Черкаскъ, избранъ на балотировкѣ *годовымъ* судьею въ войсковое гражданское правительство, и при исполненіи этой должности удостоенъ за труды, вмѣстѣ съ другими членами, „признательнѣйшей благодарности" князя Потемкина. Въ 1776 году онъ командированъ съ 500 полкомъ на Кубань гдѣ въ слѣдующемъ году, назначенъ походнымъ атаманомъ въ поголовномъ ополченіи Донцовъ противъ Нагайцевъ и Черкесъ намѣревавшихся тогда сдѣлать нападеніе на Донъ. Съ тѣхъ поръ Кутейниковъ до конца своей многолѣтней службы сохранилъ постоянно званіе походнаго атамана. Въ 1778 году онъ командовалъ всѣми донскими полками въ Польшѣ, а чрезъ годъ—на вновь заведенной Моздокской линіи, имѣя здѣсь случай неоднократно участвовать въ бояхъ съ горцами.

Ефимъ Дмитріевичъ Кутейниковъ, по свидѣтельству корпус-

ныхъ командировъ, былъ трудолюбивый, дѣятельный и рачительный по службѣ начальникъ. Старшій сынъ его, Степанъ Ефимовичъ (о которомъ выше сказано), былъ въ послѣдствіи генералъ-маіоромъ, а младшій, Дмитрій Ефимовичъ—знаменитымъ сподвижникомъ графа Платова въ отечественную кампанію, генераломъ отъ кавалеріи и наказнымъ атаманомъ войска Донскаго (съ 1826 по 1836 годъ).

МАШЛЫКИНЪ, Василій Акимовичъ, родился въ 1724 г. Дошедшія до насъ свѣдѣнія о жизни Машлыкина, къ сожалѣнію, весьма кратки, но судя и по этимъ не многимъ свѣдѣніямъ нельзя не отнести его къ числу замѣчательныхъ старшинъ Войска Донскаго.

Въ 1738 году, будучи четырнадцати—лѣтнимъ мальчикомъ, Машлыкинъ рѣшился идти на службу съ отцомъ своимъ въ Крымъ, куда послѣдній командированъ былъ съ полкомъ во время тогдашней турецкой кампаніи. Когда въ томъ же году храбрый полковникъ Акимъ Машлыкинъ былъ убитъ при взятіи города Перекопа, фельдмаршалъ Лассій изъ уваженія къ его заслугамъ, произвелъ малолѣтняго сына его въ старшины и тогда же отдалъ ему въ командованіе полкъ отца, въ надеждѣ, что онъ сдѣлается достойнымъ его пріемникомъ. Впослѣдствіи Машлыкинъ вполнѣ оправдалъ доброе мнѣніе о себѣ знаменитаго полководца.

Первая служба Машлыкина почти вовсе не извѣстна. Изъ рапорта его только видно, что въ 1740—1744 годахъ онъ находился съ командами казаковъ и калмыкъ по рр. Тузлову и Міусу, для предосторожности отъ набѣговъ Татаръ, и что, послѣ того, въ продолженіе 9 лѣтъ (1745—1754) онъ совершилъ три похода въ Лифляндію, командуя 4-мя донскими полками. Можно сказать, что извѣстность, пріобрѣтенная Машлыкинымъ въ рядахъ Донцовъ на ратномъ полѣ, ограничивается только одною семилѣтнею войною, гдѣ онъ имѣлъ случай нѣсколько разъ отличиться.

Въ 1767 году (по присоединеніи 16,000 казаковъ и калмыкъ къ русской арміи, приблизившейся къ границамъ Пруссіи), Машлыкинъ съ Донцами посланъ былъ фельдмаршаломъ Апраксинымъ для полученія вѣрныхъ извѣстій о непріятелѣ, который, по слухамъ, находился въ недальнемъ разстояніи отъ р. Прегеля. 14-го августа, при *Инстербургѣ*, Машлыкинъ неожиданно наткнулся на многочисленную прусскую кавалерію, которая въ свою очередь искала нашей арміи, и въ произшедшемъ здѣсь ораженіи, не смотря на чрезмѣрное неравенство силъ, поддержалъ честь русскаго оружія давъ въ первый разъ почувствовать Пруссакамъ силу казацкихъ пикъ. Это авангардное дѣло было счастливымъ предвѣстникомъ славной Гроссъ-Егерндорфской побѣды (19 августа 1757 г.) спустя 4 дня одержанной русскими войсками надъ Пруссаками. Тутъ Машлыкинъ, командуя казаками, состоявшими по флангамъ 2-й дивизіи, весьма много содѣйствовалъ успѣху сраженія, а по окончаніи битвы, преслѣдуя разбитаго непріятеля, успѣлъ захватить значительное число плѣнныхъ.

Возвратившись на Донъ, Машлыкинъ не долго прожилъ дома: проведши 1760 г. въ службѣ на кубанской степи, онъ въ слѣдующемъ 1761 году опять пошелъ съ 4-мя донскими полками въ Пруссію. Изъ Познани (гдѣ присоединенъ былъ къ нему казачій полкъ уволеннаго домой бригадира Сидора Себрякова) Машлыкинъ двинулся сперва къ Бѣлграду, а потомъ, вмѣстѣ съ отрядомъ полковника Былова, въ Силезію къ находившейся тамъ главной нашей арміи На этомъ пути Быловъ и Машлыкинъ разбили, при селеніи Валыштатѣ, прусскую дивизію; при чемъ взято было казаками, по словамъ его, не малое число плѣнныхъ. По соединеніи съ русскою арміею, Машлыкинъ вскорѣ, по предписанію фельдмаршала Бутурлина отправился къ Колбергу, осажденному тогда графомъ Румянцевымъ, для командованія казаками, вмѣсто донскаго бригадира Краснощокова. Здѣсь онъ съ честію участвовалъ „во многихъ сраженіяхъ,“ а 1-го сентября 1761 г., (состоя подъ начальствомъ полковника Бибикова), подъ городомъ *Трептау*, разбилъ

корпусъ прусскаго генерала Вернера "взявъ въ плѣнъ (какъ доноситъ онъ въ рапортѣ) знатное число рядовыхъ и самого командующаго корпусомъ Вернера со многими оберъ и унтеръ-офицерами." (95) Это блистательное дѣло, ускорившее взятіе Колберга, такъ обрадовало Румянцева, что онъ, по полученіи о семъ извѣстія, тотчасъ же написалъ Машлыкину слѣдующее: „Я, будучи доволенъ храбростію и поступкомъ вашимъ и всѣхъ подъ командою вашею бывшихъ въ сраженіи казаковъ, мое благодареніе симъ свидѣтельствую, и о семъ похвальномъ поступкѣ первою къ Ея Императорскому Величеству вѣрноподданническою моею реляціею доносить буду, съ испрошеніемъ ко всѣмъ милости и благоволенія, о чемъ подъ командою вашею казакамъ объявить изволите." За подвигъ этотъ, по представленіе Румянцова, Машлыкинъ получилъ чинъ армейскаго подполковника.

По возвращеніи на Донъ, Машлыкинъ, сколько намъ извѣстно, не былъ уже въ походахъ за границею. Въ 1766 году онъ назначенъ былъ главнымъ депутатомъ со стороны Войска, при размежеваніи земель между крѣпостью св. Дмитрія (нынѣ Ростовъ), городомъ Бахмутомъ, Донскимъ и Запорожскимъ войсками; послѣ того, 2 года (1768 и 1769), прослужилъ походнымъ атаманомъ на Царицынской линіи. Въ 1772 году Василій Акимовичъ исправлялъ нѣсколько мѣсяцовъ должность наказнаго атамана, послѣ смѣны съ атаманства Степана Ефремова, а въ 1773 году, во время пугачевскаго бунта, онъ былъ опять посланъ Войскомъ, въ числѣ 3-хъ депутатовъ, въ Санктпетербургъ, для изъявленія Императрицѣ чувствъ вѣрноподданнической преданности Донцовъ. Остальная жизнь Машлыкина намъ не извѣстна.

ПЕРФІЛОВЪ, Василій Ивановичъ, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ старшинъ прошедшаго столѣтія. Онъ родился въ 1705 году въ Бессергеневской станицѣ, лежащей въ 18 верстахъ отъ Новочеркаска. Дѣдъ его, Перфилъ Михвй-

ловичъ, былъ въ своей станицѣ первымъ старшиною, а отецъ, Иванъ Перфильевичъ, служилъ 7 лѣтъ походнымъ есауломъ при Императорѣ Петрѣ Великомъ, имѣвъ счастіе сопровождать его въ путешествіи по Западной Европѣ. Въ малолѣтствѣ, не извѣстно по какому случаю, Перфиловъ изучилъ довольно хорошо калмыцкій языкъ, разговорный и письменный; это маловажное по видимому, обстоятельство имѣло большое вліяніе на его судьбу. Перфиловъ вступилъ въ службу походнымъ толмачемъ въ 1723 году. Въ скорости ему представился случай быть полезнымъ своими свѣдѣніями въ калмыцкомъ языкѣ. Внукъ калмыцкаго хана Аюки, Дундукъ-Омбо, недовольный назначеніемъ въ наслѣдники хану дяди своего Церынь-Дундука, произвелъ въ народѣ возмущеніе и намѣревался съ своими единомышленниками перейти чрезъ Донъ, чтобы отдаться въ покровительство Турціи. Слухъ о томъ возбудилъ вниманіе войсковаго начальства. Перфиловъ посланъ былъ наказнымъ атаманомъ Фроловымъ на р. Песковатку, для полученія по сему предмету достовѣрныхъ свѣдѣній; тамъ онъ поймалъ 2-хъ калмыкъ и, узнавъ отъ нихъ о намѣреніи Дундукъ-Омбы, донесъ о томъ въ Черкаскъ, а калмыкъ отправилъ въ Царицынъ къ бригадиру Шаиордину. По этому извѣстію Донцы, вооружившись подъ предводительствомъ походнаго атамана Мартынова, воспрепятствовали переходу чрезъ Донъ Дундукъ-Омбо, не смотря на всѣ его усилія.

Съ тѣхъ поръ, опредѣленный переводчикомъ калмыцкихъ дѣлъ при Войскѣ, Перфиловъ имѣлъ случай оказать значительныя услуги отечеству. Въ 1725 году, находясь въ Грузіи, онъ однимъ увѣщаніемъ успѣлъ склонить къ покорности дотолѣ непокорнаго горскаго князя Алгирея Салгана и привелъ его къ генералъ-поручику Шереметьеву, стоявшему тогда съ войсками въ мѣстечкѣ Кумыскомъ, не далеко отъ крѣпости Честнаго Креста. Еще болѣе важное дѣло совершено было Перфиловымъ въ 1734 году. Посланный по распоряженію правительства, вмѣстѣ съ войсковымъ старшиною Даниломъ Ефремовымъ, Перфиловъ искуснымъ веденіемъ переговоровъ

весьма много содѣйствовалъ этому старшинѣ убѣдить возвратиться въ подданство Россіи помянутаго калмыцкаго хана Дундукъ-Омбо, перешедшаго съ 20,000 своихъ кибитокъ р. Кубань и уже совсѣмъ готоваго отдаться подъ покровительство Турціи. Тутъ Перфиловъ такъ умѣлъ понравиться хану, что онъ даже поручилъ ему подъ руководство молодаго сына своего Галданъ-Норбу; вскорѣ Перфиловъ произведенъ, былъ въ чинъ походнаго есаула и, по ходатайству хана, назначенъ калмыцкимъ приставомъ (судьею). Руководимый правилами честности и справедливости въ отправленіи этой почетной въ то время должности, Перфиловъ, при благосклонности хана, умѣлъ пріобрѣсть всеобщую къ себѣ довѣренность калмыкъ и сдѣлался, такъ сказать, душою всѣхъ ихъ предпріятій.

Въ 1736 году, при началѣ турецкой кампаніи (въ царствованіе Анны Іоанновны), Перфиловъ, вмѣстѣ съ Галданомъ, предводя калмыцкимъ войскомъ, разбилъ за р. Кубанью славнаго нагайскаго князя Азаматъ Мурзу, разорилъ его аулы и взятіемъ въ плѣнъ татарскихъ женъ и дѣтей доставилъ богатую добычу хану. Въ томъ же году, во время осады Азова, упорно сопротивлявшагося нашимъ войскамъ, Перфиловъ, по приказанію войсковаго атамана Ефремова, собралъ все калмыцкое войско (до 25,000), двинулся съ нимъ къ Азову и внезапнымъ появленіемъ у стѣнъ его навелъ такой ужасъ на Турокъ, что крѣпость на другой же день сдалась фельдмаршалу Ласси. Въ слѣдующемъ году, по распоряженію правительства, Перфиловъ привелъ опять 15,000 калмыкъ на помощь русскимъ войскамъ въ Крымъ. Въ продолженіи всей кампаніи, начальствуя калмыцкими отрядами, Перфиловъ храбро сражался съ непріятелемъ и особенно отличился подъ городомъ Перекопомъ, гдѣ онъ разбилъ татарскую заставу и доставилъ въ нашъ лагерь двухъ плѣнныхъ мурзъ. Фельдмаршалъ подарилъ ему за этотъ подвигъ серебрянную саблю и 100 руб. денегъ.

Въ краткой біографіи считаемъ излишнимъ подробно распространяться о томъ, какъ Перфиловъ, вскорѣ по возвращеніи изъ Крыма, соединяетъ на р. Манычѣ калмыцкое войско съ

донскимъ, предводительствуемымъ славнымъ полковникомъ Краснощоковымъ, и участвуетъ въ разореніи враждебныхъ намъ татарскихъ ауловъ, лежавшихъ по сю сторону Кубани; какъ онъ въ декабрѣ 1738 года, узнавъ случайно о намѣреніи 20,000 Татаръ напасть на калмыцкій улусъ „скачетъ денно и нощно" къ калмыцкому хану въ Кизляръ для извѣщенія его объ угрожавшей опасности и какъ, получа отъ него 600 Калмыкъ, предупреждаетъ движеніе Татаръ и сильнымъ пораженіемъ одной передовой татарской партіи разстроиваетъ всѣ замыслы непріятелей, заставляя ихъ „бездѣльно" возратиться въ свои жилища, а на возвратномъ пути оттуда, по причинѣ великихъ снѣговъ, теряетъ лошадей и, идя пѣшкомъ, морозитъ свои руки, ноги и глаза, едва не ослѣпшіе отъ холоду. Замѣтимъ только коротко, что во все продолженіе службы Перфилова почти до прусской семилѣтней кампаніи не происходило на Дону и у калмыкъ ни одного важнаго похода противъ непріятелей, въ которомъ бы онъ не принималъ ревностнаго участія. Дѣятельная служба Перфилова въ 1741 году, при возшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, награждена была старшинскимъ чиномъ, который далъ ему просторъ къ дальнейшимъ чинамъ, отличіемъ на военномъ поприщѣ, но уже не съ Калмыками, а съ родными ему Донцами.

Во время прусской семилѣтней войны, въ 1759 году Перфиловъ, командированный съ полкомъ въ Польшу, по прибытіи въ мѣстечко *Оборники*, узналъ что баталіонъ прусской пѣхоты, подъ начальствомъ генералъ-доктора (96) слѣдуетъ не въ дальнемъ разстояніи на соединеніе къ своей арміи, и тотчасъ рѣшился съ 150 казаками сдѣлать на него нападеніе: Пруссаки изумленные внезапностію, были разбиты на голову; самъ генералъ-докторъ, 370 челов. пѣхоты, 800 лошадей, 3 понтона, секретная кузница и аммуниція были трофеями побѣдителя. Вскорѣ послѣ Пальцигскаго сраженія (12 іюля 1759 г.), Перфиловъ, отряженный генералъ-маіоромъ княземъ Волконскимъ, въ мѣстечкѣ Кроссенъ напалъ внезапно на прусскихъ гусаръ и карабинеръ, разбилъ ихъ и, преслѣдуя, бросился съ полкомъ

своимъ вплавь за ними чрезъ р. Одеръ, догналъ нхъ но противоположномъ берегу и поразилъ окончательно. „Двѣ пушки (говоритъ онъ самъ въ рапортѣ), 12 возовъ патронъ съ порохомъ и пули, и бочки съ тѣми же патронами, 35 возовъ печенаго хлѣба н 170 челов. плѣнныхъ приведено и отдано мною генералъ-маіору князю Волконскому". Столь же храбро сражался Перфиловъ и въ знаменитой Кунерсдорфской битвѣ, гдѣ онъ „взялъ въ плѣнъ 35 прусскихъ кирасиръ и отдалъ ихъ лично фельдмаршалу Салтыкову."

По возвращеніи русской арміи къ р. Вислѣ (въ октябрѣ того же года). Перфиловъ съ полкомъ своимъ оставленъ былъ въ мѣстечкѣ *Черковъ*, откуда вскорости проникнулъ въ Ландсбергъ, выгналъ изъ него непріятеля, захватилъ въ плѣнъ одного прусскаго поручика съ двумя гусарами и, собравъ съ этого города 6,700 руб. контрибуціи, вручилъ ихъ своему начальнику, генералъ-маіору графу Тотлебену. Въ 1760 году Перфиловъ, соединясь съ полкомъ донскаго старшины Василія Попова, переплылъ 27-го іюля Одеръ у Лейбуеа и, встрѣтившись тамъ съ непріятельскимъ аріегардомъ, притворнымъ отступленіемъ навелъ его на отрядъ генерала Тотлебена, а потомъ вдругъ, поворитившись назадъ; первый напалъ съ казаками на передовые эскадроны, опрокинулъ ихъ и гналъ нѣсколько верстъ въ безпорядкѣ: непріятель оставилъ 194 челов. убитыми н 100 гусаръ съ 3-мя офицерами, попавшимися въ плѣнъ. 3 сентября того же года Перфиловъ съ полкомъ своимъ блистательно участвовалъ въ разбитіи конницы генерала Гольца, расположенной на правомъ крылѣ прусской арміи у Одера; а въ декабрѣ соединясь съ донскими полками Попова, Луковкина и Туровѣрова, при мѣстечкѣ Старыхъ Шлагахъ, разбилъ часть корпуса генералъ-поручика Вернера, состоящую неъ гусаръ и карабинеръ. При чемъ у непріятеля взято 2 пушки, 88 человѣкъ плѣнныхъ и маіорская карета съ лошадьми.

Въ 1770 году Перфиловъ командированъ былъ съ полкомъ къ г. Пскову, но о причинахъ и послѣдствіяхъ этого похода мы не могли собрать свѣдѣній. Въ бѣдственные для Дона годы

1773 и 1774 г, когда враги тѣснили его почти со всѣхъ сторонъ, Перфиловъ, будучи уже почти семидесятилѣтнимъ старцемъ, еще разъ обнажилъ свой мечъ на защиту отечества. Въ это время крымскій ханъ Девлетъ-Гирей вознамѣрился разорить Черкаскъ, остававшійся беззащитнымъ, по случаю отсутствія войскъ въ турецкой кампаніи. Опасность была такъ велика, что наказный атаманъ Сулипъ счелъ нужнымъ укрѣпить на скоро городъ, имѣвшій вокругъ себя полуразрушенныя стѣны, и начальство надъ тысячнымъ гарнизономъ онаго ввѣрилъ (въ декабрѣ 1773 г.) Перфилову, какъ храбрѣйшему и опытнѣйшему изъ всѣхъ донскихъ старшинъ, Девлетъ-Гирей зналъ (чрезъ своихъ шпіоновъ) малочисленность гарнизона и ненадежность укрѣпленія Черкаска; однакожъ, имѣя у себя достаточную артиллерію и болѣе 20,000 войска не осмѣлился напасть на городъ, защищаемый Перфиловымъ, весьма ему извѣстнымъ; онъ только успѣлъ разорить Романовскую станицу и вскорѣ послѣ того былъ разбитъ Донцами при р. Калалахъ.

Между тѣмъ другая, еще большая опасность начала угрожать Дону. Пугачевъ со всѣми полчищами своими приближался къ его предѣламъ. Тутъ опять однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ со стороны Донцовъ является Перфиловъ. Назначенный походнымъ атаманомъ на Царицынскую линію, онъ съ своимъ 600-мъ полкомъ поспѣшно прибылъ къ Царицыну и, соединившись тамъ съ другими 8 донскими полками, весьма много содѣйствовалъ къ спасенію этой крѣпости, имѣвшей слабый гарнизонъ. Напрасно Пугачевъ три дня употреблялъ всѣ усилія, чтобы овладѣть Царицыномъ: Перфиловъ мужественно защищалъ крѣпость, а послѣ разбитія полковника Кутейникова, сдѣлалъ смѣлую вылазку съ 6-ю донскими полками и въ упорномъ бою съ измѣнниками, произшедшемъ 22 августа подъ стѣнами Царицына, не только устоялъ противъ сильнѣйшаго въ пятеро яспріятеля, но даже нанесъ ему чувствительное пораженіе и прогналъ отъ крѣпости, отбивъ значекъ и множество плѣнныхъ. Вотъ какъ отзывается о Перфиловѣ царицынскій комендантъ полковникъ Цыплстевъ: „поход-

мый атаманъ Василій Перфиловъ, будучи въ соединеніи съ прочими бывшими здѣсь донскими полками, какъ во время осады злодѣями Царицынской крѣпости, такъ и по прогнаніи отъ оной съ немалымъ урономъ, оказалъ противу изверга Пугачева мужественную крѣпости оборону и противу прочихъ поступалъ отлично и ревностно и со всякимъ къ службѣ Ея Императорскаго Величества усердіемъ.“ Соединившись на другой день съ Михельсономъ, Перфиловъ принималъ блистательное участіе въ окончательномъ разбитіи Пугачева у Сальникова завода, 25-го августа. „Въ этомъ сраженіи Перфиловъ (по засвидѣтельствованіе Михельсона) всячески оказывалъ свое усердіе, храбрость и неустрашимость и заслужилъ отмѣнную похвалу.“ Чинъ армейскаго подполковника былъ наградою Перфилову за этотъ подвигъ, едва ли не послѣдній въ его жизни на военномъ поприщѣ.

Въ оффиціальныхъ актахъ того времени уже не встрѣчается болѣе имени Перфилова. Но есть свѣжее преданіе, (слышанное нами отъ одного ночтеннаго старичка), что послѣдніи дни жизни Перфиловъ провелъ въ подвигахъ благочестія и благотворительности; много дѣлалъ вспомоществованій донскому кременскому монастырю, часто посѣщалъ его самъ, и тамъ упокоилъ кости свои, скончавшись въ глубокой старости. Признательные къ памяти доблестнаго старца иноки сняли для себя портретъ его, до сихъ поръ сохранившійся въ стѣнахъ монастыря.

Разсматривая подвиги Перфилова, нельзя не видѣть, что онъ былъ воинъ храбрый, неустрашимый, необыкновенно смѣлый и быстрый въ нападеніяхъ на непріятеля и, что всего удивительнѣе, всегда счастливый. Гдѣ бы онъ ни появлялся, вездѣ побѣда ему сопутствовала. Имя Перфилова въ свое время пользовалось извѣстностію во всей русской арміи; онъ имѣлъ похвальные аттестаты отъ четырехъ генералъ-фельдмаршаловъ: П. С. Салтыкова, А. М. Голицына, З. Г. Чернышева и знаменитаго побѣдителя Оттомановъ П. А. Румянцова-Задунайскаго; также отъ графа Панина, князя Волконскаго, генералъ-аншефа Вильбоа, генералъ-квартирмейстера фонъ-Штофельна и

генералъ-маіора Еропкина. Безъ сомнѣнія Перфиловъ могъ бы получить въ другое время и чины и награды, соотвѣтственные его заслугамъ; но не получилъ ихъ тогда потому, что въ старину Донцы, какъ мы уже замѣтили, весьма рѣдко награждались свыше старшинскаго чина, что, впрочемъ, согласовалось съ ихъ обычаями. Считаясь между собою братьями—товарищами, Донцы не терпѣли тогда въ своемъ кругу слишкомъ большаго неравенства, а служа государямъ, по чувству вѣрноподданническаго долга, не искали за трудъ вознагражденія, довольствуясь славою своихъ подвиговъ, совершенныхъ ими за вѣру, царя и отечество.

ПЛАТОВЪ Иванъ, сынъ казака, родился въ Черкаскѣ въ 1725 году. Біографія Платова замѣчательна уже по одному тому, что онъ былъ отцомъ незабвеннаго графа Матвѣя Ивановича Платова, но и собственныя его заслуги пріобрѣли ему право на почетное мѣсто въ ряду донскихъ старшинъ. Рожденный въ бѣдности отъ родителей, промышлявшихъ рыболовствомъ, Платовъ 17-ти лѣтъ вступилъ въ службу въ 1742 году и, около 40 лѣтъ, продолжалъ ее вѣрою и правдою престолу и отечеству. Сначала служилъ онъ на крымской линіи, потомъ въ остзейскихъ губерніяхъ, затѣмъ въ Грузіи и наконецъ въ Пруссіи, состоя 18 лѣтъ въ сотной командѣ войсковыхъ атамановъ Данилы и Степана Ефремовыхъ. На войнѣ, во всѣхъ случаяхъ (особенно въ сраженіи подъ Кистриномъ 4 августа 1758 года), Платовъ оказалъ отличное мужество, а въ поведеніи примѣрную честность во все продолженіе своей службы. Вѣроятно, послѣдняя отличительная черта его характера была причиною, почему Данила Евремовичъ Ефремовъ не рѣдко посылалъ его въ Петербургъ „съ нужнѣйшими и интересными по службѣ дѣлами,“ а Войско Донское избрало его для собранія важнаго въ то время подушнаго казеннаго оклада съ вольныхъ черкасеъ (малороссіянъ), поступившихъ въ число донскихъ жителей. „Безпорочная“ въ полномъ смыслѣ служба

Платова и „радѣтельные его труды,“ по послѣдней должности, были награждены двумя саблями и серебренною медалью отъ Императрицъ Елисаветы и Екатерины II.—Въ 1770 году, Платовъ, вскорѣ по производствѣ его въ старшины, посланъ былъ съ полкомъ на вновь заводимую въ то время днѣпровскую линію, и около года стоялъ въ Петровской крѣпости, защищая ее отъ непріятельскихъ набѣговъ. Въ октябрѣ 1771 года, во время конфедератской войны, командированный оттуда съ полкомъ въ Литву, Платовъ напалъ во время слѣдованія, при мѣстечкѣ *Чечерскѣ* (въ Могилевской губерніи) на значительную непріятельскую партію, предводимую Малиновскимъ, и однимъ ударомъ совершенно уничтожилъ ее: самъ предводитель попался въ плѣнъ съ многими конѣдератами, которыхъ Платовъ представилъ главнокомандующему русскими войсками генералъ-поручику Веймарну, находившемуся тогда въ Могилевѣ. Но не однимъ важнымъ дѣломъ отличилъ себя Платовъ въ эту войну: самъ онъ говоритъ въ рапортѣ своемъ, что, „кромѣ того, онъ и другихъ многихъ конфедератовъ и бунтовщиковъ искоренялъ и пойманныхъ доставлялъ также къ своимъ главнымъ командирамъ, а прочихъ усмирялъ и наклонялъ къ спокойному житію.“

Во время пугачевскаго бунта, въ 1774 году Платовъ находился съ полкомъ въ Москвѣ, закрывая самыя опасныя мѣста въ окрестностяхъ столицы (по трактамъ каломенскому, касимовскому и владимірскому) отъ нечаяннаго нападенія бунтовщиковъ. Послѣ разбитія Пугачева, въ 1775 и 1776 годахъ, на долю Платова досталось очищать Московскую губернію отъ множества разбойническихъ партій, образовавшихся изъ остатковъ пугачевской толпы,—что онъ и исполнилъ съ блистательнымъ успѣхомъ. Поразивъ сначала порознь разбойническія шайки, причинявшія грабительства, раззоренія и убійства въ уѣздахъ муромскомъ, переяславскомъ, рязанскомъ, касимовскомъ и галецкомъ, онъ разбилъ наконецъ и взялъ въ плѣнъ главнаго атамана ихъ Румянчихина, представилъ въ Москву двѣ отнятыя у него пушки и болѣе 500 плѣнныхъ разбойни-

ковт, и доставилъ чрезъ то жителямъ спокойствіе и безопасность. Во всѣхъ этихъ подвигахъ много содѣйствовалъ храброму старшинѣ знаменитый впослѣдствіи сынъ его М. И. Платовъ, прибывшій тогда съ Кубани. Императрица наградила Платова (отца) золотою медалью (съ портретомъ) и чиномъ премієръ-маіора.

Остальная жизнь Платова, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстна; но вѣроятно, послѣ 1778 года (когда поданъ имъ рапортъ о своей службѣ), онъ служилъ уже не долго, потому что есть достовѣрное свѣденіе, что онъ скончался въ томъ же чинѣ премієръ-маіора. Генералъ-маіоры: Чертковъ, Кречетниковъ, Потаповъ, Лойдъ и Архаровъ (въ аттестатахъ) свидѣтельствуютъ о Платовѣ, что онъ былъ „исправный, рачительный и честный полковой командиръ, исполнявшій возлагаемыя на него должности съ отличнымъ усердіемъ и ревностію.“

ПОПОВЪ Афанасій Ивановичъ, сынъ священника Березовской станицы, родился въ 1728 году. До прусской кампаніи первоначальная служба Попова, состоявшая въ содержаніи пограничныхъ постовъ на р. Кагальникѣ и Міусѣ, не представляетъ ничего замѣчательнаго. При началѣ семилѣтней войны, Поповъ, будучи квартермистромъ въ полку Ильи Денисова, отличился храбростію при взятіи Мемеля и въ Гроссъ-Егерндорфской битвѣ, которая доставила ему чинъ есаула. Въ 1759 году Поповъ служилъ на Кубани, откуда вскорѣ отправился вторично въ Пруссію. Прикомандированный тамъ въ 1760 году съ 300-ю командою казаковъ къ дивизіи генералъ-поручика князя Долгорукова, Поповъ принималъ участіе въ сраженіи съ Пруссаками подъ Вейницемъ, затѣмъ въ 1762 году, поступивъ опять въ полкъ Денисова, онъ сражался съ Австрійцами, подъ знаменами Фридриха Великаго, и „за храбрые поступки и вѣрную службу“ по засвидѣтельствованіе графа Чернышева, 31 декабря 1764 г. произведенъ государственною военною коллегіею въ чинъ войсковаго старшины.

Первая конфедератская война (1767—1772), въ которой 2000 донцовъ, подъ начальствомъ походнаго атамана Михаила Паздѣева, играли самую блистательную роль, была случаемъ Попову оказать много новыхъ отличій на военномъ поприщѣ, поставившихъ его въ ряду первыхъ старшинъ своего времени. При открытіи кампаніи въ 1767 году, Поповъ, командуя 500-мъ полкомъ, принималъ дѣятельное участіе въ усмиреніи мятежниковъ, находившихся въ польской Украйнѣ. Послѣ разбитія конфедератовъ русскими войсками при мѣстечкахъ Хмельникахъ, Пиковомъ и Улановомъ, Поповъ съ полкомъ своимъ, по приказанію генералъ-маіора Нумерса, двинулся противъ Артинскаго, слѣдовавшаго съ 3000 конфедератовъ на помощь къ крѣпости Бердичевой. Хотя Поповъ, при всей быстротѣ своей, не успѣлъ здѣсь нагнать Поляковъ, присоединившихся къ крѣпостному гарнизону, но за то съ отличіемъ участвовалъ въ штурмѣ этой крѣпости, а по взятіи ея отряженный для преслѣдованія бѣжавшихъ непріятелей „гналъ ихъ около 3-хъ миль, при чемъ знатное число истребилъ.“ Съ такимъ же отличнымъ успѣхомъ Поповъ дѣйствовалъ и при усмиреніи гайдамаковъ, около мѣстечка Умани, гдѣ онъ былъ однимъ изъ главныхъ лицъ русскаго отряда. Въ 1769 году, командированный изъ польской Украйны въ Литву, Поповъ на пути своемъ разбилъ, подъ Бѣлостокомъ (4 іюля того же года) значительную партію мятежниковъ „при чемъ взялъ въ плѣнъ капитана Свянтарецкаго съ 40 польскими драгунами.“ Вскорѣ за тѣмъ, получивъ извѣстіе, что не малое число непріятелей слѣдуетъ къ мѣстечку Несвижу, на соединеніе съ главною конфедератскою арміею, бывшею подъ начальствомъ Радзивила, Поповъ съ необыкновенною быстротою устремился въ погоню за ними, „въ одну ночь пробѣжалъ онъ съ казаками 12 миль“ и, настигнувъ ихъ близь Несвижа, разбилъ на голову; „при чемъ имъ взяты въ плѣнъ: капитанъ Бомъ, 1 поручикъ и 22 польскихъ драгунъ, да сверхъ того отбито у непріятеля болѣе семидесяти тысячъ злотыхъ и 413 червонца, которые въ тоже время доставлены были Поповымъ нашимъ генераламъ Измайлову и

Нумерсу.“ Извѣстіе о собраніи Швейковскимъ значительной партіи на польской границѣ Литвинъ, побудило генералъ-маіора Дскалонга послать для усмиренія ихъ Попова, не за долго предъ тѣмъ поступившаго въ его отрядъ. Порученіе это выполнено было имъ, какъ нельзя лучше. Внезапнымъ появленіемъ своимъ Поповъ разотроилъ замыслы мятежниковъ, не успѣвшихъ приготовиться къ оборонѣ, и принудилъ ихъ сдаться въ плѣнъ, вмѣстѣ съ предводителемъ своимъ, который тогда же былъ представленъ имъ корпусному командиру. Частые успѣхи казаковъ, предводимыхъ Поповымъ, Сарычевымъ и Платовымъ (отцомъ графа), во время конфедератской войны, возбуждали сильное негодованіе въ конфедератскихъ предводителяхъ Сапегѣ, Пацѣ и Пулавскомъ, которые, стараясь отмстить за понесенныя пораженія, нарочно нѣсколько разъ посылали противъ нихъ отборныя партіи польскихъ уланъ, вооруженныхъ, подобно казакамъ, пиками. Не смотря однакожъ на то, Поповъ въ томъ же году, разбилъ еще три конфедератскія партіи при деревняхъ Кукелькахъ, Ворцѣ и Новомъ Мястѣ, гдѣ взялъ въ плѣнъ полковника Пашковскаго съ 2 ротмистрами. Въ 1770 году, посланный съ полкомъ своимъ изъ Литвы въ Польшу, Поповъ на пути своемъ имѣлъ удачныя дѣла съ польскими партіями, предводимыми полковникомъ Крашевскимъ и ротмистромъ Вернацкимъ, при мѣстечкахъ Семятичѣ и Каликовкѣ, но особенно отличился, вмѣстѣ съ старшиною Сарычевымъ, въ сраженіи подъ *Добриномъ* (8-го января 1771 г.), за которое казаки награждены были главнокомандующимъ генералъ-поручикомъ Веймарномъ шапками, а предводители ихъ саблями. За тѣмъ, прибывъ къ Варшавѣ, онъ участвовалъ въ пораженіи маршала Пулавскаго, при взятіи Кракова и во время двукратнаго штурмованія крѣпости Ченстохова. Въ концѣ 1771 года, получивъ извѣстіе о истребленіи своего дома и имущества пожаромъ Поповъ испросилъ уволненіе отъ службы и, сдавъ полкъ свой сыну своему есаулу Якову Попову, возвратился на Донъ, для новаго обзаведенія, гдѣ однакожъ не долго пробылъ въ покоѣ.

Пугачевскій бунтъ вызвалъ Попова снова на военное поприще Услышавъ о приближеніи Пугачева къ Донскимъ предѣламъ, Поповъ, какъ вѣрный сынъ отечества „безъ всякаго приказанія со стороны начальства, а самъ собою набралъ казаковъ изъ своей и ближайшихъ станицъ,“ двинулся съ ними къ Царицыну и, присоединясь къ отряду Михельсона, вмѣстѣ съ другими старшинами, участвовалъ въ окончательномъ пораженіи самозванца, у Сальникова завода на берегахъ Волги, 25-го августа 1774 г. За оказанное здѣсь отличіе, по представленію Михельсона, Поповъ награжденъ былъ чиномъ премієръ-маіора.

Послѣдующая служба А. Н. Попова мало извѣстна: онъ особенно отличился въ Турецкой и Польской войнахъ (1787—1794), и былъ впослѣдствіи генералъ-маіоромъ. Суворовъ столько уважалъ за быстроту дѣйствій Попова, что въ 1783 году убѣдительно просилъ атамана Иловайскаго прислать къ нему поскорѣе его съ полкомъ для усмиренія Нагайцевъ; но въ пораженіи ихъ при Лабѣ (1-го октября 1783 г.) участвовалъ не онъ, а братъ его, также храбрый старшина, Петръ Поповъ.

СЕНЮТКИНЪ, Захаръ Пахомовичъ, родился въ Усть-Медвѣдицкой станицѣ 29-го августа 1744 года. Отецъ его, Пахомій, и дѣдъ, Ананій, были старшинами. Въ молодости, оставшись безъ надзора, по смерти родителей, и увлеченный въ сообщество разгульныхъ юношей, Сенюткинъ имѣлъ несчастіе быть замѣшаннымъ въ одномъ преступленіи, которое во время существованія на Дону кулачныхъ боевъ считалось не рѣдкостью, хотя и рѣдко кому проходило даромъ, безъ наказанія. Старожилы разказываютъ, что Захаръ Пахомовичъ не былъ главнымъ виновникомъ убійства въ дракѣ казака Сергѣева, а, будучи только соучастникомъ, рѣшился, изъ великодушія, покрыть вину своихъ товарищей, желая лучше одному терпѣть наказаніе за всѣхъ, нежели всѣмъ вмѣстѣ за одного. Явясь, по требованію, въ судъ и откровенно сознавшись въ своей винѣ, онъ выдержалъ сперва тюремное заключеніе, а потомъ, по

опредѣленію Воронежской губернской канцеляріи, лишенъ дворянства, званія честнаго казака, наказанъ и съ паспортомъ, какъ опороченный, отправленъ домой. Это случилось въ 1764 г., когда Сенюткину сравнялось двадцать лѣтъ отъ роду. Можно вообразить какъ скорбѣлъ сердцемъ, возвращаясь на родину, юноша, не давно полный силы и счастливыхъ надеждъ въ будущемъ! Но, къ чести Сенюткина, должно сказать, что, не смотря на жестокія укоризны родственниковъ и недоброжелателей, онъ не упалъ духомъ, а раскаявшись въ своемъ проступкѣ, твердо рѣшился загладить его дѣлами похвальными при первомъ удобномъ случаѣ. Какъ только открылась въ 1767 году Турецкая кампанія, Захаръ Пахомовичъ немедленно началъ приготовляться къ походу, полагая, что начальство зачислить его въ какой нибудь полкъ; однакожь ошибся въ своихъ расчетахъ. Прошелъ годъ, другой,—его не вызывали. Онъ сталъ было проситься на службу, но ни одинъ старшина не согласился замѣстить его въ свой полкъ, опасаясь навлечь на себя чрезъ то какихъ нибудь непріятностей. Не видя нигдѣ благосклоннаго пріёма, Сенюткинъ рѣшился наконецъ самъ ѣхать въ армію. „Иду на войну,—говорилъ онъ при прощаньи съ домашними,—коли умру, поминайте меня, а коли, Богъ дастъ, останусь живъ,—ворочусь со славою.“

Прибывъ въ Моддавію въ августѣ 1771 года, Сенюткинъ явился прямо къ фельдмаршалу Румянцеву, не скрылъ отъ него своей прошедшей вины, и въ поданномъ ирошеніи убѣдительно просилъ принять его на службу. „Горю желаніемъ—писалъ онъ въ прошеніи—сразиться съ врагами моего отечества и кровью своею загладить прежнюю вину.“ Фельдмаршалъ приказалъ зачислить его въ число волонтеровъ при полку походнаго атамана Никифора Сулина, расположенномъ тогда въ Валахіи. Надобно знать, что волонтеры, на равнѣ съ арнаутами и застрѣльщиками, выступали первые на встрѣчу врагамъ, и какъ боевыя схватки подъ Букарестомъ и Журжею были въ то время довольно часты, то не удивительно, что имя молодаго волонтера Сенюткина скоро стало извѣстнымъ

въ арміи по многимъ, совершеннымъ имъ, подвигамъ храбрости и удальства. Въ краткой біографіи считаемъ лишнимъ разсказывать объ этихъ подвигахъ Сенюткина, извѣстныхъ болѣе по преданію, чѣмъ изъ оффиціальныхъ актовъ; можно замѣтить только, что безстрашный волонтеръ, ни сколько не жалѣя своей жизни и презирая всѣ опасности, при каждой встрѣчѣ съ Турками, бросался прямо въ толпы ихъ, и, казалось, нарочно искалъ смерти, но, къ удивленію, остался невредимымъ. Провидѣніе щадило его жизнь, можетъ быть, для спасенія жизни того, кому предстоялъ подвигъ спасать царей и побѣдами своими прославить русское оружіе. . . .

Какъ ни часто отличался Сенюткинъ храбростію въ сраженіяхъ съ Турками, въ надеждѣ заслужить свою прежнюю вину, однакожь съ полгода онъ оставался безъ награды. Правда, начальники хвалили его, давали ему отъ себя аттестаты, но, неизвѣстно почему, не доносили фельдмаршалу о его удалыхъ поступкахъ, которымъ удивлялись товарищи. Сенюткинъ сожалѣлъ о томъ, что его обходили, тогда какъ другіе награждались, но не отчаялся, а сталъ искать случая отличиться въ глазахъ самого фельдмаршала или главныхъ командировъ; случай скоро представился. 18-го января 1772 года Турки, переправясь въ значительныхъ силахъ съ острова, лежащаго противъ Журжи, на лѣвый берегъ Дуная, напали на наши передовыя войска, расположенныя около завоеванной крѣпости, но, послѣ упорнаго боя, были разбиты, преслѣдованы нашею конницею и принуждены были спасаться бѣгствомъ на своихъ лодкахъ. Въ пылу преслѣдованія, когда нѣсколько генераловъ приблизились къ берегу, Сенюткинъ въ виду всѣхъ бросился одинъ на садящихся въ лодку Турокъ, поразилъ кинжаломъ двухъ изъ нихъ, и потомъ, прыгнувъ изъ лодки въ воду, спокойно доплылъ до берега, привѣтствуемый восклицаніями товарищей. Фельдмаршалъ узналъ тотчасъ объ этотъ отважномъ поступкѣ, и, говорить, тогда же, призвавъ Сенюткина и удостовѣрившись изъ данныхъ ему аттестатовъ что онъ давно уже отличается своею храбростію, спросилъ его: „чѣмъ тебя

наградить—чиномъ или медалью?"—„Ваше сіятельство!—отвѣчалъ Сенюткинъ,—не награждайте меня ни чиномъ, ни медалью, а окажите одну отеческую милость: пожалуйте мнѣ аттестатъ на званіе честнаго казака, чтобъ отнынѣ никто не смѣлъ меня порочить безчестнымъ за прошлую вину."—„Хорошо, сказалъ графъ, дамъ я тебѣ и аттестатъ и чинъ; только будь и впередъ такимъ же молодцомъ, какъ теперь." Главнокомандующій не забылъ исполнить свое слово. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого происшествія, когда въ присутствіи всего генералитета и войскъ отслуженъ былъ въ Яссахъ по какому-то случаю благодарственный молебенъ, фельдмаршалъ призвалъ къ себѣ Сенюткина, приказалъ возложить на него бѣлое знамя, и въ тоже время далъ ему слѣдующій открытый листъ, собственноручно имъ подписанный:

„Графъ Петръ Румянцовъ, Ея Императорскаго Величества Самодержицы Все„россійской, Всемилостивѣйшей Государыни моей генералъ-фельдмаршалъ, Первою „арміею командующій, Малой Россіи генералъ-губернаторъ, президентъ малороссій„ской коллегіи, орденовъ россійскихъ св. апостола Андрея, Военного великонучен„ника и побѣдоносца Георгія, Александра Невскаго и голстинскаго св. Анны „кавалеръ." Всѣмъ и каждому, кому о семъ вѣдати надлежитъ, чинно извѣстнымъ, что бывшій Войска Донскаго Медвѣдицкой станицы казакъ Захаръ Сенюткинъ, по показанію его и по свидѣтельству полку походнаго атамана Сулина двухъ есауловъ Александра Поликарпова и Ивана Исаева, послѣ учиненнаго ему въ прошедшемъ 1764 году въ Воронежской губернской канцеляріи за убійство имъ въ дракѣ казака Сергѣева наказанія, исключенный изъ числа казаковъ, отпущенный въ донъ его съ паспортомъ той канцеляріи, и напослѣдокъ прошедшаго 1771 году прибывшій въ армію, предводительствуемую мною, по собственному его произволенію, съ прошеніемъ о дозволеніи вину имъ содѣянную въ настоящей войнѣ заслуживать, по сему усердному его желанію, опредѣленъ былъ въ число волонгеровъ, того жъ году сентября 2 дня; а нынѣ, въ уваженіе оказаннымъ имъ во многихъ сраженіяхъ подъ Букарестомъ и Журжею храбрости, а особливо 18-генваря сего году съ переправившимся на супротивной островъ Журжевской крѣпости нещнателемъ совершенной неустрашимости и мужества, до того, что побуждаемый ревностію къ службѣ, бросившись одинъ на садящихся въ лодку Турокъ, двухъ изъ нихъ при видѣ всѣхъ закололъ, какъ все сіе утверждено рекомендаціею г. генералъ-поручика Фонъ-Эссева и аттестатами гг. полковниковъ графа Денатали, Левашова и премієръ-маіора Богданова, и въ доброй надеждѣ, что онъ возревнуетъ болѣе къ службѣ Ея Императорскаго Величества и вседушнымъ добрымъ поведеніемъ и мужествомъ тщится будетъ сохранять достоинство почтенного воина, по данной мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества власти, въ

вниѣ его, которую онъ толь похвально заслужилъ, прощенъ, отъ всеинаго имъ доселѣ безчестія га всегда разрѣшевъ и возложеніемъ на него публично знамя за честнаго причтенъ и, по прежнему, опредѣленъ въ число казаковъ Донскаго Войска; для чего, дабы никто его впредь ни подъ какимъ видомъ поносить и укорять не дерзалъ, но отъ всѣхъ вообще и каждого особо признаваемъ и почитаемъ былъ за честнаго Войска Донскаго казака, сей открытый листъ утвержденный собственноручнымъ моимъ подписаніемъ и обыкновенною герба моею печатью, ему, Сенюткину данъ въ Молдавіи, въ городѣ Яссахъ, іюля 5-го дня 1772 года." (Подписано) *Графъ Румянцовъ*. (97).

Эта награда поощрила Сенюткина къ дальнѣйшимъ подвигамъ храбрости. Въ томъ же году за вновь оказанное отличіе подъ Журжею фельдмаршалъ произвелъ его изъ казаковъ прямо въ есаулы. Въ тоже время Сенюткинъ перечисленъ былъ изъ полка Сулина, гдѣ служилъ прежде, въ полкъ Леонова, который вскорѣ былъ командированъ къ отряду нашихъ войскъ, расположенному подъ начальствомъ полковника Батурина, на лѣвомъ берегу Дуная, при с. Пигоешти, противъ Туртукая. Содержа здѣсь посты отъ устья рѣчки Аргиза (впадающаго въ Дунай) до Чиканета и, за болѣзнію Леонова, командуя всѣмъ полкомъ, Сенюткинъ нѣсколько разъ имѣлъ—удачныя аванпостныя дѣла съ непріятелемъ, котораго, по свидѣтельству Батурина, всегда прогонялъ съ урономъ, не допуская ни чѣмъ воспользоваться на постахъ. Особенно отличился онъ 18-го апрѣля 1773 года. Въ ночь подъ это число, Турки переправясь въ большомъ числѣ чрезъ Дунай, сдѣлали внезапное нападеніе на нововербованный казачій полкъ,—стоявшій по другую сторону Аргиза, и конечно, разбили бы его, еслибъ не подоспѣлъ къ нему на помощь съ своею сотнею Сенюткинъ, который, какъ только увидѣлъ Турокъ, тотчасъ же перешелъ съ казаками въ бродъ чрезъ Аргизъ, и, по словамъ Батурина, „съ такою неустрашимостію напалъ на непріятеля, что, вскоча въ средину разсѣянныхъ Турокъ, самъ своими руками кололъ ихъ и принудилъ къ отступленію." Чрезъ три недѣли, послѣ этого дѣла, Сенюткинъ имѣлъ счастіе спасти жизнь Суворову, только что прибывшему къ Нигоешти. Подвигъ этотъ Захаръ Пахомовичъ считалъ важнѣйшимъ въ своей жизни, и въ послѣдствіи, вспоминая о Суворовѣ, любилъ часто расказывать о немъ сво-

имъ пріятелямъ. Это случилось такимъ образомъ: по прибытіи къ арміи, въ первыхъ числахъ мая 1773 года, Суворовъ по предписанію главнокомандующаго, отправился къ ввѣренному подъ начальство его небольшому отряду при Нигоешти. Едва только онъ успѣлъ пріѣхать туда и взглянуть съ противоположнаго берега Дуная на мѣстоположеніе Туртукая, какъ въ тотъ же день, 8-го мая, распорядился было атаковать крѣпость, не смотря на то, что не имѣлъ на это приказанія отъ фельдмаршала. Но какъ было уже поздно, то Суворовъ отложилъ предпріятіе свое до слѣдующей ночи, а самъ между тѣмъ, завернувшись плащемъ, легъ отдохнуть въ своей походной палаткѣ, не далеко отъ берега р. Аргиза. Въ эту самую ночь (подъ 9-е мая) передъ разсвѣтомъ, 600 турецкихъ спаговъ переплыли Дунай, прогнали наши пикеты и, усмотрѣвъ издали палатку, прямо устремились на нее съ громкими криками: „Алла! Алла!" Пробужденный шумомъ, Суворовъ вскочилъ и видя, что въ нѣсколькихъ саженяхъ прямо на него скачутъ съ обнаженными саблями множество Турокъ, въ первое мгновеніе не зналъ, на что рѣшиться. Тутъ-то, замѣтивъ критическое положеніе своего начальника, Сенюткинъ съ необыкновенною храбростію ударилъ съ казаками на Турокъ, остановилъ ихъ стремленіе, далъ Суворову время избѣжать опасности, и потомъ, съ помощью двухъ прибывшихъ эскадроновъ астраханскаго полка, опрокинулъ и гналъ непріятеля до береговъ Дуная, положивъ на мѣстѣ болѣе 80 человѣкъ, не считая утонувшихъ и взятыхъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ ихъ предводителемъ Бинъ-пашею. Это была первая побѣда, одержанная Суворовымъ надъ Турками (98). По окончаніи дѣла, Суворовъ обнялъ своего избавителя, похвалилъ его но своему и въ тотъ же день написалъ графу Салтыкову слѣдующій рапортъ:

На здѣшней сторонѣ мы уже ихъ побили. Взятъ въ полонъ подъ Пашею Туртукайскимъ старшій Бишъ-паша и два Аги, прочихъ мало. Два эскадрона Астраханскіе пріобрѣли сіе и Сенюткинъ. На берегу я плотно обозрѣлъ. Реченный Бинъ-паша пришедъ 3-го дня съ 600 конницы и 400 пѣхоты; но объявленіе плѣнныхъ, но меньше ихъ 4-хъ тысячъ. Тяжело,—пѣхота у нихъ по полямъ. Ни начнемъ сію ночь и, можетъ быть, диспозицію перемѣнимъ.

„Генералъ-маіоръ Суворовъ."

Сенюткинъ участвовалъ потомъ въ сраженіяхъ съ Турками въ продолженіе всей знаменитой Туртукайской экспедиціи, и, безъ всякаго преувеличиванія можно сказать, былъ однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ Суворова. Вотъ что свидѣтельствуетъ о немъ, очевиденъ, преміеръ-маіоръ Каспаровъ: „Въ двоекратную мая 10 и іюня 17 числъ Туртукайскую экспедицію Сенюткинъ, врываясь въ толпы непріятелей и оныя сильно поражая, доказалъ себя прямо незнающимъ робости, а по совершенномъ истребленіи какъ непріятеля, такъ и города Туртукая съ небольшимъ числомъ былъ посланъ для истребленія Турковъ и исполнилъ сіе съ отмѣнною ревностію и расторопностно, безъ малѣйшей почти съ своей стороны потери напротивъ того съ большимъ непріятельскимъ урономъ.“ Поелѣ взятія Туртукая, (въ началѣ 1774 г.) Сенюткинъ, вмѣстѣ съ преміеръ-маіоромъ Гоцемъ, по привазанію графа Салтыкова, разбилъ и выгналъ Турокъ изъ деревни Опретины; потомъ неоднократно отличился при рекогносцировании и осадѣ кр. Рущука, гдѣ, по свидѣтельству полковника Фабриціана, 20-го іюня того же года, при деревнѣ *Пулъ*, имѣлъ жаркую схватку съ самыми лучшими турецкими наѣздниками, которыхъ обратилъ въ бѣгство, и наконецъ, въ одной сильной непріятельской вылазкѣ 14-го іюля, былъ раненъ въ правую ногу пулею и лишился лошади. Рана принудила его проситься въ отставку. Фельдмаршалъ пожаловалъ его „за отличные подвиги мужества и храбрости“ золотою медалью на шею и чиномъ старшины, съ открытымъ листомъ, „чтобъ его не только вездѣ признавали и почитали въ этомъ чинѣ, но и за безпорочную службу оказывали всякое благодѣяніе.“

Сенюткинъ возвратился домой съ честью и славою. Въ три года службы онъ успѣлъ загладить свою вину и получить самый высшій чинъ, до котораго можно было въ то время дослужиться казаку. Говорятъ, что усть-медвѣдицкій станичный атаманъ, бывшій прежде почему то недоброжелателемъ Захара Пахомовича, услышавъ о приближеніи его къ станицѣ, весьма испугался, и при въѣздѣ оказалъ ему почетную встрѣчу съ

хлѣбомъ—солью, станичными хорунками и всею честною станицею,—униженно извинясь предъ нимъ въ прошлыхъ обидахъ и прося предать ихъ забвенію. „Кто старое помянетъ, сказалъ, обнимая его, Сенюткинъ, тому глазъ вонъ. Будемъ жить дружно. Я радъ, что Господь привелъ мнѣ увидѣть васъ всѣхъ и быть вамъ чѣмъ-нибудь полезнымъ.“ Сдѣлавшись первымъ лицомъ въ своей станицѣ и долго служа впоолѣдствіи безсмѣннымъ начальникомъ сыскныхъ дѣлъ Медвѣдицкой дистанціи, Сенюткинъ дѣйствительно принесъ согражданамъ много пользы своимъ умомъ, правдивостью и милосердіемъ къ бѣднымъ. Во время второй Турецкой кампаніи (1787—1792), нѣкоторые изъ почетныхъ русскихъ сослуживцевъ Сенюткина вспомнили о немъ и письменно приглашали его на службу, обѣщая выгоды и свое покровительство; но онъ отказался отъ лестныхъ предложеній, будучи доволенъ своею участью. За то и дома онъ имѣлъ однажды случай оказать значительную услугу правительству. Въ 1790 году, по предписаніе князя Потемкина, на Новохоперской верфи строились (изъ фрегатовъ два бомбардирскіе корабля, названные потомъ: „Сергій и Никонъ, Радонежскіе чудотворцы.“ Вырубка годнаго лѣса для постройки кораблей и доставка его къ верфи возложены были войсковымъ атаманомъ на Сенюткина. Захаръ Пахомовичъ не только скоро и съ успѣхомъ выполнилъ это весьма не легкое порученіе, но даже, во время провода новопостроенныхъ кораблей по Хопру и Дону, самъ занялъ изъ уссрдія должность лоцмана и преодолѣвъ множество препятствій, благополучно доставилъ ихъ къ назначенному мѣсту. Адмиралъ Мордвиновъ, отзываясь по этому случаю въ письмѣ къ атаману Иловайскому съ отличною похвалою о Сенюткинѣ, просилъ, его сдѣлать о немъ представленіе по начальству; но не смотря на то, онъ не получилъ никакой награды, кромѣ ласковаго письма атамана и громкаго аттестата бригадира, флота капитана Баскакова.

Захаръ Пахомовичъ Сенюткинъ былъ средняго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; по характеру отличался набожностью и кротостью, не любилъ заводить ссоръ, но въ случаяхъ важ-

ныхъ, когда замѣчалъ гдѣ-либо явную несправедливость, быстро воспламенялся, дѣйствовалъ рѣшительно и смѣло говорилъ истину, не смотря на лицо. Доказательствомъ этому можетъ служить слѣдующій анекдотъ, случившійся за нѣсколько дней предъ смертію его. Въ 1794 году, не извѣстно по какому случаю, расположенъ былъ по квартирамъ въ Усть-медвѣдицкой станицѣ одинъ пѣхотный полкъ. Командиръ полка полковникъ графъ Апраксинъ скоро подружился съ Сенюткинымъ, потому, что послѣдній, кромѣ заслугъ отличался еще и своимъ гостепріимствомъ. Однажды, въ зимнее время, когда Сенюткинъ только что воротился домой весь прозябшій и измокшій съ рѣки Дона (гдѣ онъ, говорятъ, помогалъ вытаскивать провалившійся на льду возъ съ человѣкомъ),—ему сказали, что полковникъ хочетъ наказывать розгами квартермистра Птахина. Сенюткинъ тотчасъ же перемѣнилъ платье и, прицѣпивъ свою саблю, отправился къ Апраксину. Подходя къ его квартирѣ, онъ замѣтилъ, что квартермистръ Птахинъ окруженный солдатами, стоялъ на колѣняхъ и просилъ помилованія у графа, который приказывалъ раздѣть его „Что ты дѣлаешь, графъ!“ вскричалъ Захаръ Пахомовичъ, устремивъ на него твердый взглядъ; развѣ можно безъ суда наказывать донскаго офицера?“—Да что значитъ для меня вашъ офицеръ, если онъ виновенъ? проговорилъ съ неудовольствіемъ Апраксинъ,—я наказываю преступника. —„Пусть прежде судятъ его, и тогда накажешь, коли виновенъ; а безъ суда, пока я живъ, никому не дамъ въ глазахъ моихъ бить палками квартермистра!“ Графъ вспылилъ,—и между ними произошла жаркая перепалка на словахъ, окончившаяся тѣмъ, что Сенюткинъ успѣлъ—таки отстоять квартермистра отъ наказанія. Въ ту же ночь, отъ простуды, Захаръ Похомовичъ заболѣлъ горячкою, и чрезъ нѣсколько дней не стало одного изъ храбрѣйшихъ старшинъ: онъ скончался 12-го января 1795 года на 51-му году отъ роду. Говорятъ, что графъ сожалѣлъ о его смерти, и въ день погребенія распорядился оказать тѣлу покойнаго почести, приличныя его заслугамъ. Двѣ выстроенныя роты солдатъ отдали честь ружьемъ,

когда несли мимо ихъ гробъ Сенюткина, полковая музыка играла погребальный маршъ; старики—сослуживцы, идя за гробомъ, плакали, и говорили: „нѣтъ, долго не будетъ у насъ такого начальника, каковъ былъ Захаръ Пахомовичъ!“ (99).

II.

ЗАМѢТКИ

ИЗЪ СОВРЕМЕННАГО БЫТА

ВОЙСКА ДОНСКАГО.

СЛУЧАЙ ИЗЪ КРЫМСКОЙ КАМПАНІИ.

За Богомъ молитва а
Царемъ служба не пропадетъ
Пословица.

Однажды, при выходѣ изъ церкви, ко мнѣ подошелъ молодой урядникъ довольно-иріятной наружности. Съ перваго взгляда я было принялъ его за незнакомца, но, всматриваясь пристальнѣе, скоро узналъ въ немъ знакомаго мнѣ гимназиста Петра Филина, изъ шаловливаго мальчика быстро преобразившагося теперь въ стройнаго юношу, съ Георгіемъ на груди. Поелѣ обыкновенныхъ разговоровъ и воспоминаній о прошедшемъ, я не замѣтно перешелъ въ вопросу: за что онъ получилъ георгіевскій крестъ? Разсказъ Филина о дѣлѣ или, лучше, дѣльцѣ въ которомъ онъ отличился, показался мнѣ такъ занимательнымъ, что я рѣшился передать его читателямъ въ томъ видѣ, какъ слышалъ, безъ всякихъ прикрасъ и добавленій, дорожа болѣе всего истиною(100).

„Вамъ конечно извѣстно—говорилъ Филинъ—что я служилъ въ нынѣшней Крымской кампаніи. Полкъ нашъ № 55, прибывши въ сентябрѣ 1854 года въ аулъ Сакъ, поступилъ въ составъ Евпаторійскаго отряда, подъ команду генералъ-адъютанта князя Радзивила, и въ тотъ же день занялъ пикетами аванпостную линію, не въ дальнемъ разстояніи отъ Евпаторіи. Сколько помню, въ первое время нашей службы, не случилось у насъ ни чего замѣчательнаго. Находившійся въ Евпаторіи непріятель—по слабости ли въ силахъ или другимъ какимъ причинамъ—ограничивался только одними рекогносцировками, которыя, благодаря бдительности нашихъ казаковъ, были постоянно открываемы. При всемъ однакожь видимомъ бездѣйствіи непріятеля, въ отрядѣ нашемъ соблюдалась большая осторожность: носились слухи, что Французы ожидаютъ себѣ со дня на день подкрѣпленій и намѣрены атаковать насъ. Чтобы удостовѣриться въ справедливости этихъ слуховъ, изъ

полка нашего не рѣдко были отряжаемы охотничьи команды, для поимки языка; но первыя попытки наши какъ-то не удавались. Признаться, у меня было сильное желаніе увидѣть врага лицемъ къ лицу, и я рѣшился воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. 18-го ноября полковымъ командиромъ наряжена была, для поисковъ надъ непріятелемъ, команда изъ 25 казаковъ и 4-хъ урядниковъ. Въ числѣ первыхъ охотниковъ былъ я. Начальство надъ нашимъ маленькимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ одной молодежи, ввѣрено было опытному и бойкому уряднику Письменскову, уроженцу Усть-бѣлокалитвенской станицы. Въ 8 часовъ утра, съ восходомъ солнца, мы отправились изъ аула. Погода была ясная и теплая; снѣгу еще не было. Миновавъ нашу аванпостную цѣпь и приближаясь къ Евпаторіи, мы замѣтили вдали что-то движущееся... По мѣрѣ приближенія нашего, предметы обозначались яснѣе, и мы скоро увидѣли, что на песчаной косѣ, близъ Евпаторіи, по берегамъ топкаго озера паслось большое стадо непріятельскаго скота разнаго рода, при которомъ находилось до 50 вооруженныхъ Турокъ. Несмотря на неравенство силъ Письменсковъ немедленно распорядился атаковать непріятеля. Онъ построилъ насъ лавою и, ободряя, сказалъ громко: „ребята! теперь намъ случай показать себя молодцами. Докажемъ же на дѣлѣ, что мы не трусливаго десятка, что мы, подобно нашимъ славнымъ дѣдамъ, умѣемъ побѣждать враговъ, и скорѣе умремъ за вѣру, Царя и отечество, чѣмъ осрамимъ себя бѣгствомъ!“ Это краткое возваніе ободрило насъ. Сердца наши закипѣли... Съ крикомъ ура! мы бросились въ пики на непріятеля.... Турки, послѣ не долгаго сопротивленія, были разбиты и обратились въ бѣгство. Многіе изъ нихъ были сколоны, 5 человѣкъ взято въ плѣнъ. Въ самомъ пылу сраженія, бывшій съ нами унтеръ-офицеръ Дьячковъ (я забылъ было сказать, что съ нами отправилось до 10 улапъ, но только 2 участвовали въ дѣлѣ) запесся впередъ на своей лошади, былъ раненъ пикою въ голову и взятъ въ плѣнъ. Завидя это, я съ братомъ своимъ Феогніемъ, улапскій юнкеръ Акацатовъ и

казакъ Денисовъ бросились въ толпу непріятелей, застрѣлили нѣкоторыхъ изъ нихъ и отбили плѣннаго улана, который былъ уже раздѣтъ Баши-бузуками. Послѣ этого, я увлекся въ погонѣ за 2 Турками, вогналъ ихъ въ озеро и, но могши удержать свою лошадь, увязъ вмѣстѣ съ ними въ грязи. Паническій страхъ ихъ былъ такъ великъ, что они тотчасъ побросали своихъ лошадей и оружіе и спасались пѣшкомъ, но я, сидя на конѣ, успѣлъ-таки послать имъ въ погоню 2 пули, и, кажется, ранилъ одного изъ нихъ, потому что онъ нѣсколько разъ падалъ въ озерѣ.

Но между тѣмъ какъ наши, торжествуя побѣду, загоняли отбитый у непріятеля скотъ, неожиданная опасность стала угрожать намъ со стороны Евпаторіи: турецкіе кавалеристы, извѣщенные о насъ бѣжавшими Баши-бузуками, выступили изъ города въ числѣ 70 человѣкъ. Въ эти критическія минуты я все еще принужденъ былъ возиться съ своею застрявшею въ тинѣ лошадью. Напрасно я понуждалъ ее уздою, крикомъ, плетью—ничто не помогало: бѣдное животное силилось встать, но, приподнявшись немного, снова падало на бокъ отъ изнеможенія. Наконецъ у меня блеснула мысль приподнимать ее ружьемъ. Но и тутъ, только послѣ невѣроятныхъ усилій, я успѣлъ поставить ее на ноги, и выбраться на берегъ изъ трясины. Въ это время непріятель уже вступилъ въ перестрѣлку съ нашими. Когда я присоединился къ отряду, пули безпрерывно жужжали въ ушахъ, какъ пчелы. Богъ сохранилъ однакожь насъ всѣхъ невредимыми. Храбрый нашъ предводитель Письменсковъ оказалъ удивительное хладнокровіе при отступленіи. Ободренные его примѣромъ, мы отступали медленно, шагъ за шагомъ, предъ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, ведя съ ними жаркую перестрѣлку и не оставляя отбитаго скота. Видно стойкость наша поразила Турокъ, что они не осмѣлились аттаковать насъ и скоро возвратились назадъ, вѣроятно опасаясь попасть на засаду. Съ торжествомъ мы вступили въ свой аулъ. Кромѣ 5-ти плѣнныхъ Баши-бузуковъ нами пригнано было до 40 лошадей, 20 верблюдовъ и 100.

штукъ рогатаго скота. Съ нашей стороны убито было въ перестрѣлкѣ только 2 лошади.

На слѣдующій день, рано утромъ, я былъ посланъ, съ представленіемъ о нашемъ подвигѣ, къ походному атаману генералъ-маіору Краснову 2-му. Его превосходительство Иванъ Никифоровичъ былъ такъ добръ, что немедленно рѣшился самъ ѣхать со мною въ штабъ главнокомандующаго, для испрошенія намъ награды. Но между тѣмъ какъ атаманъ нашъ по прибытіи туда, ходатайствовалъ за насъ у начальника штаба,— со мною случайно встрѣтился самъ главнокомандующій князь Меньщиковъ, который узнавъ отъ меня всѣ подробности дѣла, приказалъ мнѣ идти въ наградное отдѣленіе для внесенія въ списокъ своей фамиліи. Тутъ мнѣ велѣно было явиться въ 4 часа послѣ обѣда. Въ то же время меня ожидало новое счастіе. Едва только я, по приходѣ изъ отдѣленія, расположился было для отдыха въ квартирѣ у знакомаго хорунжаго Хоперскова, какъ снова получилъ приказаніе—представиться тотчасъ къ ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, бывшимъ тогда въ Крыму. По приходѣ моемъ В. К. Михаилъ Николаевичъ изволилъ ласково меня спросить: „*Ну раскажи намъ, какъ ты отличался.*“ Когда я передалъ имъ на словахъ все, какъ было, Его Высочество пошелъ въ свою комнату, вынесъ оттуда часы съ золотою цѣпочкою и, жалуя ихъ мнѣ, сказалъ: „*это тебѣ отъ насъ съ братомъ награда, да кромѣ того, мы попросимъ главнокомандующаго наградить тебя Георгіемъ.*“ Разстроганный до глубины сердца ихъ милостивымъ ко мнѣ расположеніемъ, я поклонился, не найдя тогда словъ для выраженія моей глубочайшей благодарности. Не болѣе какъ чрезъ полчаса послѣ того, возвращаясь верхомъ къ Хоперскову, я неожиданно встрѣтилъ опять моего благодѣтеля, осматривавшаго артиллерію, и, поровнявшись съ нимъ, быстро повернулъ лошадь во фронтъ, для отданія чести. Великій князь и тутъ изволилъ подойти ко мнѣ, погладилъ рукою моего коня, примолвя: „*ѣздишь хорошо,—а какого завода лошадь?*“—Собственнаго, Донскаго,

Ваше Императорское Высочество—отвѣчалъ я. „*Ну будь и впредь молодцомъ, а этотъ* (прибавилъ онъ, указывая на свой Георгій) *получишь не сомнѣнно.*“—Дѣйствительно, въ 8 часовъ вечера, мнѣ навѣшенъ былъ на грудь георгіевскій знакъ отличія, и кромѣ того, даны были еще 4 знака для награды храбрѣйшихъ товарищей. Въ тотъ же вечеръ я помчался въ свой аулъ, радуясь и благословляя въ душѣ своего благодѣтеля. Привезенные мною георгіевскіе кресты присуждены были въ награду уряднику Письменскову, юнкеру Акацатову,—брату Феогнію (Филину) и Петру Денисову.“

1858 г.

СТАРИКЪ—ОХОТНИКЪ НА ВОЙНѢ.

Служить Царю и Отечеству до послѣдней капли крови есть обязанность каждаго воина.

Изъ воен. наставленій.

Не давно я занимался въ атаманской канцеляріи, по своей обязанности переводчика. Вдругъ отворилась дверь, въ присутствіе вошелъ старый увѣшанный крестами и медалями, урядникъ и, обратясь къ дежурному штабъ-офицеру довольно—громко сказалъ: „поздравьте меня, ваше высокоблагородіе, съ службою: я наряженъ охотою на Кавказъ въ полкъ № 14.“ Это былъ Осипъ Зубовъ, донецъ, отличившійся многими подвигами храбрости при осадѣ Севастополя. Въ наружности его не было ничего замѣчательнаго: не большой ростъ, сухощавое старообразое лицо, сѣрые глаза съ проткимъ выраженіемъ, тѣлосложеніе умѣренное, ухватки въ движеніяхъ казацкія;—одинъ только висѣвшій на шеѣ большой серебренный крестъ, очень похожій на наперстные, рѣзко отличалъ его отъ всѣхъ простыхъ казаковъ и даже чиновниковъ, привлекая къ нему невольное вниманіе (101). До этого времени я зналъ Зубова только по слухамъ, да по краткой біографіи, перепечатанной изъ „Сѣверной Пчелы“ въ „Донскихъ вѣдомостяхъ“ (1855 г. № 8), и потому не покажется удивительнымъ, если скажу, что я былъ очень заинтересованъ когда онъ вдругъ неожиданно явился предо мною. Нѣсколько минутъ я не сводилъ глазъ съ него. Но когда Зубовъ, по просьбѣ дежурнаго штабъ-офицера, самъ сталъ разсказывать о своихъ подвигахъ, то любопытство мое возрасло въ высшей степени: я весь обратился въ слухъ и жадно ловилъ простыя слова мужественнаго старика; наконецъ, увлекаемый занимательностію событій, я не вытерпѣлъ и сталъ просить его придти ко мнѣ на квартиру,

чтобы докончить начатый разсказъ. Признаюсь, мнѣ очень хотѣлось узнать подробности знаменитой осады Севастополя изъ устъ очевидца, рѣдкое самоотвержеше котораго давно уже снискало ему такъ много справедливыхъ похвалъ. Зубовъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе; но—увы!—желаніе мое исполнилось только отчасти.

Здѣсь я считаю нужнымъ предварительно сдѣлать не большое замѣчаніе: Зубовъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ хвастливыхъ, не рѣдко встрѣчаемыхъ нынѣ людей, которые, пользуясь оказаннымъ имъ вниманіемъ, преувеличиваютъ вдесятеро свои подвиги, лгутъ безъ пощады и наглымъ своимъ самохвальствомъ рѣшительно отбиваютъ наконецъ всякую охоту у слушателей, теряя какъ бы право даже и на заслуженное ими уваженіе. Къ счастію, Зубовъ не имѣетъ этого дара неугомонной болтливости: какъ простой казакъ, онъ говоритъ просто, ясно, припоминаетъ происшествія очень хорошо и, чувствуя цѣну своихъ подвиговъ, не придаетъ однакожъ имъ слишкомъ важнаго значенія. Онъ даже сожалѣетъ, что ему одному изъ всѣхъ донцовъ пришлось участвовать въ вылазкахъ подъ Севастополемъ. Эта-то безхитростная простота въ разсказѣ Зубова, соединенная съ подробнымъ указаніемъ мѣста и времени, всего болѣе рѣшила меня записать здѣсь кой-какіе изъ его подвиговъ, сколько я могъ услышать отъ него въ непродолжительной бесѣдѣ. Надѣюсь, что читатели не взыщутъ съ меня за скудость разсказа: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Въ назначенный часъ Зубовъ не замедлилъ явиться ко мнѣ. Послѣ чаю, я тотчасъ, безъ всякихъ околичностей, повелъ рѣчь о его службѣ, зная по опыту, что учтивость въ разговорѣ съ простыми людьми совершенно излишна.—Ну разскажи мнѣ, Осипъ Ивановичъ—сказалъ я—о замѣчательныхъ подвигахъ твоей службы? Мнѣ очень пріятно было бы услышать отъ тебя самаго то, что я уже слышалъ отъ другихъ, какъ ты отличался въ Севастополѣ?—„Охотно, ваше благородіе, отвѣчалъ Зубовъ. Но жаль, что на словахъ то я не таковъ, какъ на дѣлѣ, а будь я боекъ на словахъ, да еще и писучій—о, тогда

я давно уже былъ бы офицеромъ! Такъ о мнѣ говорили и русскіе въ Севастополѣ. Но съ чего же начать вамъ разсказывать? Вамъ конечно, можетъ быть, уже извѣстно, что я родился въ 1800 году въ Перекопской станицѣ (на Дону) III военнаго (Усть-медвѣдицкаго) округа. По наступленіи совершеннолѣтія, прослужилъ сперва 6 лѣтъ на Кавказѣ (съ 1823 г.) въ полку Кирѣева, потомъ безъ малаго семь лѣтъ въ Польшѣ въ полку Хрещатицкаго, потомъ три года въ Грузіи въ полку Жирова, а когда мнѣ вышло 25 лѣтъ службы, вышелъ въ отставку въ 1845 году и жилъ дома до самой крымской войны, занимаясь кузнечною и слесарною работою“. . .

— Но будто бы ужъ ты ни чѣмъ и неотличился въ эти три службы на Кавказѣ, въ Польшѣ и Грузіи?

— „Нѣтъ, этого нельзя сказать, ваше благородіе, да только счастья-то въ отличіяхъ и въ наградахъ мнѣ какъ-то все не выпадало. Я, признаться по правдѣ, всегда былъ однимъ изъ самыхъ отчаянныхъ по храбрости казаковъ. Въ первую службу на Кавказѣ я выучился кузнечному мастерству и, постоянно обращаясь съ огнемъ, такъ свыкся съ нимъ, что мнѣ уже ни почемъ былъ огонь непріятелвскій. Къ тому же надо и то сказать, что у меня съ юности была необыкновенная ревность къ службѣ: я сильно охотился подраться съ непріятелемъ. Страху я не чувствовалъ. Въ бытность на Кавказѣ мнѣ не рѣдко приходилось одному отправляться чрезъ черкескія жилища. Помню, что однажды я пробѣжалъ, близъ Погорѣльскаго поста, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ большой толпы непріятелей, и только счастью или милости Божіей обязанъ, что они меня не убили. Часто бывалъ также въ охотникахъ на перестрѣлкахъ. Но самый памятный для меня случай, гдѣ я отличился въ молодости на Кавказѣ, произошелъ въ 1825 году, на посту осторожномъ, близъ мыса Невиннаго, на рѣчкѣ Кубани. Тогда велѣно было нашему командиру схватить—живымъ или мертвымъ—знатнаго черкескаго князя Темиша съ узденемъ Аджею, которые, долго притворяясь мирными, своимъ вѣроломствомъ дѣлали нашимъ много вреда. Подъ командою есаула Казанцова

мы въ числѣ 25 человѣкъ, были отряжены для розысковъ этого князька. Послѣ долгихъ безуспѣшныхъ поисковъ, наконецъ намъ удалось провѣдать, что оба они—князь и узденъ скрываются въ одномъ кабачкѣ. Мы скрытно отправились туда ночью,—а на разсвѣтѣ, приблизившись къ нему не замѣтно, вдругъ бросились со всѣхъ сторонъ и оцѣпили его кругомъ; но сперва не могли ихъ тамъ отыскать. Во время розысковъ вдругъ я замѣтилъ, что какіе-то два всадника, сидя на одной лошади, поскакали прямо отъ базовъ къ лѣсу. Сказавъ о томъ есаулу, я тутъ же помчался въ слѣдъ за бѣгущими. Догоняя ихъ видѣлъ, какъ Темишъ упалъ съ лошади и ползкомъ скрылся въ камышахъ. Но я увлекся въ погонѣ за узденемъ. Поровнявшись съ нимъ, я ударилъ его сперва пикою: она прошла подъ мышкою, не причинивъ ему никакого вреда. Узденъ не сробѣлъ, но, схвативъ пистолетъ, выстрѣлилъ на отмашъ и ранилъ пулею есаула, близъ меня бѣжавшаго. Это еще больше подожгло меня. Послѣ неудачнаго выстрѣла по немъ изъ своего ружья, я вырвалъ ружье у казака Исаева, слѣдовавшаго за мною, стрѣльнулъ и ранилъ черкеса въ ногу, а потомъ, догнавши его, нанесъ ему ударъ пикою, повалилъ на землю, и вмѣстѣ съ нимъ упалъ самъ съ коня. Тутъ мы оба схватились въ рукопашномъ бою и долго барахтались: раненый черкесъ былъ еще очень силенъ. Наконецъ мнѣ удалось выхватить у него кинжалъ и заколоть его въ то время, когда прибѣжавшіе мои товарищи столпились около насъ. Князь Темишъ былъ тоже пойманъ. Много хвалили меня за это отличіе и обѣщались представить къ Георгію, но видно но представили, что я его тогда не получилъ. Болѣе въ кавказской службѣ своей не примомню ничего особеннаго.“

— А эта медаль твоя „за спасеніе погибавшихъ,“ ужъ конечно досталась тебѣ не даромъ?

— „Медаль эту я получилъ за отличіе въ Польшѣ. Въ 1832 году команда наша стояла въ селеніи Женбочинѣ, близъ м. Пршевицы. Однажды загорѣлась тамъ корчма, а отъ корчмы сосѣдній домъ мужика, гдѣ лежала беременная его жена съ

сыномъ своимъ, малолѣтнимъ мальчикомъ. Пламя вдругъ обняло весь курень, такъ что они не успѣли выскочить. Не смотря на такую опасность, я, по крику хозяина, въ мокрой одеждѣ вскочилъ въ домъ, схватилъ и вынесъ сперва женщину, а потомъ ея сына. Они были уже въ безпамятствѣ. Я самъ чуть не задохся отъ дыма и страшно угорѣлъ. За этотъ подвигъ, кромѣ медали, я награжденъ еще 50 р. ассиг. денегъ."

— Но скажи, пожалуйста, какимъ образомъ ты очутился на стѣнахъ Севастополя, когда, задолго предъ этимъ, былъ уже въ чистой отставкѣ?

— „Это случилось очень просто, ваше благородіе. Когда началась жестокая крымская кампанія, я прослышалъ, что множество ополченцовъ—крестьянъ отправляются на помощь къ арміи—стоять грудью за вѣру, царя и отечество. Тутъ у меня и родилась сильная охота ѣхать туда же. Думаю самъ въ себѣ: Господи Боже мой! Отечество въ опасности отъ враговъ, всѣ даже крестьяне вооружаются, а я себѣ какъ будто ничего не бывало—сижу спокойно въ своей кузницѣ и кую молотомъ желѣзо. Да чѣмъ же я то хуже ополченцовъ? И, просто, совѣстно стало, ваше благородіе. Не вытерпѣлъ, подалъ прошеніе въ усть-медвѣдицкое окружное дежурство—нарядить меня на службу. Меня и нарядили—да только не туда, куда я хотѣлъ—а въ резервной разъѣздной полкъ. Я вторично подалъ прошеніе. Пишу: „опредѣлить меня охотникомъ въ задунайскую армію, съ тѣмъ, что ежели таковыхъ охотниковъ не будетъ изъ донцовъ, то командировать меня одного." Меня одного и командировали. Я выѣхалъ изъ станицы, помню на самый Петровъ день, 29 го іюня 1854 года. По прибытіи сюда, въ Новочеркаскъ, одинъ казакъ предлагалъ мнѣ 800 руб. ассигнаціями, коня со всѣмъ приборомъ и аммуниціею, чтобы замѣнить его въ нарядѣ, но я самъ отказался, не желая унизить своего достоинства. Я рѣшился служить изъ ревности къ службѣ отечеству, а не изъ какихъ нибудь корыстныхъ видовъ. И такъ, не согласившись на предложеніе, я отправился на войну безъ гроша. На бѣду мою, подлѣ Таганрога, конь

мой заболѣлъ и я принужденъ былъ отдать его почти даромъ. Тамъ я сѣлъ на судно и скоро приплылъ въ Керчь, гдѣ тогда находился нашъ атаманъ, его высокопревосходительство Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ. Увидя меня, онъ поблагодарилъ за усердіе къ службѣ, подарилъ мнѣ—дай ему Богъ здоровья—30 руб. серебромъ и приказалъ поступить въ полкъ № 67, Марковъ, стоявшій въ Феодосіи. Послѣ алминскаго сраженія, когда непріятель устремился къ Севастополю, отрядъ, гдѣ я находился, посланъ былъ форсированно впередъ, для прикрытія дороги отъ Симферополя до Черной рѣчки. Вскорѣ затѣмъ полкъ нашъ поступилъ въ Севастополь для занятія пикетовъ. Поэтому случаю и я очутился въ Севастополѣ, а потомъ уже, по своей охотѣ, не разставался съ нимъ все время, даже и тогда, когда казачья команда наша оттуда выступила. Сначала я поступилъ на 3-й бастіонъ къ матросамъ, подъ команду контръ-адмирала Панфилова. Но какъ я долго еще числился по списку въ своемъ полку, то это обстоятельство заставило меня служить—днемъ съ казаками, а ночью съ матросами. И какъ хорошо я велъ себя, ваше благородію, служа, такъ сказать, на порогѣ къ смерти! Что здѣсь за жизнь, подумаешь,—одинъ только грѣхъ. А тамъ, скажу вамъ по истинѣ, ни одного грѣха, ни одной дурной мысли никогда и въ голову мнѣ не приходило. Зажгу, бывало, ночью въ своей земляной каморкѣ лампадку предъ образомъ и молюсь, читая псалмы изъ псалтыря царя-пророка Давыда. И какъ легко бысало тогда на душѣ! Страху уже не чуешь: такъ привыкнешь къ этому страшному треску бомбъ и гранатъ чиненыхъ, что просто, станетъ и самая смерть не страшна. Видя часто, какъ въ глазахъ моихъ убиваютъ матросовъ, моихъ знакомыхъ друзей и товарищей, перекрещусь, бывало, и только думаю: Господи, ужъ если Ты и мнѣ судилъ погибнуть вмѣстѣ съ ними,—объ одномъ молю: не погуби мою грѣшную душу! А когда ходилъ на вылазки, всегда читывалъ: *Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится*, или, *Возлюблю тя Господи, крѣпосте моя*. И чтожъ, ваше благородіе? прошелъ

я тогда сквозь огонь и воду,—а вотъ видите сами—Богъ миловалъ. Помню, что однажды ночью, когда я въ своей каморкѣ молился предъ иконою, вдругъ ядро влетѣло въ окно, минуя меня не больше аршина, ударилось въ стѣну и убило 2-хъ матросовъ на полу лежавшихъ, а мнѣ только не много глиною запрошило глаза. Нужно вамъ доложить, ваше благородіе, что начальство меня любило за мою усердную службу. Покойный адмиралъ Корниловъ—царство ему небесное—узнавши, что у меня нѣтъ коня, подарилъ мнѣ собственнаго своего сѣренькаго небольшаго жеребчика; важный былъ конекъ! просто огонь! На немъ я бывалъ съ казаками въ аванпостныхъ стычкахъ. А князь Васильчиковъ—добрѣйшая душа—тоже былъ моимъ благодѣтелемъ; увидя меня всегда бывало, скажетъ: „а здравствуй Зубовъ! Ну, молодецъ; спасибо, спасибо тебѣ за службу.“ Съ матросами я скоро сдружился, особенно съ храбрымъ молодымъ матросомъ Кошкою, очень меня уважавшимъ. Съ нимъ мы вмѣстѣ, бывало, и спали въ одной комнаткѣ и отправлялись на вылазки“. . .

— Вотъ о вылазкахъ-то мнѣ особенно и хотѣлось отъ тебя послушать. Разскажи, пожалуйста, о нихъ со всѣми подробностями, если можешь?

— „Не могу никакъ всего припомнить, ваше благородіе. Не знаю отъ чего—ни то отъ старости, ни то отъ полученной мною контузіи, у меня нерѣдко дѣлается въ памяти какое-то затмѣніе. Иногда все чисто помню и вижу, какъ на ладони, а въ другой разъ—хоть убей—ничего почти не припомню. Впрочемъ разскажу вамъ, какъ могу. Я участвовалъ только въ 8-ми вылазкахъ. Первая случилась, сколько припоминаю, ночью подъ 25 ноября 1854 года. Я служилъ тогда на батареи лейтенанта Перекомскаго. По его приказаніе, я съ Кошкою, Кузьменко, Болотниковъ и другіе рядовые, подъ командою офицера, отправились скрытно на Зеленую гору, гдѣ расположена была аглицкая батарея. Ночь тогда была не вовсе тёмная. Шли и ползли мы тихо, такъ тихо, что непріятель насъ не замѣтилъ. Приблизившись къ батареѣ мы вдругъ съ крикомъ „ура:

бросились на полусонныхъ англичанъ; многихъ покололи и 6 человѣкъ вмѣстѣ съ орудіемъ, взяли въ плѣнъ. Скоро закипѣла тревога на батареѣ, и когда мы отступили, насъ провожали съ пушечнымъ и батальнымъ огнемъ. Къ счастію, все прошло такъ благополучно, что изъ насъ, кромѣ одного убитаго солдата, не оказалось даже раненыхъ. Убитый былъ польскій уроженецъ, рутавшійся передъ вылазкою поносными словами. Многократно замѣчалъ я, ваше благородіе, что кто ругается на сраженіи дурными словами, того пуля не минуетъ.—На этой вылазкѣ я поработался—тзки порядочно своимъ штыкомъ и пришелъ домой, къ матросамъ, усталый и весь облитый потомъ и кровью. Я не взялъ съ собою ни плѣннаго, ни какой добычи; но, по рекомендаціи отряднаго командира, награжденъ былъ Георгіевскимъ крестомъ. Помню, что, представляя меня Перекомскому, онъ сказалъ: „этотъ казакъ достоинъ перваго креста.“ Вмѣстѣ со мною награждены были Георгіями храбрые матросы Болотниковъ, Кузьменко (Кошка уже имѣлъ) и четверо рядовыхъ Волынскаго полка. Узнавъ мою исправность, лейтенантъ Перекомскій на прочихъ вылазкахъ всегда поручалъ передовую цѣпь высылаемыхъ командъ подъ присмотръ мнѣ и матросу Кошкѣ.—Вторая вылазка, помнится, была ночью подъ 5 декабря. Мы съ Кошкою повели опять 150 человѣкъ на туже батарею, что была на Зеленой горѣ. Когда мы подползли подъ ихъ траншею, нашъ резервный командиръ вдругъ закричалъ „ура!“ Въ эту минуту я прежде всѣхъ вскочилъ на валъ траншеи, попалъ прямо подъ непріятельскіе выстрѣлы и былъ сильно оконтуженъ въ лѣвой високъ. Не смотря на то, я такъ разгорячился, что перескочилъ траншею къ самимъ англичанамъ—и давай ихъ колотить ружейнымъ прикладомъ; избилъ нѣсколько человѣкъ и даже гналъ ихъ, вмѣстѣ съ товарищами, когда они со страху подались назадъ. Возвращаясь я увидѣлъ, что по траншеи бѣжалъ непріятельскій штабъ-офицеръ въ вислыхъ эполетахъ; я бросился къ нему и ударить его прикладомъ; онъ быстро обернулся назадъ, взмахнулъ огромнымъ палашомъ и вѣрно срубилъ бы меня, если бъ я не-

успѣлъ мигомъ подставить ему своего ружья. Палашъ звякнулъ и переломился на двое. Тогда я ударилъ его опять прикладомъ, схватилъ за волосы и потащилъ на валъ изъ траншеи. Чтожъ, ваше благородіе, признаюсь по правдѣ, чуть было самъ не упалъ вмѣстѣ съ нимъ въ траншею—такой былъ тяжелой! Вытащивши его кое-какъ и угрожая штыкомъ, я гналъ его уже къ своимъ, когда по насъ открылъ непріятель ужаснѣйшій огонь. Плѣнникъ мой, видя, что его могутъ убить свои же, какъ припуститъ отъ меня бѣжать впередъ, а самъ все кричитъ: „скорѣй руссъ, скорѣй руссъ!“..

— Какъ, Осипъ Ивановичъ! развѣ англичанинъ этотъ зналъ по русски?

— „Нѣтъ, ваше благородіе, я самъ послѣ дивился, съ чего его слова мнѣ тогда показались русскими. Послѣ я узналъ, что это былъ англицкій полковникъ съ одною правою рукою; лѣвую же онъ потерялъ, какъ я слышалъ, въ Индійской войнѣ. Жаль, что фамиліи его теперь не припомню. Въ Севастополѣ онъ поступилъ въ гошпиталь, вылѣчился тамъ отъ ранъ, ому много нанесенныхъ и, говорятъ, желалъ видѣть меня, чтобы наградить за то, что я не предалъ его смерти. Но Богъ не привелъ мнѣ съ нимъ видѣться: я самъ уже въ то время лежалъ въ гошпиталѣ. Въ этой вылазкѣ взято было нами 12 человѣкъ. Въ награду за подвигъ нѣкоторымъ матросамъ даны Георгіи, а я произведенъ въ урядники, по ходатайству князя Васильчикова. Тогда же мнѣ, вмѣстѣ съ Кошкою, присланъ былъ этотъ благословенный крестъ, которому мы радовались больше всякой награды. Подробности прочихъ вылазокъ не припомню. Знаю, что мы продолжали бить и брать въ плѣнъ Англичанъ; но однажды—нечего грѣха таить—и они насъ подкарауля, пугнули—таки порядочно. По все тогда случившееся смѣшалось какъ-то у меня въ головѣ... Вотъ штурмъ непріятельскій подъ 6-е іюня такъ мнѣ очень хорошо памятенъ. Вамъ конечно, ваше благородіе, онъ тоже извѣстенъ изъ описанія. Но, не бывши тамъ, нельзя представить себѣ ужасной кононады, съ которою онъ сопровождался. Помню, что меня раз-

будилъ сильнѣйшій трескъ, раздавшійся надъ головою. Я выскочилъ съ ружьемъ въ рукахъ, бросился на брустверъ и какъ взглянулъ внизъ—тамъ Французовъ и Англичанъ была тьма тьмущая! Они кричали, бѣгали и лезли на стѣны, словно какъ муравьи въ гнѣздѣ. Тутъ я велѣлъ двумъ своимъ матросамъ пригнуться, заряжать ружья и подавать мнѣ; а самъ все беру отъ нихъ и стрѣляю, все беру отъ нихъ и стрѣляю прямо въ самую толпу. Скоро прибѣжалъ къ намъ нашъ командиръ Перекомскій и, видя меня на стѣнѣ, вскричалъ: „молодецъ Зубовъ! Такъ—таки—такъ бей ихъ! Матросы берите примѣръ съ Зубова: двумъ заряжать и одному стрѣлять!“ Между тѣмъ пушки наши гремѣли неумолкаемо. Отъ страшнаго сотрясенія я тогда почувствовалъ у себя глухоту и звонъ въ ушахъ, и когда, послѣ отбитія штурма, генералъ Хрулевъ, благодаря всѣхъ матросовъ, сказалъ и мнѣ: „спасибо тебѣ, Зубовъ!“—я не слышалъ словъ его. За этотъ подвигъ меня наградили Георгіевскимъ бантомъ.

— Ну, что же случилось съ тобою потомъ?

— „Послѣ разсказаннаго мною неудачнаго приступа къ Севастополю, непріятель усилилъ свою передовую цѣпь. Отъ того наша цѣпь была ужа не въ силахъ занимать прежнія мѣста. Вылазки наши прекратились, и вся потомъ война состояла, можно сказать, въ одной кононадѣ. Мнѣ было уже меньше работы; скоро я и вовсе лишился удовольствія служить съ матросами на стѣнахъ Севастополя. 27-го іюля, вечеромъ, услышавши протяжный крикъ часоваго „б-о-о-мба!“ я подумалъ, что бомба летитъ прямо на мою каморку, и, чтобъ скрыться отъ ней, выскочилъ мигомъ гъ чуланъ, но тутъ-то, сверхъ чаянія, она меня и встрѣтила, разорвавшись надъ самымъ чуланомъ. Я получилъ сильную контузію въ голову и лѣвую ногу, а лицо мое все было изцарапано глиною. Тогда же меня, какъ контуженнаго, отправили въ гошпиталь, откуда я черезъ мѣсяцъ воротился домой. Голова моя отъ сильной боли вся облезла. Прибывши сюда, я принужденъ былъ, стыда ради, обвязывать ее платкомъ. Я думалъ, что на вѣки останусь уже плѣни-

-вымъ, или покроюсь сѣдиною. Ни чуть не бывало. Когда боль прошла, у меня, къ удивленію, откуда ни возьмись, выросли, густые черные волосы безъ сѣдины, даромъ что борода и усы мои почти сѣдые—какъ вы сами изволите видѣть. Выздоровивши отъ болѣзни, я было опять отправился въ дежурство, съ просьбою о нарядѣ меня въ Севастополь, но на дорогѣ узналъ, что уже съ Французами и Англичанами послѣдовало замиреніе.“

— Но что теперь побудило тебя, на старости лѣтъ, идти на Кавказъ? Или тебѣ не мило твое семейство—жена и дѣти, или ты чѣмъ не доволенъ?

— „Нѣтъ, ваше благородіе. Кому изъ людей не мила родина? Не даромъ говоритъ пословица: „въ людяхъ хорошо, а дома лучше.“ Но кто истинный воинъ, тому и дома скоро все прискучитъ. Такъ ужъ видно Богомъ созданъ человѣкъ, что ему нигдѣ нѣтъ здѣсь полнаго покоя. Вотъ и я—пришелъ домой: вездѣ принятъ былъ съ честію; станичники за обѣдомъ сажали меня въ передній уголъ; старшій сынъ мой женился почитай—на первой дѣвушкѣ въ станицѣ. Являюсь сюда: вездѣ нахожу себѣ ласки и похвалы, даже пособія денежныя. . . Кажись, чего бы и хотѣть больше? Но душѣ моей нѣтъ отрады. Безъ войны я и дома *кубыть* осиротѣлъ. Не знаю чѣмъ и заняться. Ковать опять желѣзо—стало ужъ какъ-то совѣстно; работать въ полѣ—ослабли силы, а жить въ праздности грѣшно. Думалъ, думалъ и наконецъ сказалъ самъ себѣ: „пойду лучше опять на войну. Но крайней мѣрѣ тамъ не буду празденъ, а служба моя на старости сочтется за подвигъ—коли не людьми, такъ Богомъ. Вить надо же когда нибудь помыслить и о душѣ своей!“ Вотъ почему я пріѣхалъ сюда и зачислился. Но жалѣю объ одномъ: зачѣмъ я поступилъ въ полкъ № 14, который, какъ слышно, отправится на правый флангъ? безъ войны тамъ, просто, прокиснешь. Ужъ не лучше-ли мнѣ подать вновь прошеніе о перечисленіи меня на лѣвый флангъ, гдѣ, знаю, есть постоянная охотничья команда? Вотъ бы куда мнѣ хотѣлось! Какъ прежде бывалъ я въ охотникахъ, такъ бы и теперь послужилъ. Тамъ бы не стыдно было и умереть съ оружіемъ

въ рукахъ. Теперь ѣду домой проститься съ родными. Какъ-то будетъ хныкать моя старуха. Я забылъ было сказать вамъ, ваше благородіе, что какъ прослышала моя жена о моемъ намѣреніи идти на Кавказъ—да какъ заголоситъ, заплачетъ, а слезы такъ градомъ и льются: „На кого ты, говоритъ, Ивановичъ, меня покидаешь, горемычную? Али станица наша не мила, али свѣтъ опостылилъ, что идешь ты охотою въ дальнюю сторону Кубанскую? Сколько лѣтъ прежде провела я въ горѣ безъ тебя, несчастная! И какъ теперь я въ старости буду жить одна съ дѣтьми, горемычная!" Ну, знаете, голоситъ, да голоситъ баба по мнѣ, словно по покойномъ. Признаться, жаль стало. По я, скрѣпя сердце, сказалъ ей: „не плачь, моя старушка! Бывалъ я посреди тысячи смертей, и однакожъ Богъ помиловалъ. Вотъ и теперь ворочусь домой опять, коли Богу угодно будетъ. А коли нѣтъ—поминай *убіеннаго на брани*. Что написано кому Богомъ, того не минуешь." Чтожъ вы думаете? отъ этихъ словъ замолчала моя старуха и, ѣдучи сюда, простилась со мною спокойно, возложивши надежду на Бога. . . . —Однакожъ я заговорился съ вами, ваше благородіе. Вотъ, кажись, скачетъ и моя подвода. Прощенія просимъ. Покорнѣйше благодарю за ваше радушіе. Желаю вамъ всякаго счастія по службѣ и того, чего вы отъ Бога себѣ желаете."

Тутъ я простился съ храбрымъ старикомъ и взаимно пожелалъ ему всякаго успѣха въ войнѣ съ Черкесами. Скоро ямщикъ евиснулъ, кони взвились и—севастопольскій герой скрылся изъ моихъ глазъ. Глядя вслѣдъ его, я думалъ: что за чудный человѣкъ—этотъ Зубовъ! Между тѣмъ какъ многіе въ молодости ищутъ себѣ покоя, онъ и въ старости вѣчный охотникъ на войнѣ!

Апрѣль 1858 г.

НѢЧТО О ВОЛКАХЪ НА ДОНУ.

Съ волками жить—по волчьи выть.

Пословица.

Волки и медвѣди—вотъ самый обильный источникъ для разсказовъ у всѣхъ охотниковъ и не охотниковъ, кто только любитъ похвастаться своею силою, искуствомъ или счастьемъ въ борьбѣ съ хищными звѣрями! Къ сожалѣнію (или, лучше сказать, къ счастью) на Дону—хоть есть рѣка Медвѣдица и даже Медвѣдицкая станица—медвѣдей не водится, кромѣ ручныхъ, водимыхъ по хуторамъ Цыганами, и потому о нихъ не можетъ быть и рѣчи. За то волковъ на Дону много, такъ много что о нихъ можно сообщить кучу не безъинтересныхъ новостей... Позвольте исправить неточность выраженія: сказать что нибудь *новое* о волкахъ, конечно не легко, послѣ того, какъ о нихъ писали и вездѣ пишутъ безнрестанно; но все же исторія борьбы человѣка съ звѣрями за свое существованіе—какъ бы обыкновенна ни была—по моему мнѣнію, интереснѣе и любопытнѣе, чѣмъ какая нибудь плацпарадная война людей между собою, особенно, мимоходомъ сказать, война нѣмцовъ съ нѣмцами. Не отъ того ли, можетъ быть, обыкновенные разсказы о волкахъ читаются и слушаются у насъ съ большимъ интересомъ, чѣмъ, напр., телеграфическія депеши о безконечныхъ спорахъ за обладаніе Шлезвигъ-голштинскимъ герцогствомъ? Намѣреваясь помѣстить здѣсь нѣсколько анекдотовъ о волкахъ, предваряю читателей, что буду говорить о томъ, что самъ отчасти видѣлъ, а болѣе слышалъ отъ очевидцовъ, заслуживающихъ довѣрія. Правда въ разсказѣ важнѣе всего.

Rien n'est beau que le vrai;
Le vrai seul est aimable.

Волкъ, не смотря на то, что самъ не больше старой овцы и большой собаки, одаренъ такою силою, что можетъ вдругъ,

вскочивши въ стадо, унесть любую овцу, таща ее въ зубахъ или закинувъ на спину. Бѣда овцамъ, гдѣ нѣтъ добрыхъ собакъ, и гдѣ пастухи, видя дневный грабежъ волковъ, ничего не могутъ съ ними сдѣлать. Коршунъ не скорѣе уноситъ цыплятъ, какъ волкъ овецъ. Убывшаго крестьянина моего Федора Тимофѣева, по его словамъ, наелось однажды въ большомъ стадѣ только двѣ собственныя его овцы. Самъ онъ былъ пастухомъ. И что же? При его глазахъ два волка вдругъ вскочили въ стадо и, какъ нарочно, унесли обѣихъ. Случай этотъ онъ приписывалъ наказаніе Божію. По этому у овчаровъ на Дону принято за правило держать при стадахъ самыхъ злыхъ собакъ. Разумѣется, отъ такихъ собакъ не бываетъ прохода ни волкамъ, ни людямъ.

Изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ только быкъ (бугай) и жеребецъ не боятся встрѣчи съ волкомъ. При нападеніи сѣраго, быкъ обыкновенно старается защитить свой задъ. Для этого онъ прислоняется къ какому либо предмету (дереву, стогу и т. под.), и потомъ, уставясь лбомъ въ землю и изрѣдка поматывая головой, спокойно ждетъ своего врага. Какъ ни хитеръ сѣрый, труситъ однако попасть на бычачьи рога, и отъ того рѣдко на него нападаетъ. Другое дѣло жеребецъ. Нападая на него, волкъ употребляетъ удивительную хитрость, достойную человѣческой. Одному, знакомому мнѣ, старику пришлось быть зрителемъ подобной сцены. Сильный и гладкій жеребецъ ходилъ въ полѣ съ косякомъ лошадей. Волкъ долго захаживался около него, хватался за хвостъ, но все по напрасну: конь скоро вырывался и билъ задомъ. Тогда (говоритъ очевидецъ) волкъ отошелъ отъ него на нѣсколько саженъ, сталъ ѣсть землю— безъ сомнѣнія для того, чтобъ отяжелѣть,—потомъ, улучивши благопріятную минуту, снова ухватился за хвостъ жеребца, крѣпко уперся въ землю передними ногами, и лишь только послѣдній протащилъ его нѣсколько саженей, вдругъ разомъ пустилъ его. Конь отъ напряженія, потерявъ равновѣсіе, грянулся о земь, а волкъ съ быстротою молніи перехватилъ ему горло.—Впрочемъ такая побѣда рѣдко удастся волку. Обык

новенно лошади (точно также и волы), при нападеніи волка, становятся въ кругъ или каре, и, помѣстивши молодыхъ внутри а старыхъ напередъ, безпрестанно кружатся, подъ защитою жеребца, чтобъ не дать волку возможности ворваться въ средину. Случается, что отъ такого безпрестаннаго движенія лошадей на томъ же мѣстѣ въ одну ночь образуется настоящій токъ. При чемъ обыкновенно, отъ давки и тѣсноты помѣщенія, нѣсколько слабыхъ жеребятъ, затоптанныхъ лошадьми, дѣлаются поживою волка.

Многіе думаютъ, что человѣку безопасно можно встрѣтиться съ волками. Но это несправедливо. Правда волкъ, какъ и всякій хищный звѣрь, боится человѣка, особенно человѣческаго голоса, свиста, звону; самый трусливый человѣкъ можетъ отдѣлаться отъ волковъ, если успѣетъ внезапно испугать ихъ. Но это бываетъ не всегда. Волкъ очень хитеръ и смѣтливъ. Если онъ замѣтитъ при встрѣчи, что ему бояться нечего, то становится дерзкимъ, и въ такомъ случаѣ нужно большое присутствіе духа, чтобъ избавиться отъ бѣды. Не мало погибло на свѣтѣ охотниковъ отъ волковъ чрезъ свою излишнюю самонадѣянность. Особенно волки дѣлаются страшно-лютыми, когда защищаютъ своихъ волчатъ.—Три года тому назадъ, бывшій крестьянинъ, брата моего, Кирила Никоненковъ—мущина лѣтъ 55-ти, крѣпкаго сложенія, охотникъ, прошедшій на своемъ вѣку, что называется, скозь огонь и воду,—весною, на Троицынъ день, выѣхалъ изъ своего поселка (Сенюткина) на волахъ въ степь накосить сѣна. Такъ какъ на этой степи водятся сурки, то онъ запасся нѣсколькими капканами. Отъѣхавъ верстъ 10 отъ поселка, Никопенковъ остановился надъ логомъ *Крутымъ*, и взявши съ собою пару капкановъ, спустился въ логъ, гдѣ растутъ терновые кустарники. Проходя мимо ихъ, онъ замѣтилъ по травѣ звѣриные слѣды, но не обратилъ на это большаго вниманія, занятый мысліо о суркахъ. Лишь только онъ сталъ становить капканы надъ сурчинами. какъ вдругъ изъ терновника выскочила пара волковъ (волкъ съ волчицею), у которыхъ были тамъ детеныши. Разумѣется, первымъ дѣ-

ломъ крестьянина было испугать волковъ; онъ сталъ свистать, кричать, звѣнѣть канканами. Не тутъ-то было: волки отбѣжавши отъ него, саженей на 20, сѣли и скалили зубы. Оторопь нашла на Никоненкова. Мигомъ онъ сообразилъ, что съ двумя волками трудно ему справится, имѣя въ рукахъ только пару канкановъ. Для этого онъ поспѣшно отретировался къ возу, но, добѣжавъ до него, къ ужасу, замѣтилъ, что волки преслѣдуютъ его по пятамъ, и въ то же время мигомъ атаковали его собаку. Оробѣвшій крестьянинъ едва успѣлъ вскочить на возъ, какъ испуганные волы понесли его по степи во всю прыть, что твои кони. Напрасно онъ махалъ косою: остервенивнѣеся волки неотступно преслѣдовали его болѣе 2-хъ верстъ, безпрестанно кидаясь на собаку, искавшую себѣ спасенія подъ возомъ. Добѣжавъ до балки, волы стремглавъ ринулись съ крутизны внизъ. Въ это время находившійся на возу боченокъ съ грохотомъ покатился на земь и, кажется, напугалъ въ свою очередь волковъ. Они остановились. А крестьянинъ, ни живъ — ни мертвъ, воротился въ поселокъ и съ той норы, прежде смѣлый охотникъ, боится одинъ выходить въ лѣсъ, подтвердивъ примѣромъ своимъ извѣстную пословицу: *волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить.*

Но лѣтомъ волки еще не такъ страшны, какъ зимою, когда они обыкновенно бѣгаются цѣлыми стаями. Поэтому путешествовать зимою въ глухихъ степяхъ Дона, даже въ свѣтлыя ночи, но всегда бываетъ безопасно, особенно если путникъ не имѣетъ при себѣ оружія для обороны, что не рѣдко случается. Бывали однакожъ примѣры, что человѣкъ, съ умомъ и духомъ, не только счастливо отдѣлывался отъ волковъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, но даже умѣлъ извлечь выгоду изъ ихъ нападенія. Вотъ одинъ изъ такихъ невымышленныхъ примѣровъ. Не припомню въ какомъ именно изъ тридцатыхъ годовъ одинъ мѣщанинъ жившій по найму въ Донецкомъ округѣ Войска Донскаго, въ зимнее время спѣшилъ въ Бѣловодскъ для продажи свининыхъ тушъ. Выѣхавъ еще до свѣта изъ слободы Анновки—Ребриновой (что на вершинахъ Калитвы), онъ вне-

запно окруженъ былъ на дорогѣ цѣлою стаею волковъ. Такъ какъ у него не было оружія, то, для спасенія себя отъ опасности, онъ счелъ нужнымъ тотчасъ бросить съ повозки одну свининую тушу въ подарокъ голоднымъ гостямъ, а самъ, между тѣмъ, ударилъ по всѣмъ—по тремъ. Но онъ ошибся, думая этимъ отдѣлаться отъ волковъ: не успѣлъ еще онъ отъѣхать пяти верстъ, какъ они, съѣвши свинью догнали снова мѣщанина. Тотъ бросилъ опять имъ тушу, все-таки улепетывая на лошадяхъ. Нужно замѣтить, что не далеко отъ слободы Анновки, на большой дорогѣ, стоялъ оставленный (по распоряженію начальства) въ запустеніи постоялый дворъ, знакомый мѣщанину по прежнимъ поѣздкамъ. Добравшись кое-какъ до этого двора, онъ бросилъ повозку съ лошадьми, а самъ вбѣжавъ въ *чуланъ* (переднюю), мигомъ вскочилъ на *палати* (потолокъ) но лѣстницѣ, которую изъ предосторожности оттолкнулъ ногою на земь. Едва только онъ успѣлъ прилечь въ своемъ убѣжищѣ, какъ вдругъ вся стая волковъ, вслѣдъ за волчицею, вбѣжала въ чуланъ и потомъ прямо въ растворенную избу. Мѣщанину того только и хотѣлось. Замѣтивъ, что всѣ волки вбѣжали въ *хату*, онъ тотчасъ прихлопнулъ рукою дверь, которая сама собою защелкнулась щеколдою. Волки не ожидание очутились въ западнѣ. Всѣ окна въ избѣ оказались забитыми. Поднялся страшный вой. Тогда, ни мало не мѣшкая, мѣщанинъ скочилъ проворно съ палатей, добѣжалъ на лошадяхъ (оставшихся, къ счастью, невредимыми) до ближайшаго села, пригласилъ охотниковъ и съ помощію ихъ, поднявъ одну доску въ потолкѣ, перебилъ всѣхъ незванныхъ гостей постоялаго двора; ихъ насчиталось 12 штукъ. Такимъ образомъ онъ съ выгодою для себя промѣнялъ пару свининыхъ тушъ на дюжину отличныхъ волчьихъ шкуръ.

Само собою разумѣется, что, при такихъ качествахъ волка, охота на него въ одиночку становится рискованною, чтобы не сказать опасною. По этому на Дону обыкновенно собирается нѣсколько охотниковъ (иногда почти цѣлая станица или село), выѣзжаютъ верхомъ на добрыхъ лошадяхъ, съ плетьми въ

рукахъ и, выгнавши волка, стараются загнать его, скача за нимъ во весь карьеръ нѣсколько десятковъ верстъ. Умученный волкъ высовываетъ языкъ, какъ собака, и наконецъ падаетъ отъ изненожесшія Тутъ его добиваютъ плетьми. Случается однакожь, что и въ это время онъ еще на столько бываетъ силенъ, что можетъ нанесть неосторожному охотнику опасную рану. Дѣдъ мой, войсковой старшина Демьянъ Захарьевичъ, вмѣстѣ съ есауломъ (отцомъ генералъ-маіора И. С.) Ульяновымъ, гоняясь однажды за волкомъ, умучивъ его и, поровнявшись съ нимъ на конѣ, хотѣлъ было ударить его плетью, но волкъ мгновенно бросился на него и ухватясь вмѣсто ноги за желѣзное стремя, такъ сильно сдавилъ съ ногою, что охотникъ едва уже могъ доѣхать домой. Принуждены были распилить стремено, чтобъ освободить распухшую ногу.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что волкъ силенъ, хитръ, проворенъ, золъ, кровожаденъ, при нападеніи храбро обороняется и имѣетъ необыкновенно крѣпкія челюсти и острые зубы. Послѣдняя способность волка вошла даже въ пословицу. Такъ о человѣкѣ хитромъ и жадномъ обыкновенно говорятъ: *у него лисій хвостъ и волчій ротъ.* Добавимъ еще, что волкъ, кромѣ того, одаренъ необыкновенною зоркостью и превосходнѣйшимъ обоняніемъ. Ночью глаза его горятъ, какъ свѣчки, и онъ въ темнотѣ безъ труда различитъ свою добычу. Утверждаютъ, что онъ, по вѣтру почуявшій за нѣсколько верстъ падаль, начинаетъ безпрестанно рыскать въ разныя стороны ища ее, какъ гончая собака зайца, и ужъ непремѣнно находитъ. Смѣлые охотники, пользуясь этимъ свойствомъ волка, въ лунную ночь залегаютъ съ ружьями въ ямахъ не подалеку отъ падали, и выждавши голоднаго звѣря, когда онъ бросится съ жадностью на добычу, бьютъ его пулями.

Говоря объ охотѣ на волковъ, здѣсь кстати замѣчу, что въ послѣднее время въ газетахъ нашихъ, между многими небылицами о казакахъ, распространялось мнѣніе, что будто бы они потеряли прежній воинственный духъ и даже не умѣютъ хорошо владѣть ружьемъ. На повѣрку же все это оказывается

нестоющимъ вниманія. Не спорю, что, быть можетъ, изъ малолѣтковъ найдутся *не умѣлые;* но про опытныхъ, бывалыхъ казаковъ грѣхъ сказать, чтобъ они не умѣли хорошо стрѣлять. Напротивъ, безъ всякаго хвастовства, можно утверждать, что между казаками нашими попадаются сплошь да и рядомъ такіе отличные стрѣлки, которымъ бы позавидывалъ, можетъ быть, самъ Жераръ, истребитель львовъ. Вотъ доказательство. Не далѣе какъ въ 50-хъ годахъ въ Сигнахскомъ уѣздѣ (въ Грузіи) появилась гіенна—весьма лютый звѣрь, который какъ извѣстно, ростомъ и кровожадностью много превосходитъ волка, хотя и нохожъ на него по виду. Нѣсколько лѣтъ гіенна наводила страхъ на окрестныхъ жителей города Сигнаха. При всемъ томъ, что не мало грузинскихъ дѣтей сдѣлались несчастными жертвами ея кровожадности, изъ грузинъ не нашлось однакожъ смѣльчака истребить страшнаго звѣря. Въ августѣ 1856 года донской казакъ Филипъ Касотинъ (недавно прибывшій туда въ полку № 48) отправился съ двухствольнымъ ружьемъ на охоту въ лѣсъ, въ урочищѣ Караагачъ. Проходивъ безъ пользы до поздняго вечера, онъ уже возвращался въ квартиру, какъ вдругъ изъ опушки лѣса выскочила гіенна и внезапно явилась передъ охотникомъ. Касотинъ тотчасъ же выстрѣлилъ въ нее и сильно ранилъ, такъ-что она было упала на земь, но въ тоже мгновеніе вскочила и съ ревомъ бросилась на него. Еще одно мгновеніе—и онъ безъ сомнѣнія палъ бы истерзаннымъ. Но Касотинъ не потерялъ присутствія духа, а другимъ выстрѣломъ, прямо въ пасть звѣря, положилъ его на мѣстѣ. Молодецкій подвигъ Касотина въ свое время былъ публикованъ въ газетахъ. Кромѣ благодарности жителей, онъ получилъ еще 25 рублей серебромъ отъ начальника края.

Конечно мнѣ могутъ возразить, что одинъ примѣръ не доказательство. Но въ томъ-то и сила, что у меня имѣется въ виду не одинъ, а много подобныхъ примѣровъ; приводить ихъ здѣсь считаю неумѣстнымъ, а если угодно, постараюсь доказать сравненіемъ, что Донцы ничуть не уступаютъ въ стрѣльбѣ прославленнымъ французскимъ стрѣлкамъ. Сравненіе,

выведенное изъ опытовъ, безъ сомнѣнія составляетъ самое лучшее доказательство. Въ 1860 году, осматривая, по обязанности войсковаго стряпчаго вмѣстѣ съ новочеркаскимъ комендантомъ полковникомъ В. А. Мнтрофановымъ, арестанскую одежду въ здѣшнемъ тюремномъ замкѣ, мы, не безъ удивленія, замѣтили въ толпѣ арестантовъ одного оборваннаго мусью, который, къ не малому удовольствію коменданта, оказался французскимъ зуавомъ. Какими судьбами онъ изъ Алжира попалъ въ новочеркаскую тюрьму—этого я, признаюсь не знаю. Но дѣло не въ томъ. Изъ дальнѣйшихъ распросовъ плѣнника мы узнали, что онъ служилъ въ крымскую войну застрѣльщикомъ. Понятно, почему французъ—зуавъ—застрѣльщикъ былъ дорогою находкою для командира учебнаго полка. Ему хотѣлось на опытѣ изъ сравненія узнать, дѣйствительно-ли зуавы превосходятъ казаковъ въ искуствѣ стрѣльбы. Когда сообщили объ этомъ французу, онъ былъ въ восторгѣ. Что жъ оказалось на опытѣ? А то, что зуавъ, при всемъ своемъ стараніи, ни какъ не могъ сравняться въ мѣткости выстрѣловъ съ казаками, хоть-надо правду сказать—превосходилъ ихъ въ такъ называемыхъ ружейныхъ пріемахъ, т. е. умѣлъ отлично держать ружье и картинно прикладываться къ нему при стрѣльбѣ. Но безъ сомнѣнія послѣднее качество ниже перваго. Вотъ вамъ и заморскіе стрѣлки. Мы обыкновенно наклонны хвалить безъ мѣры все иностранное, не отдавая часто своему должной справедливости. А какъ повѣришь на опытѣ, то и выходитъ по пословицѣ: *славны бубны за горами.*

Приводя народныя пословицы и поговорки о волкахъ, я вспомнилъ, что у насъ на Дону, да и вообще въ Россіи, у простонародья существуетъ повѣрье, что *волкъ перебѣгаетъ дорогу людямъ къ счастію, а заяцъ къ несчастію.* По этому поводу, разкажу анекдотъ изъ собственной жизни, который можетъ служить отличнымъ доказательствомъ, до какой степени суевѣрны еще у насъ простолюдины и какъ много еще надо усилій и трудовъ правительству, чтобъ искоренить изъ нихъ разные смѣшные предразсудки и повѣрья. Въ январѣ

1851 года мнѣ предстояла надобность быть въ Новочеркаскѣ. Я выѣхалъ изъ поселка своего на саняхъ, вдвоемъ съ кучеромъ (бывшимъ крестьяниномъ своимъ), во время прекрасной зимней погоды. Какъ отношенія у насъ съ крестьянами были всегда чисто патріархальныя, то не удивительно, что кучеръ мой Иванъ Половинкинъ (нынѣ казакъ) зналъ еще прежде, что я ѣду въ городъ *искать новой должности*. Но едва только мы успѣли отъѣхать верстъ двадцать, какъ, близъ слободы Чистяковки, кучеръ мой остановилъ вдругъ лошадей и, почесывая затылокъ, сказалъ съ замѣтною досадою:—„А что, баринъ, вить не ладно: намъ лучше бы воротиться домой.“

— Что ты, Богъ съ тобой? вскричалъ я. Да развѣ ты забылъ что нужное, или сани поломались?—

— „Нѣтъ я ничего не забылъ и сани цѣлы. Да неужели вы не видали, что заяцъ перебѣгъ намъ дорогу?“

— Такъ что жъ за бѣда?

— „А то, что теперь хоть не ѣзди въ городъ: счастья вамъ не будетъ и должности вы не получите.“

— Пустяки, братецъ, городишь; погоняй.

— „Ну, тогда попомните мое слово,“ заключилъ съ нѣкоторою самоувѣренностію мой вожатай.

Всю дорогу онъ не переставалъ потомъ пророчить мнѣ несчастіе, а конямъ читать свои нравоученіи, въ родѣ гоголевскаго Ослифана. Черезъ два дня, помню, не доѣзжая съ версту до Грушевскаго хутора (близъ Екатериненской станицы) при выѣздѣ изъ балки, мы неожиданно встрѣтили двухъ волковъ, которые, не болѣе какъ въ 15 саженяхъ, перерѣзали намъ дорогу. Одинъ изъ нихъ немного прихрамывалъ. Они бѣжали одинъ за другимъ такою слабою рысью, что я успѣлъ по заднему выстрѣлить изъ ружья. Разумѣется выстрѣлъ мой, дробью, на разстояніи 40—50 саженъ могъ только испугать волка. Онъ высоко подпрыгнулъ, потомъ, обернувшись, посмотрѣлъ съ минуту на насъ—и былъ таковъ.

— Ну что, Иванъ,—сказалъ я, улыбаясь,—теперь по твоему, добра ждать мнѣ ужъ никакимъ образомъ нельзя: не одинъ заяцъ, а и волки перебѣгли намъ дорогу!

— „Нѣтъ, баринъ, отвѣчалъ онъ съ самодовольствіемъ:— волкъ перебѣжитъ дорогу—значится счастье; а вамъ перебѣгло двое; стало вамъ выпадаетъ два счастья, али двѣ должности.

Кучеръ мой, безъ сомнѣнія, былъ плохой угадчикъ; но въ этомъ случаѣ ему пришлось сказать правду. Дѣйствительно, черезъ двѣ недѣли послѣ пріѣзда моего въ Новочеркаскъ, я получилъ двѣ должности—редактора *Донскихъ Вѣдомостей* и переводчика.

Въ старину волковъ на Дону было несравненно больше, чѣмъ теперь. Рѣдко проходила какая ночь безъ того, чтобы они гдѣ нибудь но накуралѣсили бѣдъ. Густые лѣса и кустарники, покрывавшіе тогда берега донскихъ рѣчекъ, глубокіе овраги и балки, поросшія колючими растеніями, высокія травы, покрывавшія степи,—все служило отличнымъ убѣжищемъ для этихъ хищныхъ звѣрей. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, волковъ на Дону расплодилась тьма тьмущая. Вошло у всѣхъ, живущихъ по хуторамъ въ обычай, при выходѣ ночью изъ дома, поднимать свистъ и крикъ, въ смыслѣ отказа отъ пріема незваннымъ гостямъ. Этого мало. Въ 1784 году, по случаю умножившихся несчастныхъ случаевъ отъ волковъ, войсковое начальство не усумнилось употребить противъ нихъ рѣшительныя мѣры, какъ противъ сильнаго врага. Оно объявило по всему Дону поголовный походъ противъ волковъ. Сомнѣвающійся въ нашихъ словахъ можетъ убѣдится въ истинѣ изъ приводимаго здѣсь рапорта войсковой канцеляріи „высокородному и превосходительному войсковому атаману Алексѣю Ивановичу Иловайскому.“

„Въ войсковой канцеляріи, имѣя разсужденіе, что въ предѣлахъ Войска Донскаго съ давнихъ лѣтъ хищной звѣрь волкъ, оставшись безъ истребленія, размножился такъ, что вездѣ, будучи во многомъ числѣ, дѣлаетъ въ конныхъ, скотскихъ и овечьихъ табунахъ великой ущербъ и многіе людямъ убытки;

слыша жъ о томъ отъ многихъ крайнее сожалѣніе, Приказали: Во всѣ вѣдомства Войска Донскаго верховыя станицы станичнымъ атаманамъ чрезъ народныхъ предписать грамотами, чтобъ они со всѣми наличными и казаками, яко же выростками казачьими дѣтьми и малороссіянами, особо собравшись, выѣхали 30-го числа будущаго ноября до восхожденія солнца въ полѣ, и, раздѣлясь на небольшія партіи, произвели сыскъ волковъ два дни по мѣстамъ такимъ, въ коихъ звѣрь сей скрывается и кому гдѣ ближе и способнѣе будетъ, и старались бы сколько возможно вредной звѣрь сей искоренять; а чтобъ сыскъ звѣря былъ не въ пустой игрѣ и шуткахъ, а самымъ дѣломъ произведенъ рачительно и расторопно, да и не во многомъ числѣ состояла каждая партія, для того сіи партіи раздѣлить и поручить каждую одному изъ партій надежному, которымъ, зная мѣста нахожденія волковъ, приказать идти по онымъ каждой партіи особенно; къ лучшему жъ распоряженію и къ непремѣнному всего вышеписаннаго исполненію, употребить всѣмъ въ нервомъ случаѣ стараніе сыскнымъ старшинамъ, каждому въ своемъ вѣдомствѣ, такъ чтобъ они со избранными себѣ въ помощники лучшими и расторопными людьми успѣли вдругъ сіе распорядить и по хуторамъ, о чемъ къ нимъ сыскнымъ старшинамъ предложить грамотами,“ и проч.

Чрезвычайно—длинный рапортъ этотъ помѣщенъ цѣликомъ въ „Донскихъ вѣдомостяхъ“ 1855 года. Изъ него видно, что поголовный походъ на волковъ предписывалось снова повторить въ слѣдующемъ 1785 году. Такимъ образомъ въ два года волки потерпѣли страшное пораженіе на Дону. Ихъ осталось тогда не большое только число для удовольствія охотниковъ. Но съ того времени прошло восемьдесять лѣтъ. Поголовныхъ ополченій на нихъ не дѣлалось. Волки опять размножились. Нынѣ, не смотря на многія неблагопріятныя для нихъ обстоятельства на Дону (именно: умноженіе народоселенія, почти повсемѣстное истребленіе лѣса, частые неурожаи травъ и хлѣбовъ), они не рѣдко, по старинному, забираются смѣло на базы и дѣлаютъ въ „конныхъ, скотскихъ и овечьихъ табунахъ

большой ущербъ людямъ.' Въ подтвержденіе этого приведу еще одинъ достовѣрный анекдотъ, чтобы закончить длинную матерію о волкахъ.

Зима 1851 года на Дону была весьма снѣжная. Стоило только пѣшеходу свернуть съ дороги, чтобы вдругъ по поясъ погрузится въ морѣ сугробовъ. Крутоярыя рѣчки, отъ большаго наноса снѣгу, сравнялись съ степью, и какъ бы изчезли изъ виду, представляя при берегахъ своихъ однѣ только малыя отверстія, образованныя вѣтромъ. Мятели и вьюги были повсемѣстны. Въ одну изъ самыхъ холодныхъ январскихъ ночей этого года два старыхъ волка, выведенные вѣроятно изъ терпѣція голодомъ, безъ всякой осторожности, пришли на дворъ пойсковаго старшины Руфа Захарьевича Сен-ина, находящійся при поселкѣ его на рѣчкѣ Цуцканѣ, близъ слободы Чистяковки. Не обращая никакого вниманія на отчаянный лай полдюжины дворовыхъ собакъ, хищники пробрались на скотскій базъ и тамъ притаились, высматривая для себя любую жертву. Въ это время проснулся старшій сынъ хозяина, есаулъ В. Р. Сен-инъ. Предпологая по сильному лаю и визгу собакъ что-то необыкновенное, онъ тотчасъ накинулъ на себя тулупъ, обулся и, взявъ ружье бросился на дворъ. Ночь была не темная и не ясная; снѣгъ падалъ рѣдкими хлопьями на землю. Подбѣжавъ къ плетню, гдѣ стояли волки, атакованные собаками, есаулъ скоро смѣтилъ, въ чемъ дѣло, и потому съ взведенымъ куркомъ осторожно подошелъ къ воротамъ база. Появленіе человѣка напугало волковъ; они обратились въ бѣгство, но не разомъ вмѣстѣ, а порознь, и притомъ въ противоположныя стороны: одинъ изъ нихъ, по которому успѣлъ выстрѣлить есаулъ, ударилъ прямо въ степь, а другой бросился къ рѣчкѣ и, прыгнувъ съ яру, провалился въ отверстіе, гдѣ снова окруженъ былъ собаками. Между тѣмъ Сен-инъ бросилъ ружье, какъ безполезное въ настоящемъ случаѣ, и, схвативъ деревянный колъ, побѣжалъ—что есть мочи—къ тому мѣсту, гдѣ былъ волкъ; но тутъ нагнувшись съ яру, чтобъ ударить хищника, онъ потерялъ равновѣсіе, упалъ и вдругъ—нужно же

было такъ случиться—очутился верхомъ на волкѣ! Не имѣя ничего у себя для борьбы съ звѣремъ и чувствуя крайнюю опасность своего положенія, Сен-инъ съ такою силою схватилъ его обѣими руками за горло, что не прошло и часа, какъ волкъ, утомленный борьбою, послѣ чрезвычайныхъ усилій опрокинуть сѣдока, издохъ къ неописанной радости послѣдняго. Къ счастью есаула, во время боя, двѣ собаки, впились зубами въ уши волка, и такимъ образомъ не дали ему возможности оборотиться назадъ. Напряженіе ручныхъ мускуловъ при давленіи волка было столь велико, что руки Сен-ина оцепенѣли отъ холода и, когда онъ пришелъ домой, надо было тереть и разминать окоченѣлые пальцы, чтобы возвратить имъ прежнюю чувствительность. „У меня ужасно болятъ руки отъ озноба“ —писалъ мнѣ, вскорѣ послѣ этого случая, новый Геркулесъ; „причиною тому были два волка, забравшіеся въ дворъ, изъ которыхъ я одного стараго, ухвативши за горло, задушилъ съ собаками, и теперь такъ страдаю, что нельзя писать.“ Удушенный волкъ, по осмотрѣ, оказался однимъ изъ самыхъ большихъ, какихъ только можно видѣть на Дону.

Мартъ 1866 г.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ДОНѢ,

ПО ПОВОДУ ГАЗЕТНЫХЪ СТАТЕЙ.

Посему, отвергнувъ ложь, всѣ говорите истину ближнему своему. Посл. къ Ефес. IV, 25.

—

Le temps est venu, où toute verité doit être proclamée. Andral.

Моралисты обыкновенно говорятъ, что долгъ человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ защищать истину и обличать неправду. Съ перваго взгляда, казалось бы, нѣтъ ничего удобоисполнимѣа этого правила. А какъ поживешь немного на свѣтѣ да поприсмотришься къ людямъ, ясно увидишь, что на самомъ дѣлѣ не такъ-то легко обличать неправду. Не даромъ кто-то сказалъ:

„Кто хочетъ враговъ себѣ нажить,
Тотъ долженъ правду говорить."

И это неудивительно. Пока вы всегда и во всемъ поддакиваете другимъ, пока терпѣливо выслушиваете ихъ мнѣнія и мысли даже и самыя сумасбродныя; пока не отвергаете ихъ предположеній, хотя бъ они были вовсе несбыточныя,—вы прекрасный человѣкъ: въ обществѣ васъ принимаютъ съ удовольствіемъ, ваша карьера самая счастливая, жизнь ваша, сказалъ бы поэтъ, усѣяна цвѣтами безъ терній, розами безъ шиповъ. Но начните только защищать истину, станьте противорѣчить другимъ, идти на перекоръ ихъ пристрастнымъ убѣжденіямъ,—о, тогда—будь вы мудрѣе Сократа и справедливѣе Аристида—вы несносный, тяжелый человѣкъ; карьера ваша несчастливая, труды неблагодарные, въ обществѣ васъ не терпятъ, въ службѣ держатъ только развѣ изъ необходимости

Еще большее горе ожидаетъ васъ, если вы къ тому же писатель-критикъ. „Долгъ писателя—замѣчаетъ Булгаринъ—говорить правду, а печатная правда колетъ глаза больнѣе изустной. Переберите всѣхъ писателей, которые осмѣлились говорить правду предъ ослѣпленнымъ человѣчествомъ,—вы увидите, что всѣ они болѣе знамениты своими несчастіями, нежели твореніями.“

Да, непріятно говорить правду въ глаза другимъ. Но нужда заставляетъ иногда это дѣлать. Нужда, по пословицѣ, камень долбитъ; по нуждѣ измѣняются самые законы. Скажемъ же и мы правду по нуждѣ..

Въ послѣднее время, при общемъ стремленіи къ прогрессу и улучшеніямъ, появилось въ газетахъ нашихъ, между прочимъ, нѣсколько статей и о Донѣ, написанныхъ большею частію туристами. Признаемся откровенно, мы всегда съ большимъ любопытствомъ принимались читать эти статьи, думая найти въ нихъ или вѣрную оцѣнку типическихъ особенностей, которыми Донской край такъ рѣзко отличается отъ другихъ губерній, или, по крайней мѣрѣ, дѣльныя указанія для исправленія нѣкоторыхъ недостатковъ края, несообразныхъ съ потребностями нынѣшняго времени. Но, къ сожалѣнію, мы не нашли въ нихъ ни того, ни другаго. Во всѣхъ нихъ, какъ нарочно, повторяются какія-то отсталыя, утрированныя понятія о казакахъ, которыя ни въ какомъ случаѣ нейдутъ къ ихъ теперешнему быту, а иногда даже, не извѣстно съ какою цѣлію, искажаются самые общеизвѣстные историческіе факты казачества. Нельзя сказать, чтобъ нелѣпость статей этихъ (заглавія которыхъ мы упоминаемъ ниже) не была у насъ замѣчена: напротивъ, въ дружескихъ бесѣдахъ о нихъ часто и много говорили, но, къ удивленію, до сихъ поръ не было сдѣлано никакихъ возраженій. А между тѣмъ печатная неправда, оставаясь не изобличенною, разлеталась повсюду, морочила все болѣе и болѣе образованную публику, такъ что наконецъ составилось теперь о казакахъ самое незавидное мнѣніе, въ которомъ нѣтъ никакого подобія истины. Вотъ почему,

послѣ долгаго молчанія, намъ показалось умѣстнымъ сдѣлать краткій анализъ нѣкоторымъ изъ этихъ статей, чтобъ можно было видѣть, на сколько въ нихъ содержится правды. Знаемъ, что, защищая такимъ образомъ казаковъ, мы идемъ въ разладъ съ общимъ почти мнѣніемъ; но, какъ бы слабъ голосъ нашъ ни былъ, все-таки онъ будетъ не лишнимъ, особенно теперь, когда всѣ желаютъ знать истину.

Но прежде, чѣмъ коснемся помянутыхъ статей о Донѣ, сдѣлаемъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Земля Войска Донскаго, не смотря на свою историческую давность, до послѣдняго времени, по какой-то непостижимой судьбѣ, была для нашихъ русскихъ соотечественниковъ настоящею terra incognita. По этому не удивительно, что о Донцахъ составились странныя, даже нелѣпыя сужденія. Не говоря уже о черни на Руси, которая привыкла смѣшивать казаковъ съ татарами, самые образованные люди имѣютъ часто смѣшныя понятія о казакахъ. Многіе совершенно увѣрены, что казаки говорить своимъ особеннымъ нарѣчіемъ, отличнымъ отъ русскаго, что они имѣютъ свою вѣру—не православную, что они живутъ, какъ черкесы или татары, въ аулахъ, не имѣя понятія объ образованіи. Въ доказательство справедливости сказаннаго, мы могли бы привесть здѣсь множество достовѣрныхъ анекдотовъ, еслибъ не боялись наскучить ими читателей. По крайней мѣрѣ упомянаемъ о двухъ—трехъ изъ нихъ. Еще на нашей памяти, однажды полученъ былъ въ войсковомъ правленіи пакетъ съ забавною надписью: *Во глубину земли Войска Донскаго.* По всей вѣроятности, писавшій эту надпись никогда неслышалъ о Новочеркаскѣ, и зная по наслышкѣ, что на Дону есть какія-то *верхніе* и *нижніе юрты*—въ родѣ калмыцкихъ улусовъ, вообразилъ, что если онъ адресуетъ свою бумагу въ самую глубь этаго множества разсѣянныхъ кибитокъ, то она навѣрно уже дойдетъ до казацкаго начальства.—Въ Курскѣ, въ одномъ благородномъ обществѣ, однажды всѣ съ изумленіемъ обратили вниманіе на молодаго донскаго студента, говорящаго по русски и не хотѣли вѣрить, когда послѣдній началъ доказывать, что

на Дону говорятъ правильнѣе по русски, чѣмъ у нихъ. Тоже самое повторилось, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ однимъ изъ столичныхъ педагоговъ. Наслышавшись или начитавшись о Донцахъ, какъ о народѣ полутатарскомъ, онъ началъ свою лекцію оригинальнымъ обращеніемъ къ только-что поступившимъ въ заведеніе донскимъ воспитанникамъ: „господа, натурально васъ накинули гдѣ нибудь на Дону арканомъ, и потому мнѣ съ вами придется еще долго толковаться, чтобъ научить васъ объясняться по русски и понимать меня.“ Но какъ же удивился почтенный лекторъ, когда одинъ изъ дѣтей, привставши съ мѣста, отвѣтилъ, что они „въ знаніи русскаго языка не нуждаются, потому что онъ имъ природный.“

Такому распространенію ошибочныхъ мыслей о Донѣ много содѣйствовали, къ сожалѣнію, сами наши писатели, никогда не бывавшіе на Дону. Въ „Русской исторіи“ Устрялова, служащей руководствомъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, есть мѣсто, гдѣ сказано: „Донцы составляютъ чудную смѣсь разноплеменныхъ народовъ; языкъ ихъ состоитъ изъ разныхъ элементовъ; въ чертахъ лица ихъ есть нѣчто азіатское; казаки гордятся своимъ происхожденіемъ отъ черкесъ и даже сами называютъ себѣ черкесами.“ Русское юношество заучило эту несправедливую характеристику Донцовъ и, составивъ по ней ложныя убѣжденія о Донѣ, невольно высказываетъ ихъ при первомъ удобномъ случаѣ. Тщетно Донцы увѣряютъ, что они русскіе, что они говорятъ русскимъ языкомъ и имѣютъ русскую православную вѣру; ихъ почти не хотятъ слушать и на подобныя увѣренія часто отвѣчаютъ съ ироніею: „помилуйте, господа, намъ извѣстно изъ исторіи ваше происхожденіе отъ черкесъ и татаръ, и надо только удивляться вашей способности скоро выучиваться говорить по русски.“ И это ничуть не выдумка. Многіе изъ Донцовъ слышали эти отзывы даже отъ людей образованныхъ, знающихъ казаковъ только по слуху да по исторіи.

Впрочемъ не нужно долго гоняться за примѣрами. Стоитъ только прочесть любой петербургскій журналъ или газету: тамъ непремѣнно найдешь что нибудь о казакахъ, и непремѣнно

въ родѣ сей часъ сказаннаго нами. Вотъ теперь, передъ глазами нашими, лежитъ январьская книжка *Странника*. Повидимому, подумаешь, какое дѣло духовному журналу до воинственныхъ казаковъ, когда онъ имѣетъ въ виду совсѣмъ другую религіозную цѣль—*не брань а миръ міра сего*. Такъ нѣтъ, въ немъ-то особенно и достается казакамъ не на шутку. Именно, въ январьской книжкѣ этого журнала за настоящій годъ помѣщена статья г. Кояловича: „Діонисій, Архимандритъ Троицкаго Сергіева монастыря.“ Въ краткомъ историческомъ очеркѣ, авторъ желая выставить на видъ заслуги архимандрита въ смутную эпоху самозванства, силится доказать, что причиною всей бѣды были большею частію казаки. И ужъ какихъ-то страшныхъ эпитетовъ онъ не навязываетъ имъ! Просто, волосъ дыбомъ подымается отъ ужаса. Казаки, по словамъ его, „испорченныя силы русскаго народа, питомцы неестественно—натянутой русской жизни временъ Іоанновъ первыхъ, третьихъ и четвертыхъ (почему же не сказать бы разомъ и вторыхъ?), негодные люди, испорченные злыми началами управленія“ и проч. и проч. Въ порывахъ негодованія, авторъ даже утверждаетъ наконецъ, что „архимандритъ, пославъ казакамъ церковную утварь (которую, замѣтимъ, они не приняли) *произвелъ* ужасное посрамленіе ихъ!“

Прочтя эту статью, невольно задаешь себѣ вопросъ: да откуда же авторъ позаимствовалъ эти ужасающіе эпитеты? Изъ исторіи? Но исторія говоритъ совсѣмъ другое, и нельзя не удивляться, что г. Кояловичь, взявшись писать историческій очеркъ, такъ худо читалъ ее. Казаки, правда, вызванные съ Дона Лжедимитріемъ и принявши его за сына Іоанна Грознаго, дѣйствительно помогали ему въ войнѣ съ Борисомъ Годуновымъ, который почему-то не былъ особенно расположенъ къ нимъ; но обвинять ихъ въ сочувствіи къ самозванцу было бы совершенно не умѣстно, такъ какъ въ самозванцѣ ошиблась цѣлая Русь; при томъ всякому извѣстно, что Лжедимитрій былъ не изъ числа казаковъ. Не изъ числа казаковъ были также Болотниковъ, Шаховской, Петрушка, Матюшка, Ту-

шинскій воръ и тому подобная сволочь, которые, пользуясь тогдашними смутными обстоятельствами, имѣли притензію царствовать въ Москвѣ. Не удивительно, что казаки, считавшіе себя людьми вольными, служили изъ жалованья то тому, то другому самозванцу. Вся почти Русь дѣлала тогда тоже самое. Тушинскому вору, прозванному *царикомъ* клялись даже въ Москвѣ иногіе бояре. „Казалось, говоритъ Карамзинъ, что Россіяне уже не имѣли тогда ни отечества, ни души, ни вѣры!“

За то послѣ временъ безначалія, когда по зову Минина и Пожарскаго, поднялась Русь на защиту отечества, казаки были первыми, принявшими сторону вѣрныхъ, и успѣли оказать ему важную услугу. Въ кровопролитной битвѣ подъ Москвою, 24-го августа 1612 года, въ ту минуту, когда побѣда склонялась уже на сторону Поляковъ, казаки, упрошенные келаремъ Авраамiемъ Палицынымъ, съ жаромъ бросились въ сѣчу, призывая на помощь св. Сергія, и рѣшили битву въ пользу русскихъ. Услугу, оказанную казаками Росціи, чувствовали современники. Царь Михаилъ Федоровичъ, первый изъ Русскихъ царей вскорѣ по восшествіи на престолъ, въ 1614 году пожаловалъ Войску Донскому знамя *за вѣрную службу*, въ похвальной грамотѣ назвалъ Войско *великимъ* и опредѣлилъ ему выдавать жалованье *на вѣки*. Но г. Кояловичу вѣроятно не пришлось этаго читать въ исторіи, которая, вопреки словамъ его, свидѣтельствуетъ также, что казаки ни чуть не были испорченными силами. Можно сказать напротивъ, что въ то время они были самыми свѣжими силами русскаго царства. Еще въ 1581 году (т. е. слишкомъ за 30 лѣтъ до описаннаго событія) горсть казаковъ, предводимая Ермакомъ, завоевала Сибирь и принесла ее въ даръ русскому царю, а спустя тридцать лѣтъ (въ 1642 году) такая же почти горсть казаковъ, овладѣвъ укрѣпленнымъ Турецкимъ городомъ Азовомъ, выдержала въ немъ безпримѣрную въ лѣтописяхъ осаду отъ полутрасто-тысячной арміи и такъ же предложила его въ даръ русскому царю. Такихъ великихъ подвиговъ безъ сомнѣнія никогда ни могли сдѣлать испорченныя силы.

Нельзя также сказать, чтобъ казаки руководились у себя злыми началами управленія. Если, по словамъ г. Кояловича, нѣкоторые москвичи хотѣли тогда казацкихъ порядковъ, то недумаемъ, чтобъ они хотѣли худшаго. Кто знаетъ наши древніе казачьи сборы, уцѣлѣвшіе до сихъ поръ въ станицахъ, гдѣ каждый неопороченный казакъ имѣетъ право голоса въ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, тому мнѣніе наше нисколько не покажется несправедливымъ. При безпрерывныхъ вѣковыхъ браняхъ съ Татарами, Турками и Черкесами, гдѣ часто самое существованіе Донцовъ висѣло, такъ сказать, на волоскѣ, ихъ именно выручала изъ бѣды мудрая сила управленія. Въ рѣшеніи дѣлъ царствовало общее согласіе, и отъ того исполненіе приказаній отличалось удивительною скоростію. Бывало, нахлынетъ на Донъ внезапно со всѣхъ сторонъ непріятель, съ мечтою совершенно истребить казаковъ. Но сборъ рѣшитъ: „собраться поголовно въ 24 часа въ походъ"—и весь Донъ на ногахъ! Туча тучей двинутся вдругъ Донцы; побѣжденный непріятель дивится, откуда такъ скоро выросли эти люди, о существованіи которыхъ онъ даже и не воображалъ? Такъ это было на Дону издревле, такъ случилось и въ близкія къ намъ времена въ 1812 и 1854 годахъ, когда по словамъ поэта:

„Царь вскликнулъ: „гдѣ жъ Донъ мой?" И вспрянулъ ты Донъ,
И каждый твой сынъ былъ воитель!"

Но г. Кояловичу простительно не знать Донской исторіи. Онъ не казакъ, не видѣлъ Дона и притомъ говоритъ о временахъ давно-прошедшихъ, которые, по выраженію историковъ, болѣе или менѣе покрыты мракомъ неизвѣстности. Слѣдовательно, ничуть не удивительно, если онъ наградилъ казаковъ мрачными эпитетами. Но вотъ что непонятно, какъ тѣ туристы, которые были на Дону но давно, могли написать о казакахъ почти тоже самое, что и г. Кояловичъ! Объ этихъ господахъ можно по правдѣ сказать, тоже, что нѣкогда сказано о евреяхъ: „видя не видятъ, слыша не слышатъ и разумѣя не разумѣютъ!" А что это истина—представимъ свѣжій примѣръ.

Не далѣе, какъ въ 1860 году, послѣ открытія пароходства по Дону, нѣсколько туристовъ изъ любопытства посѣтили нашу татарскую страну. Въ числѣ ихъ былъ нѣкто Ж., молодой уроженецъ Полтавской губерніи г. Гадяча. Начитавшись о Донѣ, какъ о краѣ малоизвѣстномъ, гдѣ есть много новаго, до чего еще вовсе не касались ученые изслѣдователи, гдѣ люди говорятъ какимъ-то невѣдомымъ нарѣчіемъ и гдѣ протекаетъ *Русскій Рейнъ*, усѣянный по берегамъ чудными виноградниками,—юный туристъ, съ дорожнымъ альбомомъ въ рукахъ, смѣло отправился на Донъ, для описанія невиданныхъ и неслыханныхъ на Руси рѣдкостей. Не такъ горячо Колумбъ желалъ видѣть новую землю, какъ этотъ путникъ новую Русскую Италію. Наконецъ, послѣ не долгаго, но труднаго странствованія, онъ достигъ воздѣленнаго края—*Донщины*. Сердце его забилось отъ радости, когда онъ увидѣлъ донскія границы, но вдругъ, о ужасъ!—при первомъ его взглядѣ, онъ испытываетъ полное разочарованіе въ своихъ мечтахъ и радость его смѣняется „смѣхомъ и злостью.“ Думая найти на Дону много новаго, оригинальнаго, отличнаго отъ того, что привыкъ видѣть на Руси, онъ неожиданно находитъ одно только измѣненіе названій знакомыхъ уже ему предметовъ. Онъ начинаетъ разговоръ съ казаками—и слышитъ чисто русскій языкъ, вмѣсто воображаемаго полу-татарскаго; онъ осматриваетъ станицы—и видитъ, что они точь-въ-точь не большіе русскіе города а не татарскіе аулы; онъ замѣчаетъ вездѣ русскіе нравы и обычаи; даже физіономіи казаковъ (особенно *верховыхъ*) ему представляются совершенно русскими, и если есть въ нихъ примѣсь азіатскаго элемента, то она такъ ничтожна, какъ безконечно-малая величина у математиковъ. Какъ на бѣду, случилось, что на первой донской Есауловской станціи, крысы недали ему цѣлую ночь заснуть, а донскіе *пироги* пришлись не по его вкусу. Разочарованный въ своихъ надеждахъ, онъ началъ съ досады и злости, строчить грозную филипику на Донцовъ. „Какой прекрасный край—восклицаетъ онъ—и какъ мало въ немъ сдѣлано для хозяйства! какъ прекрасны и об-

ширны земли, принадлежащія этому Войску, а между тѣмъ онѣ не обработаны и покинуты. Будь здѣсь разумное правильное хозяйство—и это была бы лучшая, богатѣйшая провинція въ Россіи; ея Донъ былъ бы Русскимъ Рейномъ; винодѣліе бы въ ней улучшилось и усилилось, изъ его прекраснаго сорта винограда въ родѣ Цымлянскаго, выдѣлывались бы гораздо лучшаго сорта шампанскія, чѣмъ теперь. Ея тучныя поля покрылись бы богатою жатвою. . : А теперь она представляетъ видъ степи; иногда сдается, что ѣдишъ по землѣ древнихъ скифовъ и сарматовъ: такъ мало еще человѣкъ заявляетъ въ ней существованіе!" (102).

Вся эта краснорѣчивая и вмѣстѣ плачевная иреміада написана туристомъ, какъ видите, подъ вліяніемъ непріятныхъ впечатлѣній, произведенныхъ Есауловскою станціею. Отъ того то и мало въ ней правды. Нѣтъ сомнѣнія, что земли донскія хороши, но все же не такъ прекрасны, какъ ихъ нарисовалъ г. Ж., которому вѣроятна не извѣстна поговорка: „тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ." Не говоря уже о свойствахъ почвы, во многихъ мѣстахъ неблагопріятной для хлѣбопашества, неурожаи и засухи повторяются на Дону очень часто; скотъ гибнетъ отъ заразы; саранча опустошаетъ поля; виноградники вымерзаютъ. И все это зависитъ больше отъ самаго положенія донскаго безлѣснаго края, подверженнаго лѣтомъ страшнымъ жарамъ солнца, нежели отъ невведенія повсемѣстно въ немъ правильнаго хозяйства, которое, хотя и не вездѣ, однакоже существуетъ на Дону. Многіе богатые донскіе помѣщики (особенно міускіе) съ такою же заботливостію обращаютъ вниманіе на свое хозяйство, какъ въ нашихъ лучшихъ губерніяхъ, не жалѣя никакихъ издержекъ для устройства улучшеныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ. Само собою разумѣется, странно было бы относить этотъ упрекъ къ бѣднымъ казакамъ, принужденнымъ снискивать хлѣбъ, въ потѣ лица своего. Но вы, можетъ быть, скажете: казаки лѣнивы? Напротивъ, сдвали есть народъ трудолюбивѣе казаковъ. Даже жены ихъ не знаютъ ни днемъ, ни ночью покоя отъ работы и, можетъ быть, въ

цѣломъ мірѣ вы на Дону только встрѣтите женщинъ, съ косою въ рукахъ, исправляющихъ самыя тяжелыя работы, свойственныя исключительно мущинамъ.

Нельзя также сказать, чтобы народонаселеніе Дона (900,000 д.) было незначительно. Не должно забывать, что Донцы населяютъ преимущественно только правую сторону Дона; вся же задонская степь, по маловодности своей, весьма мало обитаема. Тамъ только кочуютъ калмыки и содержатся зимовники для донскихъ лошадей. Не смотря на многія неблагопріятныя обстоятельства, какъ-то: войны, заразительныя болѣзни, народоселеніе Дона, составлявшее въ концѣ прошлаго вѣка только 400,000 душъ, нынѣ чрезъ 60 лѣтъ слишкомъ удвоилось, а чрезъ 40—50 лѣтъ, судя по этому примѣру, вѣроятно будетъ простираться до 1,500,000 т. е. такъ густо, какъ самыя населенныя велико-россійскія губерніи. Если же обстоятельства будутъ болѣе благопріятны, то, по теоріи знаменитаго политико-эконома Мальтуса, народоселеніе должно удвоится чрезъ 25 лѣтъ. Слѣдовательно, къ чему же проповѣдывать, что донскія степи мало-обитаемы и даже покинуты? Мало ли есть въ Россіи земель почти вовсе необитаемыхъ и не менѣе Дона прекрасныхъ, каковы напр. Амурскій край, Кавказъ и Крымъ, нынѣ оставленный Татарами? Наша матушка—Россія такъ велика, что если бы теорія Мальтуса, въ ней осуществлялась на самомъ дѣлѣ, то и тогда бы она пережила всѣ государства въ свѣтѣ, не прибѣгая къ переселеніямъ въ другія страны. Мы не совѣтовали бы также г-ну Ж., завидовать на донской виноградъ (изъ котораго выдѣлываются на Дону прекрасныя вина), чтобы кто нибудь не примѣнилъ къ нему стиховъ изъ извѣстной басни Крылова:

„На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ; ягодки нѣтъ зрѣлой!
Тотчасъ оскомину набьешь.“

Но обратимся къ дорожнымъ впечатлѣніямъ г. туриста. Между тѣмъ г. Ж., очаровываетъ васъ поэтическимъ описаніемъ

мѣстностей Дона и мечетъ острыя стрѣлы въ Донцовъ, такъ неблагодарно, по мнѣнію его, пользующихся роскошными полями, онъ въ тоже время не забываетъ и найденыхъ имъ рѣдкостей на Дону. Тутъ воображеніе гадячекаго туриста еще роскошнѣе донскихъ статей. „Въ Дону, говоритъ онъ, такая бездна рыбы, что когда купаешься, то слышишь, какъ она скользитъ по тѣлу; хоть хватай ее руками.“ А дичи, по словамъ его еще болѣе. Когда онъ ѣхалъ на параходѣ, то видѣлъ въ близи безчисленныя стада гусей и утокъ такихъ смирныхъ, что еслибъ съ нимъ было ружье, то ими, пожалуй, онъ нагрузилъ бы цѣлый параходъ! По всему видно, что г. туристъ, при составленіи своего описанія, избралъ себѣ за образецъ извѣстное сочиненіе: *Не любо не слушай, а лгать не мѣшай!* Иначе онъ никогда бы не рѣшился потѣшать святую Русь подобными диковинками на Дону. Рыбы въ Дону, правда, довольно; но нисколько не больше, какъ въ Волгѣ, Уралѣ и другихъ большихъ рѣкахъ,—да и ловятъ-то ее не голыми руками, а рыболовными снарядами. Что же касается до дичи, употребляемой въ пищу, то можно сказать ее на Дону довольно мало, сравнительно съ другими мѣстами, отъ слишкомъ большаго числа охотниковъ: ее стрѣляютъ не только казаки отъ стараго до малаго, но даже и крестьяне. Мы вѣримъ однакожъ г-ну Ж., что онъ видѣлъ на Дону—разумѣется издали стада дикихъ птицъ, да, только не утокъ и гусей, а развѣ баклановъ и мартишекъ (морскихъ чаекъ), которыя дѣйствительно иногда садятся на отмѣляхъ. Но если считать этихъ птицъ за прекрасную дичь, то къ разряду ея надо отнесть и милліоны грачей и галокъ повсюду водящихся на Дону. Впрочемъ о вкусахъ не спорятъ—de gustibus non disputantur. Вѣдь ѣдятъ же американцы змѣй и ящерицъ, а нѣмцы лягушекъ и черепахъ—да еще какъ!

Изъ опасенія наскучить читателямъ, не станемъ опровергать еще много диковинокъ, расказанныхъ авторомъ въ своемъ описаніи, какъ напримѣръ, что „въ Новочеркаскѣ нѣтъ китайскаго чая (которымъ однакожъ завалены здѣсь всѣ лавки) а

только персидскій, продаваемый армянами; что Донцы не любятъ ѣсть стерлядей въ лѣтнее время,“ что „дьяки наши считаютъ литтературу пустяками“ и пр., и пр., и пр. Несправедливость этихъ разсказовъ для насъ такъ очевидна, что, читая ихъ, невольно удивляешься умѣнью автора подражать въ совершенствѣ роли Хлестакова. Конечно, все это было бы только смѣшно (не прилгнувши, по словамъ Гоголя, не говорится ни одной рѣчи), еслибъ г. туристъ въ своихъ замѣткахъ не касался чести Донскаго народа. Нѣтъ, у него достало смѣлости утверждать, что „большая часть Донцовъ раскольники самыхъ невѣжественныхъ сектъ, что на Дону собственность каждаго не обезопасена, что конокрадство процвѣтаетъ и есть даже объ этомъ какая то книга, которой онъ, впрочемъ, не видѣлъ, а только слышалъ о ней отъ своего пріятеля,“ и потому онъ въ заключеніе говоритъ, что устройство Волжско-Донской желѣзной дороги и пароходства будетъ первымъ лучемъ цивилизаціи въ этомъ краѣ, погруженномъ въ невѣжество, преданномъ самымъ нелѣпымъ сектамъ!“

Не знаемъ, что имѣлъ въ виду г. Ж., распространяя такія ложныя и обидныя мнѣнія о Донцахъ? откуда онъ почерпнулъ свѣдѣніе, что на Дону процвѣтаетъ конокрадство и есть объ этомъ книга, о которой мы даже, природные жители Дона, никогда еще не слыхали? Такая явная клевета, высказанная публично, непростительна образованному человѣку, который, обвиняя Донцовъ въ невѣжествѣ долженъ же былъ самъ сколько нибудь остерегаться обличенія со стороны ихъ въ неправдѣ, а эта неосторожность едвали не хуже всякаго невѣжества. Конечно нынѣ уже прошло время хвалебныхъ пѣсней и возгласовъ, приносящихъ часто больше вреда, чѣмъ пользы на самомъ дѣлѣ; нынѣ всѣ ищутъ истины и справедливыхъ указаній на дѣйствительные недостатки, чтобы ихъ можно было исправить правительству; но съ другой стороны, нѣтъ никакой пользы и взводить на цѣлый народъ незаслуженныя обвиненія. Честь дороже золота каждому человѣку, а народу тѣмъ болѣе.

Обратимся къ статистическимъ даннымъ. Изъ оффиціальныхъ свѣдѣній намъ извѣстно, что преступленій на Дону дѣлается столько же, сколько и въ другихъ сосѣднихъ губерніяхъ, и, что особенно замѣчательно, преступленія эти совершаются большею частію не казаками, а иногородными. Такъ изъ отчета Новочеркаскаго попечительнаго комитета о тюрьмахъ за 1860 г. видно, что всѣхъ содержащихся подъ стражею арестантовъ въ Войскѣ Донскомъ было 679, изъ нихъ иногородныхъ 614, а казаковъ 65 (т. е. почти десятая часть противъ иногородныхъ). Если сравнить эту цыфру съ подробными итогами въ другихъ губерніяхъ, то окажется, что на Дону совершается преступленій сравнительно мало, по крайней мѣрѣ меньше, чѣмъ въ нашихъ многолюдныхъ губерніяхъ. Спрашивается: гдѣ же тутъ явное нарушеніе правъ собственности и процвѣтаніе конокрадства, о которыхъ проповѣдуетъ г. Ж?

Столь же несправедливо мнѣніе г. туриста, что Донской край погруженъ въ невѣжествѣ. Невѣжественнымъ въ полномъ смыслѣ можно назвать только тотъ народъ, который не имѣетъ у себя никакихъ учебныхъ заведеній и не озаренъ свѣтомъ христіанской вѣры. Таковы самоѣды, лопари, киргизы, калмыки. Но о донцахъ этого сказать нельзя. На Дону есть 2 гимназіи—мужескихъ и 1 женская, институтъ благородныхъ дѣвицъ, отдѣленіе восточныхъ языковъ, 2 частныхъ пансіона, 2 духовныхъ училища и 40 уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Донцы, кромѣ того, получаютъ образованіе въ военной академіи, въ университетахъ, въ училищахъ правовѣдѣнія и артиллерійскомъ, въ кадетскихъ корпусахъ.

Такихъ воспитанниковъ найдется теперь больше двухъ сотенъ, а гимназистовъ больше двухъ тысячъ. Разумѣется, судя по народоселенію, это число не велико. Но, къ сожалѣнію, дѣйствія нашего начальства въ этомъ отношеніи до послѣдняго времени были весьма слабы. Есть огромныя станицы (каковы напр. Вешенская съ 18,000 жителей), гдѣ нѣтъ ни одной школы. Между тѣмъ средства Войсковой казны столь достаточны, что въ Новочеркаскѣ давно бы могъ быть учрежденъ

Лету забвенія, но для насъ они еще слишкомъ памятны чтобъ оставить ихъ безъ вниманія. Вѣдь онъ предлогалъ ихъ—какъ бы вы думали? не отъ себя, а отъ лица всей Россіи. Стало быть молчать о его остроумныхъ предположеніяхъ было бы съ нашей стороны большимъ невѣжествомъ. Ужъ лучше поздно, чѣмъ никогда. Vaut mieux—tard que jamais.

Въ своихъ *Азовскихъ письмахъ* (103) обвиняя Донцовъ въ недостаткѣ развитія промышленности, Кукольникъ совѣтуетъ правительству отнять у нихъ міускій округъ и образовать изъ него Таганрогскую губернію. Вотъ слова его: „самый удобный центральный пунктъ въ краѣ (въ Азовскомъ поморьѣ) для учрежденія губернскаго города и торговой столицы, безъ малѣйшей тѣни противорѣчіи, конечно Таганрогъ. Губернія была бы въ полно ъ смыслѣ приморская, въ полномъ смыслѣ торговая. Въ составъ этой губерніи безъ малѣйшаго затрудненія, могъ бы цѣликомъ поступить Войска Донскаго міускій округъ, ибо всѣ земли этаго округа принадлежать помѣщикамъ. Тутъ никогда не было ни одного казака, а недавно учрежденная, чуть-чуть засѣляющаяся казачья станица, опять, безъ малѣйшаго затрудненія, могла бы быть переселена внутрь Войска. Намъ скажутъ, что помѣщики міускіе всѣ казаки, обязанные службою. А ктоже имъ мѣшаетъ служить въ Войскѣ, владѣя землями въ Таганрогской губерніи,“

Да простить намъ Несторъ Васильевичъ, если мы скажемъ, что предположенія эти по сходству своему, много напоминаютъ знаменитый монологъ Агафьи Тихоновны (въ комедіи Гоголя: „Женидьба“) разсуждающей подобнымъ же образомъ: „Если бы губы Никонора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько нибудь развязности какая у Балтазара Балтазаровича, да, пожалуй прибавить къ этому еще дородности Ивана Павловича,“ то вышелъ бы прекрасный женихъ!

Въ самомъ дѣлѣ стоитъ только внимательно разсмотрѣть мысли г. Кукольника о предпологаемомъ имъ образованіи Таганрогской губерніи и вникнуть во всѣ послѣдствія, неминуемо долженствующія произойти отъ этаго учрежденія, то нельзя

не убѣдится, что всѣ эти блистательныя мысли составляютъ только великолѣпный пуфъ и точь въ точь похожи на воздушные замки Альнаскара. Странно, что г. Кукольникъ не знаетъ какимъ образомъ Донцы завладѣли міускимъ округомъ? Если это не одно только притворство съ намѣреніемъ привесть другихъ въ сомнѣніе, то мы отвѣчаемъ на этотъ вопросъ: Донцы завладѣли этимъ округомъ оченъ просто—силою оружія. Извѣстно, что казаки никогда не составляли отдѣльнаго племени, образовавшагося изъ остатковъ какого либо могущественнаго народа, подобно многимъ племенамъ азіатскимъ. Вышедъ изъ предѣловъ Россіи и поселившись въ среднихъ частяхъ Дона, казаки должны были вступить въ самую ожесточенную борьбу съ обитавшими тогда въ низовьяхъ Дона турками и татарами. Побѣждая враговъ силою оружія, они вмѣстѣ съ тѣмъ подвигались мало по малу на низъ Дона. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ самое образованіе ихъ главныхъ городовъ: сначала столицею Дона были Раздоры, а потомъ уже Черкаскъ. Завладѣвъ Азовомъ въ 1737 году казаки покорили и всѣ страны Азовскаго поморья. Съ тѣхъ поръ казаки бодро стерегли эти земли отъ непріятелей, и не смотря на всѣ усилія крымскихъ и нагайскихъ татаръ успѣли удержать ихъ за собою. Въ 1766 году, при Екатеринѣ Великой, было послѣднее пограничное межеваніе Дона съ сосѣдними губерніями. Поэтому обмежеванно, весь нынѣшній міускій округъ остался за казаками. Владѣнія Донцовъ, пріобрѣтенныя оружіемъ и утвержденныя ВЫСОЧАЙШИМИ грамотами Екатерины Великой, Александра Благословеннаго и незабвеннаго Николая, составляютъ ихъ неотъемлемую, „неприкосновенную“ собственность.

И эту-то землю, облитую кровію и усѣянную костями Донцовъ г. Кукольникъ находитъ нужнымъ отторгнуть у Войска единственно изъ за какихъ то меркантильныхъ расчетовъ въ пользу Таганрога, Ростова и Нахичевани—городовъ, которые можно сказать, и существуютъ то по милости Войска Донскаго. Отторгнуть, но на какомъ же основаніи? На томъ, видите ли, что „Донцы народъ непромышленный, что съ пере-

ходомъ міускаго округа въ Таганрогскую губернію произойдетъ для Россіи огромная польза, разовьется земледѣліе, каменноугольная промышленность,“ и проч. Но спрашивается: могутъ ли Донцы отличаться своею промышленностію, когда почти всѣ они заняты военною службою? Въ небольшомъ народѣ трудно соединить эти два противоположные элемента—промышленность и военное искуство. Въ цѣлой исторіи едвали можно найти хотя одинъ примѣръ такого счастливаго соединенія. Извѣстно, что Финикіяне были народъ торговый, но нисколько не воинственный. Черкесы напротивъ воинственны, но за то не имѣютъ почти никакой промышленности, которая вся находится у армянъ. Воинственная слава другаго торговаго древняго народа Карѳагенянъ блеснула и угасла вмѣстѣ съ геніемъ Аннибала. Наше Донское пяти-сотное (нынѣ тысячное) торговое общество есть какое то странное сословіе. Ограниченное въ своемъ составѣ, лишенное гильдейскихъ правъ и преимуществъ, предоставленныхъ русскому купечеству, оно никогда не можетъ производить большаго вліянія на промышленность и съ своихъ торговыхъ операціяхъ по необходимости довольствуется предѣлами Войска Донскаго, не смѣя, такъ сказать, перешагнуть за его границы. Извѣстно что кредитъ составляетъ душу торговли, а кто въ губерніяхъ можетъ кредитовать на большія суммы нашимъ торговцамъ, когда они простые казаки, которыхъ начальство можетъ за малѣйшую вину всегда послать на службу. Но предоставьте имъ гильдейскія права и преимущества, не ограничивайте состава ихъ такимъ малымъ нормальнымъ числомъ; пусть каждый, кто имѣетъ капиталъ и въ состояніи платить пошлины, занимается торговлею—и вы увидите, что промышленность на Дону быстро разовьется сама собою.

Мы сказали вообще о промышленности въ Войскѣ Донскомъ. Но если будемъ разсматривать ее въ отношеніи однихъ только жителей міускаго округа, то предположеніе г. Кукольника окажется еще болѣе невѣрнымъ и даже неудобоисполнимымъ. Оно не вѣрно: во первыхъ, потому, что жители міускаго ок-

руга, будучи большею частію богатыми помѣщиками, ни чуть не нуждаются ни въ какихъ постороннихъ пособіяхъ для успѣшнаго развитія у себя промышленности. Смѣшно было бы думать что теперь, когда помѣщики находятся въ составѣ Войска Донскаго, у нихъ не достаетъ энергіи заботиться о своихъ выгодахъ, а какъ только объявятъ имъ, что земля ихъ уже принадлежитъ Таганрогской губерніи, они вдругъ воскреснутъ и устремятся къ новой дѣятельности! Успѣхи промышленности почти всегда обусловливаются мѣстностію и благопріятными обстоятельствами времени. Если существуютъ эти два условія, промышленность процвѣтаетъ безъ всякихъ постороннихъ вліяній: иначе всѣ мѣры правительства остались бы безсильными, чтобы вдохнуть въ нее новую жизнь. Во вторыхъ, предположеніе г. Кукольника невѣрно и потому, что земледѣліе и промышленность въ міускомъ округѣ, какъ мы уже замѣтили, находятся въ отличномъ состояніи; количество хлѣба, ежегодно продаваемаго міускими помѣщиками въ Таганрогѣ и Ростовѣ такъ велико, что имъ удовлетворяются требованія заграничныхъ рынковъ. Бываютъ даже случаи, что хлѣбъ отправляемый туда изъ округа не раскупается конторщиками, именно потому, что его некуда дѣвать. Напрасно же мимолетные туристы думаютъ, что на Дону нѣтъ нигдѣ правильного хозяйства. Напротивъ, въ міускомъ-то округѣ и есть отличные практическіе хозяева, даже есть писатели—агрономы, пріобрѣтшіе извѣстность въ литературѣ своими трудами. Слѣдовательно, какая же выгода міускимъ помѣщикамъ переходить въ Таганрогскую губернію и вмѣстѣ оставаться обязанными службою Войску Донскому. Это было бы довольно смѣшно и нисколько не логично.

Но, кромѣ невѣрности своей, предположеніе г. Кукольника есть вмѣстѣ и самое неудобо-исполнимое. Г. Кукольникъ забываетъ, что всѣ свободныя земли міускаго округа обращены въ пожизненные участки чиновниковъ Войска Донскаго. Какимъ же образомъ, безъ нарушенія благосостоянія ихъ, можно разрушить то дѣло, надъ которымъ донская коммисія размежевавшія земель трудится болѣе 25 лѣтъ? Куда бы дѣвались эти

тысячи несчастныхъ заслуженныхъ воиновъ, вдовъ и сиротъ, еслибъ отнять у нихъ землю, доставляющую имъ насущное пропитаніе, пріобрѣтенную цѣною крови ихъ предковъ? Чѣмъ бы тогда поощрялись заслуги казаковъ, приносящихъ несомнѣнную пользу государству? И не нарушалась ли бы этою мѣрою справедливость, которая составляетъ одно изъ главныхъ основаній для дѣйствій нашего правительства? Нѣтъ, мы думаемъ, что для государства всѣ подданные равно полезны, равно необходимы: одни искуствомъ въ промышленности, другіе знаніемъ военной службы. Созидать же благосостояніе однихъ, ко вреду другихъ, значило бы дѣйствовать вопреки евангельской истины, заповѣданной Спасителемъ: *всякое царство, раздѣлившееся на двое, запустѣетъ.*

Заключимъ наши замѣтки искреннимъ желаніемъ, чтобъ писатели, трактуя о казакахъ, не вдавались въ явныя преувеличиванія. Пренебрегать истиною значитъ не уважать публики, которая ею одною только и дорожитъ въ сочиненіяхъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ мы желали незаслуженныхъ похвалъ казакамъ: нѣтъ они легко могутъ обойтиться и безъ нихъ. Напротивъ, по нашему мнѣнію, тотъ заслужилъ бы много хвалы и благодарности, кто указалъ бы истинные недостатки Донскаго края и вмѣстѣ вѣрныя средства къ ихъ исправленію.

Мартъ 1862 г.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ВЕРХОВЦАХЪ,

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ А. ЛЕОНОВА: О ПРОИСХОЖДЕНІИ СЛОВЪ—ЧАГА И ТУМА.

Неправду умнели языкъ твой.
Пс. LI, 4.

—

Всѣ дворяне обратились къ нему тутъ же и его попрекнули, сказавши съ укоризною: „А еще и писатель!"
Гоголь.

—

Недавно прочтя приведенную въ заглавіи статью г. Леонова (не извѣстно по какимъ причинамъ попавшую въ *Донскія Вѣдомости* № № 20 и 21) мы были поражены чрезвычайною рѣзкостью выраженнаго здѣсь мнѣнія о физическихъ и умственныхъ свойствахъ верховыхъ казаковъ, или, по просту, верховцевъ. И самыми отъявленными врагами Дона едвали когда либо сплеталась подобная неправда на казаковъ. Французы осмѣивая передъ прошлою войною (въ нарочно-сочиненномъ фарсѣ: Les Cosaques) небывалые обычаи казаковъ, не осмѣливались однакожъ отнять у нихъ обще-человѣческаго достоинства—разума, а г. Леоновъ, не обинуясь, лишаетъ ихъ въ статьѣ своей и этаго послѣдняго утѣшенія. Еще бы простителенъ былъ такой отзывъ о казакахъ какому—нибудь сочинителю, никогда не бывавшему на Дону и только по слухамъ или воображенію рѣшившемуся писать о малоизвѣстномъ краѣ: въ такомъ случаѣ незнаніе авторомъ народа, имъ описываемаго, служило бы отчасти извиненіемъ его невѣжества. Но когда мнѣніе о воображаемыхъ свойствахъ казаковъ выражается нашимъ же соотечественникомъ—казакомъ и притомъ печатно, предъ лицемъ

всей публики, тогда никакаго извиненія уже быть не можетъ. Здѣсь всякая неправда съ его стороны становится уже слишкомъ замѣтною, чувствительною, больною сердцу каждаго истиннаго гражданина, любящаго свое отечество. Это есть уже не ошибка, а явное посягательство на честь народа, дерзкая насмѣшка, достойная обличенія. Вотъ почему мы рѣшились сказать нѣсколько словъ о верховцахъ. Цѣль нашей статьи — вывести изъ заблужденія какъ г. автора, усвоившаго себѣ неправильный взглядъ на этихъ казаковъ, такъ и тѣхъ изъ читателей его статьи, которые имѣли неосторожность повѣрить ему на слово.

Мы не будемъ однакожъ входить здѣсь въ подробное изслѣдованіе относительно правильности производства слова *чига*, или, по мнѣнію толкователя, *чага*, Предметъ этотъ кажется намъ слишкомъ маловажнымъ, чтобъ ему посвящать цѣлое разсужденіе, тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ чувствовалъ, кажется, его ничтожность, удачно избравши эпиграфомъ для своей статьи слѣдующіе стихи Пушкина:

„Завидную жъ вы избрали дорогу!
Ужель иныхъ предметовъ не нашли?“

Мы коснемся только тѣхъ несообразныхъ съ истиною заключеній, содержащихся въ этой статьѣ, которыя ярко бросились намъ въ глаза при первомъ ея чтеніи.

Весьма ошибается г. Леоновъ, думая, что въ площадномъ проименованіи какого-либо народа можно открыть характеристику его нравственныхъ или физическихъ свойствъ. Если подобныя проименованія и указываютъ иногда на какую нибудь дѣйствительно-смѣшную характеристическую черту изъ жизни народа, вѣрно подмѣченную враждебнымъ ему племенемъ, то всё же эти проименованія, придаваемыя обыкновенно въ насмѣшку изъ ненависти, бываютъ слишкомъ недостаточны для того, чтобъ по нимъ можно было основательно судить и о всѣхъ прочихъ его свойствахъ. Кто не знаетъ, какъ часто въ этихъ прозваніяхъ содержится много преувеличеннаго и даже вовсе ложнаго! Можно ли по такимъ проименованіямъ, какъ напр. коз*елъ*, *индюшка*,

и проч, употребляющимся взаимно между великороссіянами и малоруссами заключать о нравственныхъ свойствахъ этихъ народовъ? Благоразумно ли было бы также изъ прозваній: *сургучники*, *булошники*, *аршинники*, обыкновенно придаваемыхъ верховцами низовымъ казакамъ, доказывать, что послѣдніе способны къ одному только мелочному торгашеству? Очевидно, что эти заключенія были бы крайне смѣшны и рѣшительно недостойны того, чтобъ ими заниматься образованнымъ людямъ для научныхъ выводовъ, обогащающихъ знанія человѣческія.

Напрасно также г. Леоновъ думаетъ, что будто бы проименованіе верховцевъ чигою имѣетъ столь оскорбительный и поносный характеръ, что „не только простолюдинъ изъ нихъ но и благовоспитанный человѣкъ всегда принимаетъ это слово чуть не за смертельную обиду.“ Это просто выдумка, неимѣющая никакого основанія. Не сноримъ, быть можетъ, предкамъ нашимъ во времена оны слово это и казалось почему либо непріятнымъ, но нынѣ, когда оно уже утратило всякое значеніе и смыслъ для насъ, никто имъ не оскорбляется. Сами верховцы часто въ шутку называютъ себя чигою. Да и чѣмъ слово это можетъ казаться поносным или оскорбительнымъ? По нашему мнѣнію, слово ровно ничего не означаетъ, ибо не показываетъ ни преступленія, ни дурнаго свойства народа, какъ воображаетъ г. Леоновъ, и есть только, по всей вѣроятности, сокращеніе или видоизмѣненіе какого-то слова, употреблявшагося въ старину верховцами, которое именно чрезъ то и стало для насъ теперь непонятнымъ. Хотя на счетъ производства этого слова и существуетъ у простаго народа нѣсколько болѣе или менѣе правдоподобныхъ предположеній, но всѣ они, при строгомъ разсмотрѣніи, оказываются неудовлетворительными. Такъ слово *чига* производятъ отъ прозвища какого-то верховаго старшины *Чигина* (подобныя фамиліи есть и теперь на Дону), который, по преданію, дѣлалъ съ верховцами когда-то набѣги на низовыхъ казаковъ, а еще обыкновеннѣе производятъ—отъ двухъ междометій, дѣйствительно употребляемыхъ верховыми казаками: *Чу!* при понукиваніи верховой лошади, и *га* или *ги!*

при атакѣ цепріятеля. Какъ ни близко подходятъ къ истинѣ эти народныя мнѣяія, упущенныя не извѣстно почему изъ виду г. Леоновымъ, нельзя однакожъ считать ихъ непогрѣшительными. Слово *чига* какъ площадное, нигдѣ въ актахъ войсковыхъ не упоминается, а изустныя предашія, въ которыхъ обыкновенно правда обезображивается ложью, здѣсь но могутъ служитъ достовѣрнымъ источникомъ. Несомнѣнно одно только то, что слово это всегда до сихъ поръ произносилось всѣми *чига*, а не *чага*, какъ умышленно нскажаетъ его г. авторъ стараясь доказать, что оно происходитъ отъ употребительпаго будто бы между верховцами слово *чаго*. Не стоитъ и опровергать это мнѣніе. Зная въ точности верховое нарѣчіе, смѣемъ увѣрить г. археолога, что верховцы не произносятъ никогда этого слова. Правда, они говорятъ *чаво* (вм. чево), но находить сходство между послѣднимъ словомъ и *чига* значило бы явно нарушать истину, предъ которою, по собственному признанію г. Леонова, приклоняется ницъ даже и авторское его самолюбіе.

Еще нелѣпѣе производить слово *чига* отъ татарскаго *чаганъ*, въ смыслѣ пришельца. Всякому образованному человѣку извѣстно, что тождествеипыя однозвучныя слова въ разныхъ языкахъ имѣютъ часто совершенно противоположное значеніе (напр. Донъ, по русски, значитъ собств. имя рѣки, а по испански, почетный тнтулъ), и нѣтъ ничего легче, какъ впасть въ грубую ошибку при производствѣ словъ, основываясь только на одномъ ихъ созвучіи. Еще Ломоносовъ обличалъ Миллера въ невѣжествѣ за то, что онъ корнемъ русскаго слова „*дѣвица*“ считалъ немѣцкое Dieb—воръ. Точно также Болтинъ упрекалъ Леклерка за то, что этотъ Французъ прпнялъ однажды обыкновенный крикъ дѣтей, сидѣвшихъ за столомъ: „и мнѣ! и мнѣ!“ за французское слово: „emmner, emmener (выведите, выведите)! и потомъ, пиша о Россіи, клеветалъ, что русскіе отказываютъ иностранцамъ въ гостепріимствѣ. Да и г. Леоновъ недавно смѣялся надъ однимъ донскимъ филологомъ, производившимъ названіе рѣки Дона отъ еврейскаго Дана, египетскаго Даная и индѣйскаго Дана-Вандру,—и не смотря на то, все-таки не осте-

регся самъ повторить подобную же нелѣпость въ производствѣ сл. *чига* отъ *чаганъ*. Въ самомъ дѣлѣ, предположивъ это производство за правильное, тотчасъ остаешься въ недоумѣніи: чѣмъ же татарское слово *чаганъ*, какъ бранное, могло казаться непріятнымъ для верховцевъ, ничуть его непонимавшихъ? А непонятная брань, или насмѣшка, какъ извѣстно, никогда не достигнетъ своей цѣли. Выбраните иностранца, непонимающаго по русски, самыми оскорбительными словами: онъ не только что не обидится вашею бранью, но даже будетъ еще улыбаться, смотря вамъ въ глаза. Да и когда видано, что русскій человѣкъ дразнилъ или бранилъ Русскаго же татарскими словами? Это рѣшительно не въ духѣ нашего народа. Богатое и выразительное слово русское не нуждается въ этомъ отношеніи ни въ какихъ заимствованіяхъ отъ иностранцовъ, которые, напротивъ, живя въ Россіи, сами не рѣдко прибѣгаютъ къ нему на помощь.—Далѣе, нельзя также согласиться съ мнѣніемъ г. Леонова, что чагами названы раскольники, переселившіеся, по словамъ его, на Донъ изъ какихъ-то отдаленнѣйшихъ сѣверныхъ губерній Россіи (чуть чуть ни изъ самой Сибири!) нельзя, говоримъ, потому, что тутъ опять возникаетъ сомнѣніе: когда же случилось это переселеніе и чѣмъ оно подтверждается? Изъ актовъ мы знаемъ, что въ старину дѣйствительно появлялось на Дону много бѣглыхъ одинокихъ людей, которые однакожъ ловились учрежденными для того *сысками* (нынѣ сыскныи начальства) и отправлялись обратно въ Россію; но чтобы цѣлыя огромныя массы раскольниковъ, могли, безъ дозволенія правительства, свободно поселиться на Дону—это трудно допустить, не имѣя на то никакихъ положительныхъ доказательствъ. Гораздо лучше можно объяснить происхожденіе на Дону раскола тѣмъ же самымъ способомъ, какъ и начало всѣхъ вообще на Руси раскольниковъ,—именно, что предки ихъ не приняли священныхъ книгъ, исправленныхъ патріархомъ Никономъ. Но крайней мѣрѣ это объясненіе будетъ и яснѣе и короче—чѣмъ всякій разъ выгонять ихъ безъ причины изъ отдаленнѣйшаго сѣвера скитаться по всему лицу Россіи. Нако-

нецъ, если допустить и это переселеніе за дѣйствительное событіе, то все же нѣтъ никакой видимой причины, чтобы низовые казаки могли назвать верховыхъ раскольниковъ въ насмѣшку чагами, или выходцами, потому что во всѣхъ низовыхъ станицахъ, не исключая и самаго города, находится весьма не малое число раскольниковъ, которыхъ однакожъ не называютъ чигами. Утверждать же противное, какъ это дѣлаетъ авторъ, было бы съ нашей стороны явною несправедливостію.

Впрочемъ, вся эта несостоятельность производства разбираемаго нами слова была безъ сомнѣнія извѣстна и г. Леонову, ибо онъ самъ сознается, что мнѣніе его о томъ не можетъ быть принято за непреложное. Главная цѣль статьи его, какъ зачѣтно, была совсѣмъ не та, чтобъ найти истинный корень слова чига: иначе для чего бы ему искажать это слово? Нѣтъ, заносчивый тонъ статьи его показываетъ, что ему весьма хотѣлось униженіемъ верховцевъ польстить самолюбію низовыхъ казаковъ, и тѣмъ самымъ произвесть сильнѣйшій эффектъ на публику. Счастливый случай доставилъ ему это утѣшеніе. Читая древнія русскія лѣтописи, нашъ поэтъ—археологъ, къ нисказанной радости своей, открылъ, что въ „словѣ о полку Игоревѣ“ и въ Кіевской лѣтописи XII стол. употреблено слово *чага*, въ смыслѣ (по толкованію Карамзина) женщины—плѣнницы. Живое воображеніе представило ему тотчасъ тождественность этого слова съ проименованіемъ верховцевъ чигою. Небольшая разница, существующая между этими словами, не устрашила догадливаго филолога. Измѣнивъ въ словѣ чига гласную *и* на *а* и нисколько не опасаясь обличенія за такое покаженіе всѣмъ извѣстнаго слова, г. Леоновъ торжественно заключилъ: такъ какъ слово чага, согласно съ вышеприведенными лѣтописями, означало у насъ въ древности женщину, то слѣдовательно и верховцы названы чагами потому, что они похожи на женщинъ (разумѣется въ метафорическомъ, а не въ физическомъ смыслѣ, ибо тогда можно бы было, пожалуй, подумать, что они большею частію красавцы). Вотъ удивительное открытіе, обезсмертившее имя нашего ученаго археолога!

Жаль только, что и эта мелко-остроумная гипотеза, столь по видимому ухищренно построенная авторомъ, распадается отъ малѣйшаго прикосновенія къ ней, подобно карточнымъ домикамъ сооружаемымъ дѣтьми. Слово чага употреблено въ лѣтописяхъ XII столѣтія, т. е. за три вѣка прежде чѣмъ на свѣтѣ стало существовать наше славное Войско Донское (ибо доказано исторически, что Донцы появились только въ XV столѣтіи), и больше ни въ какихъ позднѣйшихъ актахъ не встрѣчается. Слѣдовательно, какимъ же образомъ простые низовые казаки, конечно ужъ никогда не читавшіе ни „Кіевской лѣтописи" ни „слова о полку Игоревѣ" (потому что и теперь-то ихъ у насъ почти никто не читаетъ), могли позаимствовать это непонятное слово и дать его въ насмѣшку верховцамъ, тоже ничуть его непонимавшимъ? Неужели же предки низовцевъ были ученѣе своихъ потомковъ? Неужели они и въ самой брани (если ужъ принимать съ г. Леоновымъ слово чага за бранное) хотѣли соблюсти правила вѣжливости и, вмѣсто простаго и всякому понятнаго имени, употребляли слова темныя, обвѣтшалыя, непонятныя, о смыслѣ воихъ надо было догадываться? Признаемся, все это такъ натянуто и такъ далеко отъ истины, что право, не знаешь чему удивляться: затѣйливости ли воображенія г-на изобрѣтателя гипотезъ или близорукости его сужденія о памятникахъ старины.

Но не такъ смѣшны представленныя г. Леоновымъ мнѣнія о производствѣ слова чага, какъ тѣ эпитеты, которые онъ насильно навязываетъ верховцамъ, единственно съ тою цѣлію, чтобы доказать свою странную идею, что верховцы потому именно названы чагами, что похожи на женщинъ. Здѣсь уже встрѣчается въ каждомъ почти выраженіи столько преувеличиванія и искаженій истины, что читая ихъ, невольно изумляешься смѣлости автора, явно глумящагося надъ національными свойствами по крайней мѣрѣ четырехъ пятыхъ жителей Войска Донскаго. Съ неимовѣрными натяжками онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобъ какъ нибудь согласить свою несчастную гипотезу съ истиною, и не смотря на то, она всетаки

остается чистою выдумкою. Послѣ разныхъ вопросовъ и сомнѣній о томъ, что „верховцы не могли быть названы чагами въ смыслѣ варварскаго, азіатскаго происхожденія отъ чагъ, или азіатскихъ плѣнницъ“ (вопросы и сомнѣнія эти, не извѣстно почему, повторены два раза почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ,—вѣроятно ради распространенія статьи), авторъ глубокомысленно заключилъ: „Верховцы могли заслу-„жить названіе женщинъ или бабъ потому, что они всегда „отличались и теперь отличаются тупостію, ненаходчивостію и „неловкостію; они крохоборцы, скупы и большіе скопидомы. „По наружности они угловаты и неповоротливы; всѣ движе-„нія ихъ какъ и дѣйствія, медленны и неловки; на конѣ си-„дятъ они, какъ конна, просто какъ баба (а по правдѣ-то, „можно бы сказать на оборотъ, что верховыя бабы лучше „ѣздятъ на конѣ нѣкоторыхъ низовцевъ), въ самой одеждѣ ихъ „есть много бабьяго, многіе изъ нихъ пузаты или съ брюш-„комъ, (подумаешь, что авторъ нарочно ѣздилъ въ верхи для „медицинскаго осмотра казаковъ!), и множество, почти цѣлыя „станицы, темныхъ, закоренѣлыхъ раскольниковъ самыхъ „грубыхъ и невѣжественныхъ сектъ. Отъ того-то (прибавля-„етъ умиленно авторъ) низовые казаки какъ (одни только!) „истиные сыны православной церкви, называютъ ихъ чага „проклятая.—Верховецъ всегда грубъ, неопрятенъ, гущеѣдъ, „часто онъ неуклюжъ, но большой плутъ и совѣсти въ немъ „мало (!!!).“

Вотъ мнѣніе о верховыхъ казакахъ, высказанное публично не во Франціи или гдѣ-нибудь за тридесять земель, а у насъ же на Дону казакомъ и притомъ образованнымъ, имѣющимъ претензію на отличное знаніе своего края! О Боже! гдѣ же тутъ правда, и куда дѣвалась добросовѣстность самаго автора, сочинявшаго эти строки! На чемъ основаны всѣ эти страшно-оскорбительные приговоры, унижающіе достоинство множества благородныхъ и извѣстныхъ отечеству лицъ? На мнѣніи ли народа? Но это несправедливо, никто изъ здѣшнихъ благомыслящихъ лицъ, знающихъ сколько-нибудь верховцевъ, никогда

о нихъ такъ не отзывался да, и не отзовется, а мнѣнія пустыхъ людей нисколько не обязательны. На томъ ли, что такъ думаетъ самъ авторъ? Но этого слишкомъ мало для доказательства. При такой думѣ ему бы прежде надлежало подумать о томъ, что станутъ думать о немъ другіе, читая его статью; ибо времена пифагорскія, когда два слова: ita dixit, (104) принимались за аксіому, для насъ уже прошли. Конечно, мы охотно вѣримъ собственному признанію автора, что одну изъ площадныхъ пѣсенокъ о чигѣ, представленныхъ имъ въ доказательство, онъ и самъ когда-то пѣвалъ, дразня верховцевъ, и даже положительно знаемъ, что онъ не рѣдко и упражнялся въ сочиненіи подобныхъ опытовъ, но все же это не давало ему права публично поносить честь верховыхъ казаковъ, составляющихъ главную силу Войска Донскаго. Только однимъ грубымъ невѣждамъ можетъ нравиться эта выходка, а благоразумные люди, напротивъ, пожалѣютъ, что писатель во зло употребляетъ данный ему отъ Бога талантъ, производя мелочи не приносящія никакой существенной пользы обществу.

Нѣтъ, такое мнѣніе о верховцахъ въ высшей степени неосновательно, несправедливо, невѣжественно. Видно, что авторъ не вполнѣ знакомъ съ Донскою исторіею, не вѣдаетъ славныхъ военныхъ подвиговъ, совершенныхъ верховцами не только въ давшія, но и въ близкія къ намъ времена, ознаменованныя кровавыми событіями; не знаетъ, наконецъ, что между верховцами есть много образованныхъ, умныхъ и заслуженныхъ лицъ, составляющихъ собою украшеніе всего Дона. Стоитъ только сдѣлать безпристрастное сравненіе верховцевъ съ низовцами, чтобы увидѣть, что первые ничѣмъ не ниже послѣднихъ.

Не въ мнимомъ переселеніи на Донъ раскольниковъ изъ отдаленнѣйшихъ губерній должно искать зародышъ той давней взаимной непріязни между верховыми и низовыми казаками, (105) памятниками которой остались употребительныя доселѣ между ними насмѣшливыя прозванія: напротивъ, зародышъ этотъ таится въ различіи ихъ происхожденія, языка и отчасти

въ самыхъ ихъ свойствахъ, занятіяхъ и обычаяхъ, отличающихся рѣзкою противоположностію. Верховцы чисто русскіе люди; въ нихъ русскій духъ, русская могучая натура, русская славянская кровь, почти безъ всякой примѣси постороннихъ началъ. Наружный видъ ихъ и языкъ, весьма мало рознящіїся отъ языка сосѣдственныхъ имъ губерній, служатъ тому непреложнымъ доказательствомъ. Всѣ почти они сѣроглазые или голубоглазые блондины съ свѣтлыми волосами, съ славянскимъ выраженіемъ лица, запечатленнаго отъ времени своею особенною воинственною физіономіею. Говоръ ихъ твердый, мужественный, весьма приличный мужчинѣ, но нѣсколько грубоватый у женщинъ (отъ частой замѣны гласныхъ е на а, напр. *табѣ* вм. тебѣ, и ѣ на *я*, напр. *вядро* вм. вѣдро). Не таковы низовцы. Здѣсь русскій элементъ, положенный въ основаніе казачества, весьма много поглощенъ малороссійскимъ и азіатскимъ. Большая часть ихъ настоящіе брюнеты съ черными или карими глазами, съ азіатскими оттѣнками въ лицахъ, до крайности разнообразныхъ, что, безъ сомнѣнія, произошло отъ вліянія чуждыхъ племенъ (какъ-то: грековъ, армянъ, турокъ, черкесъ, татаръ и даже калмыкъ), вошедшихъ въ составъ низовыхъ казаковъ. Отъ того-то здѣсь на ряду съ прекрасными греческими профилями встрѣчаются иногда чисто татарскія и калмыцкія физіономіи. Въ самомъ языкѣ нхъ сохранилось довольно много словъ малороссійскихъ. Скороговорливость и чрезвычайно мягкій выговоръ, не всѣмъ непріятный у женщиаъ, но весьма приторный у мужчинъ (отъ замѣны гласной ы на и, напр. *ми* вм. мы и согласныхъ ш на с, напр. *криса* вм. крыша и ж на з, напр. *дозъ* вм. дождь) отличаютъ ихъ отъ верховцевъ. Картавое произношеніе буквы *р* тоже въ большой модѣ у низовыхъ женщинъ.

Столь же рѣзкая противоположность находится въ занятіяхъ и свойствахъ верховыхъ и низовыхъ казаковъ. Верховцы преимущественно хозяева; хлѣбопашество и скотоводство составляютъ главныя ихъ домашнія занятія. А низовцы (разумѣемъ простой классъ народа) большею частію торговцы, преданные

особенно богатому рыбному промыслу, доставляющему имъ огромные доходы. Занимаются, правда и низовцы хлѣбопашествомъ, но далеко не въ той степени, какъ верховые. Верховцы люди умѣренные, скромные, даже не много суровые, почти вовсе не знакомые съ общественными удовольствіями, которыя, напротивъ, составляютъ главную пищу низовцевъ, отличающихся характеромъ веселымъ, легкимъ, даже немного вѣтреннымъ. Девизомъ первыхъ служитъ какъ бы пословица: *безъ труда нѣтъ плода;* девизомъ послѣднихъ: *день мой—вѣкъ мой.*

Вотъ главное различіе между верховцами и низовыми. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ достоинства и недостатки ихъ взаимно уравновѣшиваются между собою.

Начнемъ съ религіи. Верховцы (также какъ и низовцы) набожны.—Всѣ правила и посты, установленные церковію, соблюдаются ими съ аскетическою строгостію, даже малскіе дѣти пріучаются не ѣсть прежде опредѣленнаго времени. Преданность къ православной вѣрѣ общая, непоколебимая; на атеистовъ взираютъ всѣ съ отвращеніемъ и ужасомъ, какъ на чудовищныя порожденія, достойныя участи Содома и Гомиора. Благолѣпный видъ церквей верховцевъ, изумившій покойнаго преосвященнаго Игнатія обозрѣвавшаго въ 1843 году Донскую эпархію, служитъ доказательствомъ ихъ усердія къ Правоелавію, а монастыри *Уеть - Медвѣдицкій* и *Гременской*, основанные въ верхахъ чуть не при началѣ казачества, свидѣтельствуютъ о благочестіи ихъ отдаленнѣйшихъ предковъ. Правда, между верховцами есть не мало раскольниковъ, особливо въ извѣстныхъ семи станицахъ, но число ихъ, сравнительно съ общимъ народоселеніемъ области, не значительно.

Въ умственномъ образованіи верховые и низовые казаки стоятъ почти на одной степени. Вездѣ дворяне считаютъ необходимостью образовать своихъ дѣтей сперва въ гимназіи, потомъ въ кадетскихъ корпусахъ или въ университетѣ, а простые казаки довольствуются изученіемъ грамотности и первыхъ начать ариемстики. Исключеніе можно сдѣлать въ пользу Ново-

черкаска, гдѣ, какъ въ столицѣ Дона, цивилизація болѣе развита, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; здѣсь не рѣдко и дѣти простыхъ казаковъ получаютъ гимназическое и даже университетское образованіе. Впрочемъ вездѣ на Дону есть средства къ первоначальному воспитанію дѣтей: во всѣхъ станицахъ учреждены приходскія, а въ главныхъ и уѣздныя училища. Нельзя однакожъ не пожалѣть, что средства эти въ настоящее время уже оказываются не вполнѣ соотвѣтствующими потребностямъ общаго стремленія Донцевъ къ образованію. Отъ того-то число учащихся въ Новочеркаской гимназіи возрасло нынѣ до такой огромной не бывалой цифры. Говоря о различіи между верховцами и низовыми, сдѣлаемъ здѣсь одно общее замѣчаніе, заимствованное изъ опыта, что верховые дѣти въ наукахъ часто превосходятъ низовыхъ, но за то рѣдко равняются съ ними въ искуствахъ (какъ-то: рисованіи, музыкѣ и танцахъ), къ которымъ послѣдніе оказываютъ особенную склонность. Это различіе способностей замѣчено даже и между дѣвицами здѣшняго института.

Въ военномъ отношеніи верховцы, по мнѣнію всѣхъ безпристрастныхъ цѣнителей, считаются самыми исправными и надежными казаками, способными переносить всѣ лишенія, сопряженныя съ трудною казачьею службою на аванпостахъ. Въ доказательство приведемъ мнѣніе генералъ-лейтенанта И. И. Краснова. „Верховцы—говоритъ онъ въ одномъ изъ рукопионыхъ своихъ сочиненій—при поступленіи на службу оказываются сперва нѣсколько вялыми, но, послуживъ немного, съ удивительною скоростію преобразуются въ превосходныхъ во всѣхъ отношеніяхъ воиновъ; напротивъ, низовцы, поступая въ полки ловкими и проворными, выходятъ часто самыми плохими казаками, отъ того, что не въ состояніи перенесть всѣхъ трудностей свойственныхъ казачьей службѣ.“ Къ этому отзыву заслуженнаго генерала, вполнѣ знакомаго съ казачьею службою, мы ничего не можемъ прибавить. Скажемъ только, что въ старину, какъ видно изъ актовъ, самые храбрѣйшіе старшины являлись между верховцами. Изъ нихъ произошелъ идеалъ

удалаго казака, первый Донской графъ Ѳедоръ Петровичъ Денисовъ, изъ простаго званія въ 25 лѣтъ дослужившійся необыкновенными подвигами до важнѣйшихъ почестей и достоинствъ въ государствѣ. Изъ верховцевъ также вышло потомъ много знаменитыхъ храбростію генераловъ и полковниковъ, для одного перечисленія коихъ не достало бы у насъ ни времени, ни мѣста. Даже въ недавшія войны всѣ замѣчательные подвиги истинно-казацкой удали, смѣтливости и неустрашимости совершены были большею частію верховцами. *Губкинъ*, съ сотнею удальцовъ переплывшій, къ ужасу непріятеля, широкую Тиссу, *Разстригинъ*, въ бурную ночь на Дунаѣ вырвавшій изъ подъ рукъ Турокъ огромнѣйшую лодку, *Зубовъ*, при старости лѣтъ ставшій добровольно въ ряду храбрѣйшихъ защитниковъ Севастополя, *Гардѣевъ*, схватившій и бросившій внизъ съ высокаго вала французскаго часоваго, *Морозовъ*, смѣло днемъ отправившійся въ Бухарестъ, чтобъ у самыхъ непріятелей распросить обо всѣмъ нужномъ—всѣ эти герои-удальцы были и есть верховые казаки. Но изъ этого однакожъ не слѣдуетъ заключать, чтобъ и между низовцами не было отважныхъ воиновъ, чему многіе примѣры находятся у насъ передъ глазами.

Въ домашнемъ быту верховцы отличаются простотою, дѣятельностію и трудолюбіемъ. Праздность считается у нихъ величайшимъ порокомъ. Родители, сватая невѣсту за сына, справляются прежде всего о томъ, способна ли она къ работѣ и хозяйству. Можно сказать, что, исключая времени посвященнаго службѣ, цѣлый вѣкъ верховцевъ проходитъ въ занятіяхъ и хлопотахъ *по домачности*. Въ этомъ отношеніи верховыя женщины представляютъ, можетъ быть, единственное въ мірѣ зрѣлище. Часто оставаясь дома безъ своихъ мужей, занятыхъ военною службою, онѣ исполняютъ всѣ тяжелѣйшія работы, свойственныя исключительно однимъ мужчинамъ: онѣ сами пашутъ землю, сами косятъ сѣно, сами убираютъ хлѣбъ, и такимъ образомъ потомъ и кровью добываютъ себѣ съ дѣтьми насущное пропитаніе. Это чисто труженницы, неэнающія ни днемъ, ни ночью покоя, отвергнувшія всякое попеченіе о

красотѣ и только заботящіяся о воспитаніи полезныхъ слугъ отечеству; ихъ-то необыкновенными усиліями поддерживается на Дону общее довольство и благосостояніе. Нельзя не отдать за трудолюбіе должной похвалы верховымъ женщинамъ, особенно когда вспомнишь, какъ много въ другихъ мѣстахъ находятся такихъ, имъ подобныхъ, которыя только лишь и заботятся о сбереженіи своихъ собственныхъ особъ, доставая себѣ пропитаніе легкимъ способомъ, нетрудившись много. Отъ того-то, что каждая нажитая копѣйка приходится верховцамъ не даромъ, и происходитъ ихъ замѣтная привязанность къ своей собственности, доходящая у нѣкоторыхъ до скупости. При всемъ томъ верховцы отличаются самымъ радушнымъ гостепріимствомъ. Накормить и угостить пріѣзжаго или прохожаго гостя считается у нихъ первою добродѣтелію; можно сказать, что они скупы для себя, но щедры для другихъ. Справедливость требуетъ также замѣтить, что верховцы одѣваются гораздо проще низовцевъ, за то ѣдятъ сытнѣе, имѣя у себя во всемъ нужномъ изобиліе и достатокъ.

Въ семейномъ быту родители пользуются у верховцевъ величайшимъ уваженіемъ; власть ихъ почти патріархальная. Совершеннолѣтній сынъ часто не смѣетъ при гостяхъ сѣсть въ присутствіи отца, безъ позволенія. Почтенные отцы семействъ выслушиваютъ и исполняютъ съ покорностію всѣ, даже прихотливыя желанія своихъ престарѣлыхъ родителей, предсмертныя слова ихъ имѣютъ часто силу духовныхъ завѣщаній, по формѣ составленныхъ. Родители для верховцевъ почти тоже, что святые. Нѣтъ письма, въ которомъ бы казакъ не испросилъ у нихъ *заочнаго благословенія на вѣки ненарушимаго*; нѣтъ важнаго случая на войнѣ, гдѣ бы онъ не считалъ себя спасеннымъ ихъ *святыми родительскими молитвами*. Бывали у верховцевъ примѣры поразительнаго величія родительской власти, предъ которымъ блѣднымъ становится даже прославленный римскими историками примѣръ матери Коріолана. Такъ не въ слишкомъ давніе годы одна хоперская женщина за обыкновенный проступокъ противъ нравственности собственноручно

наказала палкою своего богатыря-сына, генерала-Лощ-на и когда онъ искричалъ: „Помилуйте матушка! вспомните, что я генералъ,“—спокойно отвѣчала: „Не генерала бью я, а сына!“ Правда, что въ нынѣшнее время родительская власть у верховцевъ замѣтно ослабѣла противъ прежняго, но она все еще несравненно сильнѣе, чѣмъ у низовыхъ казаковъ, гдѣ часто родители остаются безсильными предъ самыми капризными прихотями своихъ дѣтей. Тоже должно замѣтить и о власти супружеской.

Въ заключеніе мы хотѣли было привесть нѣкоторые особенные обычаи верховцевъ, которыми они отличаются отъ низовыхъ казаковъ, но остановились, чувствуя, что статья наша и безъ того уже приняла довольно большіе размѣры. Чуждые всякаго кваснаго патріотизма, мы не имѣли въ виду сплетать похвалъ своимъ соотчичамъ, въ коихъ они, конечно, нисколько не нуждаются, а желали только, вопреки мнѣнію г. Леонова, сказать о нихъ то, что было на сердцѣ, руководясь прекраснымъ наставленіемъ еврейскаго мудреца: „обличи друга, чтобъ онъ не повторилъ неразумно сказаннаго однажды.“

15 августа 1857 г.

ЗАМѢТКИ НА ПРОЕКТЪ ПОЛОЖЕНІЯ О ТОРГОВЛѢ ВЪ ВОЙСКѢ ДОНСКОМЪ

ПО ПОВОДУ МНѢНІЯ I ОТДѢЛА КОММИССІИ ДЛЯ ПЕРЕСМОТРА СИСТЕМЫ ПОДАТЕЙ И СБОРОВЪ.

Разсмотрѣвъ внимательно замѣчанія 1-го отдѣла коммиссіи на „Проектъ положенія о торговлѣ въ Войскѣ Донскомъ,“ нельзя не убѣдиться въ важности ихъ значенія. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній строгою логичностью своихъ выводовъ и сообразностью съ условіями быта донскаго купечества заслуживаютъ полнаго одобренія и должны быть безусловно приняты въ проектѣ; но есть между ними и такія, которыя, при всей справедливости теоретическаго ихъ взгляда, едва ли могутъ быть полезными въ приложеніи къ торговлѣ донскаго края, такъ рѣзко отличающагося своими особенностями отъ прочихъ губерній въ имперіи.

Для удостовѣренія въ сказанномъ, сдѣлаемъ краткій обзоръ этихъ замѣчаній, слѣдуя порядку ихъ раздѣленія отдѣломъ на *общія* и *частныя* и не вдаваясь въ излишнія подробности.

Изъ числа общихъ замѣчаній на Донской проектъ о торговлѣ, обращаютъ на себя вниманіе довольно подробныя соображенія о правахъ и обязанностяхъ иногородныхъ купцовъ, торгующихъ въ землѣ Войска Донскаго. Выводы этихъ соображеній, изложенныя въ видѣ правилъ на стр. 11 и 15 доклада коммиссіи не противорѣчатъ въ главныхъ основаніяхъ статьямъ проекта, но отличаются отъ нихъ большою точностію и вообще лучше согласованы съ Высочайше утвержденнымъ 1-го января 1863 года положеніемъ о пошлинахъ за право-торговли и другихъ промысловъ. Такъ напримѣръ, въ статьѣ 20-й донскаго проекта сказано: „иногородній, получившій изъ окруж-

наго казначейства свидѣтельство на торговлю въ округѣ, имѣетъ право производить торговлю въ станицахъ и селеніяхъ того только округа, на который имъ получено свидѣтельство.“ Статья эта, по справедливому замѣчанію отдѣла коммиссіи, становится необязательною для иногородныхъ купцовъ 1-й гильдіи, потому что, по ст. 32 положенія о пошлинахъ, имъ, по гильдейскому ихъ свидѣтельству, предоставлено право производить оптовую торговлю во всей имперіи, слѣдовательно и въ землѣ Войска Донскаго; но тѣмъ не менѣе купцы эти не изъяты отъ обязанности брать билеты на всѣ промышленныя и торговыя заведенія, содержимыя ими въ предѣлахъ Войска,— чего въ проектѣ не упомянуто. Окружное казначейство обязано только выдавать свидѣтельства иногороднымъ купцамъ, производящимъ въ предѣлахъ Войска розничную или мелочную торговлю, дѣлая на нихъ надписи во внесеніи ими всѣхъ слѣдующихъ въ пользу Войска сборовъ. Этимъ конечно сократится обременительная переписка при выдачѣ купцамъ свидѣтельствъ и квитанцій.

Въ ряду общихъ замѣчаній на Донской проектъ о торговлѣ, выдается замѣтнѣе другихъ мнѣніе 1-го отдѣла коммиссіи объ обложеніи пошлиною оптовой продажи донскихъ виноградныхъ винъ внѣ предѣловъ Войска Донскаго. Мнѣніе это, изложенное въ отмѣну примѣчанія къ 3-й статьѣ проекта, намъ кажется не совсѣмъ основательнымъ. Отдѣлъ коммиссіи, руководясь невѣрными отчетами о донской оптовой продажѣ винъ, полагаетъ, что послѣдняя уже получила значительное развитіе и, что обложеніе её пошлиною послужило бы къ лучшему усовершенствованію донскаго виноделія. Но это едва ли справедливо. Винная промышленность на Дону, не смотря на то, что началась со временъ Петра Великаго, до сихъ поръ находится, можно сказать, въ младенческомъ состояніи. Показанная отдѣломъ цифра вывоза съ Дону вина на 300,000 руб. серебр. очевидно преувеличена. Лучше всего это подтверждается статистическими данными, тщательно собранными изъ вѣрныхъ оффиціальныхъ источниковъ и напечатанными штабсъ-

капитаномъ генеральнаго штаба Н. Красновымъ въ статистическомъ описаніи земли Войска Донскаго, подъ заглавіемъ: *Матеріалы для географіи и статистики Россіи, 1863 г.* Изъ этой книги ясно видно, что сбытъ донскаго вина за предѣлами Войска никогда не доходитъ до цифры, показанной отдѣломъ коммиссіи. Самымъ блистательнымъ періодомъ въ донской винной продажѣ было десятилѣтіе съ 1833 по 1843 годъ включительно, когда она довольно близко подходила къ этой цифрѣ колеблясь между minimum 170,000 руб. и maximum 235,000 руб. сер. Съ 1843 года откупная система и нѣкоторыя другія неблагопріятныя обстоятельства имѣли самое пагубное вліяніе на производство донской виноторговли. Она страшно упала, до того, что вывозъ донскихъ винъ за предѣлы Войска, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, до настоящаго времени не превосходитъ цифры въ 50,000 руб... А въ 1850—1853 г. донскаго вина продавалось внѣ Войска всего только на 3—6,000 руб. сер. Столь незначительное производство оптовой винной продажи зависѣло однакожъ не отъ безпечности и равнодушія донскихъ винодѣловъ къ усовершенствованной выдѣлкѣ своихъ винъ, какъ полагаетъ отдѣлъ коммиссіи, а скорѣе всего отъ стѣснительныхъ постановленій прежней откупной системы, когда казаки не имѣли права продавать своего вина иначе, какъ недрами, или закупоренное въ бутылки. Упадку винной промышленности на Дону содѣйствовали также жестокія зимы, повторявшіяся довольно часто въ послѣднее время, особенно зима 1848 года, когда вымерзло множество виноградныхъ садовъ, и болѣе всего допущенное въ продажу, такъ называемое, *газовое вино*, которое не смотря на вредныя для здоровья качества, по дешевизнѣ своей, имѣетъ довольно успѣшный сбытъ въ простомъ народѣ.

Между тѣмъ нельзя сказать, чтобъ донскія вина были не хороши по своимъ качествамъ. Еще знаменитый Палласъ, путешествуя въ 1772 году на Дону, гдѣ тогда выдѣлывалось не болѣе 80 бочекъ вина, замѣтилъ въ своихъ запискахъ, что вина донскія весьма схожи съ красными италіанскими и не

сравнению лучше астраханскихъ и кизлярскихъ. При графѣ Платовѣ донское винодѣліе достигло высокой степени совершенства. Выписанные имъ, въ началѣ настоящаго столѣтія, нѣмецкіе винодѣлы изъ герцогства Нассау приготовляли изъ донскаго винограда вино столь высокаго достоинства, что оно превосходило многія иностранныя вина. Послѣ того какъ выдѣлка ими вина прекратилась въ 1819 году, донское винодѣліе не могло болѣе возвыситься не столько отъ неискуства донскихъ винопромышленниковъ, изъ которыхъ многіе умѣютъ приготовлять очень хорошія вина, сколько отъ недостатка поощренія ихъ со стороны начальства. Только недавно Московское Общество Сельскаго Хозяйства обратило вниманіе на донскихъ винодѣловъ, и двумъ изъ нихъ, священникамъ Раздорской станицы Попову и Бондаревскому, выдало медали за усовершенствованную выдѣлку вина. Въ настоящее время вина цымлянскія и бѣлое донское фабрикаціи казака Сущенкова и упомянутыхъ священниковъ смѣло могли бы конкурировать съ иностранными. Такой именно отзывъ о донскомъ винѣ дали въ прошломъ году извѣстные наши ученые Бабстъ и Побѣдоносцевъ. Вотъ, что говорятъ они въ своихъ *письмахъ* о *путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича по Россіи*, на стр. 463: „У Копылкова (на Дону въ Цымлянской станицѣ) мы пробовали вина, всякихъ сортовъ и возрастовъ, начиная отъ самаго молодаго до стараго сорокалѣтняго, которое доводится до высокаго достоинства и отличается тонкимъ ароматомъ, напоминая лучшіе сорта венгерскихъ и токайскихъ винъ. Здѣшнее цимлянское чистое вино почти вовсе неизвѣстно за предѣлами Войска Донскаго, и для того, чтобы узнать его, надо пить его здѣсь. Нельзя не пожалѣть, что эта промышленность до сихъ поръ такъ мало развита на Дону, что можетъ расчитывать почти исключительно только на мѣстное потребленіе.

Мы видѣли на опытѣ, что здѣсь могутъ производиться превосходные сорты вина; но нашимъ потребителямъ надобно еще привыкнуть къ особенному его вкусу, потому, что ихъ вкусъ воспитанъ на извѣстныхъ сортахъ винъ привозимыхъ изъ-за-

границы или фабрикуемыхъ изъ давна въ большихъ городахъ, и требуется еще много времени и усилій для того, чтобы преобразовать этотъ вкусъ и привлечь его къ винамъ совсѣмъ инаго сорта, какъ бы они ни были хороши въ своемъ родѣ.“

Вотъ почему намъ кажется, что обложеніе донскихъ винъ пошлиною не только не улучшитъ донскаго винодѣлія, но даже, напротивъ, можетъ совершенно убить его въ самой колыбели его развитія. Это особенно понятно тому, кто знаетъ, что едва ли есть какая либо другая промышленность, которая требовала бы за собою такъ много вниманія и въ тоже время представляла такъ мало ручательствъ за будущій успѣхъ, какъ винодѣліе. Изложенныя нами соображенія, безъ сомнѣнія болѣе, всего побудили составителей проекта сдѣлать справедливое исключеніе въ пользу этой промышленности, освободивъ только ее одну отъ пошлинной продажи за предѣлами Войска.

Что касается до частныхъ замѣчаній 1-го отдѣла коммиссіи, то изъ нихъ особенно важны тѣ, которыя относятся къ правамъ и обязанностямъ собственно донскихъ купцовъ. Такъ въ статьѣ 31-й проекта, уполномочивающей только старшаго въ купеческомъ семействѣ правомъ давать и принимать кредитныя обязательства, сдѣлано отдѣломъ коммиссіи добавленіе, что прочіе члены семейства за заключенныя ими обязательства безъ довѣрія старшаго, подвергаются только личной отвѣтственности. Равнымъ образомъ статья 39 проекта редактирована коммиссіею нѣсколько яснѣе и согласнѣе съ положеніемъ о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ. Статьею этою „представляется всякому донскому купцу право, по его желанію производить торговлю и внѣ предѣловъ Войска, но въ такомъ случаѣ онъ обязанъ взять въ томъ городѣ, гдѣ торгуетъ купеческое (гильдейское или промысловое) свидѣтельство по роду торговли, а также билеты на содержимыя ими промышленныя заведенія, получая вмѣстѣ съ тѣмъ право пользоваться тѣми мѣстными и торговыми правами, кои вообще присвоены торгующимъ по означеннымъ свидѣтельствамъ и оставаясь въ казачьемъ сословіи.“

Къ сожалѣнію въ проектѣ, при изложеніи приведенной статьи упущено изъ виду одно довольно важное обстоятельство, которое правда не можетъ имѣть теперь слишкомъ частаго примѣненія на Дону, но достойно упоминанія, по крайней мѣрѣ, какъ исключеніе изъ общаго правила. Это именно предоставленіе желающимъ донскимъ купцамъ, даже и не производящимъ торговли внѣ предѣловъ Войска Донскаго, права брать, вмѣстѣ съ ихъ семействами, гильдейскія свидѣтельства и пользоваться за то всѣми преимуществами, предоставленными этимъ гильдіямъ, оставаясь въ донскомъ казачьемъ сословія. Намъ конечно могутъ при этомъ возразить, что такое необязательное для всѣхъ правило едва ли имѣло бы какое либо приложеніе на Дону, такъ какъ донское купечество безполезно отягощалось бы чрезъ то двойною платою (т. е. платою за гильдейское свидѣтельство и въ пользу Войска); но это только такъ кажется съ перваго взгляда. Разбирая глубже этотъ предметъ, легко можно удостовѣриться, что богатые торговцы на Дону нисколько не сочтутъ для себя обременительною такую двойную плату денегъ; напротивъ, они съ удовольствіемъ воспользуются сю, какъ средствомъ для пріобрѣтенія себѣ съ семействами новыхъ правъ которыхъ имъ недоставало.

Въ самомъ дѣлѣ права, закономъ предоставленныя гильдейскимъ купцамъ, несравненно обширнѣе донскихъ купеческихъ правъ. Что такое получаютъ донскіе купцы по новому проэкту? Почти ничего кромѣ одной перемѣны имени, что они уже *не торговцы а купцы!* Правда, что они, по проэкту, избавляются отъ военной службы и тѣлеснаго наказанія; но это такія преимущества, о коихъ не стоитъ даже и упоминать, потому что военная служба нигдѣ не совмѣстна съ торговлею, а тѣлесное наказаніе нынѣ отмѣнено для всѣхъ состояній въ Россіи. Если сравнивать далѣе, окажется что преимущества донскаго купечества совершенно ничтожны въ сравненіи съ гильдейскими. То, чѣмъ тамъ имѣетъ право владѣть всякій купецъ, у насъ дается только за особенныя заслуги. Такъ

донскому купеческому старшинѣ и довѣреннымъ нужно прослужить три сряду трехлѣтія, чтобъ имѣть потомъ право носить всегда мундиры съ шитьемъ и серебренные темляки, присвоенныя городскимъ головамъ и гласныхъ въ думахъ! Можно сказать, что получеше золотой медали есть для донскихъ купцовъ высшій идеалъ, къ которому могутъ стремиться ихъ мечты и желанія. Доступъ къ чинамъ и орденамъ имъ совершенно возбраненъ по закону. Словомъ, какія бы заслуги не оказалъ донской купецъ въ своемъ званіи отечеству, онъ вѣчно долженъ оставаться простымъ казакомъ! Не таковы купцы въ имперіи. Они, по закону, могутъ пріобрѣтать права почетнаго гражданства, могутъ быть удостоены званія коммерціи совѣтниковъ, могутъ имѣть свободный доступъ къ ВЫСОЧАЙШЕМУ двору, могутъ за заслуги награждаться чинами и орденами, а дѣти ихъ, при зачисленіи на службу, принимаются наравнѣ съ дѣтьми личныхъ дворянъ (ст. 61—68 XI т. торг. устава). Вотъ почему учрежденіе донскаго купечества безъ гильдейскихъ преимуществъ есть по нашему мнѣнію, одна изъ важнѣйшихъ ошибокъ новаго донскаго проекта. Устранить эту ошибку можно бы слѣдующимъ добавленіемъ къ ст. 39 проекта: „Желающимъ донскимъ купцамъ, не производящимъ торговли внѣ предѣловъ Войска Донскаго, дозволяется, оставаясь въ войсковомъ сословіи, записываться вмѣстѣ съ ихъ семействами въ гильдіи по свидѣтельствамъ и пользоваться всѣми правами купцовъ въ имперіи, но чрезъ это они не освобождаются отъ платежа установленнаго сбора въ пользу войсковыхъ суммъ.“ Такое добавленіе было бы, кажется, не противно законамъ и не безинтересно для казны.

Справедливость требуетъ однакожъ замѣтить, что гильдейскихъ правъ и преимуществъ желаетъ на Дону только меньшинство богатыхъ торговцевъ, составляющее по своимъ торговымъ оборотамъ, коренное здѣшнее купечество. Все же прочее огромное большинство, не гоняясь за многимъ, остается весьма довольнымъ своимъ теперешнимъ состояніемъ, гдѣ ему дается полная возможность пріобрѣтать себѣ торговымъ промысломъ

насущный кусокъ хлѣба. Поэтому оно состоитъ теперь въ страшной оппозиціи съ богатымъ купечествомъ, будучи увѣрено, что, съ обращеніемъ купцовъ въ гильдіи, можетъ уничтожится и вес Войско Донское! Нашлись къ удивленію, даже образованные люди, которые стараются поддержать эту нелѣпую мысль, не понимая, что Войско Донское было, есть и будетъ для Россіи всегда необходимо-нужно не своею промышленностію, а своею боевою силою—ни чѣмъ незамѣнимою легкою кавалеріею и артиллеріею. Слѣдовательно, до тѣхъ поръ пока на свѣтѣ будетъ существовать война, Войску Донскому, право, все равно—будутъ ли донскіе купцы съ гильдейскими правами или безъ нихъ. Имѣя въ виду одну службу царю и отечеству, оно спокойно идетъ своимъ путемъ къ погрессу, вопреки всѣмъ пустымъ крикамъ и толкамъ.

1865 г.

О ВЫЖИГАНІИ ДОНСКИХЪ ПОЛЕЙ.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ орредствъ для удобренія земли, у асъ на Дону употребляется только одно выжиганіе полей. ;акъ пи кажется ограниченнымъ дѣйствіе этого способа удорешія, въ сравнеши съ другими, болѣе распространенными въ лагоустроенныхъ хозяйствахъ, за всѣмъ тѣмъ довѣріе народа ъ пользѣ выжиганія такъ велико, что его употребленіе выодитъ изъ надлежащихъ предѣловъ. Безъ преувеличенія можно казать, что у насъ выжиганіе полей производятъ безъ всякой смотрительности, не разбирая, гдѣ нужно и не нужно, на омъ единственномъ основаніи, что такъ дѣлалось прежде. ;акое неумѣстное употребленіе выжиганія, основанное на незмѣнномъ лишь нодражаніи старинному обычаю, часто, прино ;итъ больше вреда, нежели пользы, и, что всего хуже, бываетъ иногда причиною степныхъ пожаровъ, гибельное вліяніе которыхъ извѣстно всякому. Правда, что правила, предписываемыя законами, относительно самаго производства выжиганія, служатъ въ этомъ случаѣ надежнымъ руководствомъ для простыхъ поселянъ, но не точное выполненіе ихъ и незнаніе обстоятельствъ, когда, на какихъ почвахъ должно производить выжиганіе мало уменьшаютъ вредъ, имъ причиняемый въ тѣхъ даже случаяхъ, когда оно дѣлается съ соблюденіемъ извѣстныхъ предосторожностей. Поэтому, предлагая здѣсь краткія замѣчанія о выжиганіи полей, заимствованныя изъ опыта и науки, думаемъ, что они не будутъ безполезными, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что, можетъ быть, возродятъ въ комъ нибудь желаніе къ лучшему изслѣдованію этого немаловажнаго предмета въ сельскомъ хозяйствѣ.

На выжиганіе можно смотрѣть съ 2-хъ точекъ зрѣшія, если не совсѣмъ противоположныхъ, то и не вовсе сходныхъ между

собою, именно: со стороны науки, разсуждающей объ этомъ предметѣ безотносительно къ условіямъ общественной жизни, и со стороны законовъ, подчиняющихъ всегда благо частное общему. Это почти тоже, что сказать, выражаясь иначе, теоретически и практически.

Смотря на этотъ предметъ въ первомъ отношеніи, нельзя не замѣтить: 1) что выжиганіе, по свойству своему, есть самое простое, самое дешевое и едва ли не самое лучшее средство удобренія, впрочемъ, не всегда, а для извѣстныхъ только случаевъ; 2) что выжиганіе притомъ есть одно изъ древнѣйшихъ средствъ, коимъ люди пользовались вѣроятно еще съ тѣхъ поръ, какъ узнали употребленіе огня,—хотя и съ различными цѣлями.—Такъ въ древности, вижигая поля, имѣли большею частію въ виду не удобреніе, а просто истребленіе ихъ, какъ это часто случалось, да и нынѣ случается въ военное время. Изъ исторіи извѣстно, что Самсонъ, судія израильскій, выжегъ поля филистимскія, посредствомъ пойманныхъ имъ лисицъ, къ хвостамъ которыхъ привязаны были зажженные факелы. Знаменитый Карфагенскій полководецъ Аннибалъ употребилъ однажды это средство, какъ политическую хитрость. Недовольный тѣмъ, что Римляне назначили противъ него медлительнаго и осторожнаго Фабія, всегда избѣгавшаго съ нимъ сраженій, онъ приказалъ воинамъ жечь поля всѣхъ патрицевъ римскихъ, оставляя одни фабіевы неприкосновенными, съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы навлечь на него подозрѣніе соотечественниковъ въ измѣнѣ,—что дѣйствительно и случилось. Въ 1137 году, въ день Тиверіадской битвы между Крестоносцами и Турками, Саладинъ велѣлъ зажечь сухую траву въ равнинѣ, гдѣ сражались Крестоносцы, и этимъ привелъ ихъ въ совершенное разстройство.—По увѣренію путешественниковъ, у американскихъ Индійцевъ есть довольно странное обыкновеніе выжигать поля для забавы, а жители Канады, Парагвая, Шотландіи употребляютъ выжиганіе для произведенія дождей, будучи увѣрены, что пожары дѣйствуютъ на образованіе дождевыхъ тучъ. Всѣ эти примѣры, хотя они прямо и не относятся къ

разсматриваемому предмету, показываютъ однакожъ давность и многоразличность употребленія выжиганія.

Трудно доказать, но можно съ достовѣрностію полагать, что, и какъ удобрительное средство, выжиганіе было извѣстно древнимъ, потому, что полезныя дѣйствія этого способа въ нѣкоторыхъ случаяхъ очевидны для всякаго.

Въ настоящее время выжиганіе употребляется у многихъ европейскихъ народовъ, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что одни изъ нихъ пользуются имъ съ осторожностію, зная основательно, гдѣ должно употреблять его, а другіе безъ всякаго искуства и осмотрительности. Ясно, что при такихъ условіяхъ, употребленіе выжиганія, и слѣдствія отъ него происходящія бываютъ различны. Въ нѣкоторыхъ гористыхъ странахъ, какъ напримѣръ: Шварцвальдѣ, Верхней Швабіи, Штиріи, Вестфаліи оно общепринято. Въ Англіи обжигаютъ глину въ особо устроенныхъ печахъ и ямахъ, и ею удобряютъ поля. Въ Россіи выжиганіе составляетъ употребительный, а въ землѣ Войска Донскаго, какъ уже сказано, единственный способъ удобренія.

Когда и на какихъ почвахъ должно производить выжиганіе и почему оно бываетъ полезно?—вотъ вопросы, которые естественно рождаются въ мысляхъ тотчасъ при разсмотрѣніи этого предмета.

Нѣтъ сомнѣнія, что вся сила выжиганія, какъ удобрительнаго средства, зависитъ отъ огня, который не только истребляетъ и очищаетъ вещества, подверженныя его вліянію, но даже измѣняетъ иногда совершенно ихъ качества посредствомъ химическаго разложенія. Такъ, обращая растенія въ золу, огонь вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняетъ пропорцію составныхъ частей почвы, и, смотря по роду послѣдней, дѣйствуетъ, либо благопріятно, либо напротивъ неблагопріятно на ея будущую растительность. Далѣе, сожигая вредныя растенія, огонь тѣмъ самымъ какъ бы даетъ новую жизнь полезнымъ, потому что многія изъ растеній подобно животнымъ, рождаются и живутъ только при уничтоженіи другихъ, имъ враждебныхъ. Кромѣ того, огонь

какъ бы состоятъ въ вѣчной борьбѣ съ водою: превращая воду изъ житкаго въ парообразное состояніе, огонь изсушаетъ ее въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находится въ соприкосновеніи съ нею, производя такимъ образомъ важныя перемѣны въ составѣ почвъ выжигаемыхъ. Отъ взаимнаго вліянія огня и воды другъ на друга или, что почти тоже, теплоты и влажности, зависитъ во многихъ отношеніяхъ условіе плодородія почвы.

Всякій знаетъ также по опыту, что въ почвахъ, особенно торфяныхъ или болотныхъ рождается отъ гніенія много кислотъ, вредно дѣйствующихъ на растенія, выростаетъ много сорныхъ травъ, негодныхъ для корма и заглушающихъ ростъ полезныхъ растеній, и, что всего вреднѣе, появляется иногда множество насѣкомыхъ, изъ которыхъ одна саранча можетъ вдругъ уничтожить всѣ труды и надежды землевладѣльца. Въ такихъ случаяхъ огонь есть самое лучшее лекарство для почвы: онъ разомъ искореняетъ все зло, въ ней накопившееся: и вотъ почему можетъ быть полезно выжиганіе.

Дѣйствительно, опыты показываютъ, что выжиганіемъ: во 1-хъ разрушаются части растеній остающіяся въ почвѣ по какимъ либо причинамъ на долго неразложившимися, а вмѣстѣ съ тѣмъ истребляются коренья сорныхъ травъ, гнѣздящихся въ почвѣ; во 2-хъ кислота въ почвѣ отчасти сгораетъ, отчасти уничтожается образовавшимися окисями; всѣ яйца, личинки вредныхъ насѣкомыхъ и семена сорныхъ травъ сгораютъ; въ 3-хъ глина и углекислая известь измѣняются въ качествѣ: та и другая обожженныя, придаютъ почвѣ болѣе рыхлости, а послѣдняя ѣдкости, чрезъ что воздухъ свободнѣе допускается въ почву и органическія вещества разрушаются. Отсюда видно, что выжиганію полезно подвергать слѣдующія почвы: *черноземныя* и *степныя* для истребленія негодныхъ травъ и червей, въ нихъ особенно водящихся; *дернистыя* и *глинистыя* для разрыхленія; *лѣсныя* для истребленія кореньевъ и пней, препятствующихъ обработкѣ. и *моховыя* или *торфяныя* болотистыя почвы для произведенія золы, превращающей ихъ въ черноземныя. Напротивъ, почвы тощія, сухія и песчаныя (каковы,

большею частію въ землѣ Войска Донскаго), не только что, не поправляются выжигашемъ, но даже вовсе дѣлаются безплодными, потому что огонь истребляетъ и послѣднюю влагу, въ нихъ заключающуюся.

Чтобы выжиганіе оказало хорошее дѣйствіе на урожай, нужно еще, кромѣ совершеннаго знанія состава почвъ, соблюдать при самомъ производствѣ нѣкоторую предосторожность. Выжженную золу отнюдь не должно оставлять надолго въ кучахъ, и тотчасъ разбрасывать и легко запахивать или глубоко заборонивать; это потому что зола есть одно изъ превосходныхъ средствъ для удобренія земли, особенно торфяной или болотной. Выжиганіе черноземныхъ и вообще степныхъ почвъ заросшихъ ковылемъ и прочими деревянистыми травами, надобно дѣлать весною, чтобы, запахавъ, тотчасъ сѣять пшеницу. Выжиганіе дернистыхъ, глинистыхъ и болотистыхъ почвъ можно производить въ продолженія всего лѣта, но съ тѣмъ различіомъ, что первыя изъ нихъ (дернистыя или глинистыя) нужно сперва предъ выжиганіемъ вспахать и дать пласту высохнуть, а послѣднія (моховыя или болотистыя) должно сперва осушить, срубить или выдрать кустарники, дать просохнуть и потомъ зажечь, наблюдая, чтобы горѣніе прекратить на той глубинѣ, гдѣ нужно; это весьма не трудно сдѣлать, запрудивъ до извѣстной высоты водосточныя канавы. Если на моховомъ болотѣ не будетъ ни лѣса, ни кустарника, то выжиганіе не иначе можно употреблять, какъ содравъ кому и высушивъ верхній слой мху.

Повидимому казалось бы, что приведенныхъ нами правилъ науки, какъ онѣ ни кратки, было бы достаточно для успѣшнаго производства выжиганія, тѣмъ больше, что въ самыхъ пріемахъ здѣсь не требуется никакого искуства отъ производителей; но въ приложеніи къ общественной жизни людей, всѣ эти правила оказываются очень недостаточными. И здѣсь-то видно преимущество закона предъ наукою. Для закона не довольно того, чтобы умѣть хорошо выжечь свое поле и соблюсть свои выгоды: надобно еще позаботиться и о томъ, что

бы, производя выжиганіе, не распространить пожара и не нанесть вреда другому. Вотъ почему выжиганіе можетъ считаться невыгоднымъ средствомъ удобренія.

Въ самомъ дѣлѣ, уже одна опасность отъ огня—стихіи въ высшей степени истребительной и дѣйствующей съ необыкновенною быстротою, заставитъ тотчасъ усумнится всякаго благомыслящаго человѣка въ выгодахъ этого способа удобренія, даже и тогда, если бы было доказано, что для извѣстнаго мѣста выжиганіе дѣйствительно полезно. Если отъ искры рождается пожаръ, то что же можетъ родиться отъ цѣлаго пожара, который нужно произвесть на опредѣленномъ пространствѣ! Трудно бываетъ загасить горящій домъ: сколько же труднѣе прекратить огонь при выжиганіи сухой травы, когда онъ можетъ вдругъ охватить всю степь, при небольшомъ дуновеніи вѣтра?

Вотъ причина, почему у насъ, на Дону, да и вообще въ Россіи, при неосторожномъ выжиганіи нерѣдко, вмѣстѣ съ травою,—истребляются скошенное сѣно, колосовые хлѣба, а иногда и лѣса—самые важнѣйшіе предметы сельскаго хозяйства. Эти происшествія, къ сожалѣнію, почти каждогодно повторяющіяся, служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что выжиганіе полей при всѣхъ своихъ выгодахъ, можетъ быть допускаемо у насъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Даже гораздо лучше бы было, для общаго блага, если бы вовсе оставили его употреблять, а вмѣсто того обратились бы къ другимъ средствамъ удобренія, менѣе опаснымъ, но болѣе полезнымъ, въ особенности теперь, когда земля становится такъ драгоцѣнною для каждаго владѣльца.

По этимъ же причинамъ и законы наши хотя допускаютъ выжиганіе полей, какъ средство иногда въ частности полезное, но въ то же время, имѣя въ виду благосостояніе цѣлаго общества, предписываютъ соблюдать крайнюю осторожность, какъ бы доказывая этимъ, что зло могущее проистекать отъ степныхъ пожаровъ при выжиганіи, гораздо важнѣе пользы, ими доставляемой. Такъ „государственный крестьянинъ, намѣревающійся выжигать травы, жнитвы или коренья на полосѣ

разстояніомъ отъ казенной лѣсной дачи въ иолверстѣ и менѣе долженъ предварительно извѣстить о томъ пожарнаго старосту, который наблюдаетъ, чтобы вокругъ того мѣста обведенъ былъ ровъ или чтобы трава была скошена и земля вспахана, или же чтобы выдраитъ былъ дернъ и обороченъ корнями вверхъ не менѣе, какъ на 2 сажени шириною. При выжиганіи поселянинъ долженъ находиться на той полосѣ съ заступомъ, метлами, ведрами, наполненными водою, и съ другими, по возможности, пожарными орудіями, чтобы не допустить огня распространиться далѣе надлежащаго. Въ случаѣ сильнаго вѣтра къ сторонѣ лѣсной дачи, выжиганіе должно отложить, а разведенный огонь загасить. Эти же самыя предосторожности должны быть наблюдаемы: 1) при выжиганіи степныхъ мѣстъ для удобренія ихъ подъ хлѣбопашество и скотоводство; 2) при дозволенной расчисткѣ лѣсовъ подъ пашни, сѣнные покосы и другія угодья; 3) при удобреніи полей жженіемъ кубышей и суковъ. Внутри же лѣсовъ вовсе запрещается выжигать поляны, такъ какъ пожары въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ не рѣдко причиняются отъ неосторожности помѣщичьихъ крестьянъ, разчищающихъ лѣса подъ пашни въ смежности казенныхъ дачь; то помѣщики обязаны строго подтвердить своимъ управителямъ, прикащикамъ и сельскимъ старостамъ, чтобы они при валяніи лядъ, при жженіи суковъ или кубышей, при выжиганіи жнитвъ, травъ или корсньевъ наблюдали всѣ правила установленныя для государственныхъ крестьянъ.“ (Уставъ пожарный о мѣрахъ предосторожности отъ пожаровъ, отд. II ст. 48—54).

Здѣсь приведены статьи законовъ, касающихся выжиганія, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы показать какъ много, при выполненіи этого способа удобренія, нужно имѣть предосторожности, за несоблюденіе которой опредѣляются болѣе или менѣе важныя наказанія. Такъ въ статьѣ 1406 уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и неправительныхъ говорится: „Кто безъ позволенія надлежащаго начальства и безъ соблюденія предписанныхъ мѣръ осторожности, будетъ выжигать кустарники или травы, жнивы или коренья, при расчисткѣ лѣса, подъ пашню или

сѣнокосъ или же при выжиганіи степныхъ мѣстъ, или же вообще для удобренія полей будетъ жечь сучья, кубыши и т. п., также безъ надлежащей осторожности, тотъ за сіе подвергается денежному взысканіе отъ пятидесяти коп. до пяти руб. сер., смотря по обстоятельствамъ болѣе или менѣе увеличивающимъ вину его и если отъ сего произойдетъ пожаръ, то обязанъ сверхъ сего вознаградить за весь причиненный убытокъ.“ Въ слѣдующей за тѣмъ 1407 статьѣ сказано:—„Кто не отложитъ выжиганія въ случаѣ сильнаго вѣтра къ сторонѣ лѣсной дачи, тотъ за сіе подвергается денежному взысканію отъ одного до десяти руб. серебромъ и если отъ сего произойдетъ пожаръ, обязанъ вознаградить за причиненный вредъ или убытокъ.“ Въ обѣихъ сихъ статьяхъ главнымъ наказаніемъ конечно, служитъ вознагражденіе причиненнаго пожаромъ вреда. А кто не знаетъ, что вредъ этотъ бываетъ часто такъ великъ, что иногда и не бѣдный человѣкъ, не въ состояніи его вознаградить. Въ такомъ случаѣ съ нимъ поступается на основаніи статьи 1408 Улож., какъ съ несостоятельнымъ должникомъ, т. е. заключаютъ его въ тюрьму или рабочій домъ, до тѣхъ поръ пока онъ трудами своими не пріобрѣтетъ средствъ къ уплатѣ долга. А между тѣмъ взысканіе обращается на селеніе, коему принадлежитъ выжженное поле.

Замѣтивъ съ начала о томъ, что выжиганіе производится у насъ безъ всякихъ правилъ и иногда съ отступленіемъ отъ порядка, предписаннаго закономъ, считаемъ нужнымъ сказать въ заключеніе, еще объ одномъ обстоятельствѣ, собственно къ Донскому краю относящемся. При недостаткѣ кормовыхъ запасовъ для скота на зиму, нерѣдко случается въ нашихъ хозяйствахъ, что онъ по необходимости долженъ довольствоваться подножнымъ кормомъ, при малѣйшей оттепели рано весною. Въ это то такъ сказать, критическое для скота время недальновидные въ соображеніяхъ поселяне, къ удивленію, производятъ иногда, по заведенному обычаю выжиганіе травы, въ той надеждѣ, что она скоро выроститъ и зазеленѣетъ лучше прежняго. Но вдругъ, въ слѣдъ за выжиганіемъ, неожиданно на-

ступаютъ или жестокіе морозы, или напротивъ, совершенная засуха, и тогда, при недостаткѣ сѣна, скотъ, блуждая по обгорѣлымъ степямъ, пропадаетъ съ голода. Такіе примѣры нерѣдко случались прежде на задонскихъ степяхъ. Не помню въ какомъ именно изъ 40-хъ годовъ, тамъ въ раннюю весну произведено было выжиганіе; но такъ какъ скоро за этимъ наступили холода, то большая часть тамошняго скота пала отъ недостатка корма. Примѣръ этотъ доказываетъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ не должно упускать изъ виду никакого обстоятельства, какъ бы оно малымъ и ничтожнымъ ни казалось.

1852 г.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ГОДѢ,

ПО ПОВОДУ НОВАГО ГОДА.

Nihil est novum sub sole.

„Нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ!“ Это глубокомысленное изреченіе какого-то мудреца пришло мнѣ тотчасъ на мысль, когда я взялся за перо, съ намѣреніемъ сказать, по примѣру другихъ, что нибудь о Новомъ годѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не состоитъ-ли многое новое только въ обновленіи стараго, забытаго прежде. Не часто ли ученые дѣлаютъ танія новыя открытія, которыя давнымъ-давно были прежде извѣстны, но забыты потомъ отъ времени? И не лучше ли поэтому, вмѣсто пустыхъ иногда новостей, обновлять въ памяти какую нибудь полезную старую истину? Обсудивъ все это какъ слѣдуетъ я отложилъ попеченіе говорить о новостяхъ прошедшаго и наступившаго годовъ, зная изъ опыта, что гораздо полезнѣе молчать, чѣмъ говорить—тамъ, гдѣ говорятъ и безъ того многіе. А лучше, пожелавъ, по обычаю, на Новый годъ всѣмъ и каждому православному *новаго* добра и счастія, разскажу вкратцѣ *старую* исторію года вообще, т. е. каковъ былъ годъ прежде, и когда праздновалось и празднуется его начало—Новый годъ у разныхъ народовъ.

Подобно всякому изобрѣтенію разума человѣческаго, годъ, какъ мѣра времени, подвергался сперва различнымъ измѣненіямъ въ судьбѣ своей до тѣхъ поръ, пока астрономы, посредствомъ точныхъ наблюденій надъ движеніемъ солнца, не опредѣлили истиннаго годоваго времени, состоящаго изъ 365 дней 5 часовъ 49 минутъ. Этотъ точный, неизмѣнный *солнечный годъ* содержитъ въ себѣ время обращенія земли около солнца или,

что одно и тоже, время прохожденія солнца чрезъ 12 небесныхъ знаковъ зодіака. Но какъ наблюденія легче дѣлать надъ движеніями луны, чѣмъ солнца (лучше сказать земли), то поэтому почти у всѣхъ древнихъ народовъ существовалъ, вмѣсто солнечнаго, *лунный годъ*, содержащій въ себѣ 354 дня 8 часовъ 48 минутъ 35 секундъ. Лунный годъ состоитъ изъ 12-ти полныхъ оборотовъ луны около земли, каждый въ 29 дней 12 часовъ 44 минуты и 3 секунды. Всякому извѣстно, что въ общежитіи употребляется еще *гражданскій годъ*, т. е. тотъ же солнечный, но только состоящій ровно изъ 365 дней, безъ прибавленія часовъ. Это сдѣлано потому, что неудобно было бы раздроблять день на части, относя ихъ то къ одному то другому году; а вмѣсто того, у насъ обыкновенно прибавляется чрезъ каждые четыре года (въ високосномъ) цѣлый день, чѣмъ возстановляется почти совершенное равенство между солнечнымъ и гражданскимъ годами. У астрономовъ есть еще свой *тропическій* годъ, содержащій время между двумя равноденствіями—весеннимъ и осеннимъ.

Исторія года довольно занимательна по тѣмъ усовершенствованіямъ, которыя производимы были въ немъ въ древности. Не всѣ древніе народы умѣли правильно счислять годовое время, но, можно сказать, что всѣ образованные изъ нихъ трудились надъ опредѣленіемъ точности этого времени. Нельзя однакожъ не удивляться, что у Египтянъ, древнѣйшаго изъ древнихъ народовъ, былъ веденъ, слишкомъ за 2,000 лѣтъ до Р. Хр., довольно правильный счетъ времени. Годъ у нихъ былъ солнечный гражданскій, состоящій, также какъ и у насъ, изъ 365 дней, раздѣленныхъ на 12 мѣсяцевъ,—каждый въ 30 дней, къ коимъ еще прибавлялось 5 дополнительныхъ дней, или *Эпагоменъ*. Недостатокъ четверти дня въ этомъ году пополнетъ уже въ послѣдствіи римскимъ императоромъ Августомъ, исправившимъ, по примѣру Юлія Цесаря, египетскій календарь прибавленіемъ 6-й эпагомены чрезъ каждые 4 года.

Законы Евреевъ, относительно года, отличаются такою мудростію и знаніемъ истиннаго порядка вещей, что могутъ быть

названы въ своемъ родѣ образцовыми. У нихъ былъ лунный годъ церковный и гражданскій, раздѣленный на 12 мѣсяцевъ (каждый въ 29 и 30 дней) и, слѣдовательно, имѣвшій только 354 дня. Для уравненія этого года съ солнечнымъ, Езрси прибавляли къ каждому трехлѣтію дополнительный мѣсяцъ въ 30 дней, называемый второй *Адарь*. Годъ, вмѣщавшій этотъ 13-й мѣсяцъ, извѣстенъ былъ подъ именемъ *эмболистическаго*. Годъ гражданскій различался только тѣмъ отъ церковнаго, что первый изъ нихъ начинался съ мѣсяца *тизри*, соотвѣтствующаго нашему сентябрю, а послѣдній чрезъ полгода позже, съ мѣсяца *низана*, по нашему марта. Гражданскій годъ употреблялся въ актахъ гражданскихъ, а церковный при счисленіи священныхъ торжествъ и празднествъ. Евреи имѣли еще два замѣчательные года *субботній*, празднуемый чрезъ каждыя 6 лѣтъ на 7-е, и *юбилейный*, торжествуемый чрезъ 49 лѣтъ. Оба эти года пользовались, по законамъ еврейскимъ, такими преимуществами, какихъ не было, да и теперь нѣтъ, ни у одного изъ народовъ. Впродолженіи субботняго года предписано было, чтобъ земля вездѣ покоилась отъ трудовъ земледѣльческихъ; никому не позволялось ни пахать, ни сѣять, а все что въ этотъ годъ само собою произрастало на землѣ, принадлежало бѣднымъ. Кромѣ такого же преимущества, юбилейный годъ отличался еще тою особенностію, что лица, утратившіе прежде почему либо свободу, дѣлались въ этотъ годъ опять свободными, а тѣ, кои, по бѣдности или другимъ какимъ нибудь побудительнымъ причинамъ, принуждены были отчуждать свое имѣніе въ пользу другихъ лицъ, пользовались опять правомъ владѣнія и могли употребить прежнее отчужденное имѣніе по своему желанію.

У Грековъ сначала былъ годъ лунный и солнечный вмѣстѣ, т. е. мѣсяцы измѣрялись по движенію луны, а долгота года видимымъ теченіемъ солнца. Это происходило отъ того, что религіозныя и гражданскія торжества установлялись у нихъ иногда при различныхъ фазахъ луны, а иногда при разныхъ годовыхъ перемѣнамъ солнца. Послѣ многихъ попытокъ согла-

сить оба эти года, Греки усвоили себѣ неправильный годъ въ 360 дней. Но скоро они замѣтили, что съ одной стороны, обращеніе луны не совершалось точно въ 30 дней, и что, съ другой, годъ въ 360 дней отставалъ отъ истиннаго солнечнаго года, такъ что годовыя времена не совпадали въ одни и тѣ же мѣсяцы. Поэтому они, подобно Евреямъ, привели мѣсяцы въ $29^1/_2$ дней, и начали считать въ нихъ послѣдовательно 29 и 30 дней, что составило годъ въ 354 дня. Потомъ, для соглашенія этого года съ солнечнымъ, прибавляли чрезъ каждые 2 года, къ концу послѣдняго мѣсяца, еще дополнительный мѣсяцъ—второй *поеидеонъ*. Этотъ двулѣтній періодъ времени, изъ 25 лунныхъ мѣсяцевъ или 738 дней, Греки называли *діэтеридомъ*. Впрочемъ, діетеридъ не совершенно исправлялъ ошибку и не возстановлялъ еще равенства между годами лунным и солнечнымъ: онъ былъ 6 часами 21 минутою менѣе 25 лунныхъ оборотовъ и 7-ю днями 12 часами 22 минутами болѣе противъ 2 солнечныхъ годовъ. Послѣ многихъ опытовъ исправленій, Греки установили въ V вѣкѣ до Рожества Христова новый циклъ, названный *октаэтеридомъ* или восьми-лѣтнимъ періодомъ времени. Полагая солнечный годъ въ $365^1/_4$ дней, лунный въ 354, восемь лѣтъ солнечныхъ 2922 дня, 8 лѣтъ лунныхъ 2832,—разница между ними будетъ, въ концѣ 8 года, на 90 дней, изъ коихъ можно сдѣлать три мѣсяца—каждый въ 30 дней. И такъ если къ 8 лунным годамъ дополнить эти 3 мѣсяца, то между солнечнымъ и лунным октаэтеридами (восьмилѣтіями) возстановится совершенное равенство. Греки точно такъ и поступили, размѣстивъ эти три мѣсяца въ восьми годахъ 1-й въ концѣ 3-го, 2-й въ концѣ 5-го 3-й въ концѣ 8-го, такъ что каждый изъ этихъ трехъ годовъ заключалъ въ себѣ 13 мѣсяцовъ, вмѣсто 12, или 384 дня вм. 354. Этотъ порядокъ лѣтосчисленія повсемѣстно употреблялся въ Греціи. Былъ, впрочемъ, у Грековъ еще и другой способъ счисленія времени по *Олимпіадамъ* или четырехлѣтіямъ, введенный сначала историками въ своихъ сочиненіяхъ частно; а потомъ перешедшій во всеобщее употребленіе. Олим-

піадами счисленіе это названо потому, что начиналось со времени учрежденія въ Греціи Олимпійскихъ игръ (за 776 лѣтъ до Г. Х.), праздновавшихся чрезъ каждые четыре года.

Римскій годъ, введенный Ромуломъ, состоялъ первоначально только изъ 304 дней, раздѣленныхъ на 10 мѣсяцевъ, изъ которыхъ первымъ считался Мартъ. Пріемникъ Ромула, Пума Помпилій преобразовалъ этотъ годъ: прибавивъ къ нему 2 мѣсяца—Январь изъ 29 дней, въ началѣ, и Февраль изъ 28 дней, въ концѣ года, онъ велѣлъ считать по 31 дню въ Мартѣ, Маѣ, Квинтиллисѣ (1юлѣ) и Октябрѣ, а во всѣхъ прочихъ по 29 дней. Желая привести этотъ лунный годъ въ соотвѣтствіе съ солнечнымъ, Пума учредилъ для каждаго четырехлѣтняго періода времени дополненіе—одно изъ 22 дней ко второму году и другое изъ 23 дней къ четвертому. Не большой мѣсяцъ этотъ, слѣдовавшій за Февралемъ, назывался Мерцедоніусомъ (mercedonius). Въ IV столѣтіи отъ основанія Рима (за 400 до Р. Хр.) мѣсяцъ Февраль перемѣщенъ былъ съ прежняго мѣста за Январь. Эта система, хотя и несовершенная, существовала съ небольшими измѣненіями до временъ Юлія Цесаря. Не смотря на нѣкоторыя исправленія, разница между тогдашнимъ и истиннымъ годами была слишкомъ велика, чтобы быть не замѣченною; годъ опаздывалъ противъ солнечнаго на 67 дней. Чтобы исправить эту ошибку, Юлій Цесарь въ 708 году отъ основанія Рима (за 47 л. до Р. Хр.), по совѣту астронома Созигена, дополнивъ къ послѣднему году недостающее число дней, приказалъ на будущее время считать годъ въ 365 дней 6 часовъ; а какъ эти 6 часовъ, повторенные 4 раза, составляютъ день, то онъ велѣлъ, чтобъ день этотъ былъ дополнительнымъ къ каждому четырехлѣтно въ мѣсяцѣ Февралѣ. Дополнительный день слѣдовалъ за шестымъ (sextus) днемъ *календъ* (106) Марта и, для соблюденія прежняго порядка въ названіи другихъ дней, назывался по латински *двушестымъ* днемъ календъ (bissextus), а самые годы прозваны отъ того (bissextiles) по русски *високосные*. Юліанскій календарь перешелъ отъ Грековъ въ Россію и остался у насъ до нынѣ неизмѣннымъ. Но то

было въ западной Европѣ, гдѣ годъ подвергся еще разъ окончательной реформѣ.

Не трудно замѣтить, что Юліанскій годъ болѣе истиннаго солнечнаго года 11 минутами 14 секундами и 13 терціями. Эта незначительная, по видимому, разница произвела чрезъ 148 лѣтъ цѣлый день, и напослѣдокъ, увеличиваясь постепенно, отдалила гражданскій годъ отъ истиннаго на 10 дней: весеннее равноденствіе, которое въ 325-мъ году но Р. Хр. припадало 21-го числа Марта, чрезъ 1256 лѣтъ опоздало но календарю 10 днями и случилось 11 Марта. Для исправленія этого недостатка, Папа Григорій XIII велѣлъ въ Апрѣлѣ 1581 года, сократить на 10 дней Октябрь 1582 г. такъ, чтобы солнечное равноденствіе упадало по прежнему на 21-е Марта. Для отвращенія же на будущее время подобныхъ исправленій, онъ установилъ новый способъ лѣтосчисленія. Не отмѣняя прежней Юліанской системы—прибавлять чрезъ четыре года по одному дополнительному дню, онъ предписалъ только уничтожать этотъ день въ концѣ каждыхъ трехъ сряду столѣтій и опять возобновлять на четвертое. Такъ если 1600 годъ былъ високосный, то 1700, 1800 и 1900 должны уже быть простые, а 2000 опять високосный и т. д. Такимъ образомъ, поэтому счисленію, на 400 лѣтъ должно прибавить, вмѣсто 100, 97 дней, потому что въ продолженіи 4-хъ столѣтій 11 минутъ равняются 3 днямъ,—чѣмъ совершенно устраняется разность времени между солнечнымъ и гражданскимъ годами. Реформа, произведенная Папою Григоріемъ XIII въ счисленіи годоваго времени, называется *Григоріанскою*, иначе *новымъ стилемъ*, для отличія отъ прежняго *стараго*. Новому стилю слѣдуютъ всѣ народы Западной Европы, а старый сохранился у насъ въ Россіи. Разница между обоими этими стилями заключается въ 12 дняхъ. Когда, наприм. Французы иразднуютъ новый годъ 1 января у насъ бываетъ только 20 декабря.

Турки и Аравитяне употребляютъ для счисленія времени лунный годъ, состоящій изъ 12 мѣсяцовъ въ 30 и 29 дней послѣдовательно. Въ каждомъ тридцатилѣтіи они прибавляютъ

дополнительный день ко 2-му, 5, 7, 10, 13, 15, 18, 21, 24, 26 и 29 году. Високосный годъ содержитъ у нихъ 355, а прочіе 354 дня.

Время празднованія Новаго года было различно у всѣхъ народовъ. Египтяне, Халдеи, Персы, Ассиріяне, Финикіяне и Карѳагеняне считали новолѣтіе съ осенняго равноденствія. У Евреевъ гражданскій годъ начинался также съ осенняго равноденствія, а церковный напротивъ съ весенняго: первый праздновался 1-го числа Тизри ($^{10}/_{22}$ сентября), а второй 1-го Низана ($^{10}/_{22}$ марта). Древніе Греки считали сперва началомъ года зимнее солнцестояніе ($^{10}/_{22}$ декабря), потомъ лѣтнее ($\frac{21\ \text{іюня}}{3\ \text{іюля}}$). Римляне при Ромулѣ праздновали Новый годъ въ весеннее равноденствіе, а со временъ Нумы въ зимнее солнцестояніе. У Магометанъ нѣтъ опредѣленнаго времени для празднованія Новаго года. Англичане, Испанцы, Португальцы, Голланцы и Нѣмцы считаютъ началомъ года зимнее солнцестояніе ($^{9}/_{21}$ декабря). Французы, при короляхъ изъ дома Меровинговъ, праздновали Новый годъ 1-го мая на ноляхъ, куда собирались для смотра ихъ войска; потомъ перенесли праздникъ этотъ на день Рождества, затѣмъ на день Пасхи и наконецъ, со временъ Карла IX (1563 г.), стали праздновать Новый годъ 1-го января. По примѣру этому, установлено Петромъ Великимъ и у насъ, въ Россіи считать Новый годъ 1-го января, между тѣмъ какъ прежде праздновался онъ предками нашими 1-го сентября.

Изложивъ исторію года у разныхъ народовъ, замѣтимъ кстати, что на Дону празднованіе Новаго года сопровождается особеннымъ торжествомъ. Въ этотъ день въ Новочеркаскѣ бываетъ *Войсковой кругъ*. Въ воспоминаніе Высочайше дарованныхъ Россійскими Императорами Войску Донскому, за заслуги его отечеству, правъ и привиллегій, отличающихъ его отъ прочихъ губерній. Утромъ, въ день Новаго года, по предварительной повѣсткѣ, собираются всѣ наличныя чиновники Войска Донскаго въ войсковое правленіе. По прибытіи войсковаго атамана, назначенными чинами берутся всѣ регаліи Войска Дон-

скаго и торжественно, при звукахъ трубъ и музыки, въ сопровожденіи казаковъ учебнаго полка, несутся въ церковь, гдѣ знамена и грамоты располагаются въ видѣ круга. По окончаніи литургіи одинъ изъ чиновниковъ войсковаго правленія громогласно читаетъ Высочайше пожалованную, 24 февраля 1832 года, Императоромъ Николаемъ 1 грамоту Войску Донскому, за отличные подвиги его въ Персидскую и Турецкую войны (1826—1829), слѣдующаго содержанія:

На Донъ въ Нижніе и Верхніе юрты, нашимъ атаманамъ и казакамъ, Войсковому атаману, любезнѣйшему сыну нашему, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, Наслѣднику Всероссійскаго Престола, Цесаревичу Великому князю Александру Николаевичу, Правительству Войска Донскаго и всему оному знаменитому Войску, Намъ вѣрнолюбезному.

Въ ознаменованіе всемилостивѣйшаго вниманія Нашего къ отличнымъ заслугамъ вѣрнолюбезнаго Намъ Войска Донскаго и на память будущихъ временъ силою сей ИМПЕРАТОРСКОЙ грамоты передаемъ мы знаменитые его подвиги во всенародное свѣдѣніе:

Донское наше воинство, всегда извѣстное своею неустрашимостію, неутомимымъ мужествомъ, примѣрною преданностію къ престолу и неизмѣнною любовію къ отечеству, въ минувшую противъ Персіянъ и Турокъ войну, подъ предводительствомъ храбрыхъ своихъ атамановъ и отличныхъ генераловъ, пожало новые лавры и покрыло себя безсмертною славою въ походахъ и битвахъ.

Въ справедливомъ уваженіи къ симъ отличнымъ подвигамъ знаменитаго Донскаго Войска и въ знакъ Монаршаго попеченія нашего о его славѣ, жалуемъ Мы ему отъ лица благодарнаго Отечества знамя, отличныя дѣянія Войска въ сію войну изображающее. Да нѣкогда сыны сыновъ вѣрнолюбезнаго Намъ Войска Донскаго, преднося предъ рядами своими сію святую хоругвь славы, вспомнятъ дѣянія отцовъ своихъ и послѣдуютъ ихъ примѣру.

Въ довершеніе всемилостивѣйшаго благоволенія нашего къ Донскому Войску, Мы подтверждаемъ всѣ права и преимущества, въ Бозѣ почивающими высокими предками Нашими ему дарованныя утверждая ИМПЕРАТОРСКИМЪ словомъ Нашимъ ненарушимость настоящаго образа его служенія, толикою славою покрытаго, неприкосновенность всей окружности его владѣній, со всѣми выгодами и угодьями, грамотами въ Бозѣ почивающихъ, любезнѣйшей бабки нашей ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ Великой 27 мая 1793 г. и любезнѣйшаго Брата Нашего, ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА 1-го 1811 г. августа 30-го и 1817 г. ноября 19-го утвержденныя и толикими трудами, заслугами и кровію отцовъ его пріобрѣтенныя.

Мы надѣемся, что таковая признательность Наша вѣрно-любезному Войску Донскому, вновь нынѣ изъявляемая, обратится ему въ священную обязанность стремиться съ ревностію къ новымъ подвигамъ по первому возванію отечества. Пребывая ко всему Донскому Войску и къ каждому чину и чиновнику онаго въ особенности ИМПЕРАТОРСКОЮ Нашею милостію благосклонны, благоволили Мы подписать сію грамоту собственною Нашею рукою и Государственною печатью утвердить повелѣли:

На подлинной собственною рукою
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА написано: „*НИКОЛАЙ.*“

По прочтеніи грамоты, войсковой атаманъ цѣлуетъ подпись Государя; потомъ, по окончаніи молебствія, регаліи выносятся изъ церкви и прежнимъ порядкомъ, въ сопровожденіи всего дворянства, учебнаго полка казаковъ и народа, при пушечной пальбѣ и музыкѣ, торжественно относятся опять въ Войсковое Правленіе, гдѣ дворянству обыкновенно подается закуска на войсковой счетъ; въ это же время дѣлается разводъ учебнаго полка и отличнѣйшіе изъ казаковъ, производятся атаманомъ въ урядники.

Нынѣшній свѣтлый и теплый день Новаго года, весьма благопріятствовалъ торжественной процессіи. Народу было множество. За закускою просторная зала войсковаго правленія наполнилась генералами, штабъ и оберъ-офицерами. Тосты, провозглашенные наказнымъ атаманомъ А. Л. Потаповымъ за здоровье Государя Императора, Государыни Императрицы и Государя Наслѣдника Цесаревича и Августѣйшаго Атамана всѣхъ казачьихъ войскъ, сопровождались громогласнѣйшими криками *ура!*, въ которыхъ слышалась общая задушевная преданность Донцовъ нашему Царю-Благодѣтелю отечества. Послѣ провозглашенія тоста, за здоровье войсковаго атамана П. Х. Граббе, принятаго тоже съ сочувствіемъ, наказный атаманъ, взявъ поспѣшно налитый виномъ бокалъ и обращаясь къ дворянству громко произнесъ: „господа, выпьемте за благоденствіе Войска Донскаго, составляющаго честь и славу Россіи!“

Трудно передать впечатлѣніе, произведенное этимъ краткимъ привѣтствіемъ. Казалось, всѣ старики помолодѣли отъ радости; отъ сильнаго сотрясенія воздуха восторженными криками *ура!* задрожали стекла; музыка, пѣсни и пушечная пальба довершали торжество. Видно было, что Донцы сильно любятъ своего Царя-отца, свое отечество—Россію и свою родину—Донъ.

Пожелаемъ же и мы на Новый годъ Войску Донскому чести, славы и благоденствія. Да служитъ оно также вѣрно и усердно своему Царю, какъ служили его предки; да будетъ оно также славно въ рядахъ русскихъ войскъ и страшно врагамъ отечества, какъ были славны и страшны его предки,—и да продолжится военная жизнь его, подъ осѣненіемъ Россіи, до тѣхъ поръ пока, по словамъ предковъ, Всевышній благоволитъ стоять міру!

1 января 1866 г.

III. ЭПИЛОГЪ.

L'epil ogue était, chez les anciens, un discours qu'un des principaux acteurs adressait aux spectatenrs lorsque la pièce était finie, et qui contenait ordinairement quelques réflexions relatives à cette pièce et au rôle qu'y avait joué lee acteurs.

Dictionnaire Encyclopedique.

Эпилогомъ у древнихъ называлась рѣчь, съ которою одинъ изъ главныхъ актеровъ обращался къ зрителямъ по окончаніи піесы, и которая обыкновенно содержала въ себѣ нѣкоторыя размышленія, относившіяся къ этой піесѣ и роли, играемой въ ней актерами.

ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРІЮ ВОЙСКА ДОНСКАГО.

Настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго. Чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее.

Карамзинъ.

Казаки наши творятъ чудеса!

Князь Кутузовъ.

,,Исторія—говоритъ Карамзинъ—есть въ нѣкоторомъ смыслѣ книга священная для народовъ, главная; необходимое зерцало ихъ бытія и дѣятельности, завѣтъ предковъ потомству, дополненіе настоящаго и примѣръ для будущаго.“ Какъ ни ясны эти правдивыя слова знаменитаго исторіографа, придававшаго такое важное значеніе національной исторіи, на Дону до сихъ поръ какъ то худо сознается необходимость изученія послѣдней; отъ того исторія нашего края находится въ настоящее время почти въ совершенномъ забвеніи. Въ самомъ дѣлѣ, кто знаетъ у насъ исторію Войска Донскаго? Кто съ охотою и удовольствіемъ занимается ею? Кто цѣнитъ безсмертные подвиги Донцовъ, подобнымъ которыхъ трудно найти въ другой исторіи? Можно смѣло сказать—очень немногіе. Правда, были прежде у насъ люди (какъ, напр., В. Д. Сухоруковъ), которые вполнѣ, по праву, могли считаться историками Войска Донскаго; но нынѣ званіе это достается у насъ не тяжелыми историческими трудами а развѣ какою нибудь выходкою, въ родѣ той, что Донцы происходятъ отъ Амазонокъ, а Донъ получилъ названіе отъ еврейскаго патріарха Дана! Нынѣ много у насъ такихъ, которые любятъ заниматься донскими исторіями, только ради развлеченія, отъ нечего дѣлать, словно какъ сказками о Еруланѣ Лазаревичѣ и Бовѣ королевичѣ; а если они и изъявляютъ иногда удивленіе къ подвигамъ Донцовъ, то дѣлаютъ это такъ вынужденно и хладнокровно, что, кажется, готовы тот-

часъ же, въ угоду другимъ, перемѣнить свое удивленіе на укоризну. Вотъ какова въ общихъ чертахъ участь на Дону исторіи Войска Донскаго—той исторіи, которая составляетъ нашу славу!

Нѣтъ,—стыдно сознаться, а надо правду сказать—мы незнаемъ вполнѣ исторіи своей славной родины и, что всего удивительнѣе, даже, по видимому, вовсе не заботимся, чтобъ когда нибудь узнать ее. Мы совершенно равнодушны къ ея изученію. Дѣла знаменитыхъ нашихъ предковъ, пролившихъ столько крови въ битвахъ съ врагами, чтобъ приготовить своимъ потомкамъ спокойную и пріятную жизнь, до сихъ поръ, по какому то непостижимому хладнокровію, остаются для насъ совершенно чуждыми: они, подобно Мильтоновой поэмѣ, обречены лежать цѣлые вѣка подъ спудомъ и терпѣливо ждать своего Аддиссона, который бы вынесъ ихъ на свѣтъ Божій и сказалъ: „смотрите и удивляйтесь!“ (107) Всѣ наши знанія въ родной исторіи, къ сожалѣнію, ограничиваются только нѣсколькими безевязными фактами сбереженными преданіями и пѣснями народными, и нѣсколькими плохими историческими компиляціями, представляющими лишь блѣдные эскизы истинныхъ происшествій Дона (108). Довольствуясь ими, не дѣлаемся ли мы похожими на тѣхъ уличныхъ простаковъ, которые съ восторгомъ останавливаются поглазѣть на лубочныя произведенія суздальской живописи и, любуясь бородатыми героями 12-го года, насаживающими на свои пики по дюжинѣ французовъ, восклицаютъ: „ай да молодцы!“

Но таково достоинство предмета исторіи Войска Донскаго, что даже и эти скудныя, далеко нехудожественныя изображенія жизни Донцовъ—будь только освѣщены яркимъ свѣтомъ историческаго таланта—способны принять, какъ въ панорамѣ, величественные образы, и когда присмотришься къ нимъ, удивленнымъ глазамъ вашимъ вдругъ предстанетъ цѣлая поэма чудныхъ подвиговъ, нисколько неуступающая славной Иліадѣ, и едвали не превосходящая ее величіемъ и истиною своихъ происшествій. Ибо, какъ бы воображеніе поэта сильно ни было,

едва ли оно когда нибудь можетъ возсоздать такіе воинственные идеалы, какіе представляетъ намъ жизнь казачества, трудная, суровая, но вмѣстѣ поэтическая, разгульная жизнь. Въ судьбахъ казачества Провидѣніе дѣйствовало самымъ, такъ сказать, осязательнымъ образомъ,—и вотъ причина, почему исторія его содержитъ въ себѣ такую удивительную цѣпь событій, едва постижимыхъ для нашего воображенія.

Дѣйствительно, читая эту исторію, не знаешь, чему болѣе дивиться: знаменитымъ ли доблестямъ нашихъ предковъ, или чудесамъ, совершеннымъ чрезъ нихъ Провидѣніемъ, оказавшимъ такое благодѣтельное вліяніе на судьбу цѣлой Россіи? Недоумѣваетъ мысль, какимъ образомъ горсть людей, сильныхъ только вѣрою въ Бога, осмѣливается вступить въ вѣчную, непримиримую вражду съ могучими народами магометанскими, и какъ ничто не можетъ остановить стремленіе этихъ героевъ? По какому-то безотчетному горячему желанію отстоять Вѣру Христову отъ напора магометанства, эти вольные малочисленные ратники сражаются денно и нощно цѣлые вѣки, не чувствуя въ борьбѣ съ врагами ни изнуренія, ни усталости. Не горы и лѣса служатъ имъ надежною защитою противъ внезапныхъ нападеній непріятеля, а ихъ собственная всегдашняя бодрость. Глазъ ихъ никогда не дремлетъ, а ухо вѣчно на сторожѣ. Они по вѣтру чуютъ приближеніе врага, но звѣздамъ и мѣсяцу направляютъ къ нему свой путь. Бурныя моря Азовское, Черное и Каспійское не удерживаютъ ихъ: ладьи ихъ доходятъ до Синопа, Трапезонта и Константинополя. Въ жару обуявшей ихъ ненависти къ магометанству имъ стали чужды всѣ удовольствія мірскія: для нихъ одна отрада—побѣдить или умереть. Это люди желѣзные, которыхъ по замѣчанію Фридриха Великаго, истребить можно, но побѣдить никогда. Быстрые въ нападеніяхъ, крѣпкіе въ битвахъ, они безстрашно противопоставляютъ твердую грудь свою всѣмъ вражескимъ усиліямъ—и ничто не можетъ преодолѣть ихъ. Тщетно хотятъ остановить ихъ Турки, Крымцы, Нагайцы и Черкесы: Донцы не только побѣждаютъ ихъ, но какъ бы стираютъ съ лица своей земли.

Тѣснъ становится и самый Донъ для исполинскихъ силъ ихъ; они бросаются на Кавказъ, Волгу и Уралъ, основываютъ тамъ сильныя колоніи, завоевываютъ огромныя страны Сибири, и наконецъ все—и свои завоеванія, и свою славу, и жизнь—приносятъ Царю Россіи, говоря: „*Мы холопы твои, готовы сложить головы за православную вѣру и за тебя, Государь!*“ Чудное, по истинѣ безпримѣрное историческое явленіе! Въ судьбѣ торжествующей горсти Донцовъ надъ окружающими ихъ многочисленными врагами, кажется, видишь исполненіе пророческихъ словъ Моисея: *одинъ изъ нихъ поразитъ тысячу, а двое обратятъ въ бѣгство десятки тысячъ!* (109).

Отъ того-то неудивительно, что нѣкоторые знаменитые наши поэты, одаренные лучшимъ эстетическимъ чутьемъ, чѣмъ историки, приходили въ восторгъ отъ историческихъ событій Дона и до небесъ превозносили военные подвиги казаковъ. Никто изъ русскихъ историковъ не оцѣнилъ такъ хорошо знаменитаго сибирскаго похода Ермака, какъ Дмитріевъ, первый назвавшій его въ своей поэмѣ великимъ человѣкомъ и первый посовѣтовавшій Россіянамъ воздвигнуть ему памятникъ:

Миръ праху твоему, Ермакъ!
Да увѣнчаютъ, Россіяне,
Изъ злата вылитый твой зракъ,
Изъ ребръ Сибири источенна,
Твоимъ булатнымъ копіемъ!

Но ты, великій человѣкъ,
Пойдешь въ ряду съ полубогами
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ!
И славы лучь твоей затмится,
Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
Со трескомъ небо развалится
И время на косу падетъ!

Подобно Дмитріеву, Жуковскій, воспѣвая другаго незабвеннаго вождя Донцовъ, Платова, немногими поэтическими чертами нарисовалъ удивительно-вѣрную картину ихъ чудесныхъ дѣйствій въ Отечественной войнѣ:

Хвала нашъ вихорь-Атаманъ,
Вождь непобѣдимыхъ Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ!
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагачъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь!

Нельзя также не вспомнить здѣсь превосходнаго обращенія „къ Дону" Ознобишина, гдѣ чрезвычайно-удачно изображена всегдашняя готовность казаковъ на войну съ врагами отечества:

Я помню то время, какъ двинулся онъ,
Народовъ полсвѣта водитель;
Царь воскликнулъ: „гдѣ жъ Донъ мой?" И воспрянулъ ты, Донъ,
И каждый твой сынъ былъ воитель.
Колосьями стали ты степи покрылъ
И въ Сѣнѣ удалыхъ коней напоилъ.
Красуйся жъ ты, пѣстунъ роскошныхъ степей,
Шуми у Аксайской станицы!
Торжественно-грозный и въ нѣгѣ твоей,
Событій блестящихъ страницы
Для русскаго сердца ты свято сберегъ;
Ты перло въ коронѣ, твой кличъ: „съ нами Богъ!"

Но какъ ни прекрасны всѣ эти поэтическія сравненія, въ нихъ нѣтъ общаго, цѣлостнаго изображенія Дона. Поэтъ могъ бы сравнить исторію Войска Донскаго съ свѣтлою ночью, такъ поэтически описанною Гоголемъ. Эта исторія точно, какъ ночь, большею частію покрыта мракомъ неизвѣстности. Ея герои точно, какъ звѣзды первой величины, евѣтятъ ярко блескомъ дѣлъ своихъ, но, по своей отдаленности, почти не доступны для подробныхъ историческихъ изслѣдованій. А само Войско не также ли вѣчно тяготѣетъ къ своей великой матери Россіи, какъ луна къ землѣ; не также ли управляется въ своемъ движеніи ея законами, производя своимъ притяженіемъ постоянный приливъ и отливъ ея народныхъ массъ?..

Исторія Войска Донскаго имѣетъ еще большое сходство съ исторіею Малороссіи. Причины происхожденія и самая цѣль существованія того и другаго общества были совершенно оди-

наковы: это борьба съ невѣрными. Много сходства также въ характерахъ ихъ героевъ и самыхъ свойствахъ ихъ историческихъ событій: и тамъ и здѣсь видны тоже непоколебимое мужество въ опасностяхъ, то же рѣдкое терпѣніе въ перенесеніи тяжкихъ бѣдствій, таже преданность къ православной вѣрѣ и таже горячая любовь къ отечеству. Но славная исторія Малороссіи въ богатствѣ и разнообразіи замѣчательныхъ историческихъ фактовъ, по нашему мнѣнію, уступаетъ Донской: тутъ жизнь казачества, нестѣсняемая посторонним вліяніемъ, развивалась привольнѣе и потому то было болѣе простора для подвиговъ славы и молодечества. Предъ знаменитыми по послѣдствіямъ битвами Сибирскаго героя и безпримѣрною въ исторіи обороною Азова Донцами блѣднѣютъ даже и блистательныя побѣды Богдана Хмельницкаго. Притомъ же нельзя забывать, что войско Малороссійское было слишкомъ многочисленно для того, чтобъ много удивляться его побѣдамъ. Напротивъ Донцы побѣждали враговъ не силою а искуствомъ, соединеннымъ съ необыкновенною предпріимчивостію, мужествомъ и смѣлостію духа.

Да не подумаютъ однакожъ, что мы, вмѣсто спокойнаго взгляда на историческіи судьбы Дона, намѣрены писать здѣсь похвальное слово нашимъ предкамъ. Нѣтъ, отвѣтимъ на это словами знаменитаго учителя Церкви, св. Григорія Назіанзина: „принявъ для себя за правило одну истину и имѣя одну только ее въ виду, мы будемъ хвалить или преходить молчаніемъ, что достойно похвалы или молчанія. Мы не того боимся, что скажемъ нѣчто сверхъ истины, а, напротивъ, того, что не выскажемъ истины и, далеко недостигнувъ достоинства предмета, уменьшимъ его славу.“

Откуда появились казаки на Дону и какая цѣль ихъ призванія? вотъ вопросы, которыя прежде всего бросаются въ глаза при взглядѣ на исторію Войска Донскаго. Къ счастію одинъ изъ этихъ вопросовъ, возбуждавшій нѣкогда много противорѣчащихъ мнѣній, нынѣ рѣшенъ окончательно. Теперь уже никто несомнѣвается въ истинномъ происхожденіи Донцовъ.

Нелѣпыя предположенія прежнихъ историковъ, что Донцы, потомки Амазонокъ, Хазаръ, Черкесъ и Татаръ, нынѣ потеряли уже всякій вѣсъ. Сюда же относится и мнѣніе ночтеннаго академика Устрялова (заимствованное впрочемъ у Карамзина), считающаго Донскихъ казаковъ смѣсью разноплеменныхъ народовъ, что будто бы отражается въ ихъ физіономіи и языкѣ,—несчастное мнѣніе породившее такъ много странныхъ предубѣжденій противъ Дона. Напротивъ, языкъ, обычаи, православная вѣра и даже физіономія казаковъ (особенно *верховыхъ*) служатъ неопровержимыми доказательствами, что праотцы наши были русскіе люди, вышедшіе на Донъ изъ Рязанскаго, Тверскаго и Новгородскаго княжествъ. Историческія извѣстія еще болѣе подтверждаютъ послѣднее мнѣніе: въ 1559 году, вскорѣ послѣ покоренія Казани, Царь Іоаннъ Грозный далъ *Донцамъ* право свободнаго въѣзда во всѣ россійскіе города для свиданія *съ ихъ родственниками*. Но если есть дѣйствительно въ чертахъ физіономіи казаковъ (преимущественно *низовыхъ*) нѣчто южнорусское и даже азіатское, то это безъ сомнѣнія произошло здѣсь отъ вліянія русскаго элемента съ малороссійскимъ и частно азіатскимъ, что также неопровержимо доказывается исторіею и самимъ названіемъ существующихъ здѣсь многихъ фамилій изъ Малороссіянъ, Грековъ, Турокъ, Армянъ, Грузинъ и проч. Извѣстно также, что Малороссіяне (въ старину *Черкассы*) сообщили свое имя построенному ими главному городу Донцовъ *Черкаску* (110).

Но историки наши не удовольствовались одною ошибкою въ разсужденіи происхожденія казаковъ. Видя въ языкѣ, вѣрѣ и обычаяхъ Донцовъ явно-русское ихъ происхожденіе и какъ бы желая исправить свое первоначальное мнѣніе, они тѣмъ не менѣе впадаютъ въ другую, еще болѣе грубую ошибку. Не вникнувъ въ духъ, характеръ и цѣль казачества и руководясь только темными преданіями и невѣжественными лѣтописными извѣстіями, они хотятъ видѣть въ первоначальномъ устройствѣ Донскихъ казаковъ ни болѣе, ни менѣе какъ скопищѣ бродягъ, разбойниковъ и бѣглецовъ изъ земли русской. Они какъ бы

такъ говорятъ: „правда, мы ошиблись, считая васъ смѣсью разноплеменныхъ народовъ: предки ваши дѣйствительно были Русскіе, да только воры, разбойники и бѣглецы изъ земли русской.“ Но справедливы ли такіе рѣзкіе приговоры и на чемъ они основываются? Русь знала о казакахъ въ старину ни сколько не лучше (если еще не хуже), чѣмъ мы теперь знаемъ о Якутахъ и Камчадалахъ. Глухія бездорожныя степи Дона, куда только алчность къ голоду и жажда мірскихъ выгодъ могли завлечь тогда купцовъ—были для ней совершенно недоступны. Воронежъ считался пограничнымъ городомъ Московскаго государства, далѣе котораго никто не смѣлъ сдѣлать шагу безопасно. Понятно, почему немногія частныя извѣстія русскихъ путешественниковъ и купцовъ, со страхомъ и трепетомъ пускавшихся въ это необозримое и пустынное тогда *Поле* донское, не могутъ никогда имѣть историческаго значенія ни для опредѣленія времени происхожденія, ни образа жизни Донскихъ казаковъ. Для напуганныхъ купцовъ каждый кустъ представлялся тогда притономъ разбойниковъ и воровъ, и кто бы ихъ не ограбилъ по Волгѣ и Дону—будь даже ихъ родичи—всю вину обыкновенно валили на казаковъ. Вотъ истинная причина, почему казаки съ начала появленія своего на сценѣ исторіи прослыли въ русскихъ лѣтописяхъ *ворами* и *разбойниками!*

Не смотря на всю неточность, противорѣчія и явное преувеличеніе этихъ лѣтописныхъ извѣстій о казакахъ, наши простодушные историки принимаютъ ихъ, вопреки исторической критики, за факты неопровержимые, и, на основаніи аналогіи, смѣло думаютъ ими охарактеризовать цѣлое общество казаковъ. Но можетъ ли аналогія имѣть такое же мѣсто въ народной исторіи, какъ въ естественной? Всѣ животныя, кромѣ человѣка, дѣйствительно руководятся въ поступкахъ своихъ законами природы, такъ что изъ образа жизни и инстинктовъ одного недѣлимаго можно всегда вѣрно заключать и о всѣхъ прочихъ того же рода. Но такого заключенія никакъ нельзя сдѣлать о людяхъ, одаренныхъ разумомъ и личною сво-

бодою. Можно ли напр. назвать цѣлый народъ разбойниками ва то только, что одинъ или двое изъ среды его ограбили ѣдущихъ купцовъ? Это было бы совершенно нелѣпо. Тѣмъ не менѣе наши историки, говоря о казакахъ, слѣдуютъ этому правилу, и, на основаніи частныхъ лѣтописныхъ отзывовъ, дѣлаютъ о нихъ разные приговоры, забывая при этомъ правдивую пословицу: *въ евмьѣ не безъ урода.* Такъ, передавая свѣдѣнія о первоначальныхъ разбояхъ казаковъ на Волгѣ, историки обыкновенно указываютъ на опалы Іоанна Грознаго Ермаку съ товарищами, и отъ одного примѣра аналогически заключаютъ, что и всѣ прочіе Донцы были разбойники. Но когда были справедливыми опалы Грознаго царя, и кто изъ самыхъ знаменитыхъ русскихъ героевъ не подвергался его опаламъ? Довольно только указать на двухъ славныхъ мужей его царствованія—князей Воротынскаго и Курбскаго. Потомство безъ сомнѣнія никогда не назоветъ ихъ разбойниками за то, что одинъ изъ нихъ кончилъ жизнь на плахѣ а другой въ изгнаніи.

Историки, представляя казаковъ разбойниками забываютъ цѣль и характеръ казачества, и отъ того, при дальнѣйшемъ повѣствованіи о нихъ, не умѣя объяснить ихъ знаменитыхъ подвиговъ, впадаютъ въ очевидныя противорѣчія сами съ собою. То у нихъ казаки „воры и разбойники,“ то вдругъ „храбрые защитники угнетеннаго христіанства, славные витязи, воины христовы, защищавшіе Русь отъ напора магометанства!“ Но не явное ли тутъ противорѣчіе въ понятіяхъ? Могутъ ли люди, живущіе разбоями и имѣющіе въ виду одну только низкую корысть, составить правильное общество, имѣть благородную цѣль и жертвовать своею жизнію для защиты христіанъ? Конечно нѣтъ. Алжирскіе пираты, италіянскіе бандиты и иллирійскіе ускоки (разбойники) существуютъ, какъ извѣстно, болѣе тысячилѣтіи, и однакожъ до сихъ поръ не могли образовать даже и тѣни правильнаго благороднаго общества. Какъ жили ихъ предки разбоями, такъ живутъ они и теперь, не смѣя выступить изъ своихъ горныхъ ущелій и другихъ потайныхъ мѣстъ ихъ пребыванія.

Напротивъ появленіе Донцовъ на сценѣ исторіи было самое блистательное. Народъ этотъ еще въ дѣтствѣ своемъ, подобно Геркулесу, показалъ силы исполина, такъ что къ нему, по всей справедливости, можно примѣнить извѣстное изрѣченіе Цезаря: veni, vidi, vici—*пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!* Самъ Карамзинъ, при всемъ своемъ одностороннемъ взглядѣ на казаковъ, принужденъ былъ сознаться въ этомъ. Сказавши сперва, что „происхожденіе Донскихъ казаковъ не весьма благородно,“ онъ тутъ же прибавляетъ какъ бы въ видѣ уступленія: „но казаки гнушались зависимостію отъ магометанскаго царства, признали надъ собою верховную власть Россіи, завладѣли рѣкою (Дономъ) до самаго устья, требовали дани съ Азова, воевали Нагаевъ, Астрахань, Тавриду; не щадили и Турокъ; обязывались служить бдительною стражею для Россіи своего древняго отечества и, водрузивъ знаменіе креста па предѣлахъ Оттоманской имперіи, поставили грань Іоаиновой державѣ въ виду у султана.“ (111) Но если Донцы были русскими бѣглецами, преслѣдуемыми правительствомъ, то, явившись столь сильными и страшными предъ врагами, за чѣмъ они опять постоянно тяготѣютъ къ Россіи? Слывя разбойниками, за чѣмъ заботятся о славѣ Русскаго царства? Не явное ли тутъ противорѣчіе въ словахъ историка, и не въ правѣ-ли мы съ большею достовѣрностію предполагать, что казаки были не бѣглецы а вольные выходцы изъ земли Русской, воины христовы, обрекшіе себя на вѣчную брань съ магометанами за вѣру Христову, за Русь православную.

Но чтобы не показаться кому либо въ свою очередь слишкомъ одностороннимъ въ сужденіи о казакахъ, приведемъ здѣсь замѣчательное мнѣніе нашего покойнаго историка Сухорукова объ этомъ же самомъ предметѣ. „Самый образъ жизни казаковъ—говоритъ онъ—долженствовалъ содѣлать ихъ ужасомъ для современниковъ: проводя каждый день въ битвѣ и страхѣ, они пріобрѣли силу не человѣческую, развили какую—то дикую гордость души, закалили сердца. Но они долженствовали быть такими: иначе не исполнили бы своего предназначенія,—и

поэтому собственно прослыли разбойниками. Не отрицаю, что отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ терпѣли иногда и купцы и путешественники русскіе—это правда; но то были только частныя уклоненія. Возьмите же общность, означьте выводы—и вы увидите, что вся эта куча будто безсмысленныхъ дѣлъ казачьихъ (какъ изображаютъ ихъ нѣкоторые историки) имѣетъ явный смыслъ, цѣль, направленіе: она ограждаетъ отечество стѣною крѣпости, занимаетъ Татаръ и Турокъ, даетъ родившемуся самодержавію царя возможность укрѣпиться, и сколь ни кажутся тогдашнія дѣла казаковъ одною только потѣхою удальства, но между тѣмъ отъ нихъ явственно и непосредственно текли существенныя выгоды въ Москву, въ наше отечество, царю и царству!" (112).

Естественно, что Донцы, дыша только войною и не имѣя времени заниматься хлѣбопашествомъ (что даже имъ въ старину запрещалось войсковымъ кругомъ подъ смертною казнью) принуждены были содержать себя на счетъ непріятеля. Будучи весьма набожны и руководясь можетъ быть примѣрами Евреевъ, завоевавшихъ нѣкогда обѣтованную землю, Донцы нисколько не считали грѣхомъ пользоваться непріятельскою добычею: они считали ее законнымъ пріобрѣтеніемъ. Отправляясь въ походъ, они прямо говорили: „пойдемте, братцы, добывать себѣ зипуны!" И это нисколько неудивительно, если только принять во вниманіе грубость тѣхъ вѣковъ, въ которые жили казаки, и высокую, святую цѣль, для достиженія которой они должны были жертвовать своею жизнію. Одна эта цѣль занимала ихъ мысли и воображеніе: въ исполненіи ее они поставляли всю свою славу. Только этою цѣлью можно объяснить безстрашіе въ битвахъ и удивительное презрѣніе къ смерти Донцовъ. Умирая, они какъ бы радовались, что исполнили свое предназначеніе. „Донцы—прекрасно сказалъ одинъ изъ современныхъ нашихъ писателей, г. Леоновъ—эти представители русскаго удальства и молодечества, наслѣдники воинственнаго и славолюбиваго духа старыхъ Варяговъ, были всегда по преимуществу воины Христовы, безсознательно, по

единой вѣрѣ, преслѣдуя великую идею борьбы Христіанства съ магометанствомъ отъ самыхъ первыхъ дней своего появленія на сценѣ исторіи до настоящаго времени, ту идею православія, за которую и нынѣ великое отечество наше борется съ его ожесточенными врагами.“ (113).

Но что заставило Донцовъ рѣшиться на исполненіе такого труднаго предпріятія? Кто приказалъ имъ, какъ нѣкогда Евреямъ „идти въ землю, кипящую медомъ и молокомъ, чтобы побѣдить великіе и сильные народы“? Вопросъ этотъ едва ли когда можетъ быть рѣшенъ фактически. Предположеніе нѣкоторыхъ историковъ (напр. Броневскаго), что Русское правительство нарочно высылало всѣхъ бродягъ и разбойниковъ, чтобъ они защищали его отъ враговъ, составляетъ одну нелѣпую выдумку и не должно имѣть мѣста въ исторіи. Лучшіе и умнѣйшіе писатели въ необыкновениомъ явленіи казачества на Руси познавали дѣло Провидѣнія, котораго пути непостижимы (114). Здѣсь припомнимъ, что еще знаменитый Боссюэтъ анализируя событія всемирной исторіи въ извѣстномъ разсужденіи своемъ: Le discours sur l'hietoire universelle—доказалъ, что Промыслъ невидимо управляетъ судьбами царствъ и народовъ, спасая избранныхъ изъ нихъ чудными средствами отъ погибели. Прилагая эту идею къ отечественной исторіи ясно видишь самую цѣль призванія казачества. Для того, чтобы спасти Русь, ослабленную междоусобіями и безпорядками удѣльной системы, нужны были Татары, которые, завоевавъ ее, дали средство умнымъ московскимъ князьямъ сплотнить ее изъ разныхъ кусковъ въ одну твердую несокрушимую массу. А для того, чтобы истребить легкоконныхъ, воинственныхъ и многочисленныхъ Татаръ, нужны были быстрые, отважные и непобѣдимые витязи—казаки. Здѣсь, въ мірѣ нравственномъ, повторилось тоже явленіе, какое мы видимъ въ мірѣ физическомъ. Безчисленныя и страшныя массы залетающей къ намъ саранчи, отъ которой нѣтъ спасенія земледѣльцамъ, истребляются небольшими стаями скворцовъ, преслѣдующихъ и пожирающихъ ее съ удивительною легкостью и проворствомъ.

И посмотрите, какъ Донцы во все продолженіе своего существованія остаются вѣрны своему призванію—вѣчной брани съ врагами отечества? Какъ они являются именно въ ту пору, когда уже Русь почувствовала свою силу, чтобы низвергнуть съ себя ненавистное иго Татаръ и когда образовавшемуся самодержавію русскому надлежало, для своего укрѣпленія, употребить силу и дѣятельность болѣе на другіе предметы, чѣмъ война съ невѣрными магометанами? Краткое обозрѣніе самыхъ замѣчательныхъ событій исторіи Войска Донскаго докажетъ справедливость нашихъ предположеній.

Мы уже замѣтили, что первоначальную (древнюю) исторію Дона, можно сравнить съ лунною ночью. Въ самомъ дѣлѣ туманный мракъ облегаетъ первое появленіе Донцовъ на Руси. Всѣ наши историки, говоря о происхожденіи ихъ, обыкновенно довольствуются тѣмъ, что приводятъ сохранившуюся въ государственныхъ актахъ жалобу нагайскаго князя Юсуфа на Донцовъ въ 1549 году. Отъ одного этого обстоятельства, въ сущности доказывающаго только силу казаковъ, историки сдѣлали довольно-легкомысленное заключеніе, что, стало быть, Донцы появились на сцену не ранѣе XVI вѣка, такъ какъ нигдѣ о нихъ лѣтописцами раньше не упоминается. Но важныя происшествія въ исторіи Дона, случившіяся немедленно за этимъ временемъ, совершенно противорѣчатъ такому поспѣшному заключенію. Историки какъ будто несообразили, что невозможно, чтобы горсть Донцовъ, появившись на сценѣ міра только въ 1550 году, могла въ теченіи какихъ нибудь 30 лѣтъ сдѣлаться такою страшною сосѣдкою для Турокъ, Татаръ и Черкесъ, и въ то же время построить городки на Дону, разорить столицу Татаръ Сарайчикъ, завоевать Сибирь, утвердиться на Кавказѣ, оцѣпить своими *пикетами* почти всю Россію отъ Дона до Амура и береговъ Тихаго океана—фактъ, рѣшительно противорѣчащій простонароднымъ извѣстіямъ нашихъ лѣтописцевъ! Согласившись съ предположеніемъ нашихъ историковъ о началѣ Донцовъ, надо непремѣнно допустить, что они вдругъ чудеснымъ образомъ выросли изъ земли, или, по-

жалуй, выскочили оттуда въ полномъ вооруженіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера!

Вотъ почему безъ сомнѣнія Карамзинъ, приведенный въ смущеніе такими поразительными фактами казачества, произведенными въ невѣроятно короткое время, рѣшился сдѣлать значительную оговорку въ своей исторіи, именно: говоря о происхожденіи запорожцовъ, онъ сказалъ: „казачество древнѣе нашествія Батыя,“ а на счетъ Донцовъ выразился такъ: „нѣтъ сомнѣнія, что они же (Донскіе казаки) назывались прежде *Азовскими*, которые въ теченіи XV вѣка ужасали всѣхъ путешественниковъ въ пустыняхъ харьковскихъ, воронежскихъ, въ окрестностяхъ Дона.“ (115). Такою прибавкою исторіографъ очевидно отдалилъ начало происхожденія Донцовъ болѣе чѣмъ на цѣлое столѣтіе, но выразился такъ неопредѣленно, что послѣдующіе за нимъ историки (Полевой, Соловьевъ и др.) руководясь одними только лѣтописными сказаніями, обыкновенно полагаютъ половину XVI вѣка эрою появленія казаковъ на поприщѣ исторіи.

Но это несправедливо. Еще прежде Карамзина были писатели, которые несравненно вѣрнѣе нашихъ историковъ обозначали эпоху происхожденія Донцовъ. Такъ академикъ Рычковъ (въ своей *Оренбургской Топографіи* 1762 г.), на основаніи живаго изустнаго преданія, расказаннаго ему въ 1748 г. старымъ яицкимъ войсковымъ атаманомъ Ильею Меркульевымъ, говоритъ, что первое поселеніе яицкихъ (уральскихъ) казаковъ, происшедшихъ отъ Донскихъ, случилось въ XIV столѣтіи (116). Левшинъ старался опровергнуть это извѣстіе, но всѣ доводы его—какъ они ни остроумны—ничего ровно недоказываютъ. Напротивъ, есть одинъ достовѣрный фактъ, переданный никоновскимъ лѣтописцемъ, который еще болѣе подкрѣпляетъ преданіе, записанное Рычковымъ. Это именно принесеніе Донцами, 7 Сентября 1380 г., наканунѣ Куликовской битвы, въ даръ великому князя Дмитрію Іоаиновичу чудотворной иконы Божіей Матери, называемой *Донской*—и составляющей нынѣ святыню Москвы. Карамзинъ упоминаетъ объ этой иконѣ въ

своей исторіи, умалчивая только о томъ, кѣмъ она принесена; но за достовѣрность этого факта ручается еще другой лѣтописецъ, русскій Архимандритъ Донскаго монастыря Антоній (117).

Такое разительное согласіе (по времени) историческаго факта съ живымъ преданіемъ, по нашему мнѣнію, несравненно достовѣрнѣе даетъ право заключать о началѣ казачества, нежели молчаніе о немъ современныхъ лѣтописцевъ. Но отъ чего же, скажутъ, произошло это молчаніе? Отъ того, что въ теченіи полутораста лѣтъ наши лѣтописцы не имѣли никакихъ свѣденій о казакахъ. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, если вспомнимъ, что такое былъ Донъ въ тогдашнее время для Россіи? Страна совершенно неизвѣстная (terra incognita), пустынная, *татарская*, гдѣ только изрѣдка проѣзжали въ Царьградъ русскіе послы и смѣлые купцы. Что могли сказать эти мимолетные путники о Донцахъ скрывавшихся тогда въ непроходимыхъ лѣсахъ и кустарникахъ Дона? Для насъ, повторяю, гораздо легче говорить о происшествіяхъ, совершающихся въ Сибири, внутри Африки, о войнѣ Кафровъ и Галласовъ, чѣмъ тогдашнимъ лѣтописцамъ о войнѣ Донцовъ съ Турками и Татарами, до которыхъ имъ рѣшительно не было никакого дѣла. Однѣ только жалобы русскихъ купцовъ на грабежи ихъ товаровъ могли побудить какого-нибудь сострадательнаго монаха занесть скудное извѣстіе въ свою лѣтопись. И въ этомъ безъ сомнѣнія заключается главная причина, почему лѣтописцы наши, кромѣ разбоевъ и грабежей, ничего не упоминаютъ о первобытныхъ казакахъ.

А между тѣмъ въ это-то время страданія Россіи отъ ига татарскаго, безъ ея вѣдома, по волѣ Провидѣнія, на южныхъ ея предѣлахъ появились первые прародители казаковъ—*Запорожскихъ и Донскихъ*. То были люди военные, славолюбивые и вмѣстѣ набожные—по всей вѣроятности *Новгородцы* — потомки Варяго-руссовъ (118). Вышедши изъ предѣловъ новгородскаго княжества, по всей вѣроятности, во второй половинѣ XIV столѣтія (119) и поселившись въ верхнихъ частяхъ Дона, Донцы обрекли жизнь свою на войну съ невѣрными бусурманами. Подобно западнымъ крестоносцамъ, они считали военный

подвигъ средствомъ очистить души свои отъ грѣховъ, что подтверждается всѣми дошедшими до насъ словами нашихъ предковъ. Но первые дѣла ихъ остаются неизвѣстными отъ того, что наши историки по сихъ поръ не обращали вниманія на лѣтописныя сказанія Турокъ и Татаръ, съ которыми только казаки имѣли тогда дѣла. Военная сила и слава Донцовъ росли между тѣмъ быстро. Привольная жизнь, полная поэзіи, привлекала къ нимъ многихъ охотниковъ изъ сосѣднихъ Рязанскаго и Тверскаго княжествъ. Прошло болѣе столѣтія, и вотъ казаки (тогда называвшіеся *Азовскими*) уже сдѣлались столь страшными для своихъ враговъ, что султаны турецкіе, ханы крымскіе и князья нагайскіе безпрестанно стали обращаться съ жалобою на нихъ къ московскимъ государямъ. „Отъ нихъ —писали азовскіе Турки—нельзя намъ ни воды напиться, ни дровъ нарубить.“ Въ 1549 году вождь Донцовъ Сары-азманъ (искаженное Татарами имя—вѣроятно *Сарыкъ* или *Сарычъ атаманъ)* началъ уже строить крѣпости по р. Дону, которую они уже отбили всю у Татаръ по самое устье. Въ это же, безъ сомнѣнія, время основана первая столица Донцовъ *Раздоры* (нынѣ Раздорская станица), при впаденіи сѣвернаго Донца въ Донъ. Отсюда, спустя болѣе полвѣка, перешли Донцы еще ниже по Дону въ свой знаменитый *Черкаской городъ* (нынѣ Старочеркаская станица).

Слыша о военныхъ доблестяхъ Грознаго царя, сокрушавшаго татарскія царства, Донцы поступили какъ истинные сыны Россіи: снарядились въ походъ и вскорѣ присоединены къ царскому войску осаждавшему тогда Казань. Здѣсь оказана была первая важная услуга Россіи казаками. Древнее преданіе, записанное Ригельманомъ, утверждаетъ, что Донцы сдѣлали подкопъ подъ стѣною Казани и, взорвавъ ее порохомъ, дали такимъ образомъ русскому войску средство ворваться чрезъ проломъ въ городъ, подъ начальствомъ князя Воротынскаго. Преданіе это не противорѣчитъ исторіи, которая почти тоже самое свидѣтельствуетъ о казакахъ, дѣйствовавшихъ подъ Казанью (120). А старинная донская пѣсня говоритъ, что Ер-

макъ уже въ то время (1552 г.) предводилъ Донцами и, что царь, обрадованный взятіемъ Казани, пожаловалъ ему на вѣки весь *Тихій Донъ со всѣми его рѣками и проточками* (121).

Какъ кривнулъ Ермакъ Донскимъ казакамъ,
Донскимъ казакамъ, Гребенскимъ и Яицкимъ:
Ой вы, братцы мои, атаманы-молодцы!
Вы бѣжите въ городъ Казань скорехонько
Вы выгоньте изъ города всѣхъ бусурманъ;
Не берите вы въ плѣнъ ни одной души,
Плѣнъ Донскимъ казакамъ не нуженъ.
Ермакъ тремя стами казаками Казань взялъ,
Бусурманскій городъ Казань царю отдалъ,
Освободилъ Ермакъ войско царское отъ урона.
За то царь пожаловалъ Ермака княземъ,
Наградилъ его именной медалью,
Именной медалью золотою,
Подарилъ ему славный тихій Донъ
Со всѣми его рѣками и проточками.

Восемнадцать лѣтъ спустя послѣ взятія Казани, Донцы (въ 1570 году) напали на столицу нагайскихъ Татаръ—Сарайчикъ и разорили ее до основанія. Въ это же время, подъ начальствомъ своего атамана Андрея, они утвердились на Кавказѣ (по Тереку), и такимъ образомъ положили начало *Терскому* или *Гребенскому* войску. Вскорѣ затѣмъ, по приглашенію богатыхъ русскихъ купцовъ Строгоновымъ, имѣвшихъ заводы въ Перьми казаки рѣшились на завоеваніе царства Сибирскаго.

Здѣсь не мѣсто описывать подробно всѣмъ извѣстный знаменитый походъ донскаго атамана Ермака Тимофѣевича, сперва по преданію за подвиги подъ Казанью осыпаннаго милостью царскою, а потомъ, за ограбленіе на Волгѣ нагайскихъ пословъ заслужившаго опалу: скажемъ только вкратцѣ, что Ермакъ, желая загладить свою вину дѣлами доблести, прибылъ съ 540 казаками къ Строгоновымъ 21 іюня 1581 года, разбилъ чрезъ мѣсяцъ (22-го іюля) Вогуличей и Остяковъ грабившихъ русскія селенія, а 1-го сентября того же года, отслуживъ молебенъ и произнеся обѣтъ цѣломудрія, сѣлъ на суда съ своею

храброю дружиною, къ коей присоединилось еще 300 плѣнныхъ Нѣмцовъ и Литовцовъ. Имѣя у себя подъ начальствомъ только 840 человѣкъ, но снаряженный пушками и ружьями, Ермакъ одержалъ менѣе чѣмъ въ два мѣсяца пять блистательныхъ побѣдъ надъ многочисленными Татарами, предводившими самимъ Сибирскимъ царемъ Кучумомъ и премянникомъ его Мегметкуломъ и 26 октября, торжественно вступилъ въ Искеръ, столицу Сибири, на берегахъ Иртыша.

Нельзя сказать, чтобъ побѣды Ермака стоили ему дешево. Не забудемъ, что, послѣ упорной битвы на берегахъ Иртыша продолжавшейся цѣлый день, казаки, отчаявшись въ успѣхѣ своего предпріятія, ночью, на военномъ совѣтѣ, предлагали Ермаку воротиться назадъ, изъ опасенія, что „скоро некому будетъ побѣждать.“ Но герой отвергъ этотъ совѣтъ и настоялъ на своемъ. „Братцы куда намъ бѣжать? говорилъ онъ— время уже осеннее, на рѣкахъ ледъ замерзаетъ. На возвратномъ пути мы можемъ замерзнуть въ снѣгахъ. Будемъ лучше надѣяться на Бога. Побѣда дается не отъ множества воиновъ, но отъ Бога. Онъ и безпомощныхъ можетъ помочь. Умремъ же если суждено, за то и по смерти нашей, память объ насъ не оскудѣетъ и слава наша вѣчна будетъ (122)!.“ Послѣ этой сильной рѣчи, послѣдовала знаменитая побѣда Ермака надъ Кучумомъ въ виду Искера, купленная смертно 107 человѣкъ и утвердившая господство его отъ Каменнаго хребта до Оби и Тобола. Извѣстивъ Строгоновыхъ объ успѣхѣ своего предпріятія, Ермакъ послалъ своего опальнаго товарища Ивана Кольца въ Москву „*бить челомъ великому государю Іоанну Васильевичу царствомъ Сибирскимъ которое Донекіе казаки присоединили къ Россіи на вѣки вѣковъ, доколѣ Всевышній благоволитъ стоять міру.*“ Извѣстно, что обрадованный царь простилъ всѣ вины казаковъ, одарилъ ихъ богатыми дарами, а Ермаку пожаловалъ титло Князя Сибирскаго, два панцыря, серебренный кубокъ и шубу съ плеча царскаго. Милостивою грамотою Іоаннъ изъявилъ казакамъ вѣчное забвеніе прошедшаго и вѣчную благодарность Россіи за ихъ подвиги. Ермакъ

погибъ вскорѣ послѣ того въ водахъ Иртыша, но смерть его ничего неизмѣнила: Сибирь навсегда осталась достояніемъ русскаго народа. Въ Тобольскѣ, по волѣ Императора Николая I, въ 1838 году воздвигнутъ нашему славному атаману великолѣпный мраморный памятникъ съ надписью: „*Покорителю Сибири Ермаку.*“

Блистательное появленіе Донцовъ на историческомъ поприщѣ обратило на нихъ взоры русскихъ царей. Цари скоро оцѣнили важное значеніе казаковъ для Россіи и стали ихъ жаловать. Царь Іоаннъ Васильевичъ, такъ щедро осыпавшій милостями ихъ атамана Ермака Тимофѣевича, писалъ, кромѣ того, неоднократно имъ вѣрющія письма, обѣщаясь „содержать ихъ въ милости и великомъ царскомъ жалованьѣ.“ Ѳеодоръ Іоанновичъ еще болѣе отца своего питалъ уваженіе къ военнымъ доблестямъ Донцовъ. Онъ хвалилъ ихъ заслуги, дарилъ деньгами, сукнами и запасами хлѣбными, и неоднократно имѣлъ случай удостовѣриться въ благодарности казаковъ. Такъ, во время внезапнаго нашествія на Москву съ многочисленнымъ войскомъ Крымскаго хана Казы—гирея, въ іюнѣ 1591 года, Донцы первые извѣстили царя о грозящей опасности. Извѣстно также, что неожиданное, постыдное бѣгство во свояси еще не побѣжденнаго, но чѣмъ-то страшно напуганнаго хана приписано было благочестивымъ царемъ благодатному содѣйствію той самой чудотворной Донской иконы Божіей Матери, которая, какъ замѣчено выше, принесена была Донцами въ даръ Великому князю Дмитрію Іоанновичу Донскому и какъ святыня носилась теперь въ рядахъ русскаго воинства (123).

До восшествія на престолъ русскихъ царей изъ дома Романовыхъ одинъ только Борисъ Годуновъ не оказывалъ расположенія къ казакамъ, можетъ быть, потому, что они были вѣчными непримиримыми врагами Татаръ, его предковъ. Лжедимитрій зналъ объ этомъ нерасположеніи и умѣлъ отлично имъ воспользоваться. По его извѣщеніе, Донцы сперва отправили въ 1605 году въ Польшу нѣсколько надежныхъ старшинъ удостовѣриться въ дѣйствительности новоявленнаго *царя*. Видя

какое укаженіе оказывали Лжедимитрію всѣ вельможи польскіе и даже самъ король, посланные старшины признали его за сына Грознаго царя и, возвратись на Донъ, настояли послать ему значительную помощь 6,000 казаковъ, подъ начальствомъ атамановъ Корелы и Межакова. Съ этими казаками Лжедимитрій выдержалъ нѣсколько битвъ съ Борисовымъ войскомъ, наконецъ ему измѣнившимъ счастливый удалецъ, признанный всею Москвою за истиннаго царевича Димитрія, вошелъ торжественно въ столицу, питая отличное благоволеніе къ Донцамъ, что чрезвычайно не нравилось русскимъ боярамъ. Но Лжедимитрій не долго пробылъ на русскомъ престолѣ.

Несчастное царствованіе Шуйскаго и открывшееся, по низверженіи его съ престола, междуцарствіе были самою мрачною эпохою для Россіи. Поляки, эти исконные враги Русскихъ хотѣли воспользоваться тогдашними смутами, чтобы подчинить Россію своей власти. Послѣ нѣсколькихъ несчастныхъ для русскихъ битвъ, они овладѣли Москвою и даже Кремлемъ. Казаки, недовольные убіеніемъ покровительствовавшаго имъ Лжедимитрія и не получая при томъ прежняго жалованья, начали безпрестанно ссориться съ русскими боярами и надо правду сказать—въ неистовствѣ своемъ сдѣлали тогда не мало зла. Но и многіе изъ русскихъ, были тогда ничѣмъ нелучше казаковъ. По крайней мѣрѣ добросовѣстнѣйшій изъ нашихъ историковъ Карамзинъ признается что ему стыдно становится описывать эту ужасную эпоху (124).

Времена безначалія продолжались недолго. Русь, подвинутая опасностью своего положенія, воскресла, стеклась по зову Минина, подъ знамена Пожарскаго. Донцы, оставивъ вѣроломнаго Заруцкаго, бѣжавшаго съ женою Лжедимитрія Мариною въ Астрахань, первые присоединились къ стану вѣрныхъ, подъ начальствомъ своего атамана Межакова. Къ несчастью главные вожди русскихъ силъ, князья Пожарскій и Трубецкій (у котораго въ войскѣ были Донцы) скоро поссорились между собою и не хотѣли помогать другъ другу. 24 Августа 1612 года, въ виду Москвы, на *Дѣвичемъ полѣ* загорѣлся отчаянный бой

Пожарскаго съ польскимъ гетманомъ Ходкевичемъ. Казаки храбро сразились въ началѣ битвы, взяли укрѣпленіе у Климентьевской церкви, занятое вышедшими изъ города Литовцами, но, не получивъ обѣщаннаго подкрѣпленія отъ Пожарскаго, бросили его, ушли въ свой станъ и, пылая гнѣвомъ, клялись невыходить болѣе на бой. Поляки воспользовались этимъ и немедленно заняли опять укрѣпленіе. Между тѣмъ князь Пожарскій сильно тѣснимый Ходкевичемъ, изнемогалъ въ битвѣ. Ужасъ обнялъ его воиновъ. Они поручили келарю Троицко-Сергіевой Лавры, молебствовавшему тогда въ станѣ русскихъ, уговорить казаковъ вступить въ сраженіе, чтобъ недопустить Ходкевича, провести запасы въ городъ. Незабвенный келарь Авраамій, въ сопровожденіи многихъ дворянъ, пришелъ въ станъ казаковъ и сталъ убѣждать ихъ къ новому участію въ битвѣ за вѣру и отечество. „Отъ васъ — говорилъ онъ—началось доброе дѣло; вы первые стали за истинную православную вѣру принявъ многія раны, терпя голодъ и наготу. Прослывшіе храбростно и мужествомъ своимъ во многихъ государствахъ—нынѣ-ли хотите въ одно мгновеніе все погубить?“ Смягченные рѣчью Авраамія, казаки воспламенились мужествомъ принявъ отъ него ясакомъ имя Св. Сергія Радонежскаго, бросились чрезъ Москву рѣку и съ кликами: *Сергіевъ! Сергіевъ!* разбили и прогнали Литву (125).

За эту-то важную услугу отечеству Донскихъ казаковъ и въ „вящшее поощреніе ихъ службы“ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, немедленно по восшествіи своемъ на престолъ, пожаловалъ имъ (1613) похвальную грамоту и знамя—первый знакъ чести утвердившій преданность казаковъ къ Россіи. Въ слѣдующемъ году (1614) Донцы получили отъ соборовъ духовнаго и земскаго новыя грамоты съ титуломъ *великому Войску Донскому*, и царь положилъ *ежегодно и впредь на вѣчныя времена* отпускать Донскимъ казакамъ 7,000 четвертей хлѣба, 500 ведръ вина, 230 пудовъ пороху, 150 свинцу и 17,142 р. денежнаго жалованья, да на будары (перевозныя суда) 1169 рублей (126).

Донцы умѣли быть благодарными къ милостямъ царскимъ. Не прошло 30 лѣтъ, какъ они ознаменовали свое имя въ исторіи двумя безсмертными подвигами—взятіемъ Азова въ 1637 и обороною его отъ Турокъ въ 1611 году. Подвиги эти принадлежатъ къ числу блистательнѣйшихъ эпизодовъ исторіи Войска Донскаго, и потому достойны были бы самаго подробнаго изложенія; но въ краткомъ очеркѣ, находя неумѣстнымъ распространяться о нихъ подробно, мы скажемъ только нѣсколько словъ о безпримѣрномъ въ военной исторіи *Азовскомъ сидѣньи*.

Донцы, завладѣвъ Азовомъ, поселились въ немъ, объявили его вольнымъ христіанскимъ городомъ, и стали жить припѣваючи, ведя отличную торговлю съ греческими и генуезскими купцами, пріѣзжавшими въ Азовъ на судахъ. Турція между тѣмъ, надрывалась съ досады и горести. Султанъ турецкій Амуратъ IV столько сокрушался о потери Азова, что, въ ярости своей на казаковъ, произнесъ обѣтъ Аллаху уничтожить ихъ совершенно; но смерть воспрепятствовала ему въ томъ. Пріемникъ его Ибрагимъ, окончивъ войну съ Персіею, сталъ готовить страшныя силы противъ казаковъ. Казалось Турція собиралась воевать сильнѣйшія государства въ мірѣ. 150 тысячъ отборнаго войска и 700 орудій перевезено было на многочисленномъ флотѣ подъ Азовъ. Искусные турецкіе полководцы сухопутныхъ силъ Силистрійскій сераскиръ Гусейнъ-Дели и морскихъ Піали-Паша, бывшій капуданъ пашею, начальствовали Турками. Крымскій ханъ долженъ былъ помогать имъ своимъ войскомъ. Отъ такой страшной силы могло бы оробѣть и сильное государство. Но Донцы (въ числѣ 6,000 человѣкъ, гдѣ было 800 женъ), подъ начальствомъ своего знаменитаго атамана Осипа Петрова, твердо рѣшились обороняться до послѣдней капли крови, и *скорѣй пострадать за истинную православную вѣру, чѣмъ отдаться живымъ бусурманамъ*. Турки обложивъ Азовъ съ сухаго пути и моря 24 іюня 1641 года, тщетно пытались подкупить казаковъ золотомъ, предлагая заплатить имъ 42 тысячи червонныхъ. Всѣ мирныя предложенія

ихъ были съ гордостію отвергнуты Донцами: „Сами мы волею взяли Азовъ,—говорилъ атаманъ имъ—сами и отстаивать его будемъ, а помощи, кромѣ Бога, ни отъ кого не ожидаемъ.“ Послѣ такого отвѣта, Турки рѣшились на штурмъ крѣпости, но первый приступъ ихъ былъ отбитъ казаками съ величайшимъ урономъ. Гусейнъ-паша повелъ правильную осаду и сдѣлалъ огромнѣйшую насыпь вокругъ городскихъ стѣнъ, но казаки сдѣлали вылазку, побили работавшихъ и разорили насыпанный валъ. Тогда Гусейнъ велѣлъ насыпать другой высокой валъ, далѣе отъ стѣнъ и поставивъ на немъ болѣе 100 большихъ пушекъ, послѣ 16-ти дневной неумолкаемой пальбы, ядрами разрушилъ крѣпостной валъ до основанія. Но казаки не унывали. Они тотчасъ же насыпали другой валъ, потомъ, когда непріятель разрушилъ и этотъ, третій, и на конецъ четвертый, за которымъ уже держались до конца осады. Отстаивая себя такимъ образомъ на землѣ, они вели съ турками въ тоже время дѣятельную войну подъ землею. Семнадцать минъ ихъ были разрушены казацкими контръ-минами. Отразивъ двадцать четыре приступа, Донцы изумили Турокъ своимъ мужествомъ и заставили ихъ ограничиться одною блокадою крѣпости. Между тѣмъ въ осажденномъ гарнизонѣ открылись заразительныя болѣзни, особенно цынга; 3000 казаковъ было убито и почти всѣ переранены. Но ничто не могло поколебать геройской рѣшимости Донцовъ: не отдавать Азова и не сдаваться живыми. Видя рѣшительную невозможность сопротивляться долѣе, они на военномъ совѣтѣ 3 октября, положили сдѣлать ночью вылазку и умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Но каково было удивленіе казаковъ, когда они увидѣли, что вся многочисленная турецкая армія (которой въ дѣлѣ этомъ погибло до 70,000) пораженная ихъ необыкновенною твердостію принуждена была сѣсть на суда и поспѣшно удалиться во свояси. Донцы, поблагодаривъ Бога за свое чудесное избавленіе отъ враговъ, послали немедленно гонца къ царю съ предложеніемъ принять Азовъ *въ свою славу и вотчину* (127). Тогдашняя слабость русскаго правительства не дозволила рѣ-

шиться на это, изъ опасенія войны съ Турціею. Казаки съ горестію принуждены были оставить разрушенныя стѣны Азова опять во власть непріятеля. Но вѣсть объ ихъ геройскомъ подвигѣ исполнила удивленіемъ всю западную Европу, а надъ костями храбрыхъ защитниковъ Азова каждогодно творится вѣчное поминовеніе, близъ Старочеркаска, на *Монастырскомъ Урочищѣ.* (128).

Къ царствованіе Алексѣя Михайловича принадлежатъ два замѣчательныя событія Дона: побѣда, одержанная Донцами на берегахъ р. Кагальника (4 августа 1645 г.) надъ многочисленнымъ скопищемъ Татаръ, предводимыхъ сераскиромъ Крымскаго хана Нурадиномъ (за что Войску Донскому пожаловано было царское знамя) и бунтъ Стеньки Разина.

Еслибъ дарованія природы всегда сопровождались добродѣтелями, то, можетъ быть, взоръ историка съ удовольствіемъ могъ бы остановиться на Разинѣ—человѣкѣ, въ самомъ дѣлѣ, одаренномъ блистательнымъ военнымъ талантомъ, необыкновенною силою воли, отвагою и предпріимчивостью; но Стенька, при всѣхъ этихъ способностяхъ, не нашелъ, подобно Ермаку достойнаго поприща для своей кипучей дѣятельности. Обуреваемый безмѣрнымъ честолюбіемъ, онъ съ жадностію искалъ случая увѣковѣчить свое имя, но поддавшись увлеченію дикихъ страстей и разгулу буйной молодежи, онъ ознаменовалъ жизнь свою только разбоями и кончилъ ее, какъ злодѣй, проклинаемый церковью. Его побѣда надъ персидскимъ флотомъ на Каспійскомъ морѣ, за которую онъ торжественно встрѣченъ былъ въ Астрахани воеводами и народомъ, могла бы принесть честь любому полководцу, но взятіе и разграбленіе имъ многихъ городовъ и возмущеніе всего Приволжскаго края противъ правительства, по справедливости, навлекли на него негодованіе современниковъ и потомства. Разинъ, кажется, самъ предчувствовалъ худой конецъ своего недостойнаго поприща, и въ печальныхъ размышленіяхъ какъ бы желая оправдаться предъ потомствомъ, за долго до своей мучительной казни, сложилъ, по преданію,

всѣмъ извѣстную пѣсню, гдѣ какъ бы наружу вылилась его поэтически—разгульная душа:

Не шуми ты, мати, зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думать! (129).

Здѣсь кстати замѣтимъ, что бунты всегда составляли аномалію въ жизни казачества, искони глубоко—преданнаго своимъ царямъ. Напрасно нѣкоторые историки, искажая истинныя причины возмущеній, стараются найти въ нихъ предлогъ къ обвиненіе всѣхъ вообще казаковъ. Исторія доказываетъ, что Донцы никогда не увлекались этими неправильными явленіями народной жизни и съ замѣчательнымъ усердіюмъ спѣшили, какъ можно скорѣе, погасить пожаръ, при самомъ его началѣ. Извѣстно, что они сами поймали и выдали правительству Стеньку Разина; при ихъ же содѣйствіи усмирены были Булавинъ и Пугачевъ. Извѣстно также, что Донцы усмирили возмущеніе стрѣльцовъ въ Астрахани, за что и осыпаны были милостями отъ Петра Великаго. Жаль только, что правители не знакомые съ духомъ казачества, не всегда поступали въ своихъ преобразованіяхъ на столько осторожно, чтобъ щадить самолюбіе казаковъ, для которыхъ слава и честь всегда считались дороже самой жизни. Можно по правдѣ сказать, что крутыя мѣры Петра Великаго были одною изъ главныхъ причинъ Булавинскаго бунта, столь бѣдственнаго для казаковъ и равно непріятнаго для правительства.

Вѣкъ Петра Великаго обильный многими славными людьми Россіи, ознаменовался и на Дону жизнію одного мужа, котораго смѣло можно поставить въ ряду славнѣйшихъ героевъ Войска Донскаго. Говоримъ о войсковомъ атаманѣ Флорѣ Минаевѣ. Минаевъ ознаменовалъ себя военными подвигами еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича, когда онъ (въ 1765 г.), предводительствуя Донцами, переправился вмѣстѣ съ княэемъ Черкаскимъ по Арабатской косѣ чрезъ Гнилое море, опустошилъ Крымъ и, одержавъ тамъ рѣшительную побѣду надъ тремя Крымскими султанами, съ богатою добычею возвратился на Донъ. Но особенно прославился Минаевъ въ правленіе царевны

Софіи (при царствованіи двухъ малолѣтнихъ братьевъ Петра и Іоанна). Въ 1688 году, во время неудачнаго похода князя Голицына въ Крымъ, командуя снова Донцами, онъ разбилъ на сухомъ пути два отряда Крымскихъ Татаръ и въ тоже время захватилъ много турецкихъ и татарскихъ судовъ на Азовскомъ морѣ. Узнавъ потомъ, что азовскій паша готовится идти на Украйну, чтобы, соединясь тамъ съ партіею недовольныхъ правительствомъ, возжечь пламя бунта въ полуденной Россіи, Минаевъ съ 3000 Донцовъ неожиданно явился въ виду Азова и своимъ прибытіемъ разстроилъ планъ непріятеля. Похвальная благодарственная грамота обоихъ царей была наградою Минаеву за важныя его заслуги. Въ первую, не совсѣмъ удачную для Петра Великаго, Азовскую осаду (1695 г.), можно сказать, отличился одинъ только Минаевъ съ Донцами: онъ взялъ приступомъ два отдѣльныя турецкія укрѣпленія при устьѣ Дона, извѣстныя подъ названіемъ *Каланчей* и удостоился личной благодарности царя за эту первую въ его царствованіе побѣду надъ Турками. Въ слѣдующемъ году, при вторичной осадѣ Азова, Минаевъ украсился новыми подвигами: въ виду самаго царя, съ легкою донскою флотиліею онъ смѣло напалъ на только что прибывшій турецкій флотъ и одержалъ надъ нимъ блистательную побѣду. Такимъ образомъ Минаеву принадлежитъ честь *первой сухопутной и первой морской побѣды* въ царствованіе Петра Великаго. Донцы питали сильную любовь и довѣренность къ Флору Минаеву и двадцать разъ единодушно избирали его своимъ войсковымъ атаманомъ, а Петръ Великій такъ уважалъ этого вѣрнаго слугу своего, что однажды (въ 1699 г.), во время производства солюцій русскаго флота на Азовскомъ морѣ, когда старый атаманъ прибылъ посѣтить своего царя,—приказалъ солютовать въ честь его по девяти выстрѣловъ изъ всѣхъ орудій и со всего флота (130). Такой чести рѣдко когда удостоиваются подданные.

Со временъ Петра Великаго оканчивается исторія самобытнаго существованія Дона. Съ этихъ поръ Донцы постоянно дѣйствовали уже не отдѣльно противъ непріятелей, а въ со-

ставѣ русской арміи, составляя собою превосходную легкую кавалерію и артиллерію. Трудно да и не возможно исчислить всѣхъ многочисленныхъ подвиговъ храбрости и мужества оказакныхъ Донцами въ войнахъ Россіи за послѣднія полутораста лѣтъ. Лавры ихъ слишкомъ многочисленны. Но если изъ многаго хорошаго, ими сдѣланнаго, предоставлено было бы выбрать лучшее, то мы не усомнились бы указать только на Прусскую семилѣтнюю, двѣ Турецкія, двѣ Польскія—конфедератскія, Италіянскую и Отечественную войны. Здѣсь Донцы покрыли себя неувядаемою славою. Во всѣхъ этихъ войнахъ они являются на первомъ планѣ: *первые* начинаютъ и *послѣдніе* оканчиваютъ дѣла съ непріятелемъ. Въ это время на поприщѣ исторіи выступили изъ среды Донцовъ два героя, которые, предводя казаками, показали собою удивительные примѣры чисто—казацкаго удальства и мододечества. То были незабвенные наши графы Федоръ Петровичъ Денисовъ и Матвѣй Ивановичъ Платовъ. Краткимъ воспоминаніемъ о замѣчательнѣйшихъ ихъ подвигахъ мы закончимъ свой взглядъ на обильную разнообразными военными происшествіями исторію Войска Донскаго.

Денисовъ, подобно сказачному русскому богатырю Ильѣ Муромцу, тридцать лѣтъ сиднѣмъ сидѣлъ въ своей Пятіизбянской станицѣ, какъ бы сбираясь съ силами, чтобы потомъ удивить міръ своимъ богатырскимъ удальствомъ. Первая война съ Турками въ царствованіе Екатерины Великой была первымъ поприщемъ его военной службы. Разсказываютъ, что однажды фельдмаршалъ Румянцовъ смотря въ подзорную трубку на сражающихся (это было въ знаменитомъ сраженіи при Ларгѣ), съ удивленіемъ замѣтилъ, какъ одинъ какой-то всадникъ, въ голубомъ кафтанѣ, на бѣломъ конѣ, поражалъ всюду наѣзжающихъ на него турецкихъ и татарскихъ воиновъ и какъ всюду, куда бы ни обратился онъ, въ страхѣ бѣжали отъ него Турки и Татары! Удивляясь искуству и мужеству неизвѣстнаго, графъ пожелалъ узнать его, и когда, по одержаніи побѣды ему представили храбреца въ голубомъ кафтанѣ, первый вопросъ

фельдмаршала былъ: *кто ты таковъ?—Я казакъ Денисовъ*, отвѣчалъ незнакомецъ. Съ этихъ поръ началась громкая извѣстность Федора Петровича на военномъ поприщѣ, поставившая его потомъ въ ряду славныхъ полководцевъ царствованія Екатерины II. Особенно прославился Денисовъ своими дѣйствіями въ Шведскую и Польскую войны.

Извѣстно, что шведская кампанія, начатая при весьма неблагопріятныхъ для Россіи условіяхъ, была (въ началѣ 1790 г.) не совсѣмъ удачна для нашего оружія. Не смотря на отличныя дѣйствія на морѣ нашихъ адмираловъ Круза и Чичагова, разбившихъ Шведовъ у Красной Горки и Выборга, военное счастіе вскорѣ намъ измѣнило. Принцъ Нассау-Зигенъ, командовавшій русскою гребною флотиліею потерпѣлъ страшное пораженіе при Роченсальмѣ, потерявъ до 55 судовъ и 600 плѣнныхъ. На сушѣ русскія войска дрались тоже несчастливо: корпусъ генералъ-поручика Игельстрома былъ разбитъ при Пардокоски. Шведскій король Густавъ III, ободренный этою побѣдою, перешолъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, и 22 апрѣля лично двинулся чрезъ р. Кюмень съ 10-ю тысячнымъ корпусомъ и артиллеріею. Въ это-то неблагопріятное время, когда многіе опасались за участь самаго Петербурга, Денисовъ, командуя только шестью донскими и однимъ пѣхотнымъ полками, бросается смѣло въ атаку на Шведскаго короля, послѣ жаркаго боя, разбиваетъ его, перебрасываетъ чрезъ рѣку обратно, отбиваетъ всю артиллерію, вторгается въ шведскія владѣнія, и заставляетъ такимъ образомъ ошеломленнаго непріятеля вскорѣ просить о мирѣ. Императрица изумилась, узнавъ о побѣдѣ, одержанной Денисовымъ. Вскорѣ потомъ, получивъ собственноручное письмо Густава III, она хотѣла видѣть счастливаго побѣдителя. Когда Денисовъ предсталъ предъ своею повѣлительницею, первый вопросъ ея былъ: *генералъ, скажите пожалуйста, какимъ образомъ вы осмѣлились съ горстью людей напасть на шведскаго короля?—Смѣлость Ваше Величество*— отвѣчалъ Денисовъ—*отворяетъ широкія ворота къ побѣда*. (131).

Но дѣйствія Денисова въ польскую войну (вскорѣ затѣмъ открывшуюся), гдѣ онъ командовалъ корпусомъ русскихъ войскъ, составляютъ верхъ смѣлости и искуства въ военномъ отношеніи. Всѣ иностранные писатели сознаются, что Денисовъ былъ главнымъ виновникомъ пораженій, понесенныхъ Поляками подъ начальствомъ знаменитаго своего диктатора Костюшки. Denisoff—говорятъ Французы—acheva de soumettre les Polonais. Въ самомъ дѣлѣ, честь побѣды надъ Костюшкою *подъ Щекочинымъ* должна, по справедливости, принадлежать главнымъ образомъ Денисову, хотя въ ней участвовалъ и прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ II. Денисовъ же былъ главнѣйшимъ виновникомъ окончательнаго пораженія Ферзеномъ Костюшки при *Мацеіовицахъ*, который, какъ извѣстно, даже и взятъ былъ въ плѣнъ нашими казаками.—Послѣ славнаго *Прагскаго* штурма, Суворовъ предписалъ Денисову преслѣдовать польскаго главнокомандующаго Вавржевскаго съ 30 тысячнымъ корпусомъ отступавшаго къ австрійскимъ границамъ. Быстрыми переходами настигнувъ польскій корпусъ у *Оночно*, Денисовъ неожиданно объявилъ своимъ офицерамъ, что онъ ѣдитъ самъ съ однимъ только казакомъ (драбантомъ) въ ставку польскаго генерала для переговоровъ. Офицеры удивились и недоумѣвали, что выйдетъ изъ этой опасной рѣшимости ихъ командира? Между тѣмъ Денисовъ, подъѣзжая къ квартирѣ Вавржевскаго, замѣтилъ у подъѣзда польскую карету, запряженную лошадьми, и въ умѣ его тотчасъ же блеснула отважная мысль. . . . Онъ смѣло входитъ въ домъ, объявивъ себя парламентеромъ русскаго генерала. При входѣ его, Вавржевскій, окруженный своими адъютантами, задумчиво сидѣлъ у стола, Денисовъ, начавъ переговоры, сталъ требовать, чтобъ онъ положилъ оружіе. Это взорвало гордаго поляка. „Да развѣ вашъ генералъ Денисовъ считаетъ меня побѣжденнымъ?“ вскричалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу. „Убирайся вонъ и скажи своему генералу, что мы еще перевѣдаемся съ нимъ оружіемъ.“—*Я самъ Денисовъ*,—вскрикиваетъ тутъ грозно мнимый парламентеръ, раскрывъ свою грудь, украшенную звѣздами—*Я самъ пришелъ*

взять *тебя въ плѣнъ!* При этихъ словахъ Поляки остолбенѣли отъ ужаса. А Денисовъ смѣло беретъ за шиворотъ Вавржевскаго, вталкиваетъ его съ помощію драбанта въ его же карету и кричитъ по польски: „ступай на заставу!" Кучеръ, не понимая сцены, бьетъ по лошадямъ и увозитъ такимъ образомъ въ русскій лагерь польскаго главнокомандующаго. „Да гдѣ я! скажите пожалуйста гдѣ я?" спрашивалъ поминутно дорогою потерявшійся отъ страха польскій генералъ—„или все это одинъ только сонъ?"—*Увѣряю ваше превосходительство*—отвѣчалъ, смѣясь, Денисовъ—*что вы не во снѣ, а на яву въ плѣну у русскаго генерала!* На слѣдующій день, 8 ноября 1794 года польская армія положила оружіе передъ побѣдителями (132).

Денисовъ съ необыкновенною смѣлостью соединялъ изумительную проницательность въ военныхъ дѣлахъ. Малограмотный, никогда нечитавшій ученыхъ сочиненій по тактики, онъ обладалъ такимъ природнымъ тактомъ, что часто, по взгляду, угадывалъ намѣренія противника и нерѣдко безошибочно предузнавалъ исходъ сраженій, по однимъ только знакомымъ ему казачьимъ примѣтамъ. Сподвижникъ и вѣрный цѣнитель его военныхъ способностей, Суворовъ, отправляясь въ италіянскій походъ, совѣтовалъ, говорятъ Императору Павлу назначить Денисова главнокомандующимъ русской арміи въ Швейцаріи. Но убѣжденія придворной партіи склонили Императора предпочесть ему Римскаго-Корсакова. Не смотря на то, Денисовъ, пользовался въ это время особеннымъ благорасположеніемъ государя, который часто удостоивалъ его своей бесѣды. Однажды, когда Императоръ, разсуждая о тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ, показалъ Денисову планъ расположенія русской арміи въ Швейцаріи, послѣдній, къ общему изумленіе придворныхъ, осмѣлился утверждать, что *Корсаковъ, судя по расположенію его арміи, будетъ непремѣнно разбитъ Французами.* Эта смѣлая выходка не понравилась Государю. Денисову запрещенъ былъ пріѣздъ ко Двору. Но когда событіе подтвердило истину предсказанія, Императоръ, при первомъ извѣстіи о томъ,

призвалъ Денисова и встрѣтилъ его вопросомъ: „Ну, что, Денисовъ, какъ ты думаешь теперь о Римскомъ-Корсаковѣ?“— Я и теперь остаюсь, Ваше Величество,—отвѣчалъ Денисовъ— при своемъ прежнемъ убѣжденіи, что онъ будетъ непремѣнно разбитъ, если не перемѣнитъ растянутаго положенія своего корпуса.“—*Послѣ того ты великій генералъ!* вскричалъ императоръ, подавая ему руку. *Я сей-часъ получилъ прискорбное извѣстіе, что Корсаковъ дѣйствительно жестоко разбитъ Массеною подъ Цюрихомъ.*

Вскорѣ послѣ этого случая, Денисовъ—первый изъ Донцовъ—получилъ дипломъ на достоинство графа Россійской Имперіи.

Въ то время, какъ Денисовъ, отягченный старостію, угасалъ на родинѣ, Платовъ все болѣе и болѣе возвышался. Счастливый сподвижникъ Суворова и Багратіона въ 2-хъ турецкихъ войнахъ Платовъ ознаменовалъ себя особенно отличными подвигами во 2-ю Французскую кампанію, когда Донцы, по выраженіе Императора Александра 1-го, были не *дремлющимъ окомъ русской арміи.* Судьба предоставила вскорѣ Платову украситься новыми блестящими лаврами въ Отечественную войну. При самомъ началѣ вторженія Французовъ въ Россію, Платовъ составлявшій съ 14-ю донскими полками арріергардъ 2-й русской арміи Багратіона, долженъ былъ удерживать напоръ всей Французской арміи Наполеона (старавшагося не допустить соединенія 2-хъ нашихъ армій). Болѣе 2-хъ мѣсяцовъ сражался онъ съ Французами, страшно напиравшими на казаковъ, и *гдѣ было можно*—говоря его словами—*не только что удерживалъ ихъ, даже, скрутя голову, дрался отчаянно.* При Кареличахъ, Мирѣ и Романовѣ Платовъ разбилъ передовыя войска короля Неаполитанскаго, а послѣ перехода чрезъ Днѣпръ, поспѣшилъ на Смоленскую дорогу и сталъ въ Холмѣ, составляя передовую линію нашихъ соединившихся 2-хъ армій. Между тѣмъ какъ Платовъ денно и ночно дрался съ Французами, сбилъ при Руднѣ ихъ передовыя форпосты и опрокинулъ при Молевомъ—

Болотѣ авангардъ генерала Себастіани,—обѣ арміи, по заранѣе обдуманному Барклаемъ плану, постоянно безъ бою отступали въ виду непріятеля. Это сильно не нравилось Платову. „Боже милостивый! что съ русскими арміями дѣлается?—писалъ онъ въ іюлѣ Ермолову—„не побиты а бѣжимъ! одна со страхомъ отступаетъ, а другихъ отдаленными дорогами отводятъ безъ бою. Спасалъ ее три недѣли удачливо. Прошу Бога, чтобы благословилъ меня другую защищать.“ (131). Послѣ смоленскаго сраженія, Платову дѣйствительно пришлось опять защищать всю русскую армію. Командуя по прежнему арріергардомъ, онъ имѣлъ упорныя съ непріятелемъ битвы у Михалева и на берегахъ Осьмы.

Насталъ великій день Бородина (26 августа 1812 г.). Величайшій геній военнаго искуства, Наполеонъ, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, напрягалъ всѣ усилія чтобы разбить русскую армію, и едва было не успѣлъ въ этомъ. Не смотря на геройское сопротивленіе нашихъ войскъ, послѣ жесточайшихъ аттакъ Нея, лѣвое крыло наше принуждено было въ страхѣ и безпорядкѣ отступить на 400 саженъ. Сдѣлалось страшное замѣшательство, которое еще болѣе усилилось по случаю смерти убитаго графа Кутайсова и смертельной раны князя Багратіона. Наполеону оставалось только ввести въ дѣло свою резервную гвардію, чтобы довершить пораженіе. Но въ эти самыя минуты въ умѣ Платова рождается мысль сдѣлать нападеніе на лѣвый открытый флангъ непріятеля. По приказанію Кутузова каваллерійскій корпусъ Уварова и казаки Платова бросаются на непріятеля, тѣснятъ дивизію Дельзона; Донцы переходятъ рѣчку *Войну* и, разсыпавшись между непріятельскими колонами, приводитъ ихъ въ смятеніе, заставляя взяться за оружіе. Тщетно скачутъ адъютанты къ Наполеону съ просьбою о помощи. Получивъ извѣстіе о нападеніи казаковъ на свой лѣвый флангъ, онъ сталъ въ тупикъ, не зналъ на что рѣшиться, проигралъ время и упустилъ изъ рукъ своихъ почти вѣрную побѣду, которая осталась нерѣшенною. Такимъ образомъ Провидѣнію угодно было, чтобъ Донцы приняли

важное участіе въ двухъ важнѣйшихъ битвахъ нашего отечества (24 августа 1612 и 26 августа 1812 г.) въ самые рѣшительные моменты его судьбы, и ударомъ своимъ рѣшили ихъ въ его пользу.

Но еще славнѣе было дѣйствіе Донцовъ, подъ начальствомъ Платова послѣ Бородинскаго сраженія. 26 полковъ поголовнаго ополченія прибыло съ Дона въ станъ русскихъ воиновъ, по первому зову во имя отечества. 15-лѣтніе отроки и 70-лѣтніе старцы взялись за оружіе; вся русская армія обрадовалась— говорятъ очевидцы—смотря на прибывшихъ съ Дона сѣдыхъ бородачей. Съ того времени счастье оставило Наполеона и обратилось на сторону Россіи. Донцы каждодневно стали наносить Французамъ гибельные удары. При *Тарутинѣ*, предводимые графомъ Орловымъ-Денисовымъ,—казаки схватили и увезли 38 непріятельскихъ орудій, а при *Малоярославцѣ* (13 октября) чуть было не захватили самаго Наполеона, слѣдовавшаго съ небольшимъ прикрытіемъ къ городу. Преслѣдуя, съ 6,000 казаковъ, отступавшихъ Французовъ, Платовъ, 19 октября, разбилъ маршала Даву у Колоцкаго монастыря, вытѣснилъ его изъ Гжатска и поразилъ его задніе эшелоны при Теплухѣ и Царево-Займищѣ; 22 и 23 октября онъ помогъ Милорадовичу разбить подъ Вязьмою соединенныхъ Даву, Нея и вице-короля Италійскаго, и потомъ, погнавшись за корпусомъ послѣдняго, нанесъ Французамъ жесточайшее пораженіе на берегахъ Вопи, при городѣ *Духовщинѣ*. 23 орудія, весь обозъ и болѣе 2,000 плѣнныхъ были трофеями побѣдителей. За этимъ подвигомъ послѣдовали новыя нападенія на бѣгущихъ враговъ, новое истребленіе ихъ сотнями тысячами до самаго Смоленска, и занятіе этого города, 6 ноября, одной изъ партій Платова, между тѣмъ какъ онъ самъ съ главными силами устремился правымъ берегомъ Днѣпра къ *Красному* и успѣлъ догнать и побить остатки Неева корпуса. На *Понарской горѣ* близъ Вильны, графъ Платовъ, 28 ноября, догналъ Мюрата съ 30,00 войска, атаковалъ его со всѣхъ сторонъ въ пики и почти совершенно уничтожилъ: при чемъ взято было казаками

28 пушекъ, 5 знаменъ, великое множество плѣнныхъ и весь обозъ съ казною и экипажами непріятельскихъ вождей. Даже за предѣлами Россіи продолжалось это неусыпное гибельное преслѣдованіе непріятеля.

„Погоня графа Платова за Французами—говоритъ очевидецъ Баронъ Зедделеръ—представляла зрѣлище невиданное. Армія, за 5 мѣсяцевъ состоявшая болѣе чѣмъ изъ полумилліона людей во всей воинской силѣ, славѣ и красотѣ, бѣжала безъ оглядки, преслѣдуемая горстью казаковъ. Донцы напирали сколько позволяли силы людей и лошадей и, настигая Французовъ, ударяли въ дротики, или били въ нихъ изъ пушекъ везомыхъ на полозьяхъ. Въ продолженіи достопамятной кампаніи 1812 года графъ Платовъ взялъ войсками своими 546 пушекъ, болѣе 30 знаменъ и штандартовъ и до 70,000 плѣнныхъ. Столь славные подвиги снискали ему не только любовь и уваженіе русскихъ войскъ и народа, но даже иноплеменники не могли не восхвалить его заслуги. Князь Кутузовъ-Смоленскій назвалъ дѣйствія казаковъ чудесами; Императоръ Александръ I въ письмѣ своемъ отъ 1 января 1813 года, удостоилъ вождя ихъ слѣдующимъ незабвеннымъ отзывомъ: *Вы собственнымъ вашимъ лицомъ и вообще все Донское войско много участвуете въ славѣ истребленія враговъ и въ спасеніи отъ нихъ отечества. Заслуги ваши и подвиги подначальственныхъ вамъ казацкихъ войскъ пребудутъ незабвенны. Имя ихъ сдѣлалось страшно непріятелю.* (134).

Но вотъ наступила священная Лейпцигская битва за освобожденіе Европы отъ ига Французовъ. Наполеонъ, сформировавшій огромнѣйшую колонну тяжелой кавалеріи, въ 20,000 человѣкъ, двинулъ ее, подъ начальствомъ Латуръ-Мобура, въ центръ союзныхъ войскъ. Все затрепетало предъ этою страшною массою всадниковъ. Уже первая и вторая линія нашей пѣхоты были прорваны, и побѣда казалась такъ несомнѣнная Наполеону, что онъ послалъ въ Лейпцигъ поздравить своего союзника, Саксонскаго короля. При видѣ страшной тучи непріятельской кавалеріи, гнавшей передъ собою нашу легкую кавалерійскую дивизію, одинъ Императоръ Александръ благо-

словенный оставался спокоенъ: окруженный Лейбъ-гвардіи казачьимъ полкомъ (3 эскадрона Донцовъ и 1 сотня Черноморцевъ), онъ распоряжался остановить успѣхи непріятеля. Уже ядра непріятельскія долетали до государя, еще нѣсколько минутъ—и все казалось потеряннымъ. „Ваше Величество!—сказалъ, подбѣгая въ это время къ Государю, графъ Орловъ-Денисовъ—пошлите меня съ казаками остановить Французовъ!"—*Хорошо*,—отвѣчалъ Императоръ—*возьми всю мою конвойную команду и аттакуй ихъ!* Графъ Орловъ-Денисовъ перешелъ съ казаками, по узкой гати, грязный ровъ въ одинъ конь и, выстроившись *лавою*, прямо ринулся съ *гикомъ*, на лѣвый флангъ непріятеля. И что же? Страшная колонна дрогнула, остановилась и, какъ бы пораженная ужасомъ, обратилась въ бѣгство назадъ; казаки вспомоществуемые 2-мя прусскими полками Силезскимъ и Неймарскимъ, гнали и кололи Французовъ на разстояніи цѣлой версты. Вѣрная побѣда вырвана была опять изъ рукъ Наполеона горстью храброй Донской гвардіи.—Въ воспоминаніе этого достопамятнаго подвига въ Бозѣ почившій Императоръ Николай I установилъ вѣчно праздновать въ Лейб-гвардіи казачьемъ полку 4 октября—день Лейпцигской битвы.—

Но я слишкомъ утомилъ бы себя и читателей, еслибъ рѣшился хоть кратко изобразить подвиги Донцовъ во всѣ послѣдующія кампаніи—въ Персидскую, Турецкую, Польскую, Венгерскую и особенно на Кавказѣ, гдѣ „*храбрые Донцы*—по словамъ Намѣстника, Великаго Князя Михаила Николаевича—*въ теченіи шестидесятн-лѣтней Кавказской войны постоянно дѣлили съ русскими войсками и труды и славу военныхъ подвиговъ и гдѣ многіе изъ этихъ подвиговъ займутъ почетное мѣсто въ исторіи* (см. приказъ по Кавказ. арміи 29 сентября 1866 г.) А Крымская война, гдѣ Донцы, по гласу Монарха, поголовно—въ числѣ 60,000—ополчились на враговъ отечества? А недавняя Польская кампанія, въ которой Донцы вполнѣ поддержали славу предковъ своихъ, и гдѣ есаулъ Дукмасовъ съ двумя сотнями казаковъ поразилъ двѣ тысячи Поляковъ, а батарей-

ный командиръ, полковникъ Емановъ, одержалъ надъ ними даже замѣчательную побѣду при *Файславицахъ*, взявъ въ плѣнъ около 700 человѣкъ. Нѣтъ, „подвиги Донцовъ—заключимъ словами знаменитаго фельдмаршала Румянцова—больше и удивительнѣе отъ нихъ содѣяны, нежели оные описать или довольно восхвалить удобно!“ (135).

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Замѣчательно, что Чуваши, обитающіе въ Казанской губерніи, считаютъ обыкновенно лѣта своихъ предковъ отъ времени Пугачевскаго бунта, смотря потому, въ тѣ ли годы они родились, когда происходилъ этотъ бунтъ, или послѣ, и чрезъ сколько именно лѣтъ. См. „Преданія Чувашъ" въ *Казанскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ* 1852 года.

2. Вотъ подлинныя слова Императрицы Екатерины (въ письмѣ къ Волтеру отъ 22 октября 1774 года): Les troupes de cette nation (des Cosaques du Don) n'ont jamais mordu á l'hameçon de ce brigand. Войска этого народа (Донскихъ казаковъ) не были никогда обольщены этимъ разбойникомъ (т. е. Пугачевымъ) См. 17 прим. къ 8 гл. „Нет. Пугачевск. бунта," стр. 107.

3. Дербетевскими калмыками раззоренъ былъ въ 1774 году въ числѣ другихъ большой хуторъ на р. Салу полковника Ильи Денисова. Изъ актовъ видно что съ калмыками участвовали въ это время въ грабежахъ задонскихъ хуторовъ и зимовниковъ Киртизъ-кайсаки. См. Прилож. 1, лит. К—5.

4. См. Прилож. 1, К—9.

5. См. „Исторію Войска Донскаго" Броневскаго. Срав. рапорты Иловайского и Луковкина Сулину, изъ коихъ видно, что въ полкахъ ихъ были почти на половину престарѣлыя и малолѣтки. Прилож. 1, Н—2 и 3.

6. Въ старину Черкаскъ обнесенъ былъ, для защиты отъ непріятелей, кирпичною стѣною, частоколомъ и рвомъ. Вдоль стѣны устроено было нѣсколько бастіоновъ или башней, гдѣ помѣщались чугунныя пушки. Казаки называли ихъ *раскатами.* Но окончаніи войны съ нагайцами, бастіоны были уничтожены и пушки сняты. Нынѣ едва можно примѣтить ихъ развалины.

7. Штабъ-квартиры князя Багратіона и бригадира Врипка находились въ Кундрючевскихъ станицахъ. Надо думать, что войска эти были расположены по станицамъ въ видахъ предосторожности; но странно, что онѣ не принимали почти никакого участія въ защитѣ донскихъ жилищъ отъ непріятеля.

8. Сотная (т. е. сотенная) команда казаковъ назначена была, указомъ Императрицы Елисаветы Петровны, состоять безменно при войсковыхъ атаманахъ Данилѣ и Степанѣ Ефремовыхъ, въ полномъ ихъ распоряженіи. Впослѣдствіи изъ этой команды образовался Атаманскій пяти-сотенный полкъ, котораго шефомъ былъ атаманъ, а ближайшимъ командиромъ вицъ-полковникъ.

9. Нагайскія или буджацкія орды—Едисанская, Едишкульская, Джамбулуцкая и Буджацкая, послѣ первыхъ успѣшныхъ дѣйствій Румянцова въ Турецкую войну, переселились въ 1771 году изъ Бессарабіи въ Землю Черноморского (нынѣ Кубанскаго) Войска, съ дозволенія Императрицы Екатерины II. Они считались союзниками Россіи и вѣрноподданными Крымскаго хана.

10. См. біографію Перфилова въ 2-й части.

11. Подлинники этихъ татарскихъ писемъ сохранились при дѣлахъ войскового архива, вмѣстѣ съ переводами тогдашняго войскового подтолмача Асана Келдеева.

12. Большое законное знамя (по турецки: *Санджакъ-шерифъ* считается самою священнѣйшею вещью у магометанъ. Великій мусульманинъ обязанъ по закону защищать владѣтеля этого знамени противъ всѣхъ его враговъ.

13. Рѣчь эта помѣщена въ 2-хъ рапортахъ войскового подтолмача Асана Келдеева. Прилож. 1, б.

14. См. статью П. Б. Ульянова: „Военная смѣтливость" во 2 № *Донскихъ Вѣдомостей* 1874 г.

15. „Жизнеописаніе графа М. И. Платова." Соч. Смирнаго.

16. См. *Ставропольскія Губерн. Вѣдомости* 1853 г., гдѣ напечатаны вполнѣ рапорты Бухвостова.

17. Если только допустить, что въ 1772 году Пугачеву было 40 лѣтъ, какъ самъ онъ показялъ при допросѣ.

18. Извѣстно, что и Лжедимитрій прежде бѣжалъ въ Польшу, и возвратясь уже оттуда, сдѣлался самозванцемъ. См. Манифъ Императрицы Екатерины 23 декабря 1774 г., напечат. въ Прилож. къ Истор. Пугач. бунта, гдѣ прямо указывается на эту мысль

19. См. „Истор. Пугач. бунта," Пушкина. Здѣсь замѣтимъ, что вообще вся глава эта основана на разсказѣ Пушкина, за исключеніемъ нѣсколькихъ подробностей, ему неизвѣстныхъ. Что Яицкіе (нынѣ уральскіе) казаки были виновниками мятежа—въ этомъ сомнѣваться нельзя, несмотря на благородное желаніе соотечественника Уральцовъ, Г. Желѣзнова, оправдать ихъ тѣмъ, что будто бы Пугачевъ обманулъ ихъ. Противъ истины, какъ противъ рожна, трудно прать. Пугачевъ былъ такой же безграмотный казакъ, какъ и всѣ прочіе Уральцы; слѣд. обмануть ихъ онъ никакъ не могъ, но только служитъ для нихъ нѣкоторымъ оправданіемъ, что не всѣ Уральцы принимали сторону Пугачева, но что многіе изъ нихъ (какъ напр. старшина Мартемьянъ Бородинъ) съ большимъ отличіемъ и ревностію участвовали въ уничтоженіи Пугачевскаго бунта.

20. О причинахъ, побудившихъ Пугачева принять на себя самозванство, прежде писали много ложнаго. Броневскій чуть ли не выдумалъ анекдотъ о сходствѣ его съ Петромъ III, замѣченномъ будто бы Тотлебеномъ. Изъ признанія самаго Пугачева, при допросахъ слѣдственной яицкой коммисіи, видно что первую мысль о самозванствѣ сообщили ему знакомые русскіе добровольческіе купцы. См. прекрасную статью Щебальскаго: „Начало и характеръ Пугачевщины" въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1855 г. Жаль только, что авторъ повторилъ къ ней ошибки Пушкина, относительно донскихъ казаковъ, хотя и могъ бы легко избѣгать ихъ, еслибъ прочелъ нашу статью, помѣщенную въ *Современникѣ* 1854 г.

21. Къ Киргизскому хану Нурали, Пугачевъ, вскорѣ по принятіи самозванства, писалъ возмутительное письмо, которое и имѣло свое дѣйствіе, не смотря на то что вѣроломный обладатель киргизовъ увѣрялъ Оренбургскаго губернатора въ преданности своей Россіи. См. „Прилож. къ Истор. Пугач. бунта" Стр. 57—59.

22. Слобода при р. Сакмарѣ, главное пристанище бунтовщиковъ, которую они называли Москвою.

23. Чина, по приказанію Пугачева, подступилъ къ Уфѣ съ 10,000 отрядомъ бунтовщиковъ и продолжительною осадою довелъ этотъ городъ до самаго жалкаго положенія. Хлопуша съ 600 человѣкъ взялъ приступомъ крѣпость Ильинскую и Илецкую Защиту, да, кромѣ того, снабжалъ Пугачева пушками и артиллерійскими снарядами.

24. См. „Осада Троицка Пугачевымъ" въ № 48 *Оренбургскихъ Вѣдомостей* 1852 г.

25. Приводимъ здѣсь отъ слова до слова показаніе казаковъ разныхъ станицъ (какъ то: Бикренева, Лобачева, Плѣшакова, Бурапева, Горбачева, Лащилина, Баранчикова, и проч.), которые были въ командѣ Ожина при этомъ случаѣ и успѣли убѣжать изъ плѣна на Донъ. При допросѣ въ Войсковой канцеляріи, въ мартѣ 1775 года, всѣ они единогласно показали: „что они изъ Саратова, обще съ есауломъ Ожинымъ, посланы были въ числѣ 60 человѣкъ къ городу Петровску для разпѣдыванія о злодѣѣ Пугачевѣ, при коемъ, за уходомъ есаула, самимъ злодѣемъ въ толпу его всѣ захвачены." А что дѣйствительно всѣ 60 казаковъ успѣли разбѣжаться отъ Пугачева, еще не разбитаго,—это можно видѣть изъ приказа наказнаго атамана войсковому старшинѣ Карпову, и особенно изъ того, что прибывшимъ на Донъ съ этими казаками квартирмейстеру Малахову и сотнику Мелехову объявлена была благодарность въ присутствіи Войсковой канцеляріи, „за ревность къ службѣ Императрицы" отъ имени генералъ-аншефа (князя) Потемкина, въ исполненіе предложенія его наказному атаману отъ 15 сентября 1774 года. См. „Предложенія и ордера князя Потемкина войсков. атаманамъ Сулину и Иловайскому" въ *Донскихъ Вѣдомостяхъ* 1855 года.—Пушкинъ говоритъ въ Исторіи напротивъ, что всѣхъ казаковъ было 150 и что они прямо передались будто бы Пугачеву. Несправедливость его мнѣнія, въ этомъ отношеніи, очевидна. Еслибъ они передались, то, безъ сомнѣнія, не оставили бы его преждевременно, да и князю Потемкину въ такомъ случаѣ не было бы причины благодарить ихъ предводителей за ревностную службу.

26. Впрочемъ это ложное мнѣніе казалось истиннымъ для простаго народа не только на Дону, но и вообще въ цѣлой Россіи. См. „Истор. Пугач. бунта" Пушкина.

27. См. „Исторію о Донскихъ казакахъ" Рягельмана.

28. Другой, данный по случаю станицы Войска Донскаго, помѣщенъ въ „Исторіи" Рягельмана.

29. Въ „Исторіи Пугачевскаго бунта" на стр. 70, ошибочно сказано, будто Императрица не согласилась на переселеніе станицы: это явно противорѣчитъ Ея указу, нами приведенному.

30. См. Приложен. 1, в.

31. Прилож. 1, ж.

32. Самовольное оставленіе Собяновымъ своего поста въ самое опасное время навлекло на него въ послѣдствіи много непріятностей. По доносу старшины Кульбакова, раздраженный Потемкинъ предписалъ Войсковой канцеляріи предать Се-

брякова строжайшему суду, съ тѣмъ, что „если судьи окажутъ при своемъ ослабленіе подсудимому, то сами подвергнутся такому же наказанію.“ Разумѣется, послѣ такого предписанія, судьи, не любившіе Себрякова за его гордое обращеніе, не пощадили его на судѣ. Состоялся приговоръ: „предать его смертной казни, а именно: повѣшенію на висѣлицѣ.“ Но между тѣмъ какъ продолжалось слѣдствіе, Пугачевскій бунтъ былъ усыпленъ при содѣйствіи Донцовъ, оказавшихъ въ этомъ случаѣ важную услугу Отечеству; гнѣвъ Потемкина улегся, и Милосердая Императрица, помня прежнія заслуги Себрякова, объявила ему Всемилостивѣйшее прощеніе. Послѣдующая служба Себрякова была также отлична, какъ и прежняя. Въ 1783—1780 годахъ онъ былъ бригаднымъ командиромъ, подъ начальствомъ Суворова въ 3-хъ походахъ на Кубань, гдѣ 24 ноября 1784 года, за оказанное отличіе пожалованъ въ бригадиры, а черезъ 2 года (1786) золотою саблею съ надписью „за храбрость“ Въ 1786 году уволенъ отъ службы. Въ похвальной грамотѣ, данной Себрякову при отставкѣ и подписанной собственноручно Императрицею Екатериною II, помѣщены между прочимъ слѣдующія слова: „Въ службѣ находился съ 1750 года и во всемъ такъ поступаяъ, какъ честному, вѣрному и послушному офицеру надлежитъ.“

33. См. Прилож. 1, ж.

34. Въ письмахъ къ Себрякову, Луковкинъ жалуется на нездоровье: „отъ большихъ трудовъ ж болѣзни, и теперь такъ ослабѣлъ, что не могу ѣздить верхомъ на лошади.“ Ему было тогда не болѣе 40 лѣтъ.

35. Въ старину казаки одной станицы (станичники), командированные въ походъ, всегда служили вмѣстѣ въ одномъ полку и назывались именемъ своей станицы, такъ напр. Раздорской—Раздорцы, Кочетовской—Кочетовцы. Полкъ обыкновенно состоялъ изъ нѣсколькихъ такихъ станицъ; въ каждой изъ нихъ было, смотря по народонаселенію самой станицы, отъ 20 до 100 и болѣе казаковъ.— Жаль, что это полезное правило не соблюдается нынѣ.

36. Вотъ почему до сихъ поръ сохранилось на Дону въ народѣ ложное преданіе, что будто Пугачевъ самъ съ войсками разорялъ у насъ станицы, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ, послѣ побѣга, уже съ Дономъ не видѣлся.

37. См. Прилож. 1, і.

38. Полки эти, за исключеніемъ не многихъ, были весьма не полны; нѣкоторые изъ нихъ (какъ напр. Карпа Денисова) заключали въ себѣ только 200 казаковъ. По два полка Кутейникова и Маникова были тысячные.

39. Такъ сказано въ указѣ Государственной Военной Коллегіи. Илья Ѳедоровичъ Денисовъ, въ послѣдствіи былъ пожалованъ Императрицею чиномъ бригадира, орденомъ Св. Владиміра 3-й степени и пожизненною пенсіею въ 300 руб. серебромъ.

40. Сраженіе это описано Пушкинымъ нѣсколько иначе. Вотъ что говоритъ онъ на 154 стр. своей Исторіи: „13 августа Пугачевъ приблизился къ Дмитріевску (Камышенкѣ). Его встрѣтилъ маіоръ Дицъ съ пятью стами гарнизовныхъ солдатъ, тысячью донскихъ казаковъ и тысячью калмыковъ, предводительствуемыхъ князьями Дундуковымъ и Дербетовымъ. Сраженіе завязалось. Калмыки разбѣжались при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Казаки дрались храбро и доходили до самыхъ пушекъ; но были отрѣзаны и передались. Дицъ былъ убитъ. Гарнизонные солдаты

со всѣми пушками взяты. Пугачевъ ночевалъ на мѣстѣ сраженія.“ Впараллель съ этимъ связаніемъ приведемъ слова самаго Кутейникова изъ рапорта его къ Иловайскому отъ 15 мая 1775 года; „По ордеру царицынскаго коменданта Цыплетева, я откомандированъ былъ въ Селитреянскому городу для прикрытія тамошняго ярая отъ набѣговъ Киргизъ-кайсаковъ, состоя подъ командою г. подполковника князя Дундукова, и съ онымъ уже августа, при рѣчкѣ Пролейкѣ, 16 и подъ городомъ Царицынымъ, на рѣчкѣ Мечетной, 20 числъ (см. ниже) прошлаго 774 года противу извѣстного злодѣя Пугачева обращался въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ.“ Изъ этаго сличенія ясно видно; 1) что предводителемъ 1000 Донцовъ, сражавшихся съ Пугачевымъ, былъ не иной кто, какъ полковникъ Кутейниковъ (о чемъ Пушкинъ умалчиваетъ), ибо, кромѣ полка Кутейнивова, у Дундукова болѣе казаковъ небыло. 2) Сраженіе это *происходило* при *рѣчкѣ Пролейкѣ 16*, а не 13 августа, какъ говоритъ Пушкинъ, ибо въ этомъ одномъ только сраженіи Дундуковъ дѣйствовалъ противъ Пугачева вмѣстѣ съ полкомъ Кутейникова, о чемъ, кромѣ послѣдняго, свидѣтельствуетъ еще и есаулъ Гардѣевъ. 3) Но что всего важнѣе Пушкинъ, отдавая справедливость храбрости казаковъ, дѣйствовавшихъ противъ Пугачева въ этомъ сраженіи въ то же время дѣлаетъ величайшую несправедливость, говоря: что всѣ казаки, т. е. 1000 человѣкъ передались Пугачеву! Полкъ Кутейникова, какъ видно изъ свидѣтельствъ Цыплетева, Иловайскаго и другихъ актовъ, чрезъ три дня послѣ этого сраженія, 20 августа, участвовалъ, почти въ цѣлости, въ битвѣ съ Пугачевимъ на р. Мечетной. Безъ сомнѣнія, ложные акты были причиною столь грубой ошибки Пушкина.—О бунчукѣ, отбитомъ у Пугачева, см. Привож. 1, К—10.

41. Не имѣя вѣрныхъ свѣдѣній о мѣстѣ сраженій, о числѣ враговъ, противостоявшихъ Лащилину, приведемъ здѣсь, въ доказательство сказаннаго о немъ, два свидѣтельства воронежскаго губернатора генералъ-поручика Шетнева и коменданта воронежской крѣпости бригадира Аршеневскаго. Вотъ что писалъ о немъ Шетневъ Аршеневскому въ письмѣ отъ 23 августа: „За яріштное ваше о разбитіи полковникомъ Луковкинымъ злодѣйской толпы увѣдомленіе приношу мою благодарность; поступкомъ же и храбростію Лащилина я маого доволенъ, о чемъ и главнымъ командамъ писалъ.“—Вотъ ордеръ Аршеневскаго (отъ 27 августа) полковнику Лащилину: „Его сіятельство графъ Петръ Ивановичъ Панинъ ордеромъ мнѣ повелѣваетъ, чтобы я при первомъ удобномъ случаѣ вамъ объявилъ отъ него Высочайшимъ Именемъ Ея Императорскаго Величества съ находящимся при васъ казахами удовольствіе и монаршее благоволеніе за оказаніе истинной ревности къ Ея Величеству и отечеству храбрымъ разбитіемъ толпы измѣннической, съ небольшимъ числомъ команды вашей, съ обнадеживаніемъ, когда и впредь вы и команда ваша подданническую свою ревность и храбрость продолжать такимъ образомъ станете, то служба ваша и вѣрность получитъ отъ Ея Императорского Величество особливое признаніе и воздаяніе.“

42. Вотъ что свидѣтельствуетъ о Ребриковѣ, въ данномъ ему аттестатѣ генералъ-аншефъ князь Волконскій: „Полковникъ Ребриковъ, при началѣ вступленія его сюда (въ Москву), появившихся здѣсь въ городѣ и около онаго во многихъ мѣстахъ по дорогомъ воровъ и разбойниковъ расторопностію своею и особливыхъ

искуствомъ переловилъ не малое число, чрезъ что доставилъ спокойствіе в тишину и проѣзжающимъ по дорогамъ разнаго званія людямъ безопасность. Будучи жъ посланы полку его (Ребрикова) команды въ Пошехонскій и Перемышельскій уѣзды къ сыску и искорененію воровъ и разбойниковъ, и тамъ переловили злодѣевъ не малое жъ число. Куда бы только командированы изъ полку его казаки ни случились, вездѣ заслуживали достойную похвалу по усердію къ службѣ съ повиновеніемъ командирамъ ихъ."

43. Пугачевъ подвергнулъ Кутейникова жестокимъ истязаніямъ, отъ которыхъ онъ едва было не умеръ. Впослѣдствіи, освобожденный скоро изъ плѣна послѣ сраженія при Сальниковомъ заводѣ 25 августа, Кутейниковъ былъ награжденъ Императрицею премiеръ-маіорскимъ чиномъ и золотою медалью. 400 казаковъ, бывшихъ въ плѣнѣ у Пугачевымъ, были большею частію изъ полка Грекова. При разбитіи Пугачева, служившіе за хорунжихъ въ этомъ полку казаки Крапивинъ и Терентьевъ были представлены вмѣстѣ съ другими въ Войсковую канцелярію, гдѣ при допросѣ согласно показали: „что они и *сотъ до четырехъ* казаковъ при сраженіи у Царицына изъ злодѣйскую толпу отрѣзаны и на почлегѣ, по приказанію его (Пугачева), стали съ тѣми казаками къ лагерю его злодѣйскому ближе, но въ ту ночь нѣсколько человѣкъ изъ нихъ бѣжали обратно, къ чему и они имѣли намѣреніе, но опасались присмотра лицнихъ казаковъ." Число 400 казаковъ показало и въ предложеніи Войсковой канцеляріи графа Панина, гдѣ Крапивину опредѣлено было, въ память его чиноначальства у злодѣя, урѣзать правое ухо: всѣ же прочіе, какъ не самовольные преступники, прощены. Вопреки этому показанію очевидцевъ, Пушкинъ въ своей Исторіи почти утроилъ помянутое число казаковъ. Вотъ слова его: „21 августа Пугачевъ подступилъ къ Царицыну съ обыкновенною дерзостью. Отбитый съ урономъ, онъ удалился за восемь верстъ отъ крѣпости. Противъ него выслали 1500 Донскихъ казаковъ. Но только 400 возвратились; остальные передались." Ясно, что Пушкинъ ошибся и во времени сраженія, которое происходило не 21 а 20 августа, и въ числѣ взятыхъ въ плѣнъ казаковъ. Вмѣсто того, чтобы сказать 400 казаковъ отбиты или, по его словамъ, передались,—онъ говоритъ обратно: 400 возвратились, а остальные, т. е. 1,100 передались! Еслибы Донцы передавались тысячами, когда всѣхъ ихъ въ это время было не болѣе 4,000, то что же значили бы послѣ того безпристрастныя свидѣтельства о ихъ подвигахъ Цыплетева, Михельсона, Суворова, графа Панина, князя Потемкина и даже самой Императрицы Екатерины II?

44. Въ доказательство приведемъ свидѣтельство о Донцахъ самаго Царицынскаго коменданта Цыплетева. Вотъ что говоритъ онъ о Маньковѣ: „Вступя въ соединеніе съ подоспѣвшими къ Царицыну другими полковниками, подъ крѣпостью покушающимся злодѣямъ чинилъ отраженіе, захватывая въ плѣнъ, приводилъ въ крѣпость, и въ сей нужный случай поспѣшествованіемъ, вѣрностію и храбростію его и своихъ подчиненныхъ заслуги во всѣхъ частяхъ оказалъ." Вотъ какъ отзывается Цыплетевъ о Варламѣ Денисовѣ: „благопоспѣшествуя къ отраженію онаго злодѣя, съ полкомъ прибылъ онъ (Денисовъ) прямо чрезъ степь и Царицынскую линію подъ станъ злодѣйскій, и съ многочисленною толпою 20 августа, въ соединеніи съ прочими полками, на рѣкѣ Мечетной имѣлъ сраженіе, прогоняя

злодѣевъ до пушекъ, а 21 числа, при атакѣ Царицына выѣзжалъ отъ крѣпости въ полѣ, чинил сраженіе и отлявъ значокъ, представилъ въ крѣпость, и съ неутомимостію предохранял въ полѣ постъ, трудился во вредъ на отступѣ бунтовщиковъ, чрезъ цѣлую ночь изъ толпы захватывая въ плѣнъ.“ Говоря о Перфиловѣ, Цыплетевъ заключаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о всѣхъ казакахъ слѣдующими словами: „Я по справедливости засвидѣтельствую, что въ отраженіи злодѣя и его толпы отъ крѣпости команда г. атамана и отъ арміи подполковника Перфилова чинила вмѣстѣ съ прочими бывшими здѣсь къ истребленію онаго Донскими казачьими полками полевыя вылазки, и по прогнаніи отъ спой съ немалымъ урономъ, слѣдующія за нимъ злодѣйскія команды, бравъ въ плѣнъ, приводила въ Царицынъ; а потомъ и въ слѣдованіи возможнѣйшими способами къ злодѣйскому вреду чинила препятствіе.“—„Мое усердіе ко всѣмъ донскимъ полковникамъ, защищавшимъ Царицынъ—писалъ Цыплетевъ Иловайскому—будетъ простираться во в ю мою жизнь.“

45. Какъ упорно было сопротивленіе, оказанное Пугачевымъ въ этомъ сраженіи, —свидѣтельствуетъ участвовавшій въ немъ полковникъ Карпъ Денисовъ, говоря (въ рапортѣ отъ 20 ноября 1774 г.), что „казаки почти при отчаяніи злости своей поступили въ семъ сраженіи противъ врага Пугачева мужественною храбростію и по счастіи, одаренному намъ отъ Всещедраго Бога, готъ проклятый извергъ Пугачевъ съ сбродною толпою разбитъ и былъ гонимъ верстъ 30 или болѣе“ Срав. описаніе этого сраженія въ „Исторіи Пугачев. бунта“ Пушкина и „Исторіи Войска Донскаго“ Броневскаго.

46. Походный атаманъ Тимофей Грековъ, по этому представленію гр. Панина, былъ награжденъ золотою медалью и чиномъ армейскаго подполковника. Хотя онъ и выступалъ противъ Пугачева, но не подоспѣлъ къ окончательной битвѣ.

47. Есаулы эти были слѣдующіе: Никита Астаховъ, Александръ Денисовъ, Иванъ Секретевъ, Ѳедоръ Богачевъ, Филиппъ Цыпкинъ, Антонъ Анисимовъ, Степанъ Самойловъ, Еклимъ Мапоцковъ, Потапъ Ситниковъ, Алексѣй Макаровъ, Василій Поповъ, Ѳедоръ Аликовъ, Тихонъ Денисовъ, Василій Пакаровъ, Семенъ Чернышковъ, Романъ Пименовъ, Петръ Степаковъ, Сергѣй Микулинъ, Климентъ Пашинъ, Ефренъ Захаровъ, Лукьянъ Семеновъ и Петръ Фоминъ.—Саблю эту, съ вензелемъ Императрицы Екатерины II, авторъ видѣлъ у сына Ивана Секретева, покойнаго есаула Василія Ивановича, служившаго ассесоромъ въ войсковомъ правленіи.

48. См. „Ист. Пугач. бунта“ стр. 124.

49. См. „Истор. Войска Донскаго“ Броневскаго, ч. II.

50. Изъ отаго признанія Царицынскаго коменданта еще яснѣе видно, что Царицынъ одолженъ своимъ спасеніемъ отъ Пугачева единственно однимъ Донцами. Крѣпостной гарнизонъ въ немъ былъ такъ малъ, что не могъ содержать даже однихъ плѣнныхъ.

51. Независимо отъ милостей, Иловайскому обѣщано было правительствомъ въ это время за поимку Пугачева 20,000 рубл. сереб. См. „Истор. Донскаго Войска“ Броневскаго.

52. См. „Истор. Пугачев. бунта“ стр. 145.

53. См. Прилож. 1, К—4.

54. См. Приб. къ прил. 2.

55. Ирнб. къ прил. 3.

56. „Полное Собр. Зак. Росс. Имп.“ 1775—1780 г. Т. XX. Также Придож. 1, К.

57. Прежде отпускалось отъ казны ежегодно (съ 1614 г.) жалованье Войску Донскому 17,142 руб. сер. и 7,000 четвер. озлм. хлѣба. Въ 1779 году, по ходатайству Потемкина, добавлено къ этому количеству 3,000 р. и 3,000 четвертей хлѣба.

58. См. „Предложенія и ордера Потемкина Сулину и Иловайскому“ въ *Донск. Вѣд.* 1855 г.

59. Прибав. къ прилож. 3.

60. Свидѣтельство Потемкина объ Иловайскомъ помѣщено въ Высочайше утвержденномъ докладѣ его объ учрежденіи Войсковаго гражданскаго правительства въ XX. т. „Полн. Собр. Зак. Рос. Имп.“ Отецъ Иловайскаго, старшина Иванъ Ивановичъ, былъ уроженцомъ города Темникова Тамбовской губерніи. При Потемкинѣ Алексѣй Ивановичъ получилъ всѣ чины до генералъ-поручика включительно, ордена Св. Владиміра 2 ст. Св. Анны 1-й ст. и золотую медаль, алмазами украшенную. При вознесеніи на престолъ Императора Павла 1, Иловайскій, первый изъ Донцовъ, пожалованъ былъ чиномъ генерала отъ кавалеріи и орденомъ Св. Владиміра 1-й Ст., въ бытность его въ Москвѣ, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ; погребенъ въ Денскомъ монастырѣ.

61. *Казанъ*, по татарски котелъ. Татары приготовляютъ себѣ пищу обыкновенно въ котлахъ, полагая на каждое семейство по одному. Отсюда и народовасселеніе считалось у нихъ по казанамъ.

62. См. Прилож. II, лит. Г—1. Нынѣ названія этихъ народовъ нѣсколько измѣнились: такъ Абазинцы называются Абадзехами, Атукайцы—Натухайцами, Шипшаки—Шапсугами, и проч.

63. „Походы Румянцева, Потемкина и Суворова въ Турцію.“ Соч. М. Богдановича.

64. Кубанскимъ корпусомъ, за отсутствіемъ Суворова, въ короткій промежутокъ времени командовали генералъ-маіоры; Бринкъ, Гинцель, Леонтьевъ и Пиль.

65. Подробности этого сраженія заимствованы мною изъ одного архивнаго дѣла. См. „О почномъ сраженіи между Донцами и Черкесами на Кубани въ 1777 году,“ въ *Донск. Вѣдом.* 1855 г.

66. Всѣ вообще мелкія подробности, касающіяся быта Натайцевъ, почерпнуты мною изъ многочисленныхъ долеселій Лешкевича атаману Иловайскому, уцѣлѣвшихъ при дѣлахъ войсковаго архива.

67. Такъ, вѣроятно, Пагайцы называли Малычекую степь.

68. Подлинники татарскихъ писемъ, здѣсь приводимыхъ, уцѣлѣли при дѣлахъ войсковаго архива. Переводъ сдѣланы тогдашними войсковыми толмачами.

69. „Обозрѣніе царствованія Екатерины Великой,“ соч. Сумарокова.

70. Письмо визиря, въ русскомъ переводѣ, прислано, въ видѣ новости, атаману Иловайскому изъ штаба Румянцева и сохранилось при дѣлахъ архива.

71. „Побѣды графа Суворова—Рымникскаго.“ Соч. Антивта.

72. Базовые татары съ давнихъ временъ принадлежали къ числу жителей Черкаска, составляя отдѣльную татарскую станицу. Съ переселеніемъ жителей въ Новочеркаскъ (1805), поселилась, въ 3-хъ верстахъ отъ нее и татарская станица. Въ 1860 году всѣ Татары этой станицы неожиданно (въ поддаппонъ прошеніи

наказному атаману М. Г. Хомутову) изъявили желаніе на переселеніе въ Турцію. Покойный атаманъ посылалъ меня и чиновника особыхъ порученій войсковаго старшину Попова удостовѣриться, дѣйствительно ли Татары всѣ желаютъ переселенія. Мы, съ помощью переводчика, спросили порознь болѣе 100 семействъ: всѣ они единодушно показали, что желаютъ переселенія въ Турцію не потому, чтобы имъ было не хорошо жить здѣсь, на Дону, а потому что не имѣютъ возможности вступать въ бранъ съ христіанками, отъ чего, при недостаткѣ у нихъ женщинъ, родъ ихъ начинаетъ истребляться. Во время производства дознанія, вышедши на дворъ изъ квартиры, я замѣтилъ у подъѣзда множество собравшихся татарскихъ мальчиковъ. Желая узнать отъ нихъ истину, я обратился къ нимъ съ заученою татарскою фразою: „Турке барлама рази булды?“ (Желаете ли вы переселиться въ Турцію.)—Общимъ громкимъ отвѣтомъ было: Булды (желаемъ).— Вскорѣ послѣ этаго татарская станица переселилась въ Турцію, съ разрѣшенія правительства.

73. Остальная часть буджацкой орды въ томъ же 1781 году была переселена ханомъ въ Крымъ. Потомки ихъ до послѣдняго времени жили въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губерніи.

74. Сп. письма Шагинъ-Гирея въ Иловайскому въ Прилож. II.

75. Шагинъ-Гирей держалъ яря себѣ русскаго повара, обѣдалъ за столомъ а не сидя на коврѣ, но татарски; ѣздилъ въ каретѣ а не верхомъ, какъ прежніе ханы, и имѣлъ нѣкоторыя другія привычки, не свойственныя Татарамъ.

76. Вотъ случай, доказывающій набожность Шагинъ-Гирея. Близъ Бахчисарая въ одной скалѣ, есть пещера, освященная пребываніемъ въ ней Чудотворной иконы Божіей Матери. Когда икона эта была перенесена переселявшимися изъ Крыжа Греками въ Маріуполь, пещера осталась въ запустѣніи. Шагинъ-Гирей, при возшествіи на престолъ, озаботился возобновить въ ней служеніе Богу Христіанскому, что было, по тогдашнимъ смутнымъ обстоятельствамъ, не легко и даже опасно. Услышавъ однажды, что въ г. Кучукъ-Ламиадъ цинилылъ на кораблѣ греческій священникъ Синраиди, онъ немедленно приказалъ позвать его къ себѣ и сказалъ ему: „Богъ мнѣ послалъ тебя и я тебя не отпущу: служи здѣсь у Святаго мѣста.“ Онъ положилъ ему жалованье и подарилъ значительный участокъ веяли. Сп. „Новооткрытый Бахчисарайскій—скитъ.“ Одесса 1852 г.

77. Манифестъ Императрицы Екатерины II. 8 апрѣля 1783 г.

78. „Обозрѣніе Царств. Екатерины Великой:“ Соч. Сумарокова.

79. „Словарь достопамятныхъ людей Россіи (Потемкинъ). Соч. П. Бантышъ Каменскаго.

80. „Побѣды графа Суворова—Рымнинскаго.“ Соч. Антинга.

81. „Полное Собр. Зак. Росс. Имперіи.“ Т. XXI. 1781—1783 г.

82. Участіе Шагинъ-Гирея въ мятежѣ Пагайцевъ, упоминаемое Антингомъ подвержено сомнѣнію. Достовѣрно, что ханъ былъ въ Тамани и что разсерженный мятежемъ Татаръ Потемкинъ велѣлъ Суворову арестовать его. Но точно-ли онъ былъ главнымъ виновникомъ бунта, на это мы не нашли въ актахъ указаній. Напротивъ изъ ордера Потемкина, даннаго впослѣдствіи Иловайскому, относитель-

но встрѣчи „Свѣтлѣйшаго хана,“ можно еъ вѣроятностію заключить, что князь убѣдился въ его невинности и великолѣпнымъ пріемомъ желалъ загладить свое подозрѣніе.

83. „Русская Исторія.“ Соч. Н. Устрялова.

84. См. Прилож. II, Г—2.

85. Полки эти были: Атаманскій, Себрякова, Денисова, Кутейникова, Яковскаго Сычова, Петра Попова (при которомъ была донская артиллерія), Данилова, Купьбакова, Грекова, Харитонова, Барабанщикова, Леонова, Пантилѣева, Исаева и Астахова.

86. См. Прилож. II, Ж.

87. Прилож. II, Г. и Д.

88. См. тамъ же.

89. За покореніе Татаръ награждены были Императрицею: Суворовъ орденомъ Св. Владиміра 1-й ст., Иловайскій—чиномъ генералъ-поручика и орденомъ Св. Владиміра 2-й ст., полковники: Илья Денисовъ, Федоръ Денисовъ и Михаилъ Себряковъ—бригадирскими чинами; Лешкевичъ—чиномъ полковника и орденомъ св. Георгія 4 ст; всѣ прочіе старшины—штабъ—офицерскими чинами.

90. Въ Исторіи Бранневскаго (упомянувшаго только о Закубанскомъ походѣ Суворова) сказано, что Донцы получили при этомъ въ добычу: 4000 плѣнныхъ, 30,000 лошадей, 40,000 рогатаго скота и болѣе 200,000 овецъ. Напротивъ въ донесеніи Суворова Потемкину говорится, что „взято *множество* скота, *примѣрно:* рогатаго до 6,000, овецъ до 15,000, плѣнныхъ же ясырей до 700 душъ.“ Безъ сомнѣнія послѣднее показаніе справедливѣе; но не должно забывать, что казаки могли получить еще много скота на возвратномъ пути, а также и при усмиреніи перваго возмущенія Нагайцевъ при Ейскѣ, гдѣ взято 500 плѣнныхъ и 20,000 рогатаго скота и лошадей.

91. Подъ именемъ Войсковаго Круга разумѣется древнее на Дону установленіе, сосредоточивавшее въ себѣ высшую судебную власть. Кругъ обыкновенно собирался въ Черкаскѣ на площади, или *майданѣ.* Каждый неопороченный казакъ пользовался въ Кругѣ правомъ подавать голосъ. При входѣ войсковаго атамана въ собраніе, два, сопровождавшіе его съ пасѣками, войсковые есаула, снявъ съ себя шапки, перекрестясь и поклонившись собраннымъ въ Кругѣ казакамъ на всѣ четыре стороны, дѣлали предложеніе по какому либо предмету, и потомъ спрашивали громко: *Любо ли вамъ атаманы молодцы?* Каждый вопросъ рѣшался единодушнымъ возгласомъ собранія *любо* или *нелюбо!* Войсковой атаманъ немедленно исполнялъ приговоръ общества. Власть Круга была неограниченная. Онъ могъ миловать и карать смертію важныхъ преступниковъ; рѣшалъ войну и миръ съ непріятелями.

92. Вотъ подлинныя слова имяннаго Указа, даннаго Военной Коллегіи 22 сентября 1798 года: „Взирая всегда съ удовольствіемъ на ревность и службу Войска Донскаго, въ знакъ признательности и благоволенія Нашего къ оному, для уравненія чиновниковъ, въ Войскѣ оного служащихъ, повелѣваемъ: признавать ихъ чинами по слѣдующей табели, сохраняя имъ по службѣ прежнее ихъ названіе въ Войскѣ Донскомъ: войсковыхъ старшинъ—маіорами, есауловъ—ротмистрами,

сотниковъ—поручилами, хорунжихъ—корнетами. Квартермистри же (коихъ полагается въ каждый полкъ по одному) равняются съ квартермистрами регулярныхъ войскъ."

93. Преданіе о видѣніи Андронова передано мнѣ письменно роднымъ его внукомъ, подполковникомъ И. С. Андроновымъ, слышавшимъ о немъ отъ отца своего. Можно бы думать, что это былъ сонъ, но нѣкоторыя подробности, вами опущенныя, противорѣчатъ тому. Впрочемъ въ жизни людей знаменитыхъ встрѣчаются подобныя видѣнія, на пр. въ автобіографіи славнаго италіанскаго скульптора и золотыхъ дѣлъ мастера Белвелуто, когда онъ находился, подобно Андронову, въ тюрьмѣ. См. *Записка Бенвенуто Челлини.*

94. Такъ говоритъ въ своемъ рапортѣ самъ товарищъ Колпакова, полковникъ Илья Денисовъ. Но графъ Платовъ, намекая въ письмѣ своемъ Прусскому королю Фридриху Вильгельму III въ 1807 г., что дѣдъ его, Фридрихъ Великій, былъ очень благосклоненъ къ Донцамъ, утверждаетъ, что Денисову и Колпакову были имъ пожалованы золотыя медали, и что Донъ помнитъ эти награды. Такое противорѣчіе можно объяснить только развѣ тѣмъ, что медали были присланы королемъ на Донъ послѣ семилѣтней войны. См. „Очерки Дона, Филонова. 1858 г."

95. Побѣда надъ Вернеромъ обыкновенно приписывается Бибикову, но Машлыкинъ ни слова не упоминаетъ о немъ въ рапортѣ. Надо предполагать, что Бибиковъ считался его главнымъ начальникомъ. Но чтобы Машлыкинъ могъ напрасно хвастаться своею побѣдою—рѣшительно невозможно допустить, потому что рапортъ его о своей службѣ просматривался атаманомъ Пловайскимъ, который самъ служилъ въ Семилѣтней кампаніи, и препровождался князю Потемкину, знавшему безъ сомнѣнія подробности этого дѣла.—Не должно забывать также, что Машлыкинъ командовалъ 4-мя храбрыми полками и что въ корпусѣ Вернера было не болѣе 3,000 чел.

96. Въ подлинномъ рапортѣ, писанномъ рукою Перфилова, сказано: *Генералъ-Дохтура;* но какъ у простыхъ казаковъ слово *докторъ* произносится *дохтуръ*, то и надо думать, что баталіонъ прусскихъ солдатъ препровождалъ какого нибудь генералъ-доктора, по фамиліи намъ неизвѣстнаго, который очутился неожиданно въ плѣну у казаковъ.—Вообще за правильность названія разныхъ мелкихъ иностранныхъ мѣстечекъ, упоминаемыхъ въ біографіяхъ, нельзя ручаться, потому что казаки любятъ переиначивать иностранныя слова на свой ладъ; напр. Винцентероде они называютъ *Винцо въ огородѣ*, Дюкъ-де-Ришелье—*Индюкъ въ рушникѣ*, Гуссейнъ-паша—*Гусь-паша.*

97. Подлинникъ этого замѣчательного открытаго листа хранится у автора, роднаго правнука Захара Пахомовича.

98. См. „Суворовъ подъ Туртукаемъ" въ *Москвитянинѣ* 1854 г., гдѣ напечатаны письма Суворова; также „побѣды графа Суворова-Рымникскаго," соч. Антонта, гдѣ подробно описанъ анекдотъ о спасеніи монахъ крадѣдомъ Суворова.

99. Анекдотъ и подробности погребенія разсказаны мнѣ очевидцемъ, сыномъ Захара Пахомовича, покойнымъ войсковымъ старшиною Руфомъ Захарьевичемъ.

100. Достовѣрность этого разсказа подтверждается оффиціальными донесеніями полковыхъ командировъ Филина и Попова.

101. Крестъ этотъ есть даръ въ бозѣ почившей Императрицы Александры Ѳеодоровны, которая, говорить, въ началѣ Крымской кампаніи, прислала въ армію нѣсколько такихъ крестовъ на голубой лентѣ, для раздачи храбрымъ воинамъ, какъ благословеніе на брань. На крестѣ, кромѣ распятія, изображены по угламъ святые: Архистратигъ Михаилъ, Георгій Побѣдоносецъ и Николай Чудотворецъ. На другой сторонѣ надпись: „Богъ намъ прибѣжище и сила, а спасеніе крестъ."

102. См. статью: „Съ дороги," помѣщ. въ *Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1860 г.

103. „Азовскія письма" Н. Кукольника напечатаны также въ *С.-Петерб. Вѣд* 1859 г.

104. Извѣстно, что послѣдователи Пифагора считали мнѣніе своего учителя непогрѣшительными и для доказательства только употребляли одну фразу: „такъ онъ сказалъ," или „такъ сказалъ учитель."

105. *Верховыми* казаками или *верховцами*, называются всѣ вообще казаки, живущіе въ верхъ по Дону, Донцу, Хопру, Медвѣдицѣ и Бузулуку, начиная отъ Раздорской (на Дону) станицы, а *низовыми* или *низовцами*—жители Новочеркаска, Старочеркаской, Гниловской, Аксайской и другихъ нижнихъ станицъ. Нѣкоторые раздѣляютъ еще казаковъ на *верхвоцовъ*, *серединцовъ* и *низовцовъ;* но такое дѣленіе, по нашему мнѣнію, не имѣетъ достаточныхъ основаній.

106. Римляне называли дни *календами*, *нонами* и *идами*, различая ихъ по числу.

107. Извѣстно, что знаменитая поэма Мильтона: „Потерянный Рай" болѣе ста лѣтъ находилась въ совершенномъ забвеніи у Англичанъ. Адиссовъ первый, разобравши ея красоты, поднялъ ее на высокій пьедестолъ славы и сказалъ: „удивляйтесь!"

108. Изъ трехъ печатныхъ Исторій Войска Донскаго (Попова, Ригельмана и Броневскаго) ни одна не можетъ считаться сколько нибудь удовлетворительною. Самая лучшая изъ нихъ Броневскаго содержитъ въ себѣ, какъ доказалъ своимъ разборомъ Сухоруковъ, множество невѣрныхъ фактовъ, не говоря уже о совершенно неправильномъ взглядѣ автора на казаковъ. Драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ для исторіи Дона можетъ служить *историческое описаніе Войска Донскаго*, составленное въ 20-хъ годахъ нѣсколькими донскими уроженцами, по порученію служившаго на Дону генералъ-лейтенанта Богдановича и, какъ полагаютъ многіе, подъ редакціею Сухорукова. Если оно и не можетъ выдержать строгой критики, какъ систематическое цѣлое, то по крайней мѣрѣ, заключаетъ въ себѣ огромное количество драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ. Жаль, что сочиненіе это до сихъ поръ не напечатано.

109. Второзак. XXXII, 30.

110. Есть еще мнѣніе, что Черкаскъ получилъ свое названіе, по преданію, отъ какого то татарскаго хана, въ немъ обитавшаго, *Агустія-Черкаса;* но это совершенно не справедливо. Иначе, отъ чего же названы *Черкасы*—малороссійскій городъ? Ужъ конечно не отъ Агустія—Черкаса. Карамзинъ тоже ошибается, считая Черкаскъ, по названію, *казачьимъ* городомъ, потому что будто бы въ старину Черкасами назывались казаки.

111. „Истор. Россійскаго Государ.“ Карамзине. Т. 8.

112. Рукописная критика на „Исторію Войска Донскаго“ Броневскаго—прекрасное сочиненіе Сухорукова къ сожалѣнію до сихъ поръ не напечатанное.

113. См. статьи А. Леонова: „О пособіяхъ къ изученіе исторія Войска Донскаго“ въ *Донск. Вѣдом.* 1857 г.

114. Приведемъ здѣсь замѣчательное мнѣніе Вигеля: „Во дни порабощенія Россіи, ея безсилія и неустройствъ, на южныхъ предѣлахъ ея, безъ ея участія и вѣдома, сама собою встала живая стѣна, составленная изъ ратниковъ, которые удальствомъ своимъ долго изумляли окрестныя края. То, что мудрость человѣческая сдѣлала для охраненія Рима (военныя пограничныя поселенія) и не спасла его, Провидѣніе угодно было то сотворить для насъ. Отъ береговъ Днѣпра и вдоль по Тихому Дону перстомъ Всевышняго проведена была блестящая черта: она должна была, какъ и жа, означить будущія владѣнія возвеличенной имъ Россіи. Когда же они достигли до этой грани, то черта сама собою естественнымъ образомъ стала передвигаться и тянуться на нескончаемое пространство. Мы находимъ ее на берегахъ Кубани и Терека, Урала и Иртыша и наконецъ ее видѣли на Амурѣ до стока его въ Тихое море. Запасъ самимъ небомъ для насъ приготовленный, за который мы не можемъ достаточно возблагодарить его,—казачье войско сберегло намъ половину Украйны, помогло взять обратно другую и теперь въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ стоитъ вездѣ на стражѣ, какъ передовыя версты силъ русскихъ. Его заслуги неисчислимы. „Воспоминанія Ѳ. Ѳ. Вигеля.“ *Русскій Вѣстникъ* 1865 г.

115. „Исторія Государства Россійскаго“ соч. Карамзина. 1852. Т. VIII, стр. 145.

116. Преданіе, переданное въ 1748 году Яиксвимъ—атаманомъ Меркульсвымъ, о началѣ казачества, Рычковъ напечаталъ въ журналѣ „Сочиненія и переводы ежемѣсячные“ 1762 г. Пушкинъ помѣстилъ его въ 1-мъ примѣчаніи въ „Исторіи Пугачев. бунта.“ Преданіе это весьма занимательно. Отецъ Меркульсва, жившій сто лѣтъ и умершій въ 1741 г., слышалъ въ молодости отъ своей столѣтней бабки, что она, будучи двадцати лѣтъ отъ роду, знала очень старую татарку по имени *Гугниху*, которая расказала ей, что во время нашествія Тамерлана на Россію (1395 г.) *донской казакъ* Василій *Гугна* удалился съ Дона съ 30 казаками—товарищами и первый поселился на Яикѣ, въ то время необитаемомъ,—положивъ такимъ образомъ основаніе Яикскому (нынѣ Уральскому) Войску. Гугниха была женою этого казака. Левшинъ находитъ это преданіе хронологически—невѣроятнымъ, основываясь особенно на томъ, что Донскіе казаки во время Тамерлана еще не существовали и исторіи нигдѣ о нихъ не упоминаетъ прежде XVI вѣка. Но доводъ этотъ не можетъ имѣть силы, потому что: 1). Карамзинъ, какъ мы замѣтили, выразился весьма неопредѣленно о началѣ Донскихъ казаковъ, и 2). два русскихъ лѣтописца (Никоновскій и Архимандритъ Антоній) единогласно приписываютъ Донцамъ историческій фактъ, случившійся въ 1380-мъ году. Замѣчательно, что время, указанное лѣтописью, почти совпадаетъ съ преданіемъ о Гугнѣ. Разница на 15 лѣтъ уничтожается, если предположить, что Донцы уже жили нѣсколько лѣтъ послѣ своего поселенія на Дону. По нашему мнѣнію, 1380-й г.

Куликовской побѣды надъ Татарами долженъ считаться начальною врою существованія Войска Донскаго. Въ 1880 году исполнится пятисотенный юбилей Дону.

117. Русская лѣтопись по Никоновскому списку, VII, 338; рукописные разряды того же года. См. также „Историческое описаніе Московского ставропигіальнаго монастыря,“ состав. Забѣлинымъ. Москва 1865 г. Описывая начало этого знаменитаго монастыря, основаннаго царемъ Федоромъ Іоанновичемъ въ 1591 году, въ память избавленія Москвы отъ нашествія Крымскаго хана Казы-Гирея, авторъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующія слова летописца Архимандрита Антонія, помѣщенныя имъ въ 1592 г. въ вкладной книгѣ того монастыря: „Того ради послѣди прославися образъ Пресвятыя Богородицы *Донскій* зане къ Великому князю Дмитрію Іоанновичу *Донскіе казаки*, увѣдавши о пришествіи благовѣрнаго в. к. Димитрія Іоанновича въ междорѣчія Дону и Непрядвы, вскорѣ въ помощь благославному воинству пришли бяше и сей Пречистыя Богоматери образъ въ даръ благовѣрному великому князю и всему Православному воинству, на побѣжденіе почестивыхъ Агарянъ, вручили.“ Въ пользу достовѣрности этого лѣтолленаго извѣстія много служитъ глубокое уваженіе, питаемое съ незапамятныхъ временъ предками Донцовъ къ чудотворной иконѣ Божіей Матери Донской. Пожертвованія, сдѣланныя Донцами въ Донской Монастырь (гдѣ хранится эта икона) замѣчательны и чуть ли не восходятъ ко времени основанія этого монастыря. Серебренное паникадило въ 1 пудъ вѣсомъ, пожертвованное атаманомъ Данилою Кфреновымъ, до сихъ поръ виситъ въ соборной церкви. Графъ Платовъ, послѣ Отечественной кампаніи, принесъ туда въ даръ болѣе 10 пудовъ серебра, изъ котораго сдѣланы были ризы иконостаса. Тогда же, по желанію графа, съ чудотворной иконы Донской снята была вѣрная копія и препровождена въ Новочеркаскъ. Нынѣ, великолѣпно-украшенная серебряною ризою и драгоцѣнными камнями, большая икона эта находится въ Новочеркасской Соборной церкви, близъ южныхъ вратъ. По желанію прихожанъ, по воскресеньямъ положено читать предъ этою иконою акафистъ Божіей Матери.

118. Что предки Донцовъ были Новгородцы или Норманы—на это есть много доказательствъ. Во первыхъ, норманскія слова *Watmann* и *stan*, употребляемыя казаками въ названіяхъ атамана и станицъ. Строевъ и Сухоруковъ первые замѣтили его сходство. Во вторыхъ, выговоръ верховыхъ казаковъ имѣетъ большое сходство съ Новгородскимъ. Есть даже обычаи, свойственные только казакамъ и Новгородцамъ. Какъ Новгородцы называли свой Новгородъ Великимъ (пословица: „кто противъ Бога и Великаго Новгорода),“ такъ точно и Донцы величали свое Войско *Великимъ* и даже *Всевеликимъ*. Грамота Царя Михаила Феодоровича 1613 г. начинается словами: *Великому Войску Донскому*.

119. Пролгхожденіе Донцовъ отъ Новгородцевъ подтверждается также и лѣтописными извѣстіями. Съ 1364 г. начались побѣги и поѣзди Новгородцевъ на Волгу, а отсюда на Донъ; родилась пословица: „когда печѣмъ заплатить долгу—ѣхать будетъ на Волгу.“ Въ ото же безъ сомнѣнія время образовались Волжскіе и Донскіе казаки, завоевавшіе потомъ Сибирь. См. Воен. Энц. Лексикопъ. 1854 г. Т. 6, стр. 350.

120. Преданіе, приводимое Ригельманомъ, и старинная донская пѣсня о Донцахъ подъ Казанью, во многомъ согласны съ исторіею. Карамзинъ упоминаетъ, что казаки были въ 3-мъ полку при взятіи Казани; послѣ перваго приступа, они засѣли подъ самою городскою стѣною, въ такъ называемой Даировой банѣ, гдѣ и едѣланъ былъ потомъ подкопъ; за тѣмъ они стали на валу и стрѣлили по татарамъ до самой ночи, и своею храбростію дали Воротынскому средство утвердиться и насыпать туры въ 50 саженъ. отъ рва. Казаки же, по словамъ Карамзина, были первые на приступѣ при взятіи Казани. См. Исторію Госуд. Россійскаго." Т. 8, стр. 159—180. Исторія не упоминаетъ только имени предводителя казаковъ подъ Казанью. Но пѣсня не напрасно указываетъ на Ермака. Если предположить, что при взятіи Казани (1552) Ермаку было 30 лѣтъ, то, при завоеваніи Сибири (1582), онъ былъ 60-ти, что согласно съ истиною. Въ старину казаки въ важныхъ предпріятіяхъ избирали себѣ въ атаманы большею частію старыхъ старшинъ.

121. *Донскія вѣдомости* 1866 года, № 10.

122. „Исторія Госуд. Россійск: „Карамзина. 1862. Т. IX, стр. 388. „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ" С. Соловьева. 1856. Т. 6. стр. 425. Въ обѣихъ исторіяхъ рѣчь Ермака разнится въ словахъ, но смыслъ одинъ и тотъ же.

123. „Истор. Госуд. Россійск." Т. X, стр. 136—146.

124. Тамъ-же. Т. XII, стр. 132 и 338.

125. Лѣтопись Анр. Палицына. Путешествіе по св. мѣстамъ русскимъ Муравьева. 1830 г. стр. 30—31.

126. Военный Энциклопедическій Лексиконъ. Т. 6, стр. 375.

127. Воен. Энцикл. Лексик. Т. I, стр. 186—189.

128. „Монастырское Урочище." В. Пудавова. *Донскія вѣдомости* 1853 г.

129. „Бунтъ Стеньки Разина." Соч. Н. Костомарова.

130. Воен. Энцикл. Лексиконъ. (см. Мивѣевъ).

131. Анекдотъ этотъ заимствованъ нами изъ рукописи покойнаго есаула В. Н. Секретева, который бывши родственникомъ и современникомъ Денисова, имѣлъ случай многое слышать отъ самаго графа Федора Петровича. Сличи. также „Исторію Царствованіи Екатерины II-й, „соч. Лефорта. Нельзя не пожалѣть, что жизнь этого знаменитаго графа, бывшаго предметомъ удивленія современниковъ до сихъ поръ нигдѣ не описана. Разумѣется тутъ виноваты болѣе всѣхъ Донцы. По своимъ заслугамъ и военнымъ способностямъ, графъ Ф. П. Денисовъ чуть ли не выше самаго графа Платова. Богатая фактами біографія его ждетъ своего историка."

132. Изъ той же рукописи Секретева. Читай также „Исторію Войска Донскаго Броневскаго и „Управленіе въ Войскѣ Донскомъ и его Атаманы." А. Попова въ *Донск. Вѣдом.* 1855 г. Послѣ такого единогласнаго свидѣтельства историковъ, почти современныхъ Денисову, странно было встрѣтить, относительно этого случая, противорѣчіе въ „Военномъ Энцикл. Лексиконѣ." Авторъ статьи: *Польскія войны*, не отвергал заслугъ Денисова въ эту кампанію, утверждаетъ, что Барвжевскій взятъ въ плѣнъ будто-бы Прусскимъ отрядомъ. Напротивъ Секретевъ, описавшій (вѣроятно со словъ самаго графа Денисова) такъ подробно этотъ слу-

чай, сдѣлалъ въ концѣ своей статьи значительную замѣтку, которая еще болѣе удостовѣряетъ въ истинѣ его разсказа. „Въ 1808 году, служа въ полку на польской границѣ—говоритъ онъ—я случайно встрѣтился съ адъютантомъ Варвжевскаго, который, разсказавши мнѣ ото происшествіе, добавилъ, что когда Денисовъ изъ простаго парламентера вдругъ преобразился генераломъ, мы совершенно потерялись отъ страха, думая, что наша армія окружена Русскими, и потому не препятствовали Денисову утащить насильственно нашего генерала.“

133. См. „Матеріалы для біографіи Алексѣя Петровича Ермолова“ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1863 г., гдѣ помѣщено нѣсколько писемъ къ нему Платова.

134. Военный Энциклоп. Лексиконъ. Т. X. (Платовъ).

135. См. 1-е прибав. къ приложеніямъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

АКТЫ, ОТНОСЯЩЕСЯ КЪ ВОЕННЫМЪ ДѢЙСТВІЯМЪ ДОНЦОВЪ ПРОТИВЪ ХАНА ДЕВЛЕТЪ ГИРЕЯ И САМОЗВАНЦА ПУГАЧЕВА. (*).

а). Рапортъ, 17 декабря 1773 года, есаула Любимова походному полковнику Ларіонову о замыслахъ хана Девлетъ-Гирея.

Сего декабря 13 дня калга и съ нимъ два султана и при нихъ турокъ человѣкъ до двадцати ѣхали изъ Тамани и, не доѣжая нашего лагеря версты за четыре, по единскульскимъ ауламъ расположились ночевать, а четвертаго на десять поѣхалъ къ нему Измаилъ-бей и протчіи мурзы провожали его, калгу, къ зайницкимъ черкесамъ, и пробылъ черезъ три дня у зайницкихъ черкесъ на фатерахъ, а седьмаго на десять перелезъ за Кубань и пошелъ къ хабардинцамъ, къ атукайцамъ, темиргойцамъ, абазинцамъ и къ джамбулутцамъ, ко всѣмъ закубанскямъ ордамъ съ великими подарками, и желаетъ съ Джанъ-Магометъ-беемъ повидитца, тожа и ему везетъ не мало подарковъ, а Мамай-мурзу аваль съ собою за Кубань, чтобы онъ закубанскихъ ордъ увѣрялъ и говорилъ бы имъ, что едисанская орда присягнула: (но) онъ не поѣхалъ, отказался. Емези-мурза пріѣзжалъ къ капитану и говорилъ ему, что имъ калга говорилъ, и просилъ ихъ, что-бъ имъ помочи дали. Измаилъ-бей и протчіи мурзы ему сказали, когда кабардинцы и атукайцы, темиргойцы, абазинцы, джамбулутцы и едисанцы присягнутъ, тогда и мы ваши будемъ, да и когда возьмете Крымъ, мы Вамъ присягнемъ. О чемъ вашему высокоблагородію рапортую. Есаулъ Андрей Любимовъ.

(*) Всѣ помѣщенные здѣсь акты заимствованы изъ дѣлъ Войсковаго Новочеркасскаго архива. Точныя копіи съ актовъ этихъ сняты были авторомъ еще до пожара 1858 года, которымъ истреблена большая часть архивныхъ дѣлъ.

б). Рапортъ, 14 декабря 1773 года, войсковаго подтолмача Асана Келдеева Войсковому наказному атаману Семену Сулину о замыслахъ и дѣйствіяхъ Крымскаго хана Девлетъ-Гирея и Татарскаго бея Джанъ-Магомета.

Вчерашнаго дня, будучи я за Дономъ у подпольнаго, на татарскомъ пріѣздномъ мѣстѣ, о кубанскихъ обращеніяхъ развѣдалъ слѣдующее: 1). Живущіе тамъ союзныхъ ордъ Татары изъ простаго народа, безъ всякаго моего у нихъ спроса, сказывали мнѣ: есть ли у насъ слухъ такой, что россійскимъ войскомъ (а о числѣ не сказывали), на сихъ дняхъ съ Ениколя на суднахъ переправившимся, въ ночное время городъ Тамань будто взятъ, а бывшій въ немъ ханъ Девлетъ-Гирей, при томъ взятьѣ, тогожъ ночью, по выходѣ изъ него, расположился въ близъ лежащихъ около онаго города Тамани деревняхъ, что де у нихъ, Татаръ, всѣ говорятъ откровенно. 2). Отъ пріѣжавшихъ туда вчерась съ устъ рѣчки Кирпилей, кочующихъ тамо въ аулѣ едишкульскаго мурзы Міусы, Мамбетева бѣлогорскихъ татаръ, а о имени ихъ не знаю, слышелъ, что они пріѣхали сюда, для покупки рогатаго скота, чтобъ оный въ Таманѣ продать; оный же де мурза Муса былъ въ Таманѣ у хана, и поворотясь оттуда, на сихъ дняхъ намѣренъ ѣхать къ Джанъ-Магометъ-бею, а за чѣмъ не знаютъ; о взятіи же де Тамани они ничего не слышали. 3). Возвратившійся съ Кубани, съ кочевья Джанъ-Магометъ-беа, живущій здѣсь въ татарскихъ базахъ съ женою едисанскій татаринъ, Абдрахманъ сказывалъ, что отъ ближняго къ оному Джанъ-Магометъ-бею человѣка слышалъ, что онъ, Джанъ-Магометъ-бей, будучи по Кубанѣ въ урочищѣ Устъ-Орпи и городскихъ черкесъ и кабардинцовъ, куда они собирались, для установленія между ними въ нечиненіи одинъ другому обидъ и притѣсненій согласія, а при томъ и ради истребованія у черкесъ и хабардинцовъ проданныхъ едисанскими мурзами татаръ, оттуда, назадъ тому седьмой день, поворотился въ кочевье свое, куда де онъ, Джанъ-Магометъ-Бей, и паки ѣхать хочетъ, но какъ скоро—незнаетъ, уже для отобранія тѣхъ татаръ, а будучи де на томъ собраніи, присланы туда отъ сказаннаго хана Девлетъ-Гирея съ нарочнимъ письма: 1-е., къ нему, князю Джанъ-Магометъ-бею, и

всѣмъ его мурзамъ, 2-е, къ находящемуся при немъ Абдулъ-Керымъ-Эфендію; 3-е, всѣмъ владѣнія его татарамъ; 4-е, къ кабардинскимъ князьямъ; 5-е, къ малымъ нагайцамъ, вазывасмымъ Касай-уллу; 6-е, къ городскимъ черкесамъ, бестенейцамъ и темиргойцамъ,—въ коихъ пишетъ, что онъ присланъ отъ турецкаго султана въ городъ Тамань, для того, чтобъ всѣ они били ему подвластными, въ знакъ де чего имѣетъ у себя отъ султана фирманъ и большое законное знамя, и для того бъ они къ нему, для общаго согласія, въ Тамань иріѣхали; когда же кто не согласится, то будутъ имъ, ханомъ, сочтены противниками Магометанскаго закона; а онъ де ханъ намѣренъ съ войскомъ, состоящимъ при немъ, итить въ походъ, но куда, того онъ, Абдрахманъ не слышалъ; только упоминалъ, чтобъ владѣнія Джанъ-Магометъ-Бею люди, когда онъ съ войскомъ итить будетъ въ походъ, по пути не были, а собраны бъ были къ нему Джанъ-Магометъ-бею. Едишкульскіе же всѣ татары уже съ нимъ ханомъ согласны, въ каковомъ де согласіи чтобъ и всѣ они были, и какъ де всѣ сіи шесть писемъ по полученіи въ собраніи прочли, то всѣ бывшіе тамо союзные мурзы и кабардинскіе князья, Хамурза и Муса и протчіи горскіе, объявили Джанъ-Магометъ-бею свое хану согласіе, и съ тѣмъ отъ него разошлись, онъ же Джанъ-Магометъ-бей на то молчалъ; а на другой день, когда они паки къ нему собрались, онъ имъ сказывалъ о себѣ, о ханѣ и о всемъ ихъ обществѣ: не знаетъ де онъ, кто изъ нихъ дураки, ибо де ханъ присланъ отъ Султана, чтобъ взять Крымъ и протчіе города, а не ихъ склонять въ согласіе, и онъ де, еще ничего того не сдѣлавъ, ихъ склоняетъ; а онъ де, Джанъ-Магометъ-бей, такова хана фирманъ, знамя и больше нынѣшняго при ханѣ войска, турецкую армію и свое раззореніе видивалъ, напоминая кабардинцамъ, что они еще такова раззоренія не знаютъ, и за тѣмъ де онъ никогда учиненной Россіи присяги не нарушитъ, ибо де бѣдныхъ ево людей больше ихъ кабардинскаго числа, и нывѣ, въ Россіи находясь, пропитаніе свое имѣютъ,—каковыя услыша они отъ него, Джанъ-Магометъ-бея, рѣчи, отозвались тѣмъ, что тѣ ево рѣчи ихъ обществу полезны, они къ тому согласны и во всемъ ему, Джанъ-Магометъ-бею, всегда будутъ послушны, что

де всѣ они и присланному отъ хана объявили и ему хану дали знать, но письменно или словесно,—того онъ, Абдрахманъ, не слышалъ. При чемъ онъ же Абдрахманъ выговаривалъ и о городѣ Таманѣ, что оный, какъ онъ слышалъ, подлинно россійскимъ войскомъ взять. (Въ подлинникѣ татарская подпись): Подтолмачъ Асанъ-Давлетъ-Келдеевъ.

в). Показаніе, въ декабрѣ 1773 года, кефинскаго армянина Мигирдаша Хасбекова о крымскомъ ханѣ Девлетъ-Гиреѣ.

Зовутъ его Мигирдашъ Хасбековъ сынъ; отъ роду ему тридцать лѣтъ, родился въ Крыму въ городѣ Кефѣ, изъ армянъ, гдѣ имѣетъ свой домъ жену и дѣтей, откуда, назадъ тому одинадцать мѣсяцевъ, онъ Мигирдашъ, съ зятемъ своимъ армяпиномъ Хаджи-Бараномъ Минаевнмъ, для взысканія за розданный предъ тѣмъ имъ товаръ долговъ, безъ письменнаго вида, чрезъ городъ Енихоль, норемъ переѣхали въ городъ Тамань, гдѣ, перебывъ короткое время, находился по нинѣ въ городѣ Темрюкѣ, сперва для выправленія показанныхъ долговъ, а напосдѣдокъ и что уже въ Крымъ пропуску нѣтъ, по каковой причинѣ, назадъ тому двадцать пятой день, онъ, Мигирдашъ, съ онымъ зятемъ своимъ, да съ бывшимъ тамъ жо въ Темрюкѣ кефинскимъ же армяниномъ Анди Аспудоровымъ, согласились оттуда бѣжать въ Черкаской, чтобъ отсюда пробратся въ Крямъ; а потому согласію выѣхали изъ города Темрюка зять его и оный Анди лодкою а онъ Мигирдашъ верхи на лошади, и первые доѣхавъ лодкою но рѣкѣ Кубани до урочища Аганли, на наемной у союзныхъ татаръ арбѣ прибыли сюда въ Черкаской 21, а онъ, Мигирдашъ, прежде ихъ, 20 числа. О тамошнихъ же обращеніяхъ довоентъ елѣдующее: въ бытность его въ Темрюкѣ, назадъ тому четыре мѣсяца, бывшій въ Крыму, до взятья онаго роесійскини войсками и предъ тѣмъ въ Царьградъ оттуда бѣжавшій, ханъ Девлетъ-Гирей, а съ нимъ паша Хаджи-Али-Бекъ и девять султановъ, изъ коихъ только знаетъ по именно калгу Шахбасъ-гирев и Кубарекъ-гирея, а протчихъ не знаетъ, на сто на двадцати большихъ судахъ съ войскомъ собраннымъ изъ турокъ и другаго званія (какъ онъ точно отъ вѣрныхъ людей слышалъ, а

самъ не видѣлъ) въ восьмидесяти тысячахъ состоявшихъ, слѣдуя изъ Царьграда къ городу Суджуку, имѣющемуся на кубанской сторонѣ надъ моремъ, разстояшемъ отъ Темрюка на три дня ѣзды, съ бывшими противъ Суджука, въ урочищѣ Карабурунъ, россійскими кораблями имѣлъ сраженіе и, по окончаніи онаго, прибывъ въ Суджукъ, изъ показанныхъ ста двадцати суденъ нѣкоторыя потомъ штурмомъ разбиты, а другіе, не знаетъ онъ, куда отправлены, такъ что оставалось при ханѣ только тридцать пять, но изъ сихъ поелѣ того при Суджукѣ разбило еще двѣнадцать, а со оставшими двадцатью тремя судами до двумя тысячами турокъ, бывшими въ Крыму и предъ взятіемъ онаго съ ханомъ бѣжавшими, и еще четырьмя тысячами турокъ же, всего шестью тысячами, ханъ съ нашею и султанами, назадъ тому съ мѣсяцъ прибыли въ городъ Тамань, состоящій въ тридцати пяти верстахъ отъ Темрюка, гдѣ онъ и теперь находится. Прибывъ же онъ ханъ отъ турецкаго султана, какъ онъ точно слышалъ съ тѣмъ, чтобы склонить на свою сторону союзныхъ Россіи и протчихъ кубанскихъ народовъ, также и крымскихъ жителей, взять Крымъ и раззорить городъ Черкаской и состоящія по рѣкѣ Дону станицы. И дѣйствительно по проискамъ онаго хана и состоящихъ при немъ паши и султановъ, изъ союзныхъ татаръ едишкульекіе, также аккерменцы и протчіе народы, да и крымской нынѣшній ханъ и живущіе въ Крыму ширинскіе мурзы съ ихъ татары, всѣ съ турецкой стороны оказали свое желаніе, которое крымской нынѣшній ханъ чрезъ ширинскаго мурзу Хая Мурзу (который нынѣ при бывшемъ ханѣ въ Таманѣ), письменно увѣрили,—а едишкульскіе мурзы и протчіе кубанскіе народы уже въ Таманѣ присягу учинили и жалованье отъ бывшаго хана приняли, котораго роздано имъ безъ мала съ четыре тысячи рублевъ, а нѣкоторымъ изъ нихъ даваны были лошади съ сѣдлами а нѣкоторые и еще присягаютъ и ту присягу дѣлаютъ они съ тѣмъ, что отъ бывшаго хана имъ приказано будетъ, то они исполнять должны, а для склоненія къ тому всѣхъ союзныхъ ордъ владѣтеля Джанъ-Магометъ-бея, слышалъ онъ, что отправится калга султанъ Шахбасъ-Гирей, потому что онъ, Джанъ-Магометъ-бей, по неоднократной за нимъ посылки, къ хану не пріѣхалъ, но однакожъ онъ,

калга, при иемъ еще туда не отъѣзжалъ. Хотя жъ, при склоненіи едишкуловъ и протчихъ, они сперва приступили къ турецкой сторонѣ, съ тѣмъ, чтобъ ханъ прежде взялъ Крымъ, но нынѣ точно у нихъ положено (какъ онъ отъ темрюцкаго бека Ахыета и отъ протчихъ вѣрныхъ людей слышалъ), чтобъ нынѣшнимъ временемъ взять Крымъ и раззорить донскія жилища; но всѣмъ ли вообще Крымъ брать и донскія жилища раззорить, или раздѣлиться—однимъ для Крыма а другимъ для Дона,—того подлинно онъ не знаетъ и не слышалъ, а только слышалъ, что бывшіе здѣсь въ Черкаскомъ для торгу, возвращаясь отсоль, доносятъ бывшему хану о состояніи города Черкаскаго, и что здѣсь казаковъ очень мало и бродъ по выше города мѣлокъ, такъ что арбою безъ нужды переѣзжать можно, а о имѣющемся здѣсь по Дону деташементѣ (*) тамо никакаго слуху нѣтъ, и объ немъ не знаютъ, и хотя у нихъ точно на взятье Крыма и раззореніе Дона нанѣреніе положено, только до еще прямого къ походу приготовленія и изъ тѣхъ татаръ, кои присягали, нималаго собраніи, тожъ и войска при Таманѣ (кромѣ вышеписанныхъ шести тнеячь и тѣ весьма безодежные, да при Суджукѣ не давно прибывшихъ двухъ тысячь) нѣтъ; того жъ своего нанѣренія по нынѣ они не исполняютъ, за тѣмъ ли, что еще Джанъ-Магомстъ-бей не склоненъ или за другимъ чѣмъ, того онъ точно не знаетъ и не слышалъ. Бывшій же ханъ и самъ присягалъ при склоненіи едишкуловъ и протчихъ съ тѣмъ, что ежели иногда россійскіе войска на нихъ сдѣлаютъ нападеніе, то онъ ихъ не оставить и никогда не уйдетъ, а съ ними обще умретъ, а о состояніи Крыма развѣдываніе чинить, по приказу бывшаго хана, таманской житель мурза Мамбетъ-Кирей-Джанъ-Улу, въ Еинкель всегда для того отъ хана посылаемый, который недавно, будучи въ Ениколѣ, оттуда привезъ одного солдата, отданнаго ханомъ, по отобраніи отъ него извѣстія, Некрасовскимъ казакамъ, да въ Таманѣ пойманъ посланный туда изъ Крыма отъ кефивскаго коменданта, для развѣдыванія конфидентомъ, кефинской армянинъ Каспоръ Поносовъ, котораго отъ хана велѣно было по-

(*) Т. е. деташементъ генералъ-маіора Бринка, расположеннаго тогда на Дону въ Кундрюческихъ станицахъ.

вѣсить, но по просьбѣ находящагося при ханѣ турчанива Сентеягея, отданъ ему; а сверхъ того въ недавнемъ времени посланною отъ того хана на лодкахъ партіею взяты въ плѣнъ въ Судакѣ два россійскія небольшія порозжіи транспортныя судна, съ бывшими на нихъ на первомъ двѣнадцатью и на другомъ двадцатью однимъ людьми, изъ коихъ одно отправлено въ Царьградъ а другое при Таманѣ разбито. Въ Таманѣ жъ въ провіантѣ есть недостатокъ, который однакожъ награждаютъ привознымъ туда союзными татарами масломъ и протчимъ, а о собраніи, имѣющемся на Кубанѣ, гдѣ и Джанъ-Магометъ-бей находится хотя тамо и слышно, только де для чего—не знатно, въ чемъ и подписуется: (Въ подлинникѣ армянская подпись) Мигирдашъ Хасбсковъ.

г). Приказъ, 13-го февраля 1774 года, войсковаго казнаго атамана Семена Сулина и всего Войска Донскаго Черкаской станицы станичному атаману и казакамъ о взятіи татарами поручика Павлова.

Сейчасъ полученъ рапортъ отъ находящагося на кубанѣ, при г. полковникѣ и кавалерѣ Бухвастовѣ, съ пятисотнымъ полкомъ, походнаго полковника Степана Ларіонова, извѣщающій, что 10-го сего числа февраля пріѣхавъ къ начальствующему тамъ командами именованному г. полковнику и кавалеру Бухвастову, а отъ него къ нему полковнику Ларіонову, владѣтель ордъ Джанъ-Магометъ-бей, объявилъ, что онъ отъ пріѣхавшаго того числа изъ едишкульской орды татарина узналъ, яко прежде скрывавшаяся ханомъ собранная сила приступомъ къ находящемуся при той едишкульской ордѣ приставу поручику Павлову, съ которымъ команды его полковника Ларіонова при старшинѣ Литвиновѣ было пятьдесятъ человѣкъ, и хотя они сколько ни противились, однако, пришедъ въ изнеможеніе, тотъ поручикъ и казаки въ плѣнъ взяты, 6 числа сего мѣсяца, и та сила по тѣмъ же извѣстіямъ, видно де что выступила и слѣдуетъ къ ихъ тамошнему обитанію. И по таковому весьма важно-полученному отъ него полковника Ларіонова рапорту, въ отвращеніе сихъ непріятельскихъ предпріятій всекрайнемъ предостереженіемъ, опредѣлено учинить слѣдующее: По всему нашему вѣдом-

ству, сверхъ прежняго, усугубить всенаистрожайшую предосторожность, а сего для и дать наигрѣпчайшее предостереженіе, дабы всѣ поголовно служилые, отставные казаки и выростки казачьи дѣти всѣмъ потребномъ состояли къ выступленію въ походъ и на отраженіе могущаго иногда и къ нашимъ окрестностямъ покуситься злодѣйскимъ нападеніемъ непріятеля въ ежеминутной готовности, а ради наинадлежащаго себя отъ таковаго несчастиаго случая укрѣпленія городки наши казачьи, а при нихъ и осадныя мѣста привести какъ на и возможно въ такое крѣпкое состояніе на оборону отъ варваровъ отъ себя, чтобъ они не токмо могли хищничествомъ изъ нашихъ получить что себѣ въ жертву, но самибъ они варвары нашими, по вѣрноподданическому Ея Императорскому Величеству и отечеству долгу, не только не допущены и въ близъ къ нашимъ границамъ, но вовсе были истреблены оружіемъ Ея Императорскаго Величества отъ вѣрноподданныхъ рабовъ и сыновъ отечества, на какое остереженіе и должно намъ приложить вѣрнѣйшія сердца до послѣдней капли крови. У сего приказа наша войска Донскаго печать. (*)

д). Сообщеніе, 5 Іюня 1773 года, казанскаго губернатора о бѣгствѣ Пугачева.

Отъ Генералъ-аншефа, кавалера и казанскаго губернатора Фонъ-Бранта въ Донскую войсковую канцелярію. Донскаго войска Зимовейской станицы служилый казакъ и расколщикъ Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ въ 772 году бѣжалъ въ Польшу, и оттуда вышедъ, утая сіе ево званіе и побѣгъ, исходатайствовалъ отъ главнаго Добрянскаго форпоста пашпортъ для причисленіи къ живущимъ на рѣкахъ Иргизахъ расколщикамъ, откуда, по нѣкоторому касающемуся до него секретному дѣлу Маликовскими управитель-

(*) Здѣсь замѣтимъ, что на войсковой печати, со времени Петра Великаго, изображенъ былъ толый, ведящій на бочкѣ, казакъ съ ружьемъ въ рукахъ. Впослѣдствіи (кажется при Екатеринѣ II,) печать эта замѣнена другою, съ изображеніемъ раненаго оленя в надписью: „еленъ пораженъ стрѣлою.“ Была ли у Войска Донскаго печать прежде Петра В.—намъ неизвѣстно. Обыкновенно всѣ войсковыя (и даже станичныя) грамоты скрѣплялись на Дону печатью, вмѣсто подписи. Такъ было и у Татаръ.

скими дѣлами былъ взятъ и отосланъ въ Симбирскую провинціальную канцелярію, и отъ сей канцеляріи присланъ ко мнѣ, и, во ожиданіи на представленіе мое отъ правительствующаго Сената резолюціи, содержанъ былъ на тюремномъ дворѣ въ острогѣ, откуда сего 773 года мая 29 числа съ часовымъ солдатомъ казанскаго гарнизона 3-го баталіона Григоріемъ Мешенкомъ да съ содержащимся но казанской губернской канцеляріи колодникомъ Парфеномъ Дружининымъ бѣжали не вѣдомо куда. Принѣтами онъ Пугачевъ: волосы на головѣ темнорусые, усы и борода черные съ сѣдиною; отъ золотухи на лѣвонъ виску шрамъ, да отъ золотухи жъ, ниже правой и лѣвой титекъ, двѣ ямка; росту двухъ аршинъ четырехъ съ половиною вершковъ; отъ роду съ небольшимъ сорокъ лѣтъ; о сыску котораго надлежащіи предосторожности здѣсь взяты. А не явится ли онъ, Пугачевъ, на прежнемъ ево жилищѣ въ Зимовейской станицѣ, того для Донской войсковой канцеляріи сямъ сообщая, требую, чтобъ оная о поискѣ онаго Пугачева съ показанными товарищи его въ вѣдомствѣ своемъ благоволила учинить, по силѣ указовъ, благопристойное распоряженіе, и если гдѣ сыщется, то бъ оные присланы были ко мнѣ за крѣпкимъ карауломъ. Іаковъ Фонъ-Брантъ, секретарь Андріянъ Аврамовъ.

е). *Ордеръ Потемкина, 23-го октября 1774 года, наказному атаману Сулину* о *переименованіи и переселеніи Зимовейской станицы Войска Донскаго.*

На Донъ въ верхнія и нижніи юрты всѣмъ атаманамъ и казакамъ, войсковому наказному атаману Сулину и всему Войску Донскому. Сего октября 13-го дня удостоенъ я на поднесенное мною именемъ Войска Донскаго прошеніе высочайшимъ Ея Императорскаго Величества именнымъ указомъ слѣдующаго содержанія: „Усматривая изъ письма вашего усердія наполненное прошеніе Войска Донскаго о переселеніи и переименованіи Зимовейской станицы, по причинѣ той, что государственный злодѣй Емелька Пугачевъ родился въ той станицѣ, на сіе вамъ объявляемъ, что ревность и вѣрность Войска Донскаго къ намъ и престолу нашему, доказанная многими ихъ въ прошедшихъ войнахъ, такъ какъ и въ

послѣдней турецкой войнѣ храбрыми подвигами за вѣру и отечество, ни какому сомнѣнію не подвержены, но въ всегдашней нашей памяти пребываютъ. На прошеніе же ихъ снисходимъ, дабы истребить и память сего злощастнаго случая, о чемъ вы надлежащее распоряженіе сдѣлать имѣете, такъ какъ и о переименованіи станицы.“ Во исполненіе котораго симъ войсковой канцеляріи предлагаю: 1., сей изъявленный Ея Императорскимъ Величествомъ къ ревностному сему Войску опытъ нравосуднаго Ея благоволенія всѣмъ чинамъ объявить и въ каждую станицу на всегдашнюю память съ засвидѣтельствованіемъ войсковой канцеляріи дать съ онаго копію. 2., Зимовейскую станицу въ истребленіе памяти перенесть на другое мѣсто и расположить оную, по выбору удобнаго мѣста самими той станицы атаманомъ и старшинами съ разсмотрѣніи войсковой канцеляріи. 3., А какъ господа депутаты Войска сего и полковники Машлыкинъ, Яновъ и Мартыновъ просили меня о дозволеніи наименовать оную станицу званіемъ моея фамиліи, то, принявъ оное желаніе ихъ съ душевнымъ признаніемъ и поставляя то за особливую себѣ честь, отдаю наименованіе оной на собственную волю сея станицы чиновъ, которую и переименовать при самомъ переселеніи ея на другое мѣсто. 4) Наконецъ какъ все предписываемое симъ исполненіе требуетъ толь благоразумныхъ и хозяйственныхъ распоряженій, которыя бы чувствительность сея высочайшія къ войску милости живо изображать могли, то въ разсужденіи сего и благоволитъ войсковая канцелярія во всемъ томъ усугубить свои попеченія, чтобъ изъ поселянъ сей станицы одинъ предъ другимъ не возчувствовали какого отягощенія, а тѣмъ меньше какой либо обиды. Григорій Потемкинъ.

ж) Секретная инструкція, данная въ концѣ 1773 г. наказнымъ атаманомъ Сулинымъ донскимъ полковникамъ Луковкину и Иловайскому относительно дѣйствій ихъ противъ Пугачева.

1) По приложеннымъ росписаніямъ принять въ полки свои казаковъ я на мѣсто будущихъ иногда тяжко больныхъ и крайне престарѣлыхъ, укомплектуя полки накладными (запасными), выбрать походныхъ старшинъ, людей въ семъ нанѣ быть надежныхъ. Потомъ,

установясь лагеремъ въ способныхъ о кормныхъ для лошадей мѣстахъ, чинить наивозможныя о движеніяхъ злодѣя Пугачева развѣдыванія и посылать въ надлежащемъ числѣ людей при походныхъ Старшинахъ до пристойныхъ мѣстъ одинъ за другимъ разъѣзды, а особливо къ сторонѣ Волги; о благополучіи еженедѣльно, а о нужномъ тотчасъ съ нарочнымъ намъ Войску Донскому рапортовать. 2) при семъ важномъ дѣлѣ всемѣрнымъ образомъ предположа вѣрноподданническую свою къ Ея Императорскому Величеству а отечеству должность и до послѣдней капли крови ревность и усердіе, недреманно стараться и попеченіе имѣть, не будетъ-ли отъ этого измѣнника, злодѣя и клятвопреступника Пугачева шпіоновъ и обольстителей на возмущеніе нашихъ донскихъ казаковъ, чего ради всякаго проѣзжающаго и идущаго въ степи и въ жилищѣ нашемъ, а паче въ хуторахъ, особливо изъ бродягъ и носящихъ на себѣ образъ нищаго, всеиаиприлѣжнѣйшимъ и проницательнымъ окомъ разсматривать, входя въ самую тонкость состоянія и испытывая при томъ разными въ рѣчахъ образы; а буде сумнительный къ сему злодѣйству или и самый подосланный льстецъ, изиѣнникъ, откроется, онаго тотчасъ по распросѣ, заковавъ на крѣпко руки и ноги, за всестрогимъ конвоемъ при рапортѣ съ нарочнымъ отправлять къ намъ Войску Донскому 3) Буде же таковой измѣнникъ покажетъ, что въ такомъ-то мѣстѣ, въ предѣлахъ Войска Донскаго или въ другихъ къ онымъ лежащихъ мѣстахъ, есть ихъ злодѣйская измѣнническая въ какихъ силахъ партіи, въ такомъ случаѣ, давъ о семъ знать господину Полковнику Сѣбрякову и опредѣленнымъ отъ насъ Войска Донскаго Старшинамъ, стремитца въ то мѣсто, гдѣ оное злодѣйское полчище скрыватца можетъ, и старатца въ на и нервыхъ ихъ безкровопролитно наклонить и взять подъ крѣпкую стражу, а по необходимости, видя ихъ не преклонныхъ, а еще при томъ гнусно обороняющихся, поступить съ ними огнеоружіемъ, однако старатца и смотрѣть, чтобъ не было дальней потери своихъ. 4) Иногда же, паче всякаго чаянія, послѣдуетъ свѣдѣніе, что самъ измѣнникъ злодѣй Пугачевъ со всею своею толпою слѣдуетъ гдѣ въ ближнихъ мѣстахъ, то въ такой крайности, давъ о семъ знать къ намъ Войску Донскому, ко всѣмъ вышеозначеннымъ господамъ,

армейскому полковнику Себрякову, старшинамъ и въ нротчія, куда слѣдовать будетъ, мѣста, стремитца всѣмъ съ войскомъ противъ его и прилежать самою вѣрностію и старатца не токмо его удержать отъ дальнято проходу на злодѣйство, но въ нрахъ онаго со всею толпою истребить и скоренить. 5) При семъ не мало важномъ дѣлѣ отнюдь ни кому обнвателямъ и вѣдомства нашего казакамъ обидъ, налоговъ и притѣсненія не чинить, особливо безденежно, а хотя и за деньги да не понастоящей цѣнѣ ничего не брать и команды своей нолковниковъ, походныхъ старшинъ и рядовыхъ казаковъ до того не допускать, а содержать надъ ними крѣпкую дисциплину, и казаковъ ни куда по ихъ прихотямъ не распущать, ибо въ противномъ елучаѣ, хотя за малое въ чемъ либо упущеніе, взнщетца; данные же знамена и бунчуки безъ нужды на вѣтеръ и мокроту, отъ чего они повредиться могутъ, не распущать. 6) Пойманныхъ разбойниковъ, по иадлежащемъ допросѣ, со всѣмъ, что при нимъ найдется, сковаяныхъ подъ крѣпкимъ карауломъ, при рапортѣ присылать къ намъ, а протчихъ безпаншортныхъ бродягъ отсылать къ снскннмъ старшинамъ.

а). *Рапортъ, 29-го Августа 1774 года, войсковаго наказнаго атамана Сулина Генералъ-аншефу (князю) Потемкину, о сдѣланныхъ распоряженіяхъ на Дону къ отраженію Пугачевскихъ толпъ.*

Когда по полученному прошлаго 773 года Октября 20-го дня отъ г. генералъ-порутчика Воронежской губерніи губернатора и кавалера Шетнева сообщеніе, а по таковому жъ къ нему отъ каванскаго губернатора Фонъ-Бранта, о извѣстномъ самозванцѣ, измѣиникѣ, злодѣѣ и варварѣ Пугачевѣ, оказавнiемся тогда съ набранною злодѣйскою толпою около Оренбурга, мы Войскомъ Донскимъ приняли въ вѣдометвѣ своемъ всенаикрѣпчайнiую предосторожность, и между опредѣленными для того но станицамъ старшинами, по даннымъ имъ наставленіямъ, посланнымъ отъ 21-го того жъ мѣсяца и находящемусь при нашемъ Войскѣ Донскомъ отъ армiи г-ну иолковвику Себрякову, съ приложеніемъ съ онаго г. Воронежекаго губернатора сообщенія и съ учиненною нами Войскомъ Донскимъ объ ономъ распоряженія копiц, сообщеніемъ требовано: буде на

нточнѣйшее свѣдѣніе онъ получитъ о приближеніи самаго того измѣнника или отправленной отъ него толпы злодѣйской къ нашимъ предѣламъ, или во близѣ къ онымъ, то въ такомъ нужномъ случаѣ, по особому ево усердію, обще съ находящимся въ Медвѣдицкихъ и Бузулуцкихъ станицахъ у сыску бѣглыхъ старшиною Дмитровымъ, слѣдовать ему тѣхъ станицъ съ казаками противу ихъ и старатца все то исполнить по долгу присяги, о чемъ какъ въ государственную военную коллегію отъ насъ Войска Донскаго войсковою отпискою донесено, такъ и во всѣ пограничныя мѣота и команды знать дано. А отъ 2 ноября, на то онъ г. полковникъ Себряковъ сообщилъ что онъ потому войсковому опредѣленію, по долгу ево, исполнять можетъ, а къ лучшему въ томъ успѣху положилъ онъ свое мнѣніе: въ Березовской и Филонской станицахъ на время опредѣлить, подъ видомъ какихъ либо нуждъ, имѣть по одному надежному человѣку, которые бъ могли разслушивать надобныя извѣстіи, и что оказываться будетъ, о томъ секретно доносить ему Себрякову и Старшинѣ Дмитрову,—что и мы Войскомъ Донскимъ, признавъ занужное, объ ономъ къ нему Себрякову сообщили, а по полученномъ отъ 30-го Іюля сего года отъ воронежскаго губернатора Шетнева сообщеніи о злодѣѣ Пугачевѣ, что онъ, сдѣлавъ 12 числа того іюля городу Казани великое раззореніе пожженіемъ почти всего селенія и грабительствомъ имущества у гражданъ и многихъ изъ нихъ тирански убивствомъ, перебирается чрезъ Волгу выше Свіяжска, верстахъ въ семьдесятъ, то о предпринятой нами Войскомъ Донскимъ предосторожности, на пресеченіе злодѣйствъ сего разбойника, ему Себрякову дано знать, а потомъ мы Войскомъ Донскимъ, сего августа 8-го дня, получа при рапортѣ отъ старшины Осипа Лащилина, и отъ Тамбовской провинціальной канцеляріи увѣдомленіе о злодѣйскихъ дѣйствіяхъ извѣстнаго государственнаго измѣнника бунтовщика Пугачева и о завладѣніи имъ городами Алаторымъ, Саранскомъ и нижнимъ Лоновымъ, посланными отъ насъ какъ походному атаману Луковкину, старшинамъ Лащилину, Грекову и Паздѣеву грамотами, такъ и полковнику Себрякову сообщеніемъ подтвердили, чтобы, какъ наискорѣе возможно, собравъ съ Донскихъ, Хоперскихъ, Медвѣдицкихъ станицъ всѣхъ поголовно

казаковъ и выростковъ казачьихъ дѣтей слѣдовать на искорененіе и въ прахъ истреблевіе того злодѣя съ толпою въ походъ и старатца вообще всѣмъ сдѣлать такой поискъ, чтобъ сего злодѣя имя истребилось и мерзостно осталось на вѣки, и между тѣмъ станичнихъ атамановъ, стариковъ и казаковъ и однимъ словомъ всѣхъ до единаго увѣщавать, дабы они, помня долгъ своей службы ни какимъ о семъ богомерзкомъ чудовищѣ, разбойникѣ и тиранѣ Пугачевѣ слухамъ не внимали и подосланнымъ иногда отъ него обольстителямъ не вѣрили, дабы симъ самымъ спасти отъ варварскаго тиранскаго раззоренія наше благоцвѣтущее общество и не погасить древнѣйшей нашей вѣрной за службы славы, какъ мы и на прежнія вѣрныя наши службы и за одержаніе (усмиреніе) астраханскаго бунта имѣемъ въ вѣчную и на смертельную память намъ и потомкамъ нашимъ всемилостивѣйшую похвальную императорскую грамоту, государственные клейноды и протчее. А отъ 11-го сего жъ теченія упоминаемый г. полковникъ Себряковъ присланнымъ сообщеніемъ увѣдомилъ, что онъ старшинѣ Кульбакову предложилъ, дабы онъ съ медвѣдицкихъ отъ Етеревской до Березовской и Бузулуцскихъ станицъ всѣхъ поголовно собравъ казаковъ, слѣдовалъ на рѣчку Березовку и былъ тамъ до войсковаго опредѣленія, а съ нижнихъ пяти медвѣдицкихъ станицъ приказалъ выслать на рѣчку Арчаду; старшинамъ же предложить: Грекову съ верховыми хоперскими десятью станицами стать на время противъ Ярышковъ въ Липечахъ, а Лащилину съ другими десятью станицами слѣдовать къ рѣчкѣ Арчадѣ къ соединенію съ нижними Медвѣдицкими станицами и что всѣ оныя предпріятіи сдѣланы имъ только на то, чтобъ поскорѣе закрыть наши жилища и такого злодѣя не допустить—Боже сохрани—до нашихъ границъ, а въ случаѣ ево приближенія сдѣлать отпоръ, или и совершенное истребленіе; впротчемъ же предалъ на войсковое разсмотрѣніе, на что къ нему Себрякову отъ 18-го сего мѣсяца и писано, что сіе ево по службѣ распоряженіе сдѣлано похвально, при чемъ и еще ему предписано, чтобъ онъ какъ наискорѣе возможно собравъ всѣхъ казаковъ и выростковъ поголовно, вступилъ въ походъ. Полковникъ Себряковъ отъ 17-го пишетъ, что онъ хотя старшинѣ

Куяьбакову приказалъ ѣхать въ верхніе медвѣдицкіе шесть станицъ и, собравъ тамъ всѣхъ казаковъ поголовно, занять постъ отъ Березовской станицы, но сколько де по ихъ усердности, какъ съ медвѣдицкихъ, съ хоперскихъ, бузулуцкихъ и донскихъ станицъ въ выгопкѣ казаковъ, по многимъ посылкамъ, но происходило трудовъ, только въ томъ якобы ни какова не токмо успѣха, но и никакой присылки казаковъ не было, такъ де что онъ едва чрезъ цѣлую недѣлю и съ большимъ трудомъ съ нижнихъ пяти медвѣдицкихъ станицъ въ поголовной походъ выгнать могъ а въ хоперскихъ и бузулуцкихъ станицъ ни одного казака въ присылкѣ не имѣлось. 16-го же числа старшина Кульбаковъ, остава занятый въ верховыхъ медвѣдицкихъ станицахъ постъ свой, пріѣхавъ въ Глазуновскую станицу, объявилъ ему Себрякову сему притчину, что ему, за приближеніемъ къ Березовской станицѣ до двухъ тысячь злодѣйской толпы, съ малою командою устоять не можно, а въ присылкѣ казаковъ ни откуда нѣтъ, а тамошнія станицы стали спасать всякой животъ свой, то и онъ отъ такой разстройки оттуда уѣхалъ, и въ то самое время получилъ онъ (Себряковъ) рапортъ отъ атамана Луковкина, что онъ хочетъ съ одною станицею итить на помощь къ старшинѣ Кульбакову, а съ донскихъ де станицъ въ приходѣ казаковъ нѣтъ, то де онъ, Себряковъ, собранныхъ съ пяти станицъ казаковъ къ нему Лукозкину отправилъ и при томъ рекомендовалъ, чтобы съ оными и еще съ приходящими къ нему казаками предохранить отечество; изъ другихъ де мѣсть ни откуда въ высылкѣ казаковъ нѣтъ и потому де онъ Себряковъ остался безкомандeнъ и дабы за тѣмъ, да и по крайней слабости своего здоровья, въ которой страждетъ онъ жестокою лихорадкою, не въ пасть въ руки злодѣю, выѣхалъ изъ дому ево къ Холерской крѣпости. Изъ котораго обстоятельства, ваше высокопревосходительство, усмотрѣть изволите, что за симъ ево полковника Себрякова отбытіемъ казаки приведены пуще въ робость и оплошность, а посему и злодѣи имѣли свободный входъ въ станицы и чинили убивства и раззоренія: онъ же полковникъ Себряковъ, къ защищенію верхнихъ (станицъ), по троекратному требованію старшины Кульбакова, собранныхъ съ пяти нижнихъ станицъ казаковъ не отдалъ, и пи-

шетъ якобы остался безкомандснъ, но что, вопреки тому, за отъѣздомъ ево, походный атаманъ Луковкинъ съ старшиною Кульбаховымъ, взявъ тѣхъ пять станицъ и собравъ протчихъ казаковъ, двѣ влодѣйскія партіи разбили и всѣхъ ихъ изъ жилищъ выгнали м отраженными командами преслѣдуютъ. О чемъ в-му в-пр-ству войсковая канцелярія и рапортуетъ. Семенъ Сулинъ. Скрѣпилъ войсковой наказный дьякъ Несмѣяновъ.

и) *Свидѣтельское показаніе (по слѣдственному дѣлу) арміи подполковника Абросима Луковкина о бывшихъ на Дону пугачевскихъ толпахъ.*

Когда я прошлаго 774 года отъ войска Донскаго командированъ былъ для истребленія бывшаго злодѣя Пугачева и къ наряженной командѣ ѣхалъ на почтѣ, то, по прибытіи на Медвѣдицу въ Скуришенскую станицу 13-го числа, августа въ самую вечерню, въ домѣ полковника Себрякова я былъ, и въ тотъ случай засталъ ево Себрякова, бывшаго на крыльцу, одѣтаго, и потому, не входя въ покой, а сидя съ нимъ на крыльцу жъ, имѣли разговоръ о злодѣяхъ и о не скоромъ выступленіи казаковъ въ походъ. Между чѣмъ онъ Себряковъ сказывалъ мнѣ, что онъ боленъ лихорадкою, но что къ походу убирается. По отъѣздѣ же моемъ отъ него изъ Скуришенской станицы, пріѣхавъ того жъ 13-го числа въ ночь въ Арчадинскую и не получа въ оной никого казаковъ, послалъ изъ оной къ Бузулуку я Хопру, для побужденія къ скорѣйшему приходу, наряженнымъ въ команду мою казаковъ, а самъ по утру, то есть 14 числа, отъѣхавъ на рѣчку Арчаду соединился съ бывшемъ тамъ команды моей полковникомъ Вуколовнмъ, при которомъ тогда находились наряженные съ пяти медвѣдицкихъ станицъ казаки, яко то: съ Островской, Глазуновской, Скуришенской, Кепинской и Арчадинской. Да тутъ же нашелъ я команды полковника Себрякова казака Семена Самойлова, съ командою жъ, собранною поголовно, но сколько оной было не знаю, и того жъ часа съ полковникомъ Вуколовнмъ и съ оными пяти станицъ казаками пошелъ по той же

рѣчки къ Гуляевской мельницѣ, яко въ удобное къ собранію команды мѣсто, а рѣченный казакъ Самойловъ съ бывшею при немъ командою, пошелъ особо отъ меня, а куда и по чьему повелѣнію, о томъ—я у него спрашивалъ-ли и онъ мнѣ сказывалъ-ли-нынѣ не припомню. По приходѣ жъ къ Гуляевской мельницѣ, по присовѣтованіи—чрезъ письмо (кое нынѣ у меня не отыскалось) упоминаемаго г. полковника Себрякова отправилъ я для подкрѣпленія старшины Кульбакова (который по извѣстію, находился близъ Березовской станицы) полковника Буколова съ четырьмя станицами, а самъ остался во ожиданіи прихода съ Дону, Хопра и Бузулука казаковъ съ одною Островскою станицею; но не дождавшись ни кого 16 числа, со оною оставшею при мнѣ станицею послѣдовалъ къ Березовской станицѣ, 17-го августа въ кобылянскомъ юрту, на р. Тиманкѣ, соединился съ полковниками Яновымъ и Вуколовнмъ, откуда, очередя заставы, поворотились было для соединенія съ собранными поголовно казаками къ Арчадинской станицѣ, въ которой повстрѣчался со мною и вышеупомянутый казакъ Самойловъ съ командою и подалъ мнѣ отъ г. полковника Себрякова ордеръ, повелѣвающій мнѣ принять ево въ свою команду, да того жъ 17-го числа прибыль ко мнѣ и старшина Петръ Кульбаковъ. И по соединеніи такимъ образомъ съ полковниками Кульбаковымъ, Яповымъ и Вуколовымъ, бывшіе тогда казаки всколебавшись подлинно въ походъ итить не хотѣли, выговаривая нѣкоторые изъ нихъ, что полковника Себрякова нѣтъ и онъ бѣжалъ, да и протчіи многія слова произносили, которыя я точно нынѣ не упомню, да и попять всего въ тогдашнее время было не можно. Однакожъ я, по многому моему и полковниковъ увѣщанію, наклоня ихъ подъ 18-е число, вновь противъ злодѣя въ походъ пошелъ и простѣдовалъ болѣе 70 верстъ, того жъ 18-го числа въ Ктеревской а 19-го въ Малодѣльской станицахъ заставъ двѣ толпы злодѣевъ разбили и, прогнавъ оннхъ, обезопасивъ заставами медвѣдицкія и бузулуцкія станицы, пошелъ для пораженія самаго злодѣя Пугачева къ Царицину. Въ отвѣтахъ па вопросные пункты показалъ я самую сущую христіанскую правду, и въ томъ подписуюсь. Полковникъ Амвросій Луковкянъ.

і) Разсказъ девяносто-семилѣтняго казака Малодѣльской станицы Актона Ребова (*) о бывшихъ на Дону пугачевскихъ толпахъ.

Не припомню въ какомъ году, но только знаю, что первый годъ отправдялъ и сидѣнки, Малодѣльская станица извѣстилась отъ служившихъ за Волгою по рѣкѣ Иргизу на кардонной службѣ нашихъ казаковъ, явившихся въ станицу, что самозванца Пугачева толпы войскъ слѣдуютъ: главная, подъ предводительствомъ самаго Пугачева, внизъ по рѣкѣ Волгѣ на городъ Саратовъ къ Царицыну въ большомъ количествѣ, а двѣ толпы, состоящія въ каждой болѣе

(*) Разсказъ этотъ присланъ автору въ 1853 году изъ Малодѣльской станицы при письмѣ слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь

Михаилъ Христофоровичъ!"

„Родитель мой, старичокъ, живущій подъ сотню лѣтъ, весьма довольнымъ считаетъ себя, что Вы затворешнаго, по старости, въ своей хижинѣ вспросили о бившихъ пугачевскихъ толпахъ. Онъ охотно пересказалъ мнѣ, что совершенно знаетъ. Я написалъ какъ умѣю. Записку представляю при семъ къ вамъ. Извините, Бога ради, мое простое сочиненіе; не бывши ни въ какихъ наукахъ, не умѣю краснорѣчить. Благодаритъ Васъ за присылку въ подарокъ 3-хъ хронологическихъ таблицъ (Регаліямъ Войска Донскаго), изъ которыхъ одну прибилъ въ своей хижинѣ, а послѣднія передалъ мнѣ и зятю. Смотритъ на нас, какъ на прежнюю свою молодость и говоритъ: „Вотъ, когда бы жить въ прежнихъ лѣтахъ и средней силѣ, съ Пугачами не пошутилъ бы, какъ они съ нами шутили!" Унего третій годъ выросли новые зубы и стали какъ у молодаго. Другой годъ съ декабря мѣсяца не сталъ работать: убился съ стога, съ котораго подавалъ на возъ сѣно. Глазами видитъ и ходитъ хорошо.

„Съ истиннѣшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію пребуду" и проч...

„Иванъ Ребовъ."

Въ концѣ 1858 года авторъ, проѣзжая чрезъ Малодѣльскую станицу, нарочно посѣтилъ этого *вѣтхаго деньми* старца, которому тогда было уже слишкомъ 102 года. Онъ имѣлъ еще хорошую память и, по просьбѣ гостя, повторилъ ему о Пугачевскихъ толпахъ тоже, что прежде написалъ въ письмѣ. Сынъ его (сочинитель письма), 70 лѣтній старикъ признавался, что онъ далеко уступаетъ въ крѣпости тѣлосложенія отцу, который, по словамъ его, до 80 лѣтъ любилъ вино и въ лютые морозы ѣздилъ въ одномъ зипунѣ, безъ шубы, съ открытою грудью. Благообразіе почтеннаго патріарха было поистинѣ замѣчательно. Волосы его были пшеничнобѣлые, какъ ленъ; на широкомъ лбу ясно обозначались тонкія правильныя черты, какъ изображаются на ликахъ святыхъ старцевъ; взглядъ кроткій. Говорятъ, что онъ скончался недавно.

трехъ сотъ человѣкъ изъ Яицкихъ (что нынѣ Уральскіе) казаковъ и бродягъ, подъ предводительствомъ Яицкихъ же полководцевъ, внизъ по рѣкѣ Медвѣдицѣ въ наши станицы. Людей принуждаютъ присягать и служить, будто слѣдующему въ ихъ толпѣ, Императору Петру Ѳеодоровичу, ведутъ съ собою, противящихъ казнятъ вѣшаютъ и убиваютъ въ смерть, лошадей и воинство берутъ на обмундированіе себя, грабятъ пожитки и рѣжутъ скотъ на пищу. За этимъ вскорѣ, наканунѣ Успѣшія Пресвятой Богородицы вечеромъ, (въ тѣ поры я былъ на сидѣнкѣ), прибѣжалъ съ небольшою командою казаковъ Медвѣдицкой дистанціи сыскной начальникъ Старшина Петръ Ивановичъ Кульбаковъ въ нашу станицу, собралъ не большую часть и нашихъ вооруженныхъ казаковъ, въ ночь отправился, минуя, Заполяискую и Ѳрловскую станицы, прямо лѣвою стороною Медвѣдицы въ Раздорскую станицу и далѣе. При отъѣздѣ нашимъ жителямъ приказалъ военнымъ слѣдовать за нимъ, а кои не успѣютъ, бѣжать въ лѣсъ, а къ Пугачевымъ толпамъ отнюдь не приставать. На праздникъ Успѣшія, въ ранній обѣдъ, прибыла въ нашу станицу первая толпа Пугачевыхъ войскъ, распросила про начальника Кульбакова и команду его, повѣсила двухъ Березовской станицы казаковъ, провожавшихъ его въ нашей станицѣ, отправились на Заполяискую станицу и далѣе. На другой день прибыла другая толпа, эта въ нашей станицѣ у озера Лебяжья остановилась лагеремъ, брала лошадей себѣ подъ сѣдле, скотъ для пищи на зарѣзъ, по домамъ грабила изъ воинства и пожитковъ, что могла найти; принуждала жителей къ присягѣ Петру Ѳедоровичу, но однако мало успѣла, по нахожденію жителей въ лѣсу, пообѣдала, снабдившись всѣмъ нужнымъ и подводами подъ пѣшихъ своихъ людей (въ числѣ коихъ взяли и меня съ лошадью и повозкою подъ свозъ одного слабаго чиновника подводчикомъ), отправилась въ Заполянскую станицу, гдѣ близъ той станицы на полипѣ и ночевала; дѣлала грабежи и прочее—тоже, что въ нашей станицѣ. Переночевавши въ полдень прибѣгла въ лагерь этотъ не большая команда изъ первой Пугачевой толпы, скомандовала скоро убираться всѣмъ и слѣдовать назадъ на Малодѣльскую станицу обратно и далѣе къ главной толпѣ на Волгу, пересказала,

что ихъ толпу въ Етерсвской станицѣ старшина Кульбаковъ съ какимъ-то Ксауломъ Семеномъ Самойловымъ съ командою казаковъ разбили и гонятъ за остатками. Тутъ же убравшись вся эта толпа съ обозомъ поспѣшно послѣдовала по дорогѣ на нашу станицу, проѣхала лѣсъ и лугъ отъ Лебяжья къ кургану, называемому *Караулъ;* тутъ к нагналъ ихъ старшина Кульбаковъ съ командою, сдѣлалъ перестрѣлку, однако, не устоявъ казаки, догнаты обратно до лѣсу, а оятудова, по видимому съ подкрѣною, обратили Пугачевыхъ къ обозу, откуда опять прогнаты до лѣсу и такъ эта перестрѣлка и погоня другъ за другомъ простиралась до вечера, а обозъ съ частію команды Пугачева (и я съ подводою) отправился по рѣкѣ Безимянкѣ на рѣчку Иловлу и далѣе къ Волгѣ, гдѣ у рѣчки Пролейки на третій день Кульбаковнмъ догпатъ и разбитъ до основанія. Я и прочіе наши станичники въ страхѣ оставили лошадей съ повозками разбѣжались, пришли въ дома, я болѣе, гдѣ Кульбаковъ съ командою послѣдовалъ и что дѣлалъ, мнѣ не извѣстно. Въ домѣ пришедши, слышалъ отъ своей матери и станичныхъ жителей, что въ перестрѣлкахъ при нашей станицѣ найдено съ нашей стороны убитыхъ ружьями 9, сколоныхъ 6 и раненыхъ 8 человѣкъ; а съ Пугачевой побитыхъ и ноколонныхъ болѣе 70 человѣкъ, а послѣдніе забраты въ илѣнъ и разбѣжались по лѣсу. И такъ изъ этихъ обѣихъ толпъ не ушло къ большой толпѣ Пугачева на Волгу ни одного человѣка. По разсказамъ моего пасажира, съ Пугачевнмъ слѣдовалъ особый человѣкъ, котораго называли Императоромъ; а этихъ толновъ полководцы были изъ яицкихъ казаковъ Иванъ Федоровъ и Тимофѣй Дмитріевъ. Впрочемъ о самомъ Пугачевѣ и его войскѣ, гдѣ оно совершенно разбито, не знаю.

Малодѣльской станицы казакъ Антопъ Ребовъ, а вмѣсто его не грамотпаго подписалъ и оное съ словъ его писалъ родной сынъ, Урядшкъ Иванъ Ребовъ."

к) *Ордера князя Потемкина донскимъ атаманамъ Сулину и Иловайскому, откоеящіеся ко времени Пугачевскаго бунта.*

1) 4 Августа 1774 года.

Какъ вся конница и нерегулярныя войска, по Имянному Ея Им-

ператорскаго Величества указу, ввѣрени на главное командованіе мнѣ, то, въ слѣдствіе сего, имѣетъ оное Войско Донское отъ нынѣ о состояніи своемъ, равно и о всемъ, какъ до службы, такъ и до нуждъ своихъ касающемся, присылать рапорты ко мнѣ.

2) 10 Сентября 1774 года.

Рапортъ войсковой канцеляріи, отъ 22-го августа сего года, со всѣми приложенными при томъ съ полученныхъ къ сему Войску о злодѣѣ Пугачевѣ извѣстій копіями и оригинальнымъ допросомъ подосланному отъ того злодѣя въ Иловлинскую станицу съ возмутительнымъ письмомъ Антиповской станицы казаку Ивану Черникову имѣлъ счастіе докладывать я Ея Императорскому Величеству, которая, прозорливымъ окомъ своимъ воззрѣвъ на всѣ чинимыя симъ ревнительнымъ къ отечеству войскомъ распоряженія, стремящіяся, не токмо къ истребленію изверга Пугачева и его сообщиковъ, внѣ предѣловъ ихъ шатающагося, по ихъ благоразумному опроверженіе всѣхъ козней его въ границы сего войска вкрадывавшихся, Всемилостивѣйше принимаетъ оное съ исполненнымъ благодарности и благоволенія сердцемъ и, обнадеживая Высочайшею своею милостію, даетъ того подсыльнаго казака Ивана Черникова собственному сего Войску суду и поступленію съ нимъ по государственнымъ узаконеніямъ. (*)

3) 15 Сентября 1774 года.

Ея Императорское Величество, взирая милосерднымъ своимъ окомъ на тѣ храбрые и усерднѣйшіе подвиги, коими находящіеся нынѣ при нораженіи изверга и возмутителя общаго покоя Пугачева, отряженные съ Дона войска сего чина во всѣхъ случаяхъ съ стремительною ревностію простираютъ, Высочайше указать мнѣ соизволила объявить не токмо правосудное Ея къ нимъ благоволеніе, но и то, что толь похвальную ихъ ревность удостоивая осо-

(*) Чершиховъ былъ повѣшенъ въ Черкаскѣ. Допросъ ему и возмутительное письмо, присланное съ нимъ на Донъ Пугачевимъ, напечатаны г. Щебальскимъ въ приложеніяхъ къ статьѣ своей: „Начало и характеръ Пугачевщины,“ въ майской книжкѣ „Русскаго Вѣстника.“ 1855 года.

бливымъ своимъ примѣчаніемъ не оставить безъ праведнаго своего матерняго къ нимъ воздаянія, въ чемъ, по долгу моего надъ оными войскомъ начальства не престану я о такъ достойныхъ уваженіи сего войска подвигахъ у престола Ея Величества ходатайствовать, относя то въ истинное мое удовольствіе.

4) 1 Октября 1774 года.

Ко всеобщему удовольствію съ прибывшими къ Высочайшему двору отъ господина Генералъ-аншефа и кавалера графа Петра Ивановича Панина курьерами получено пріятное извѣстіе, что изверг и возмутитель внутренняго въ государствѣ спокойствія Пугачевъ дѣйствительно въ рукахъ праведнаго Ея Императорскаго воинства находится. А какъ въ возстановленіи спокойствіи пораженіемъ и уничтоженіемъ сего измѣнника со всею подобною ему толпою не токмо отряженные съ Дона онаго войска чины, но и все оставшееся въ предѣлахъ донскихъ начальство единодушно съ сродною сему войску храбростію и стремленіемъ признательно соучавствовали, то Ея Императорское Величество, по прозорливости своей, Всемилостивѣйше удостоивъ такъ похвальныя и живо ревность войска того изображающіе подвиги Высокомонаршаго своею благоволѣнія, повелѣть мнѣ соизволила именемъ своимъ объявить храбраго сего Войска всѣмъ чинамъ вообще, что признаніе и память сихъ изъявленныхъ ими къ престолу и отечеству заслугъ, не токмо на всегда сохранятся, но и праведнымъ Ея такъ ревностнихъ поступокъ воздавшіемъ удостоено будетъ, каковое Высочайшее Ея благоволеніе симъ къ свѣденіе всѣхъ войска сего чиновъ объявляя, съ пріятнѣйшимъ по долгу моего надъ войскомъ начальства удовольствіемъ не умедлю, предстоя Высочайшему Ея Величеству престолу, исходатайствовать обѣщаемую храброму сему Войску милость.

5) 21-го Ноября 1774 года.

На рапортъ войска Донскаго Сентября отъ 24-го числа, съ требованіемъ разенотренія о претерпѣнномъ того Войска полковникомъ Ильею Денисовымъ раззоренія отъ измѣнниковъ Дербетевыхъ калмыкъ, которые, разграбя весь его хуторъ, угнали не малое число скота, симъ предлагаю, что сіе приключившееся означенному пол-

ковнику Денисову несчастіе безъ справедливаго разсмотрѣнія оставлено не будетъ. (*)

6) 28 Генваря 1775 года.

Войсковая канцелярія рапортомъ своимъ отъ 18-го Декабря прошлаго 774 года представляетъ, можно ли произведениаго мною въ старшины Ѳедора Туровѣрова, въ уваженіе похвальныхъ заслугъ какъ отца, такъ и дѣда его Генералъ-Маіора Краснощекова, привести въ вѣрности къ службѣ Ея Императорскаго Величества на сей чинъ къ присягѣ, потому что ему Туровѣрову отъ роду нынѣ семь лѣтъ; требуетъ при томъ моей резолюціи, съ какихъ лѣтъ употреблять его Туровѣрова съ прочими по очереди въ службу, на которое симъ предлагаю: что какъ прошеніе Туровѣрова объ отставкѣ его отъ службы и о награжденіи сына Федора Старшинскимъ чиномъ въ воздаяніе службы какъ его самаго, такъ и тестя его Генералъ-Маіора Краснощекова, представлено отъ самой войсковой канцеляріи въ государственную военную коллегію: слѣдовательно и долженствовала канцелярія при таковомъ своемъ представленіи исполнять долгъ своего начальства и соблюдая настоящую цѣну сего войска службы, представить коллегіи ту не возможность, которая нынѣ симъ послѣднимъ рапортомъ въ производствѣ Федора Туровѣрова оказалась. Въ разсужденіи чего подтверждая прежнія мои наставленія, рекомендую: 1., что бы отъ нынѣ о всѣхъ представляемыхъ опою ко мнѣ для награжденія присылаемы были обстоятельныя свѣдѣнія, съ показаніемъ каждаго службы; 2., что за силою сего, никто о награжденіи своемъ, безъ представленія и свидѣтельства Войсковой канцеляріи производимъ не будетъ, а потому самому и имѣетъ оная канцелярія, но приводя Федора Туровѣрова къ присягѣ, возвратить присланный объ немъ ордеръ обратно, и 3., прислать спнеокъ находящимся нынѣ въ дѣйствительной службѣ сего Войска Старшинамъ съ показаніемъ, гдѣ кто служилъ.

7) 14 Февраля 1775 года.

Изъ рапорта Войска Донскаго войсковой канцеляріи узналъ я, что по Высочайшему дозволенію, на прошеніе онаго Войска о перен-

(*) Впослѣдствіи полковникъ Денисовъ получилъ 4,000 р. вознагражденія изъ казны за свой разоренный хуторъ.

мениованіи и перенесенія зимовейской станицы, во истребленіе памяти произшедшаго оттуда нагубнаго государственнаго злодѣя, и о изваніи ея именемъ моей фамиліи, оная станица дѣйствительно тѣмъ переименована и что на сей переносъ Войска Донскаго войсковая канцелярія опредѣляетъ жителямъ помянутой станицы на два года льготы отъ службы и всѣхъ тягостей. Я, принимая поступокъ сей войсковой канцеляріи съ чувствительнымъ признаніемъ, особливое нахожу удовольствіе быть полезнымъ оному Войску именемъ и дѣломъ, относя всю честь моего начальства единственно къ счастливому и желанному его благосостоянію. Что жъ касается до двулѣтняго уволненія казаковъ новой станицы отъ службы и походовъ и до другихъ вигодъ, намѣреваемыхъ войсковою канцеляріею, то я, къ справедливому благоустроенію, оной канцеляріи симъ предлагаю умѣрить свои расположенія на сей случай такъ, чтобъ другимъ отъ того, яко собратіямъ единаго семейства, никакого отягощенія не послѣдовало; а на переносъ помянутой новой станицы, для удобнѣйшего поселяющихся тамъ остепененія вспомоществованіемъ моимъ усерднѣйше снабдить я не оставлю.

8) 23-го Мая 1775 года.

При указѣ Правительствующаго Сената сего мѣсяца отъ 15, подъ № 7363-й, получилъ я съ нодиесеннаго Ея Императорскому Величеству отъ онаго Сената и удостоеннаго въ 14 день Высочайшей Ея конфирмаціи доклада (*) копію, по содержаніе котораго Всемилостивѣйше установлено учрежденному въ Войскѣ Донскомъ Войсковому Гражданскому правительству, въ случаѣ могущихъ послѣдовать разныхъ дѣлъ, касающихся до прочихъ гражданскихъ въ государствѣ иравительствъ, имѣть сношеніи свои по онымъ тякимъ образомъ: въ однѣ холлегіи писать доношеніи, въ губернскія канцеляріи сноситься промеморіями, въ подчиненныя жъ губерніямъ провинціи и города отправлять указы, и въ разеужденіи присутственнаго мѣста завести такой порядокъ, которымъ имяннымъ 17 Апрѣля 1722 года указомъ установленъ;" также имѣть печать съ

(*) Докладъ князя Потемкина объ учрежденіи гражданскаго управленія въ Войскѣ Донскомъ напечатанъ въ XX т. „Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи."

государственнымъ гербомъ и съ надписаніемъ вокругъ онаго сихъ словъ: *печать Войска Донскаго Войсковаго Гражданского правительства.* О чемъ симъ къ непременному исполненію предлагаю, а повелѣнную печать, по сдѣланіи оной, прислать не умедлю.

9) 12 Іюня 1775 года.

Изъ рапорта канцеляріи Войска Донскаго отъ 11-го прошедшаго мая, хотя и усматриваю я справедливое онаго Войска представленіе въ причиняемыхъ Войску Донскому отъ Черкассъ Деркульской волости обидахъ, однакожъ, желая возстановить съ обѣихъ сторонъ, вмѣсто ссоръ, согласіе и сосѣдственную дружбу, сообщилъ я придворной конюшенной канцеляріи съ тѣмъ, чтобы она не оставила съ своей стороны, кому надлежитъ, строжайше сдѣлать подтвержденіе, дабы помянутые Черкассы, къ сохраненію выше упомянутаго дружества, какъ возможно, отъ тѣхъ худыхъ поступковъ удержаны были. Канцеляріи жъ Войска Донскаго рекомендую, забранный у нихъ скотъ въ послѣдній разъ имъ возвратить, а ежели и за симъ тѣ Черкассы таковыя обиды Войску Донскому причинять не престанутъ, то уже въ такомъ случаѣ имѣетъ канцелярія Войска Донскаго поступить на точномъ основаніи того представленія.

10) 12-го Іюня 1775 года.

На рапортъ онаго Войска отъ 10 сентября прошлаго 1774 года, въ резолюцію предлагаю: отбитый у толпы бывшаго злодѣя Пугачева полковникомъ Кутейниковымъ бунчукъ хранить въ войсковой канцеляріи.

11) 22 Іюня 1775 года.

Въ слѣдствіе Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа, отправляю я при семъ Донскаго Войска казака Дементія Иванова съ тѣмъ, что какъ онъ во время турецкой войны служилъ порядочно, и что съ злодѣемъ Пугачевымъ, который ему былъ родной братъ, ни малѣйшаго въ злодѣйствахъ его участія не имѣлъ, то опредѣливъ его по прежнему въ службу онаго Войска, и во всю жизнь его какъ самому именоваться, такъ и прочимъ именовать его Дементіемъ Ивановымъ, скареднымъ же именемъ Пугачевскимъ никому его не называть и, какъ безпорочнаго человѣка, въ особомъ призрѣніи имѣть.

Григорій Потемкинъ.

л) Рапортъ 27-го августа 1774 года, походнаго атамана Перфилова и донскихъ полковниковъ объ окончательномъ пораженіи Пугачева.

Высокоблагородному и высокопочтенному господину, Войска Донскаго войсковому наказному атаману Семену Никитичу. Что надъ злодѣемъ слѣдовало около Царицына войсковой канцеляріи, по рапорту отправленному отъ насъ, извѣстію. А за тѣмъ, 25 числа у р. Волги, у самаго Сальникова завода, оный злодѣй противу деташамента г. полковника Михельсона, поставя съ своей гнусной стороны пѣшихъ, повелъ было съ кареемъ атаку на нашихъ (казаковъ), состоявшихъ съ обѣихъ сторонъ деташемента—на правой походнаго атамана Перфилова съ чугуевскинъ полкомъ, а на лѣвой на всѣхъ насъ. Но сіе ево скверное предпріятіе храбростію всѣхъ насъ при семъ бывшихъ Донскихъ такъ скоро и сильно опрокинуто, что уже пѣхота съ нашей стороны не имѣла дѣла, увидя злодѣйскую толпу и пушки въ недѣйствіи болѣе четверти часа, а лошадиные злодѣи гнаты донскими болѣе сороку верстъ. И въ семъ случаѣ убито злодѣевъ три тысячи, въ плѣнъ взято семь тысячъ; пушекъ отбито двадцать пять, самъ же злодѣй въ самомъ маломъ числѣ, безъ никакой рухляди и пушекъ, выше Черного Яру, перетащился за Волгу; казаки же, состоящіе въ вѣденіи нашемъ, кромѣ двухъ легко раненыхъ, всѣ цѣлы. О чемъ войсковой канцеляріи, для предпринятія предосторожности, дабы оный иногда злодѣй не впалъ, за выкомандированіемъ изъ станицъ казаковъ, по малолюдству въ оныхъ донскихъ ставицъ и но учинилъ бы какою либо въ нихъ возмущенія и не укрылся бы отъ поимки, доносимъ. Василій Перфиловъ, Василій Манковъ, Карпъ Денисовъ, и Григорій Паздѣевъ.

м) Предложеніе генералъ-аншефа (князя) Потемкина, 1 Августа 1774 года, объ нарядѣ полковника Алексѣя Иловайскаго для преслѣдованія Пугачева.

На Донъ, въ верхнія и нижнія юрты, всѣмъ атаманамъ и казакамъ, наказному атаману Сулину и всему войску Донскому. Извѣстный государственный злодѣй и извергъ Пугачевъ съ толпою раз-

бойниховъ, переплыдъ черезъ Волгу находится въ окружностяхъ Нижегородской губерніи и уповательно стремится идти къ Воронежу а, можетъ быть, и на Донъ, котораго преслѣдуютъ сзади военныя команды. Но, дабы и на Дону отъ набѣговъ его взята была должная предосторожность, Ея Императорское Величество соизволила указать: собравъ со всѣхъ станицъ до тысячи донскихъ казаковъ и при полковникѣ Алексѣѣ Иловайскомъ, ежели онъ здоровъ, буде же ему что либо въ семъ возпрепятствуетъ, то при другомъ надежномъ и въ исправности за свидѣтельствованномъ полковникѣ отправить къ Воронежской губерніи, въ самой скорости, для предохраненія сей губерніи и самаго Дона отъ разореній, причиняемыхъ симъ тысячи казней достойнымъ злодѣемъ; и Войско Донское, по сему Ея Императорскаго Величества повелѣнію не медленно исполнеше учинить имѣетъ. Григорій Потемкинъ.

н) Рапорты полковника Алексѣя Иловайскаго о преслѣдованіи и поимкѣ Пугачева.

1) Войсковому наказному атаману Сулину, отъ 26-го августа 1774 года.

Сего августа 25 дня, въ слѣдованіи моемъ съ командою въ городъ Царицынъ, приближась къ Грачевской крѣпости, изъ отправленной мною на передъ изъ команды моей въ шестидесяти человѣкахъ партіи чрезъ нарочно присланнаго казака, о злодѣйской изъ толпы государственнаго злодѣя и тирана Пугачева партіи, коя уже была за линіею, получилъ свѣденіе, по которомъ а команды моей съ казаками устремившись и достигнувъ ее за р. Нечеткою, усилился на пути дѣлать атаку, къ чему и господинъ походный атаманъ Луковкинъ и полковникъ Яновъ съ казаками весьма поспѣшали. Оную злодѣйскую партію, безъ всякой изъ команды моей потери, разбивъ, мы не малое число тѣхъ злодѣевъ покололи и сто шесть человѣкъ въ плѣнъ взяли, кои г-ну полковнику и царицынскому коменданту Ивану Еремѣевичу Цыплетеву представлены. Сего числа я на команду свою всего 550 человѣкъ отъ царицинской комендантской канцеляріи получилъ порохъ и свинецъ, а завтрашняго числа внизъ по р. Волгѣ и тѣмъ трактомъ, коимъ и г. полковникъ Ми-

хельсонъ, также при томъ Донскаго войска полковники съ казаками, въ слѣдъ бѣжавшаго злодѣя Пугачева, для истребленіи ево, маршировали, слѣдовать имѣю. Наряженные жъ въ команду мою городскихъ донскихъ и донецкихъ станицъ казаки и калмыки и по нынѣ въ командѣ моей не явились. О чемъ вашему высокоблагородію и всему Войску Донскому въ покорности рапортую, да и впредь о здѣшнихъ происхождевіяхъ рапортовать долженствую.

2) Царицынскому коменданту Цыплетеву, отъ 2-го Сентября 1774 года.

30-го сего августа вашему высокородію отъ меня рапортомъ было представлено, что я подъ оное число имѣлъ ночлегъ при городкѣ Заплавнонъ. По утру жъ, разсмотрѣвъ толпы государственнаго злодѣя и тирана Пугачева конскіе слѣды, которые показывали якобы пошелъ онъ прямо на Елтоновское озеро безводными мѣстами, и хотя о иредпріятіи семъ и плѣнные показывали, но я оставя столь опасную, принятую дорогу, принужденъ былъ, дабы чрезъ короткое время лошадей, изъ коихъ уже нѣкоторыя приходили но сухому времени въ изнеможеніе, совсѣмъ не изнурить, податься къ Волгѣ, а тѣмъ переходомъ и пришелъ противъ самаго городка Дубовки я, нашедши 31-го числа конскіе слѣды (сакмы) вверхъ по Волгѣ лежащіе, слѣдовалъ оными со всякою поспѣшностію и прибывъ къ хутарамъ, называемымъ Краснощоковымъ, извѣстился, что помянутый злодѣй Пугачевъ съ его сволочью въ трехъ стахъ и болѣе состоящею (какъ о томъ того хутора обыватели объявляютъ) подъ 31-е число сего теченія имѣлъ на оныхъ ночной ночлегъ, нѣс о льо лошадей, также и, сколько могъ найти, хлѣба, забралъ, отъ которыхъ пошедъ сдѣлалъ умышленное къ потери своихъ слѣдовъ малыми штуками злодѣйской ево толпы раздѣленіе прямо въ степь, съ тѣмъ самымъ, дабы меня съ полкомъ приводить въ крайнее пзнурсніе, какому уподобить можно, какъ подъ Заплавнымъ городкомъ ему злодѣйски удалось. Предпріятіе сіе для себя предвидя аа не способное я ие отдаляясь рѣки Волги съ полкомъ слѣдую, а между тѣмъ получено было отъ командированнаго сего дня Хорунжего свѣдѣніе, что вчерашняго числа партія въ 50 человѣкахъ снаго злодѣя Пугачева была на рѣчкѣ Маломъ Ерусланѣ, выше

Дмитріевска, въ достиженіи которой (хотя за усталью у казаковъ не малаго числа лошадей, кои уже въ 2-хъ иѣстахъ на пути отъ Царицына мною оставлены) съ оставшимися казаками слѣдую. О чемъ вашему высокородію ренортую. (копія).

3) Генералъ-Маіору Мансурову, отъ 11-го Сентября 1774 года.

Сего числа я обще съ премiръ-маіоромъ Бородинымъ на р. Большой Узень къ урочищу Чертолинскому устью благополучно прибыли, гдѣ и найдены нами живущія при томъ устьѣ двѣ женки, которыя показали, что 7-го числа сего жъ теченіи бывшій у нихъ изъ шайки изверга Пугачева казакъ Петръ Пустобаевъ, которой въ числѣ злодѣя Пугачева находится за полковника, между разговоромъ сказалъ, что они ѣдутъ пряно къ Яицкому городку, а при томъ изъяснилъ и сіе, что они вишесказаннаго изверга хотятъ поймавъ привесть въ городъ и отдать правительству, коихъ и слѣдъ оказался къ Яицкому городку, да и прибывшіе сего жъ числа изъ яицкаго городка казаки Иванъ Протопоповъ съ товарищи, которые отправлены до здѣшнихъ рѣчекъ Узеней отъ г. Полковника Симонова съ тѣмъ, чтобы кроющіеся по Узенямъ всякаго званіи люди являлись прямо въ Яицкій городокъ, объявили, что встрѣтились съ оными изъ шайки изверга Пугачева казаками Иваномъ Муслаповымъ съ товарищи всего 4-е человѣка, которые имъ прямо сказали, что они ѣдутъ прямо въ городъ для объявленіи себя; да прежде оныхъ при рѣчкѣ Ею же, ближе къ Яицкому городку, слѣды жъ оными казаками предусмотрѣны. Но тому мы однако не ввѣрясь, сей день по надъ рѣчкой какъ вверхъ и внизъ, такъ и по лежащей къ Яицкому городу дороги, дѣлали разъѣзды, гдѣ, кромѣ какъ по дороги къ городу, такъ и вверхъ на оную жъ дорогу, значущихся слѣдовъ ни гдѣ никакихъ не предвидится, да и по преужаснѣйшимъ нынѣ дождямъ, тѣхъ слѣдовъ ясно и разобрать не можно. Почему мы, по тѣмъ слѣдамъ, да и по вышеписанному объявленію, имѣень слѣдовать на ту рѣчку Ею же съ крайнимъ поспѣшеніемъ. Я же полку моего съ казаками, для успѣха, отъ Царицына пошелъ къ преслѣдованію за Волгою изверга злодѣя Пугачева объ одинъ конь, на легкахъ, а по причинѣ сего случая, хотя за не имѣніемъ у каза-

ковъ не только теплаго платья, за не взятіемъ епанчей и по слабости лошадей, на что есть уже нужда, однако я, презирая оное, означенными слѣдами для наивѣрнѣйшаго знанія, куда тотъ злодѣй уклоняется, обще съ помянутымъ полковникомъ г. преміеръ-маоромъ Бородинымъ слѣдую, а потому ожидать долженъ отъ вашего превосходительства резолюціи. При чемъ предаю въ особое вашего превосходительства разсужденіе, что между взятыми мною въ тысячное число казаками, достаточное число находится за болѣзнію дряхлые и престарѣлые, яко же весьма и молодыхъ лѣтъ люди, кои снести сей поспѣшной и степной походъ были не въ состояніи и осталися на пути слѣдованія, хотя уже чаятельно и прибыли они къ Саратову. (конія).

4) Войсковому Наказному атаману Сулину, отъ 29 Сентября 1774 года.

Извѣстный государственный злодѣй, тиранъ и мятежникъ Емелька Пугачевъ блвзъ города Яицкаго пойманъ, который г. Генералъ-поручикомъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ, въ оковахъ, въ сдѣланной ему для народнаго вѣдѣнія клѣткѣ, взятъ и повезенъ прямо въ Санктпетербургъ, а для конвонрозанія я и гг. полковники Денисовы до села Новоспаскаго съ нимъ генерзль-поручикомъ Суворовымъ находились. Онъ же злодѣй Пугачевъ, безъ всякаго запинательства въ своихъ законопреступнихъ и весьма противныхъ дѣлахъ, о коихъ только содрогать утробою и дивится причина заставляетъ, объясняется. Сего числа я полку моего съ казаками (всего 243 человѣка), кои имѣли со мною до яицкаго города походъ, отправился отъ г. Сызрани въ донскимъ жилищамъ.

5) Генералъ-аншефу (князю) Потемкину отъ 27-го Сентября 1774 года. (черновое).

Милостивой государь мой и патронъ, Григорій Александровичь! Письмо вашего высокопревосходительства, писанное ко мнѣ, я имѣлъ честь съ отъинѣйшимъ удовольстзіемъ получить, за которое чрезъ сіе приношу мою нижайшую благодарность, и слѣдствіе онаго, по предлиеанію вашего высокопревосходительства, находящимся со

мною въ одной экспедиціи всѣмъ донскаго войска Старшинамъ объявилъ, кои (какъ и а) сочтя себя чрезъ мѣру довольными, приносимъ нашу общую всенижайшую благодарность, осмѣливаясь при томъ просить и впредь покровительства вашего превосходительства. Пребываніе мое нынѣ въ Симбирскѣ, гдѣ я свидѣлся съ Александромъ Павловичемъ Галаховымъ, и онъ мнѣ вспомоществованіе сдѣлалъ, что меня отпустили на Донъ, куда я чрезъ короткое время и отправляюсь и, по прибытіи куда исправясь нужнымъ, какъ на и скорѣе поѣду въ Петербургъ, для принесенія самоличной вашему высокопревосходительству моей нижайшей благодарности. Съ полученіемъ въ руки правительства изверга Пугачева честь имѣю ваше высокопревосходительство поздравить, котораго и я съ моимъ полкомъ, подъ командою Генералъ-поручика Суворова, изъ Яицкаго городка конвоировалъ.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ имѣю честь пребыть и проч.

Алексѣй Иловайскій.

II.

АКТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ПОКОРЕНІЮ НАГАЙЦОВЪ. (*).

А) Письма крымскаго хана Шагинъ-Гирея къ войсковому атаману Иловайскому.

1) 22-го Декабря 1781 года. Кефа.

Превосходительный господинъ Генералъ-Маіоръ, Войска Донскаго командиръ и кавалеръ, искренній пріятель!

Сими днями извѣстилъ насъ Едисанской начальникъ, что изъ едисанцовъ въ не маломъ количествѣ аулозъ, безъ воли нашей, остазя свои мѣста и пройдя россійскую границу, обитаютъ въ россійскихъ мѣстахъ на Манычѣ. Вамъ довольно свѣдомы правъ и свойства Нагайцъ, по коимъ привыкли они своевольничать и въ своей землѣ, кольми паче гдѣ индѣ, а судя тако, не причинили бы они

(*) Всѣ болѣе или менѣе важные акты, относящіеся къ покоренію Нагайцовъ напечатаны авторомъ въ *Донскихъ Вѣдомостяхъ* за 1855—1857 годы. Здѣсь помѣщаются только главнѣйшіе изъ нихъ.

какова и вашимъ обитателямъ непріятства, и сіе говоря совѣтую взять вамъ отъ оныхъ предостереженіе. Мы же своимъ начальникамъ дали повелѣніе обращать всѣхъ ихъ разными способы на прежнія мѣста нашей области, и гдѣ давно имъ и назначены. Впрочемъ пребудемъ съ уваженіемъ и почтеніемъ.

Вашего превосходительства
искренняго пріятеля
Усерднымъ слугой
Шагинъ-Гирей Ханъ.

2) 1-го Сентября 1782 года. Керчь.

Великолѣпный пріятель, Алексѣй Ивановичь!

Два ваши пріятныя ко мнѣ письма сего года отъ 23-го Генваря пущенныя, къ немалому удивленію получилъ я 20-го августа. Не скорое доставленіе оныхъ, будучи причиною въ медлительной ие извѣстности ванихъ распоряженій относящихся къ не допущенію подвластныхъ намъ Ногаевъ сближаться кочевьями своими къ мѣстамъ, принадлежащимъ для обитателей, въ распоряженіи вашемъ состоящихъ, во избѣжаніе сбоюдныхъ неудовольствъ, лишаетъ меня удовольства войти теперь въ надлежащее о томъ по сосѣдству трактованіе. И я надѣюсь, что ваше превосходительство, уваживъ не сообразность произшествій, постигшихъ меня въ настоящее время, оставите до удобнаго случая разрѣшеніе, какъ о мѣстахъ, на коихъ Ногаи кочевали предъ симъ, такъ и удовлетвореніе Ивана Болдырева, который въ искательствѣ своемъ на Бабія продолжая докуки, при неоднократномъ разсматриваніи дѣла его, хотя и ие доказалъ истиннаго вниманія, но заступленіе ваше за него Болдырева уважая, проиу не умалить Вашей ко мнѣ пріязни, о пріобрѣтеніи которой на всегда стараясь, пребываю съ истиннымъ къ Вамъ почтеніемъ

вашего превосходительства
доброжалательный пріятель
Шагинъ-Гирей Ханъ. (*)

(*) Подлинники этихъ писемъ, писанныхъ по русски, съ приложеніемъ ханской татарской печати, сохранились при одномъ дѣлѣ войсковаго архива.

Б). Ордера князя Потемкина войсковому атаману Иловайскому.

1) 2 Августа 1779 года.

Господинъ генералъ-поручикъ и кавалеръ Якобій, при рапортѣ своемъ представилъ ко мнѣ рапортъ, въ какомъ состояніи вступили къ нему изъ кубанскаго корпуса въ команду четыре и астраханскаго корпуса три донскіе полка, объявляя, что отъ него писано уже въ войсковое Правительство, дабы не достающее число другими наполнено было. Вслѣдствіе чего я рекомендую я вашему превосходительству въ разсужденіи извѣстныхъ вамъ обстоятельствъ сколь можно поспѣшнѣе не достающее число какъ людьми, такъ и лошадьми наполнить, пославъ туда, вмѣсто безконныхъ другихъ съ лошадьми изъ находящихся теперь при Войскѣ, а оныхъ для поправленія возвратить въ свои жилища.

2) 6-го Сентября 1782 года.

Препровождаю съ симъ къ вашему превосходительству секретное росписаніе, какіе по учиненнымъ здѣсь предположеніямъ назначаются изъ войска Донскаго къ разнымъ корпусамъ отряды, и какъ предписано уже вамъ объ отправленіи къ Днѣпру осьми полковъ, зачитая въ той сторонѣ находящіеся, то имѣете равнымъ образомъ и прочіе по росписанію приуготовить, съ равномѣрнымъ зачетомъ преждеотряженныхъ, содержа назначенныхъ казаковъ и пристойное при нихъ число старшинъ въ такой исправности, чтобъ по первому повелѣнію, безъ потерянія времени, могли оные выступить, изъ мѣстъ своего пребыванія.

Росписаніе.

Какое число донскихъ казачьихъ полковъ и куда именно назначается командировать:

	Полки:
Въ корпусъ отряженный для дѣйствія противъ татаръ и на загражденіе границъ у Херсона и по Бугу.	4
Въ корпусъ обсерваціонный, расположенный къ сторонѣ Кіева.	4
Въ корпусъ Кубанскій.	20
Въ корпусъ, состоящій на новой линіи Моздокской.	4
Итого	32

3) 29-го иаа 1783 года.

Къ извѣстной наряженной вами пъ двухъ стахъ пятидесяти казакахъ конандѣ потребно еще присовокупить триста человѣкъ, людей отборныхъ, такъ что бы составился наилучшій донской полкъ въ пяти стахъ пятидесяти рядовыхъ, и какъ нрежнихъ рекомендовалъ уже я вашему превосходительству отправить вмѣстѣ съ полкомъ въ Крымъ, то и послѣднихъ триста казаковъ съ отборными жъ старшинами въ слѣдъ за ними въ сей полуостровъ командировать предписываю и поставить этотъ полкъ на счетъ тѣхъ двадцати, которые къ Кубанскому корпусу назначены.

4) 18 іюня 1783 года.

Въ сходствеиность Высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія потребно въ здѣшненъ краю умножить число полковъ Войска донскаго. Какъ сіе учинить должно на счетъ полковъ къ кубанскому корпусу пріуготовленныхъ, то я вашему превосходительству и рекомендую предписанное на Кубань движеніе предпринять въ четырнадцати только полкахъ, считая и тѣ два что прежде къ господину Генераль-поручику и кавалеру Суворову отряжены и за тѣмъ остающихся на Дону пять полковъ отправить къ Херсону, повелѣвъ идти съ возможнымъ поспѣшеніемъ.

5) 24 іюня 1783 года.

Пользa службы требуетъ крайней поспѣшности въ отрядѣ сюда тѣхъ пяти полковъ, о которыхъ ваше нревосходительство имѣете ордеръ мой отъ 18-го сего мѣсяца. Скорымъ оныхъ отправленіемъ ваше превосходительство подадите мнѣ случай рекомендовать васъ предъ монаршимъ престоломъ и я ожидая, что предписаніе мое исполнено будетъ безъ потерямія времени, рекомендую вашему превосходительству подтвердить отряженнымъ полкамъ ко искорѣйшему прямо уже къ Перекопу слѣдованію.

6) 24 іюня 1783 года.

Милостивый государь мой, Алексѣй Ивановичъ!

При отрядѣ сюда позслѣшныхъ пятя полковъ должно къ нимъ назначить и походнаго атамана. Я полагаю, что пристойно тутъ

употребить господина Денисова (Федора Петровича), ибо, будучи въ отдѣленіи отъ васъ, не можетъ подавать вамъ поводу къ не удовольствію, что въ разеужденіи нраву его легко можетъ встрѣтиться въ единомѣстномъ пребываніи. Я съ особливымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашего превосходительства
покорный слуга
Князь Потемкинъ.

P. S. Естьли господина Денисова нѣтъ на лицо, то не должны полки его ожидать и онъ догнать ихъ можетъ послѣ.

В) Донесенія и письма войсковаго атамана Иловайскаго князю Потемкину.

1) 31-го декабря 1781 года.

За учиненнымъ отъ меня сего года отъ 29-го іюля подъ № 91 въ секретномъ рапортѣ чрезъ нарочнаго курьера вашей свѣтлости донесеніемъ о происходимомъ въ едишкульской и протчихъ нагайскихъ ордахъ междоусобномъ разстройствѣ и волнованіяхъ, я все описанное въ томъ моемъ рапортѣ распоряженіе и осторожность отъ сихъ вѣроломныхъ народовъ ко охраненіе здѣшнихъ границъ, согласно послѣдовавшему отъ вашей свѣтлости на оное мое представленіе ордеру, содержалъ и продолжалъ, пока обстоятельства того требовали. Наконецъ въ самомъ уже поздомъ осеннемъ времени, за наступающею стужею, когда г. генералъ-маіоръ Пиль съ корпусомъ на зимнее хвартированіе съ за Дону поворотился, съ общаго съ нимъ согласія, бывшіе за Дономъ отъ стороны моей выкомандированные полки отпустилъ въ донн ихъ съ подтвержденіемъ о бытіи на не предвидимый случай паки къ походу въ готовности; однакожъ изъ послѣди прикомандированнаго мною полка оставилъ въ предосторожность и сохраненіе отъ злодѣйскаго хищничества форпостовъ и нерепущенныхъ на зимнее пребываніе здѣшнихъ старшинскихъ и казачьихъ табуновъ и скота съ людьми, въ двухсотномъ числѣ доброконныхъ казаковъ при полковникѣ Карнишнѣ команду. Но какъ потомъ, минувшаго ноября 13-го дня, отъ подполковника Лешке-

вича получилъ л рапортъ, увѣдомляющій, что кочующая на Кирпиляхъ, Ангалахъ, около Черной Протоки и протчихъ таношнихъ мѣстъ по сю сторону Кубани Едишкульская орда городскими салтанами, Амуратъ, Айлякъ и протчими загната оружейною рукою за Кубань, и что сіи бездѣльники намѣреваются паки придти къ таковому жъ загону за Кубань и спокойно кочующихъ при Ея добронамѣренныхъ едисанской и джамбулуцкой ордъ, то, не смотря на пренятствующія уже зимніи обстоятельства, принужденъ въ сохраненіе высокаго интереса на задонскую сторону, въ подкрѣпленіе нашихъ задонскихъ постовъ, при одномъ полковникѣ, отрядить вновь еще двухсотную жъ команду. Давъ обоихъ сихъ командъ, якоже и особо содержащему по тракту до линіи съ трехсотною командою жъ посты, полковникамъ надлежащія наставленія, я ожидалъ между тѣмъ скораго о успокоеніи злодѣевъ происшествіи; но вмѣсто того доходили ко мнѣ отъ онаго жъ подполковника Лешкевича разнообразныя и не согласныя однѣ съ другими вѣстія, значущія иногда спокойство, а иногда волнованіе и набѣги къ добронамѣреннымъ ордамъ развратныхъ нагайскихъ и черкескихъ скопищей, по которымъ напослѣдокъ гг. генералъ-Маіоры Пиль и Фабриціанъ требовали у меня отряда къ г. Лешкевичу на время команды до тысячи человѣкъ на собственномъ ихъ домашнемъ содержаніи. Къ чему, въ разъѣзжденіи зимняго времени, за не заготовленіемъ при Ейскомъ укрѣпленіи не точію для людей отъ стужи защиты, ниже для лошадей ихъ фуража и за вытолоченіемъ тамъ ордами подножнаго корма, новымъ нарядомъ такого немалаго числа, во избѣжаніе людей во всемъ на своемъ содержаніи изъ домовъ выходящихъ отъ крайняго и не возвратнаго убытка, понесениаго оными въ не маломъ числѣ отъ лѣтняго похода, я по удержался, а далъ только въ городскія и во всѣ ближніи донскія и донецкія станицы повелѣніи о бытіи въ семъ случаѣ служилымъ етаршинамъ и казакамъ въ ежеминутной готовности; вмѣсто жъ требуемаго тысячнаго числа изъ четырехъ сотъ назначилъ отрядомъ съ двумя стами одного полковника. За тѣмъ, поставляю должностію представить вашей свѣтлости что изъ добронамѣренныхъ нагаевъ едисанская и джамбулуцкая орды отъ самаго открытіи зимы

съ конными табунами своими, скотомъ и аулами, подъ видомъ недостатка (который и самымъ дѣломъ чрезъ собственную ихъ коловратность и бывшую саранчу у нихъ имѣется) въ ихъ мѣстахъ кормовъ, перешедъ по сію сторону Кагальника, не смотря на препятствіе учрежденныхъ отъ меня командъ, съ наглостію кочевье свое имѣютъ въ принадлежащихъ Россіи и для ввѣреннаго мнѣ Войска не обходимо (особливо въ зимнее время) надобныхъ мѣстахъ, на Егарлыкахъ и Маночи, то дабы сіе имъ навсегда примѣромъ не послужило, главнѣйше же и по другимъ причинамъ, какъ-то: первое, чтобъ здѣшняго общества табуны и скотъ отъ прошлогодняго извѣстнаго, по моему донесенію, и вашей свѣтлости чрезвычайнаго и крайне раззорительнаго упадка оставшійся и стѣснившійся, по не имѣнію въ другихъ здѣшнихъ мѣстахъ, за истребленіемъ саранчею и выгорѣніемъ отъ великихъ пожаровъ корму, на одной рѣчки Маночи, гдѣ только и надежда есть продовольствовать оные въ настоящую зиму, за усильственною прихочевкою съ множественнымъ числомъ табуновъ и скота прописанныхъ ордъ,—не былъ и въ конецъ уже къ сущему нашимъ раззоренію доведенъ къ гибели; и что, второе, за сею общею ихъ съ нашими кочевкою, нѣтъ никакого способа удержать ихъ (нагайцевъ), отъ примѣчанія за нашими опредосторожности учрежденіями и отъ сообщеніи съ нашими и проѣзда какъ въ городъ, такъ и въ другія станицы, подъ видомъ ихъ надобностей, а особливо для провоза товаровъ, не бывъ на осмотрѣ у карантинной Азовской таможнѣ и безъ всякихъ письменныхъ видовъ, о чемъ и имѣю я отъ Азовскаго губернатора генералъ-поручика и кавалера Черткова особливыя сообщенія. Хотя о поворотѣ ихъ Нагаевъ, по прежнему, въ свои мѣста я неоднократными требованіями моими у гг. генералъ-маіора Пиля, подполковника Лешкевича, да и отъ учрежденнаго надъ ними отъ обладателя ихъ свѣтлѣйшаго крымскаго хана при Ейскомъ укрѣпленіи каймакана и настоялъ, но успѣха въ томъ никакого не получилъ. А по сему случаю и испрашиваю всенижайше у вашей свѣтлости: какимъ образомъ поступать съ сими хищными и вѣтренными народами къ отвращенію могущаго всегда произойти отъ нихъ вреда (какъ уже и самымъ дѣломъ учинено отъ нихъ

нынѣ не налое нашимъ лошадямъ воровство), особливо же за донскимъ стражамъ моимъ опасности, а не меньше и для удаленія нынѣ и впредь отъ вышеупомянутыхъ мною мѣстъ въ принадлежащія имъ границы—о не оставленіи меня милостивою резолюціею.

2). 9-го Октября 1782 года. (по секрету).

Къ охраненію здѣшнихъ границъ, а особливо тѣхъ самонужнѣйшихъ командъ, которыя расположены отъ меня для содержанія на Задонской сторонѣ до новой Моздокской линіи и въ протчихъ мѣстахъ форностовъ и патрулей отъ злодѣйскихъ чинимыхъ, какъ изъ Закубанской, такъ и изъ другихъ Черкескихъ и Нагайскихъ пребываній, нечаянныхъ набѣговъ и грабительствъ, хота отъ меня хъ не малому здѣшняго войска затрудненію и убыткамъ всемѣрная предосторожность и употребляется, но въ разеужденіи извѣстной варварской ихъ пронырливости и недальняго сосѣдства, особливо же, что они, по своему дикому и ни чѣмъ почти не ограниченному распутству, не только при теперешнихъ крымскихъ и кубанскихъ мятежныхъ обстоятельствахъ, но примѣчательно и ни въ какое другое время въ совершенной тишинѣ оставаться не могутъ,—предостеречись отъ нихъ на всегда недостастъ уже почти никакихъ способовъ. Ибо они (нагайцы) по закоснѣлой ихъ къ воровству, бунтанъ, кровопролитію и жадности, не смотря на всѣ чинимым имъ отъ нашей ласки и еннсхожденіи, сверхъ премногаго, прежде промшедшаго отъ нихъ не безъ извѣстнаго изъ донесеній моихъ и вашей свѣтлости, въ здѣшнемъ краю казакамъ и другимъ людимъ тиранскаго унерщвленіи, грабительства, захваченіи въ мучительный плѣнъ, и оттону съ собой лошадей, скота и протчаго (которое все по многимъ отъ нихъ требованіямъ и остается у нихъ безвозвратно) не умолкаютъ таковое свое злодѣйство распространять часъ отъ часу болѣе; ибо изъ недавно полученныхъ мною рапортовъ значится: 1-е, на дорогѣ до Моздокской линіи, августа 18 дни не подалеку отъ Темнаго Кургана, убиты татарами въ смерть полку полковника Дичкина три казака и нѣсколько ранено; 2-е, того же августа 21-го числа, изъ команды хорунжаго Балабина, посланные въ разъѣздъ, казаки шесть человѣкъ захвачены и увезены за Кубань.

3-е, во время недавней моей къ вашей свѣтлости до Херсона изъ Черкаскаго отлучки, минувшаго сентября 27 числа Черкесами и Татарами отогнато за Кубань у кордоннаго полковника Каршина и у казаковъ служебныхъ лошадей безъ малаго сотъ до пяти, а сверхъ того и другія многіи злодѣянія и непріятельскія дерзости происходить же отъ нихъ по часту. О чемъ вашей свѣтлости покорнѣйше представляя, имѣю честь ожидать милостивой резолюціи.

3). 8-го октября 1782 года.

Его свѣтлости

Высокопревосходительному господину генералъ-аншефу и разныхъ орденовъ кавалеру, князю Григорію Александровичу Потемкину.

Войска Донскаго отъ Войсковаго Атамана.

Рапортъ.

Минувшаго генваря въ 6-й день пущенный ко мнѣ отъ вашей свѣтлости секретный ордеръ съ приложеніемъ, какое число и куда именно донскихъ полковъ ко отряду въ походъ назначается, росписанія,—мною сего октября 2-го числа полученъ, на который и имѣю честь вашей свѣтлости доложить, что во всѣ означенныя въ томъ росписаніи мѣста, яко то къ Херсону, Бугу, обсерваціонному корпусу и на новую Моздокскую линію назначенное число полковъ, то есть къ Херсону, Бугу и обсерваціонному корпусу, въ добавокъ прежнихъ имѣющихся тамъ при походномъ атаманѣ Василіѣ Иловайсконъ и полковникѣ Павлѣ Краснощоковомъ двухъ полковъ, при походномъ атаманѣ Иванѣ Яновѣ, в полковникахъ Дмитріѣ Паздѣевѣ, Петрѣ Гордѣевѣ (изъ коихъ одному Василью Паздѣеву съ полкомъ его велѣно смѣнить бывшій на Днѣпровской линіи полкъ же полковника Данилы Грекова), минувшаго сентября 22 числа дѣйствительно уже отправлены, а на Моздокскую линію, вмѣсто полагаемыхъ потому росписанію четырехъ, еще въ прошедшемъ іюнѣ мѣсяцѣ отряжено и нынѣ таяо находится при походномъ атаманѣ я арміи полковникѣ Диитріѣ Иловайскомъ, полковникахъ Матвѣѣ Платовѣ, Васильѣ Орловѣ, Иванѣ Дячкинѣ Большомъ, Грягорьѣ Денисовѣ пять полковъ; слѣдовательно и состоятъ теперь въ тѣхъ

мѣстахъ излишнихъ цѣлые два полка. А какъ ваша свѣтлость въ томъ же росписаніи изволите назначить ко отряду жъ въ корпусъ Кубанскій еще особые двадцать полковъ, въ которое числе нынѣ тамо при полковникахъ Степанѣ Леоновѣ и Петрѣ Ежовѣ два полка дѣйствительно уже имѣются, то и позвольте мнѣ ваша свѣтлость объяснится, что въ Войскѣ Донскомъ состоитъ теперь по спискамъ всѣхъ военно-служащихъ чиновъ и рядовыхъ генерально 22,514 человѣкъ, изъ того числа находится въ вышеозначенныхъ и протчихъ мѣстахъ точію 12,256, а значитъ остается нынѣ при Войскѣ, а именно при разныхъ нужныхъ должностяхъ, тожъ состоящимъ за погорѣлостію, нерсселеніямъ и другимъ необходимымъ причинамъ въ льготахъ, полагая въ томъ числѣ больныхъ и къ службѣ не способныхъ 1357 челов., а на лицо ко отправленію должности службы только *шесть тысячь девятьсотъ одинъ* человѣкъ. А по чему хотя я къ составленію вышесказанныхъ двадцати полковъ въ свободныхъ военно-служащихъ людяхъ точной недостатокъ и нахожу, однакожъ исполняя изъявленную мнѣ отъ вашей свѣтлости въ Херсонѣ высокую волю и споспѣшествуя всемѣрно государственной славѣ, не умедлилъ распорядить всѣ ввѣренное мнѣ войско, не исключая какъ всѣхъ льготныхъ такъ в нѣсколько къ службѣ еще способнихъ старшинъ и рядовыхъ казаковъ, калмыкъ и татаръ, тожъ и выростковъ казачьихъ дѣтей, коимъ имѣется отъ роду не менѣе пятнадцати лѣтъ, на пять бригадъ, назначивъ къ каждой изъ оныхъ въ предводители, а именно: бригадира Михаила Паздѣева, армейскихъ полковниковъ: Илью Денисова, Михайла Себрякова, кавалера Федора Денисова и походнаго атамана Макара Грекова, съ потребнымъ числомъ надежнѣйшихъ полковниковъ, коихъ всѣхъ и имѣетъ быть при оныхъ бригадахъ слишкомъ до пятидесяти человѣкъ, состою со всѣми ими въ надлежащей воинской исправности и съ предмѣсячнымъ провіантомъ, во ожиданіи только отъ вашей свѣтлости рѣшительнаго повелѣнія къ выступленію въ походъ на готовой ногѣ ежечасно. Въ повторяемыхъ пяти бригадахъ дѣйствительно выступилъ въ полѣ къ надлежащему дѣйствіе тнеячь до тридцати. О чемъ всемъ вашей свѣтлости, нижайшее представляя, покорнѣйше прошу удостоить милостивою

скорѣйшею апробаціею и повелѣніемъ слѣдующаго: 1-е, о не медленномъ отпускѣ къ Войску вышесказанныхъ излишнихъ по росписанію двухъ полковъ, изъ коихъ одинъ находился предъ симъ по Днѣпровской линіи при полковникѣ Данилѣ Грековѣ, а другой состоять теперь при Моздокской линіи; 2-е, при Кубанскомъ корпусѣ не повелѣно-ли будетъ остаться только двумъ, предъозначеннымъ обращающимся нынѣ тамо полкамъ; 3, чтобъ во время надобности, по требованіямъ моимъ, чинено мнѣ было отъ г. командира Кубанскаго корпуса все возможное и скорѣйшее подкрѣпленіе; при чемъ за долгъ считаю испрашивать отъ вашей свѣтлости: какимъ образомъ, въ случаѣ будущаго дѣла, поступать съ непріятелемъ и о прочемъ прозорливаго вашего наставленія; и наконецъ 4-е при нынѣшнихъ важныхъ ко всеобщему походу здѣсь приготовленіяхъ имѣется сущій при войскѣ недостатокъ въ походныхъ знаменахъ и бунчукахъ, то дабы просимое прежде мною отъ вашей свѣтлости въ разные случаи число полковыхъ знаменъ и бунчуковъ поскорѣе было состроено и ко мнѣ доставлено,—удостойте ваша свѣтлость высокимъ благоволеніемъ. Что гее къ наилучшему вашей свѣтлости благопзобрѣтенію представляя, долженствую ожидать повеленія

Алексѣй Иловайскій.

4) 9-го октября 1782 года.

Свѣтлѣйшій князь,

Милостивый государь,

Григорій Александровичь!

Высокое вашей свѣтлости оказанное ко мнѣ въ Херсонскомъ пути благоволеніе и милости ободрили меня несказанно, и я, поспѣшая нынѣ отнести вашей свѣтлости глубочайшіе мое благодареніе и представляя у сего на милостивую апробацію, какіе учинены мною по возвращеніи изъ Херсона при Войскѣ къ походу новыя распоряженіи и о прочемъ обстоятельный рапортъ,—предаю все, оное—особливо же, дабы изъ числа полагаемыхъ въ кубанскій корпусъ двадцати донскихъ полковъ, каковаго великаго числа и при самыхъ главныхъ арміяхъ не бывало еще въ дѣйствій, учинено было просимое мною уменьшеніе и о прочемъ—прозорливому вашей свѣтло-

сти соизволенію. Что же принадлежитъ до нагайскихъ здѣсь грабежей и другихъ ихъ продерзостяхъ, о томъ слѣдуетъ нынѣ отъ меня къ вашей свѣтлости рапортъ же особый, сходно съ изъявленною мнѣ отъ васъ, милостивѣйшаго государя, въ Херсонѣ, о увеличиваніи на счетъ грабителей убытковъ и вреда высокою волею. Впрочемъ же уповая, что вы, милостивѣйшій государь, по врождебному вашему человѣколюбію, упоминаемые въ вышесказанномъ рапортѣ моемъ два излишніе по новому росписанію вашему Донскіе полка, во уваженіе премногихъ и безъ того съ Дону въ разныя мѣста отрядовъ и другихъ нуждъ, уволить оттуда отпускомъ къ Войску милостиво не оставите, и что просимое мною число походныхъ знаменъ и бунчуковъ будетъ же въ скорости ко мнѣ доставлено, пребываю съ вѣчною преданностію и высокопочитаніемъ.

Вашей свѣтлости,
Милостивѣйшаго государя,
всенижайшій слуга
Алексѣй Иловайскій.

5) 26 іюня 1783 года.

Свѣтлѣйшій князь,
Милостивѣйшій государь,
Григорій Александровичь!

Имѣя нетерпливое желаніе предстать къ вашей свѣтлости, съ должнымъ моимъ о войскѣ рапортомъ и другими нужнѣйшими донесеніями самолично, отправился было я на енхъ дняхъ къ Херсону поспѣшно, по получа вскорѣ одинъ за другимъ два секретные вашей свѣтлости ордера, началъ по онымъ со весохотною моею къ службѣ Ея Императорскаго Величества ревностію приготовляться, какъ къ вступленію мнѣ съ назначеннымъ числомъ войска въ повелѣнный походъ, такъ особливо и ко отряду требуемыхъ хъ Херсону пяти полковъ, которые подъ начальствомъ походнаго атамана, г. арміи полковника и кавалера Денисова и стараюся туда отправить сколь будетъ можно въ не продолженіи.—Александръ Васильевичъ Суворовъ увѣдомилъ меня секретно, чтобъ я, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, о коихъ де имъ донесено вашей свѣтлости, выступленіемъ моимъ отсюда съ войскомъ въ походъ до времени

остановился, о чемъ я вамъ, милостивѣйшему государю, по должности моей объясняясь, состою къ тому выступленію въ ежечасной готовности и ожидаю высокой вашей на сіе апробаціи. А если что за симъ о точномъ моемъ выступленіи получу и отъ Александра Васильевича, то къ тому времени слѣдовать къ нему не упущу. По случаю теперешняго моего, во исполненіе высокаго вашей свѣтлости повелѣнія, выступленія съ войскомъ въ походъ имѣю я прекрайнейшую надобность въ походныхъ знаменахъ и бунчукахъ, и потому вашу свѣтлость всенижайше прошу о скорѣйшей постройкѣ прежде просимыхъ мною на ординарныхъ истофахъ полковыхъ походныхъ ста двадцати бунчукахъ и осьмидесяти знаменахъ учинить, куда надлежитъ, повѣлительное вашей свѣтлости предписаніе, снабдя милостивою на сіе резолюціею и меня, пребывающаго съ чистосердечіемъ и искренностію

вашей свѣтлости,
милостиваго государя,
всенижайшаго слугу
Алексѣя Иловайскаго.

Г) Копіи съ донесеній Суворова князю Потемкину о Нагайцахъ.

1) 5 октября 1782 года.

По ордеръ вашей свѣтлости, отъ 27-го Сентября, симъ имѣю честь донесть: изъ Едисанской праваго и лѣваго поколѣнія орды, почитаемой въ 20,000 казанахъ или семьяхъ, нынѣ развратниковъ на р. Кирниляхъ отъ Ейскаго укрѣпленія въ 110 верстахъ при Ослямъ, Мамбетъ Мурзабековѣ и Мамаѣ мурзахъ съ ихъ владѣніями и подчиненными имъ мурзами до 5,000 казановъ; при урочищѣ Мунтинѣ отъ Ейрпиля къ морю, 80 верстъ отъ Ейскаго укрѣпленія, до 200, при Мусѣ Мурзѣ, Мурзабековѣ братѣ—до 800 казановъ. Изъ Джембулуцкой орды, полагаемой въ 11,000 казанахъ, на рѣчкѣ Кирпиляхъ же, при Тавъ-Султанѣ и Оракъ-мурзѣ съ ихъ владѣніями и мурзами около 2,300 казановъ, всего 8,000 казановъ. На оныхъ Черкесы изъ за Кубани чинятъ иногда набѣги и въ исходѣ Сентября угнали до 1,500 лошадей, на сихъ же дняхъ, при равномъ набѣгѣ, убили сіи у Черкесъ, по большей части изъ

мурзъ и узденей около 50 человѣкъ, при чемъ со стороны татаръ, убитъ между прочими, вышесказанный Муса-мурза. Прибывшій не давно въ Ейское укрѣпленіе, отъ стороны свѣтлѣйшаго Шагинъ-Гирея хана Халиль-эфендій-ага хаймаканъ послалъ къ онымъ увѣщеиаиій, чтобъ они на прежнее ихъ кочевье возвратились, о успѣхѣ чего еще вѣрнаго сказать не можно, но уповательно, что они ожидаютъ утвержденія свѣтлѣйшаго Шагинъ-Гирея хана. Помянутый Халиль-эфендій такожъ увѣщевалъ о пребываніи въ спокойствіи нынѣ благовидныя Едишкульскія орды, состоящія въ казанахъ: Минское поколѣніе до 6,000, Бурлацкое до 7,000, Капшацкое до 6,500, Кара-Китайское до 5,400. Сіе послѣднее выпѣ въ маломъ числѣ, а большая часть онаго на Бендерской степѣ и посреди черкескихъ поколѣньевъ. Кочуютъ нынѣ на Бендерской степѣ изъ Едисановъ: въ 776 году Уратъ-Мамбетъ-Мурза перешелъ за Кубань съ 1000 казанами въ 778 году чрезъ Суджукъ-кале на опую переправился. Прошлаго 781 года, въ октябрѣ мѣсяцѣ, Джаумъ-Аджи, Катарса и Арсланъ мурзы съ 2500 казанами ушли за Кубань и, зимовавши подъ Суджукомъ, среди лѣта сего года переправились съ оными на Бендерскую степь. Съ нимъ же Джаумъ-Аджіемъ и прочими Ебасаевской орды тудажъ до 700 казановъ. Съ нимъ же Едишкульской орды каракитайскаго владѣнія съ Мусою-Мурзаю Талмамбетовымъ сыномъ тожъ удалились въ бендерскую степь до 1000 казановъ, м какъ онъ, Муса Мурза, бѣжалъ за Кубань почти со всѣмъ симъ владѣніемъ, то прочіе, кои на Бендерскую степь не переправились, нынѣ пребываютъ за Кубанью между Черкескими поколѣньями. Всего на упоминаемой степѣ нынѣ быть можетъ около 5,000 казановъ. Извѣстно вашей свѣтлости, что всѣ Буджаки, жившіе при Чебаклѣ къ Ейской косѣ до 700 дворовъ, прошлаго года переселены свѣтлѣйшимъ ханомъ въ Ерим.—Татарскіе орды, кочующіе за Кубанью суть: Наврузкая почитается до 8,000 казановъ, Бестенейская до 6,000 и по обѣимъ сторонамъ Кубани Касаевская до 4,000 казановъ. Первыя двѣ ѣздятъ партіями для грабежей, послѣднія жъ рѣже сихъ.—Въ Суджукъ-Кале прибылъ Турецкій Солнманъ-Паша и съ нимъ гарнизону для работъ 150 человѣкъ. Въ прочихъ мѣстахъ нѣтъ примѣчательнаго.—Съ Таманонъ, по причинѣ разшесшихъ

слуховъ о умножившихся тамо болѣзняхъ, сообщенія прекращены, но прибывшій сюда не давно отъ той стороны Нахичеванскій купецъ армянинъ Мартинъ Мордосовъ показываетъ, что въ самомъ городѣ Таманѣ болѣзни нынѣ нѣтъ; токмо слышелъ, что на полуостровѣ ни гдѣ между татарами есть продолженіе нѣкоего рода болѣзни.—Вашей свѣтлости извѣстны живущія за Кубанью разныя Черкескія по ихъ поколѣніямъ владѣніи, они съ Нагайцами никакихъ союзовъ не имѣютъ, но ѣздятъ не престанно на грабежъ. Отъ Чернаго Моря почитается до горъ Абазинцовъ около 15000 домовъ, Шиншаковъ слобода дворовъ до 100 (сіи, по ихъ малолюдству, живутъ спокойно), Атукайцы суть беспокойнѣйшіе: слобода верстъ на 8 и двѣ слободы—одна за лѣсомъ, другая по горами, всего до 3,000 домовъ, Темиргойцы имъ не уступятъ, особливо въ набѣгахъ къ Моздокской линіи, живутъ разными слободами, всего до 5,000 дворовъ; соединяются съ Наврузнами и Бестенейцами для набѣговъ на Нагайцовъ и достигаютъ не рѣдко россійскихъ границъ. Олты, Кисекъ живутъ внутрь земли; грабятъ, когда случиться, у Кабардинцовъ и суть ихъ подданные; потомъ пойдутъ Кумыки, Чеченцы и Лезгинцы.—О надлежащемъ все оставлю я увѣдомить обрѣтающагося въ Крыму надъ войсками начальника.

2) 2 Августа 1783 года. (Экстрактъ).

По данной плакатомъ водѣ, они (Нагайцы) удалились и, пробираясь по своему намѣренію далѣе, повстрѣчались съ деташементами г. Полковника Телегина, при томъ о возвратѣ имъ совѣтъ подававшаго, коего они не приняли. Но послѣ на содержащую по Малой Еи 7-й форпостъ Бутырскаго полка роту съ артиллеріею, при поручикѣ Жидковѣ, стремглавъ опрокинулись; мужественно приняты были. Къ чему подоспѣлъ преміеръ-маіоръ князь Кекуатовъ и подкрѣпилъ г. Жидкова. Наступленіе Нагаевъ не долго-то продолжалось, какъ отправленной отъ г. Полковника Телегина г. преміеръ-маіоръ Рауціусъ съ эскадрономъ тожъ подоспѣлъ. По прибытіи жъ съ дсташементомъ г. Полковника Павлова началась Татарамъ полная рубка, которую не медленно съ пѣхотою и артиллеріею г. полковникъ Телегинъ усилилъ. Опрозерженные и потоптанные бум-

товщики бросались, мимо брода, прямо въ глубокую рѣку съ тиноватымъ грунтомъ, гдѣ были, аркибузпрованы, а задніе рублены и колоты. Своихъ женъ, коихъ изъ арбъ забрать не могли, Наган рѣзали съ дѣтьми а забранныхъ дѣтей бросали живыхъ въ рѣку. Арбъ спасли менѣе десяти; протчія всѣ достались нашимъ и, по рапорту г. Полковника Телегина, двадцать тысячь лошадей и рогатаго скота. Множественные изъ оставшихъ живьемъ вылазили изъ воды на противномъ берегу въ рубашкахъ, но сіи нашими на той сторонѣ поражаемы были. По рапорту г. Полковника Телегина, едва ихъ (татаръ) треть спаслась, и, по близкимъ извѣстіямъ, начали по степи умирать съ голоду. Подробнаго рапорта еще нѣтъ, а прибывшій отъ сраженія съ бунтовщиками мурза сказывалъ, что онъ безъ счету видѣлъ мертвыхъ и не одну тысячу, такожъ и довольно въ полону, и что полковники спасли много невинныхъ младенцовъ, коихъ питаютъ молокомъ.— 31-го іюля Джамбулуки въ ночи, взволновавши многія орды, всѣ кибитки и скотъ бросивъ, чинили нападеніе на шедшія съ г. Полковникомъ и Кавалеромъ Лешкевичемъ, при воинской командѣ, множественным орды, отъ чего послѣдовала междоусобная брань; при чемъ погибли нѣкоторые мурзы съ чернью, что не успѣлъ г. Лешкевичь усмирить, какъ извѣстіи къ нему дошли о многихъ бунтахъ въ разныхъ мѣстахъ. Впрочемъ я все то усмирилъ и всюду поразилъ всѣхъ.

3) 6-го октября 1783 года.

Кубанскаго корпуса легкой отрядъ войскъ, выступя 19 сентября отъ Копыла и пройдя вверхъ Кубани 31-й версту, 20 числа въ ночи прибыль подъ урочище Эски-Копылъ; 25 числа маршъ скрытный продолжался въ ночахъ: на 26-е число 13 верстъ до урочища Анджебу; на 27-е число 18 верстъ до урочища Кушъ-Межикъ-Агаше; на 29 число 25 верстъ до урочища Адемей-Аузъ; на 30-е число 17 верстъ до урочища Картъ-Кашу. Чрезъ конфидентовъ слухъ былъ пропущенъ за кубанскимъ племенамъ, какъ и въ Суджукъ-Кале, что я отъѣхалъ въ Полтаву; что войска обращены внутрь Россіи для войны съ нѣмцами, что ихъ малая часть слѣдуетъ къ Кавказскому корпусу для войны съ Персами, что строго повелѣно

закубанскимъ племенамъ ни малѣйшихъ видовъ къ неудовольствіямъ не подавать, что Нагайскихъ татаръ повслѣно оставить въ покоѣ. На маршѣ изъ лагеря, при вышесказанномъ урочищѣ Картъ-Кешу съ регулярными войсками соединился войсковой атаманъ г. Генералъ Маіоръ Пловайскій и казачьи полки. Въ предположенномъ 8-мъ часу, въ ночи на 1-е Октября, корпусъ слѣдовалъ безостановочно отъ прежняго лагеря 12 верстъ до переправы при урочищѣ Токусъ-тобѣ. Сія была наитруднѣйшая, широтой болѣе 75 саженъ, едва не вплавь; противный берегъ весьма крутой, высокой и толико твердъ, что шанцовымъ инструментомъ въ быстротѣ движенія мало способствовать можно было; артиллерія и тягости поднимаемы были на канатахъ, картузы и нотронные вѣки персносились въ рукахъ. Въ студеной ночи пѣхота переходила нагая. Все сіе отправлялось на челѣ бунтовщиковъ. Колонны, поелику переправлялись, шли быстро впередъ. Отошедъ правымъ бокомъ Лабы 12 верстъ, на половинѣ чрезъ топкое мѣсто, Донское войско, подъ предводительствомъ войсковаго атамана г. Генералъ-Маіора Пловайскаго, авангардные драгуны въ командѣ г. Полковника и кавалера Лешкевича и резервной баталіонъ гренадеръ при подполковникѣ Крапфѣ, на разсвѣтѣ ударили на бунтовщиковъ съ великою храбростію, разгромили ихъ аулы, расположенные на 10 верстахъ и въ 10-ть часовъ по полуночи открылась полная побѣда. Побоище было по обѣимъ сторонамъ Лабы. Въ числѣ показанныхъ убитыхъ отъ войсковаго атамана сочтены тѣла почетныхъ мурзъ и главныхъ Нагайскихъ наѣздниковъ, кочевавшихъ впереди прочихъ; спасся изъ нихъ только Кара-Касай. Утружденныя войска на мѣстѣ пораженія отдыхали два часа. Не можно было, чтобъ отъ бѣгущихъ бунтовщиковъ въ протчіе аулы извѣстія тотчасъ не разнеслись. Въ первомъ часу по полудни войско выступило правымъ бокомъ Лабы въ маршъ впередъ 14 верстъ и съ тою же быстротою напала на бѣгущія джамбулуцкія Тавъ-Султана и разныхъ поколѣньевъ орды, пробилось за лѣвый бокъ Лабы до густыхъ лѣсовъ, куда далѣе въ глубину Тавъ-Султанъ съ прочими ушелъ, и на вечеръ одержало паки совершенную надъ бунтовщиками побѣду. Галиль-Эфендій спасся при Березекъ-гирей-салтанѣ касаевскомъ, у котораго онъ при-

бѣжище имѣлъ. Плѣнные Наврузцы и Каспулатовцы, взятие въ замѣшательствѣ, числомъ до 200, освобождены и ко всѣмъ закубанскимъ поколѣніямъ извѣщено Высочайшее покровительство ее вліяніемъ, чтобъ они съ бунтовщиками впредь согласія не имѣли.— Войско имѣло ночлегъ на 2-е октября на выгодномъ лагерѣ праваго бока Лабы, на мѣстѣ пораженія при урочищѣ Сары-Пшгеръ; того числа въ день отдыхало; въ ночь же выступило въ походъ по правому боку внизъ Лабы до урочища Керменчикъ 22 версты, гдѣ дневало. Въ ночь на 4-е октября выступилъ отрядъ кавалеріи и нѣчто артиллеріи до урочища Кара-Нагай, разстояніемъ 15-ть верстъ, проходя черезъ три топкія болота на бывшее кочевье салтанъ Мамбета съ частію Мнинскаго поколѣнія и иныхъ, но сіи уже ушли въ густые лѣса. Остается одинъ не посѣщенный извѣстный разбойникъ Зупалей, кочующій между Атукайцовъ и Базадыковъ съ частію китайскаго и иныхъ поколѣньевъ, отъ ближайшаго къ нему Кубанскаго брода въ 27 верстахъ, но по Закубанью, внизъ отъ Лабы, въ 110 верстахъ (хотя нѣчто по сей сторонѣ ближе), до него отправлены конфиденты; токмо, свѣтлѣйшій князь, не можно, чтобъ онъ къ горамъ но лѣсамъ не разбѣжался, чѣмъ дастъ способъ утружденнымъ войскамъ, по позднему времени, слѣдовать въ квартиры. Во ожиданіи извѣстій объ ономъ, мы обратно, переправясь чрезъ Кубань внизъ 15 верстъ, отдыхаемъ на выходномъ лагерѣ. Господинъ генералъ-поручикъ и Кавалеръ Потемкинъ увѣдомлять меня, что онъ отрядилъ съ полками г. Генералъ-Поручика и Кавалера Леонтьева, который извѣщалъ меня, что онъ будетъ обрѣтаться между Кубани и Лабы для поисковъ надъ бунтовщиками. Сему послѣднему сущему въ движеніи, примѣтилъ я по подружности черту Тавъ-Султана съ прочими. Войска Ея Императорскаго Величества получили въ добычу множество скота, примѣрно, по количеству, рогатаго до шести, овецъ до пятнадцати тысячь, что на нихъ и подѣлено и часть оставлена для казны. Ясыры отъ бунтовщиковъ, всего отъ шести до семи сотъ душъ, такожъ раздѣлены я внушено господину войсковому атаману, что онъ записывать можетъ по желанію оныхъ въ казаки, какъ и прежнихъ до 500 человѣкъ, забранныхъ во 2-й бунтъ подъ Ейскимъ укрѣпленіемъ,

кои иначе Дону и всюду больше въ тягость. Въ сихъ двухъ но бѣдахъ съ какой стороны сколько убито, безвѣстно пропало и ранено казаковъ—явствуетъ изъ приложенія войсковаго атамана. За тѣмъ рядовыхъ убито отъ драгунъ 1, отъ пѣхоты 1, ранено отъ пѣхоты 1. Храбрость, стремительный ударъ и неутомленность войска Донскаго не могу довольно выхвалить предъ вашею свѣтлостію и высочайшимъ трономъ, какъ и прочаго Ея Императорскаго Величества подвизазшагося воинства. Съ сею славою вашу свѣтлость всенижайше поздравляю. Подлинный подписалъ: Генералъ-поручикъ Александръ Суворовъ.

Д) Копія съ рапорта, 5-го октября 1783 года, войсковаго атамана Иловайскаго Суворову.

По отдѣленіи меня отъ вашего высокопревосходительства Войска Донскаго съ казачьими полками на 1-е число октября въ ночи, по переходѣ рѣки Кубани къ ионску бунтовщиковъ Нагаевъ впередъ, нашелъ я, верстахъ въ 12 отъ оной, хочующихъ между Кубани в Лабы нагайцовъ аулъ, и какъ я сталъ съ войскомъ къ оному приближаться, то выѣхали противъ меня вооруженныхъ татаръ до 500 человѣкъ, дѣлали сильное отраженіе и наѣзды, но я храбростію войска вмигъ иенровергъ, положа мертвыхъ на мѣстѣ до 300 человѣкъ, за бѣжавшимижъ отрядилъ при двухъ полковникахъ Дмятріѣ Грековѣ и Екимѣ Барабанщиковѣ, два цѣлые полка, которые, настигая ихъ на дорогѣ, перекололи довольно; оставшихся малое число скрылось въ лѣсахъ; далѣе нашелъ я въ ведальнемъ отъ онаго разстояніи два аула, также иротивящіеся, вооруженныхъ до 800 человѣкъ, изъ которыхъ потому жъ побивъ на мѣстѣ до 500 ч., за бѣжавшими отряжены при гг. Полковникахъ Осипѣ Даниловѣ, Сычовѣ и Яновсвовѣ три полка, коимъ приказалъ какъ можно достигать и истреблять (что съ успѣхомъ и сдѣлано почти—никого не упустили), а самъ съ войскомъ слѣдовалъ впередъ, и отошелъ не далѣе верстъ 6, какъ показались еще два аула въ близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи. Тутъ я, чтобъ оные вмѣсти разбить, раздѣла войско иополамъ, поручилъ одну часть господину отъ арміи Полковнику Себрякову, а другую самъ взявъ пошелъ и изъ оныхъ

бунтовщиковъ на мѣстѣ и при побѣгѣ дорогою побито до 1,000 человѣкъ; за ушедшими жъ за Лабу отряжены были полковники Даниловъ, Барабанщиковъ, Яновскій, Кутейниковъ, Сычовъ, Грековъ и Леоновъ съ полками. Они умножая тутъ свои успѣхи, настигая, били непріятеля, при которомъ случаѣ взято и спасено просящихъ пощады множество, коихъ число еще не извѣстно. Видя послѣ сего, что за утомленіемъ лошадей, далѣе слѣдовать было не можно, сдѣлалъ часа на два всему войску, по приказанію вашего высокопревосходительства, растыхъ; потомъ паки я отдѣлился впередъ и, отъѣхавъ верстъ 15-ть увидѣлъ переправившихъ и еще переправляющихся черезъ Лабу на лѣвую ее сторону нагайской орды Татаръ и тамо ихъ аулы; переправясь чрезъ оную вбродъ, настигъ ихъ верстахъ въ шести и противящихся тотчасъ разбилъ, побивъ тутъ на мѣстѣ и при побѣгѣ татаръ до 1500, да въ плѣнъ взято 185 человѣкъ; послѣ чего тутъ же, въ лѣсахъ поразсыпкѣ, казаками побито ихъ не малое число. При всѣхъ же тѣхъ дѣйствіяхъ изъ Донскаго войска казаковъ порублено въ смерть загнавшихся 15-ть, ранено тяжело 2, легко старшина 1 и казаковъ 4, всего 24 человѣка, да лошадей убито 10, ранено 45. Въ выше реченномъ же сраженіи отличались гг. арміи полковники Себряковъ, Денисовъ (Илья); полковники и премісръ-маіоры Кутейниковъ, Яновскій, Сычовъ, полковники Петръ Поповъ (который при томъ управлялъ Донскою артиллеріею), Даниловъ, Кульбавовъ, Грековъ, Харитоновъ, Барабанщиковъ, Леоновъ, Пантилѣевъ и Астаховъ; а при томъ же, при всемъ истребленіи соучавствовали въ самыхъ передовыхъ войскахъ: Г. Полковникъ и Казалеръ Лешкевичь доказывалъ усердную свою службу весьма съ успѣхомъ, да Владимірскаго драгунскаго полка Г. капитанъ Тележниковъ съ эскадронами и пушками, въ слѣдъ поспѣшая за мною сикурсовалъ и въ два аула при Лабѣ дѣлалъ пушечные выстрѣлы; сверхъ того, находящіеся въ разныхъ полкахъ полковые старшины въ случаѣ семъ противъ непріятеля поступали съ отличною храбростію, за что и заслуживаютъ воздаяніи. Впрочемъ вес происшествіе самолично изволили ваше высокопревосходительство видѣть; почему покорно прошу о всѣхъ соучавствовавшихъ въ сей побѣдѣ, о благоволительномъ куда

слѣдуетъ представленіи, сдѣлать ваше разсмотрѣніе. На подлинномъ подписано: Войсковой атаманъ Алексѣй Иловайскій.

е). Письма Суворова войсковому атаману Иловайскому о Нагайцахъ (*).

1). 23 іюня 1783 года. Ейское Укрѣпленіе.

Милостивый государь мой
Алексѣй Ивановичъ!

Почтеннѣйшее Вашего Превосходительства отъ 22 іюня письмо имѣлъ честь получить. Здѣсь, слава Богу, все тихо, а о будущемъ еще не скажу. Пантелѣева полкъ идетъ несказанно медленно; сколько можно, прикажите ему, милостивый государь, ускорить. Просилъ я,—ваше превосходительство, чрезъ г. Урываева о доснѣяніи въ празднику непремѣнно сотинки казаковъ, по всекрайнему въ нихъ здѣсь въ нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ недостатку (въ чемъ я несумнѣнно и полагаюсь на вашу благосклонность), съ зачетомъ сей сотни третьяго полку. Еще же что четвертому изволили приказать быть въ готовности къ походу, весьма, милостивый государь мой, то полезно, хотя нынѣ дѣствительно въ запасѣ. Къ высокоторжественному празднику должны быть заняты Копылъ и Тамань. Простите мнѣ, что я за многодѣліемъ сокращаю. Пребываю всегда съ совершеннымъ почтеніемъ,

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

2). 1-го іюля 1783 г. Ейское Укрѣпленіе.

Милостивый государь мой
Алексѣй Ивановичъ!

Нѣтъ, голубчикъ; вить это только присягали Едисанскіе съ Джембулуцкими начальниками, а къ черни ихъ еще послали грамотки.

(*) Драгоцѣнныя въ историческомъ отношеніи письма эти сохранились при одномъ дѣлѣ войсковаго архива. Всѣ они писаны рукою Суворова и помѣщаются здѣсь цѣликомъ, отъ слова до слова.

О Едешкульскихъ же четырехъ большихъ поколѣніяхъ по Копылу еще ни слова нѣтъ, развѣ что нибудь получилъ чрезъ недѣлю; но Тамани же съ окрестностями развѣ вдвое позже, коли Богъ дастъ,—благополучно. По 24-е число упоминается вашему превосходительству о пяти полкахъ только, а не о иныхъ какихъ: казакъ въ походѣ всегда готовъ. И то, что есть, ничья ошибка по Едишкуламъ; иначе и нынѣ безъ церемоніи я бы сказалъ: тихо есть, тихо будетъ,—развѣ что Богъ опредѣлилъ выше человѣческаго предвѣдѣнія. Пребываю всегда съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію,

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

3). 6 іюля 1783 г. Ейское Укрѣпленіе.

Спѣшу извѣстить ваше превосходительство о неожиданномъ и успѣшномъ возвращеніи г. подполковника и кавалера Лешкевича отъ стороны Копыла, гдѣ онъ окончилъ уже порученное ему не только между Едишкулами вообще, но и развратниковъ той же орды, бывшихъ близь Кубани и готовыхъ къ переходу за оную и на случай вооруженныхъ, поворотя на прежнее кочевье, привелъ къ исполненію монаршей воли. Нынѣ въ томъ краю все къ лучшему предуспѣянію происходитъ. Остается ожидать благополучнаго окончанія по Таману.

А. С.

4). Іюля 9 дня 1783 г. Ейское Укрѣпленіе.

Милостивой государь мой
Алексѣй Ивановичь!

Изъявляя вашему превосходительству мою благодарность за почтенное ваше ко мнѣ чрезъ нарочнаго писаніе, увѣдомляю: послѣ вашего отсюда отбытія, ни какихъ о Донскомъ Войскѣ, по полученнымъ отъ его свѣтлости ордеру и письму, отъ 1-го іюня пущеннымъ, предписаній не имѣю, кромѣ одного заевидѣтельствова-

нія удовольствія о происходящемъ въ здѣшнемъ краю. Казака отъ васъ присланнаго, сочтя я продерживать здѣсь за излишнее, отправилъ его съ симъ. Васъ же увѣряю, что какъ скоро я получу отъ его свѣтлости новое, а особливо относительно до васъ повелѣніе, не оставлю о немъ извѣстить. Поспѣшите ваше превосходительство отправленіемъ полку г. Исаева, а особливо слѣдующихъ въ дополненіе казаковъ г. Пантелѣева, ибо оный занять долженъ опредѣленные ему нужные посты. Пребываю впрочемъ съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію

вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

(P. S.) Сей день есть наинеудовольственнѣйшій, а сія минута всѣхъ горше. . На ту пору сотни Пантелѣевой не только нѣтъ, но и не слыхалъ. Ваше превосходительство сколько можно понудьте и потомъ особливо г. Исаева полкъ какъ возможно наискорѣе. 4-й полкъ между тѣмъ прикажите собрать. Но ежели продолжится, то и прочимъ войскамъ прикажите быть готовымъ.

5). 10 іюля 1783 года. Ейское Укрѣпленіе.

Милостивый государь мой
Алексѣй Ивановичъ!

Ваше превосходительство съ симъ нарочнымъ паки покорнѣйше прошу о скорѣйшемъ прибытіи полку г. Исаева, но и достальные Пантелѣевы слишкомъ сто еще не прибыли. Сіе одно всѣ здѣшнія дѣла привело въ несказанную разстройку. Отсюда на службу я едва десятка три набрать могъ, и принужденнымъ нашелся уже стремглавъ драгунскій полкъ отправить и сумнѣваюсь, чтобъ онъ поправить поспѣлъ. Въ великомъ я безпокойствіи. Тысячь больше пятнадцати Едишкульскихъ казановъ отъ разныхъ оплошностей учинились не послушными, и можетъ имѣть то наивреднѣйшія слѣдствія. Тоже не вовсѣхъ мѣстахъ здорово. Бога ради пришлите скорѣе казаковъ. Повелите, ваше превосходительство, выступить и четвертому полку, хотя чрезъ недѣлю, а какъ можно прежде, сотнями или меньше того командами. Крайне боюсь, чтобъ не разго-

рѣлись, и всѣ полки не потревожились бы. Боже того не даруй. Пребуду всегда съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію,

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

6). 16 іюля 1783 года. Ейское Укрѣпленіе.

Милостивый государь мой,
Алексѣй Ивановичъ!

Почтеннѣйшее вашего превосходительства письмо я 12-го сего іюля имѣлъ честь получить. Пантелѣева сотня съ Корнѣевичемъ пожаловала сего числа сюда, а завтра отсюда на жидинькую цѣпочку противъ Дячкина, Прикажите, милостивый государь, поскорѣе дослать остальныхъ Пантелѣевыхъ, съ исключеніемъ зачета 26 и отпущенныхъ въ домы 12 человѣкъ.—А теперь получаю и другое письмо вашего превосходительства отъ 7-го сего іюля, за которое также приношу мою благодарность.—Иванъ Ивановичъ Исаевъ сказывалъ мнѣ сего дня же, что его половина пребудетъ сюда завтра, а другая дня черезъ три. Дай-то Богъ. Покорнѣйше благодарю ваше превосходительство за собраніе четвертаго полка. Боже даруй, чтобъ его скорѣй здѣсь увидить. И развѣ что особливое Богъ пошлетъ,—пересталъ бы васъ, милостиваго государя, вовсе безпокоить. Развѣ Закубанская экспедиція? Да теперь, право, нало у меня войскъ на то остается. Уходить по перекочеванія, ежели Богъ на то изволитъ. Въ эскортѣ цѣлая третья доля, то есть полкъ драгунскій и пѣхотный, а тамъ щотъ знать изволите, казачьи силы: полкъ въ эскортѣ, половина въ тылу, полтора полка отсюда—всюду, за тѣмъ полкъ резервной, гдѣ потребно; да коли нейти за Кубань и будетъ благополучно, то еще и тотъ, можетъ быть, подумавши отпущу зимовать домой. Право, почтенный братъ, подъ секретомъ скажу, что сей осени нѣтъ у меня охоты за Кубань—и самъ незнаю отъ чего. Кажется будто отъ того, что на единѣ съ вами говорилъ. Да, истинно можно устать. Полно бы и того, колибъ извелилъ Господь Богъ и благословилъ препровожденіе нашихъ новыхъ друзей на ихъ старину. У матушки бы прибавилось очень

много подданныхъ и надобно бы ихъ благоразумно учредить. Тѣмъ бы хоть и всю нашу кампанію кончить.—Выходцы отъ Черкесъ объявляютъ, что они боятся нашего наступленія, и болѣе такихъ, кои крѣпко оборонятся хотятъ, также думаютъ просить помощи турецкой, кою считаютъ тысячъ до пятнадцати, а я въ выгрузкѣ ихъ одною цѣлой и десяти не считаю. Впрочемъ, сколько знаю, то Турки нынѣ спокойны. Мнѣ на первой сколокъ останется еще выработать двѣ части: одна за Копыломъ не малая, которую хочется отсюда выпроводить при вѣсьма бойкомъ человѣкѣ, ибо очень много въ ней развратниковъ, хоть и присягнули; вторая по окружностямъ таманскимъ, хотя правда легче прочихъ, но водяная стихія препятствовала во все сіе время войскамъ ихъ пункты занять. Обыватели же упоены турецкою брагою, и сколько было, разбѣжались по деревнямъ и въ стороны. Вотъ вашему превосходительству о всемъ донесъ, что пришло на разумъ. Пребываю всегда съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію

вашего провосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

7). Ейское Укрѣпленіе. Іюля 18-го дня 1783 г.

Милостивый государь мой
Алексѣй Ивановичъ!

По извѣщенію вашего превосходительства отъ 15-го іюля, предосторожности суть похвальны, но даруй Боже, чтобъ оныя были не нужны, какъ уже ваше превосходительство увѣдомилъ и впредь увѣдомлять буду. Недостатокъ силъ подвигаетъ ихъ, чего ради соизволите, елико можно, наискорѣе четвертый полкъ сюда добавить. По окончаніи жъ сію минуту, что получилъ отъ К. Г. А., вашему превосходительству прилагаю и кратко: слава Богу! У его свѣтлости въ Крыму все кончено благополучно. Всегда пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ,

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

8). Ейское Уврѣпленіе. Іюля 22 дня 1783 года.

Милостивый государь ной
Алексѣй Ивановичъ!

Христа Спасителя ради не потревожьте нашихъ любезныхъ братцовъ, добрыхъ молодцовъ. Богъ милостивъ. Новая наша собратія, которыхъ ваше превосходительство нижайше прошу жаловать, сего дня всѣ за Малоейскимъ нашимъ кордономъ (кромѣ тѣхъ четырехъ тысячъ казаковъ, прихлоненныхъ къ разврату—Закопильскихъ); жнутъ теперь хлѣбецъ и собираются на Уральскую степь въ неблизкій походъ, что, уповая на милосердіе Всевышняго, дней черезъ десятокъ начаться можетъ во всѣхъ сихъ странахъ. Всѣ наличные вступили въ Высочайшее подданство, съ чѣмъ ваше превосходительство, милостивый государь, поздравляю какъ и съ симъ днемъ—Высочайшей имянинницей, и буду съ неизмѣннымъ и совершеннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

9). Ейское Укрѣпленіе. Іюля 24 дня 1783 г.

Милостивый государь мой
Алексѣй Ивановичъ!

Четвертому казачьему полку мною сюда ожидаемому, покорнѣйше прошу приказать выступить со всякою поспѣшностію прямо на усть-Малой Еи, гдѣ онъ весьма нуженъ. Ваше превосходительство! на Маннчѣ и Салѣ рѣкахъ при ежевременныхъ нынѣ слѣдованіяхъ войскъ и Нагайскихъ Татарамъ, собратіямъ нашимъ, на Уральскую степь идущимъ, нужны исправныя переправы: повелите, милостивый государь мой, оныя тамо воздвигнуть. Сіе казачкамъ не сдѣлаетъ убытку, но елику и для самихъ ихъ не меньше будутъ всегда потребны. Жду на сіе увѣдомленія и не поколибимо буду съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію,

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

10). 25-го іюля 1783 года. Ейское Укрѣпленіе.

Ваше превосходительство! Бога ради пожалуйте мнѣ скорѣе четвертый полкъ по сотнямъ на усть Малой Ея, и сотня отъ сотни былибъ очень не подалеку. Предопасность непрестанно предлежитъ, и въ томъ перемѣна обстоятельствъ, какъ вѣтръ и погода. А для разныхъ нредвидимыхъ одному Богу бурь, повелите на Дону быть осторожнимъ, чтобъ иногда безъ дальнихъ чиновъ по дистанціи сократить за Дономъ и вплавь. Особливо изволите приказать беречь противъ Еагальнпка и Маныча. Какъ скоро тамъ за мосты, то еще тогда можно мнѣ разшириваться, чего ради учредите ихъ наискорѣе исправлять, дабы въ нихъ ни часовой остановки въ переправѣ не было, и я денегъ на то не жалѣю. Исправленіе на Салѣ уже не такъ мудрено. Уповаю сего числа движеніе господъ Нагаевъ начнется впередъ съ хвосту.

Александръ Суворовъ.

11). Ейское Укрѣпленіе. Іюля 26 ч. 1783 г.

Милостивый государь мой
Алексѣй Ивановичъ!

Почтеннѣйшее письмо вашего превосходительства отъ сего іюля получитъ честь имѣлъ съ моею благодарностію. Изъ за Копыла не бывалъ еще сюда Джаумъ-мурза и иные съ ихъ аулами, приведенными изъ разврата въ послушаніе, и о нихъ я не удостоенъ ниже слуху отъ Федора Петровича; всѣхъ нхъ отъ 3-хъ до 4-хъ тысячь казановъ. Прочее многолюдство медлитъ здѣсь, по ожданію отправленинхъ ихъ въ ту сторону съ провіантомъ арбъ, кон не возвращаются и слуху о томъ нѣтъ по вышесказанной же расторопности. Между тѣмъ собираютъ ихъ хлѣбъ и происходитъ ежедневныи безпокойства, кон всегда еще кончаются успѣшно. Сего числа я возьму мое мѣсто на первомъ форпостѣ, отсюда 15 верстъ. По началу сближенія ордъ въ походъ, 4-й полкъ и сію минуту нуженъ, и какъ онъ долженъ идти къ устью Малейскому, то ежели провіантскія арбы не возпрепятствуютъ и намъ чрезъ три дня

должно бъ было тамъ быть, чего однако не уповаю по расторопности Конильской. Впрочемъ идетъ благополучно, и уповая на милость Божію, буду съ моимъ совершеннымъ почтеніемъ.

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

12). 27 іюля 1783 года. Вверхъ по Ей на 1-мъ кордонѣ.

Милостивой государь мой
Алексѣй Ивановичъ!

А у насъ уже и баталія была. Оплошностію Пантелѣева одинъ мурза, съ нимъ до пятнадцати татаръ и двѣ арбы проврались чрезъ форпостъ ночью; поздно подали вѣсть; ихъ догнали съ десятокъ казаковъ очень далеко на усталыхъ лошадяхъ. На сей баталіи ранено нашихъ три, кои послѣ завтра выздоровѣютъ. Татаръ ранено много; убитъ одинъ и для прилики взята его лошадь и платье; отбили у нихъ скотину; протчіе ушли. Не худо бы, милостивый государь, предосторожности вашего превосходительства по дружескому вашему отъ 22-го сего мѣсяца письму. Токмо естли бъ провіантскія арбсли доспѣли, а снятіе хлѣбовъ уже не важно становится,—уже бы мы почти хоть къ Манычи потянулись, да и арбы со дня на день дожидаются; такъ бы только отъ стороны вашего превосходительства не позамедлились. Просто бы, милостивый государь, братцы—казачки къ г. Кутейникову, кому на досугѣ, нынѣ же съ Богомъ посблизились—каждые изъ своей станицы. Тутъ бы туча тучею показалась, а за Манычемъ уже сумнѣнія мало. Всего скучнѣе, что какъ ни натягивай, все житка Малоейская цѣпь и 4-й полкъ ежеминутно нуженъ. Пребываю всегда съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію,

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

13). На Эльбуздѣ. Августа 1 ч. 1783 года.

Милостивый государь мой
Алексѣй Ивановичъ!

Но здѣшнимъ безпокойствамъ моимъ, ваше превосходительство изволили меня предувѣдомить, что выступите съ войскомъ 1-го настоящаго мѣсяца. Покорнѣйше прошу вашего превосходительства первымъ полкамъ, хотя пяти, приказать съ получешія сего слѣдовать между Нагай, у прикрытія коихъ праваго крыла и я нахожусь. Ихъ передшія перейдутъ сего числа Кагальникъ. Пребываю съ совершеннымъ почтешемъ и преданностію,

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

14). На Кагальникѣ у Песчанаго брода. Августа 2 дня 1783 г.

Милостивый государь мой
Алексѣй Ивановичъ!

По многимъ слухамъ спѣшилъ я и прибылъ съ легкимъ деташементомъ на Кагальникъ къ Песчаному броду, чая тутъ видѣть ваше превосходительство, но колико жаль, что того лишаюсь. Обстоятельства здѣшшія вашему превосходительству совершенно извѣстны. Бога ради прибавте, елико возможно наипоспѣшнѣе, изъ первыхъ полковъ пять. Нужда въ нихъ ежечасная тѣмъ болѣе чтобъ гг. Наган, видя ихъ на глазахъ своихъ, удалились легкомысленнаго колебашія. Изъ сихъ же пяти полковъ одинъ, милостивый государь, съ получешія сего отправьте прямо къ г. подполковнику я кавалеру Лешкевичу, влѣвѣ меня, какъ слышно, при карантинѣ на Кагальникѣ жъ находящемуся. Вмѣсто всего, по извѣщеніе вашего превосходительства, 4-го полку г. Алексѣя Пантелѣева прибыло только но нынѣ еще третьяго дня при есаулѣ семдесятъ да вчерась съ сотникомъ дватцать человѣкъ. Покорнѣйши прошу и сему г. Пан-

телѣеву съ достальными, хотя такожъ сотенно, поспѣшать, кахъ здѣсь и недалеко. Есть всегда съ истиннымъ почтешемъ,

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

15). Августа 2 дня 1783 года. На Кагальникѣ у Песчанаго брода.

Милостивый государь мой
Алексѣй Ивановичъ!

Но нѣкоторымъ политическимъ обстоятельствамъ, подданные Ея Императорскаго Величества Нагайскіе Татары въ нынѣшнемъ году перекочевать на Уральскую степь не могутъ, въ слѣдствіе чего, по сдѣланіи мною нужнаго распоряжешія, останутся при корпусѣ Войска Донскаго только прежде бывшіе два полка, а за тѣмъ отпустятся къ Войску, куда такожъ обратиться должны и нынѣ по увѣдомленіе вашего превосходительства, выступившіе. Извѣщая о семь честь имѣю быть всегда съ совершеннымъ почтешемъ и преданностію,

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

(P. S.) По окончаніи сего, получилъ сей часъ извѣстіе о весьма сильныхъ бунтахъ. Я сію минуту выступаю. Бога ради, елико можно, ваше превосходительство, поспѣшайте съ толикими людьми сколько нынѣ при васъ въ собраніи есть, къ Кагальницкой мельницѣ войска подкрѣпить и оныя спасти.

16). Получ. 1783 г. Августа 4 дня на Еагальникѣ, но выше устья Ельбузды.

Ваше превосходительство! остановитесь. Полно; все теперь благополучно. Я буду скоро у Карантина. Солько Канакаевцы (*) почти всѣ перекрошены; самаго небережно прострѣлили въ ухо.

Александръ Суворовъ.

(*) Канакаевцами Суворовъ назвалъ здѣсь Джамбулудкихъ Татаръ, возмутившихся подъ начальствомъ мурзы своего Канакая, который былъ убитъ въ сраженіи при р. Малой Ени 1 августа 1783 года.

17). 1783 г. Августа 13 дня. На Маршѣ отъ Ессин къ Челбасамъ.

Милостивый государь мой
Алексѣй Ивановичъ!

Спѣшу вашему превосходительству отвѣчать на полученныя ваши письма съ казакомъ Егоромъ Еаракаткинымъ. Джамбулуки бунтовали не всѣ, а какъ по плакату Е. Г. А. явствуетъ, что Нагаямъ дается воля пребывать, гдѣ хотятъ, то думаю сходнѣе ихъ выпустить, хотя бъ они послѣ обратились въ иное мѣсто. Съ Екимомъ Михайловичемъ Барабанщиковымъ о войскахъ Донскихъ я ваше превосходительство увѣдомлялъ, и какъ я беру оборотъ къ Копылу, то ужо отъ связи Кагальницкой отдѣляясь, слѣдственно и Донскаго Войска свыше трехъ полковъ, какъ я къ вамъ писалъ, мнѣ болѣе нынѣ не потребно. О извѣстномъ же вашему превосходительству предположеніи за Кубань я ни малѣйшаго предписанія, ниже предувѣдомлевія ни откуда не имѣю; развѣ что нибудь вы о томъ имѣть изволите.—Ежели, милостивый государь мой, паче чаяніи донскія войска еще не распустили, и бунтовщики извѣстно, что нынѣ на р. Кубани противъ Таклишберга и якобы на ту сторону броды нынѣ глубоки, возвращающіеся же ваши партіи яснѣе о томъ извѣстія приносить могли, то развѣ, ваше превосходительство, предпримите, буде то не противно плакату свѣтлѣйшаго князя, послать сильной Донской отрядъ для ихъ истребленія; но я на сіе ничего изрѣщи не могу и буду всегда съ совершеннымъ почтеніемъ

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

(P. S.) По вѣрнѣйшей выправки ушло къ Кубани Джамбулуцкихъ прежде богатѣйшихъ во всѣхъ ордахъ до 2400, обыкновенныхъ до 870 и побольше 300 Едисанскихъ, всего около 3,500 казановъ (т. е. семействъ). Прочіе всѣ всюду до нынѣ спокойны и перекочевываютъ разномѣстно.

А. С.

18) 11 Августа 1783 года. Ейское Укрѣпяеніе.

Высокородный превосходительный господинъ Генералъ-маіоръ и Войска Донскаго войсковой атаманъ,

Милостивый государь мой!

Сколько прислано будетъ къ вашему превосходительству отъ г. полковника Телегина взятыхъ изъ оставленныхъ безъ призрѣніи и пропитанія на поляхъ, гибели подверженныхъ, при волнованіи нагайскихъ ордъ, малолѣтныхъ и прочихъ плѣнныхъ, ваше превосходительство, благоволите, принявъ, имѣть въ Черкаскѣ, впредь до рѣшенія его свѣтлости князя Григорія Александровича Потемкина, на мое о нихъ его свѣтлости донесеніе. Пребываю впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію,

Милостивый государь мой,
вашего превоходительства
покорнѣйшей слуга
Александръ Суворовъ.

19) 14 Сентября 1783 года. При Копылѣ.

Милостивый государь мой
Алексѣй Ивановичъ!

У сего вашему превосходительству прилагаю примѣченное мною въ здѣшнія войска. Паки ваше превосходительство прошу предпріятое соединеніе исполнить непремѣнно при наступленіи ночи на 1-е октября, ибо ужъ здѣсь всѣ мѣры приняты; что до провіанта, то по состоянію транспортныхъ фуръ на здѣшнія при мнѣ войска слишкомъ на полтора мѣсяца имѣю. Пребываю впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію,

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорный слуга
Александръ Суворовъ.

Ж) Копія съ ордера Суворова войскамъ, передъ переходомъ черезъ Кубань, при нападеніи на Нагайскіе аулы, въ сентябрѣ 1783 года.

ПЕРЕПРАВА: *1-й бродъ обыкновенный:* Берегъ вмигъ срѣзать лопатками драгунамъ,—какъ передовымъ; лопатокъ противъ потребностей вдвое; люди на три смѣны. *2-й бродъ въ 7-мъ четвертей:* Какъ и на первомъ, пѣхота въ торокахъ у драгунъ и части казаковъ; картузы перевозить—казаковъ четыре полка и больше; вѣки патронные—сто драгунъ для пѣхоты, сто драгунъ и больше для драгунъ. *3-й бродъ быстрый, если лошадь человѣка въ торокахъ не выдержитъ:* Пѣхотѣ переходить—нагимъ; ружье, сумы, мундиръ обувь на головахъ, хотя за симъ обращаться и еще разъ; прочіе противъ втораго. Если очень быстръ и лошадь на себѣ не выдержитъ сѣдока, драгунамъ—тожъ нагимъ; переведя коней, возвращаться за ружьемъ и вещами. *4-й бродъ вплавь.* Казакамъ тотчасъ переплыть. Драгунамъ срывать берегъ въ 4-хъ мѣстахъ, легкому баталіону утверждать колья съ сей стороны; переплывшимъ казакамъ утверждать колья съ той стороны; перевезти матеріалы въ лодкѣ вмигъ; перевезти канаты 4-е на лодкѣ на ту сторону вмигъ; переплывшимъ казакамъ утверждать канаты вмигъ. Гренадерской баталіонъ парольно въ 4-хъ мѣстахъ спускаетъ съ берегу на воду; строить понтонные паромы въ 4-хъ мѣстахъ. Слышу, что одинъ лопнулъ, то переправа въ 3-хъ мѣстахъ; одинъ паромъ запасной. Все управлять тихимъ голосомъ подъ жестокимъ наказаніемъ: 1) вмигъ (переправить) два большіе единорога и одну пушку—для единороговъ по два ящика—и стрѣлять изъ нихъ весьма мало; 2) переправить три пушки—сіи шесть орудіевъ для Бутирскаго полку и легкаго баталіона; 3) три пушки—двѣ остальныхъ пѣхотныхъ, одна драгунская; 4) вся пѣхота, какъ возможно, поспѣшнѣе. Но, то усмотрѣнію надобности, какъ драгуны потребны будутъ впередъ, по переправлять ихъ прежде пѣхоты. Для того при нихъ по двѣ ихъ пушки—четыре пушки. И такъ по частямъ: 4-е эскадрона въ походъ съ двумя пушками, 4-е эскадрона съ двумя пушками въ походъ впередъ. Далѣе: на рентранжаментъ 150 лопатокъ, 50 то-

норовъ, 50 кирокъ, г. Игнатьеву етроиться весьма проворно до времени уничтоженія переправы.—*Резервъ* гренадерской баталіонъ, сто казаковъ или полкъ, драгунъ не назначается, но будетъ по усмотренію; при немъ провіанта на 6-ть дней и меньше—у людей краюшки въ пазухѣ; при немъ палаточныхъ ящиковъ половина; при немъ кашеварные повозки; казачьи вьюки, крайне малое число партикулярныхъ повозокъ; но сей резервъ такожъ въ дѣйствіи. *Маневръ*: Донское войско вплавь впередъ (кромѣ человѣкъ тысячи при другихъ войскахъ), пользуется ночью, отбиваетъ табуны и но множеству иногда ихъ истребляетъ; истребляетъ бунтовщиковъ, пользуется иочью всегда впередъ; передъ свѣтомъ обращается скрытно къ прочимъ войскамъ назадъ; но (если) идетъ благополучно, бунтовщики бѣгутъ, умѣньшаются—бьетъ впередъ, не сжидаясь другихъ войскъ, ниже пушекъ. Войскамъ отдыху нѣтъ до рѣшительнаго пораженія, истребленія, плѣну бунтовщиковъ; не близки онѣ —искать ихъ вѣздѣ, стрѣльбу беречь, дѣйствовать на десять и больше, работать холоднымъ оружіемъ....Первые аулы истребить пушками, а особливо при случайномъ сопротивленіи; въ такомъ случаѣ баталіонъ легкой съ пушкою на тысячу кибитокъ и два эскадрона съ пушкою и половину полка казачьяго, а два полка казачьихъ должны истреблять потомъ; половины полка казачьяго должность есть отгонять лошадей и скотъ; далѣе двухъ—трехъ веретъ небѣжатъ за иною добычею. Легкой баталіонъ, два эскадрона и два полка казачьихъ тотчасъ впередъ къ еоединенію съ нротчимъ впереди войскамъ; войско же, но вышереченному, миновавъ тѣ тысячу ауловъ и оставя показанное число позади себя безъ малѣйшей остановки въ нарядахъ, идетъ поспѣшнымъ шагомъ впередъ а равнимъ образомъ, отдѣляетъ отъ себя, примѣрно для истребденія отъ 1 до 2 тысячь кибитокъ казачьихъ полка два, эскадрона два съ пушкою; на третій разъ противъ толикаго числа кибитокъ можетъ опять одинъ оставаться легкой баталіонъ, ибо между тѣмъ задній легкой баталіонъ подоспѣетъ, и такъ далѣе. Ежели таковые аулы на верстѣ, двухъ, трехъ одинъ отъ другаго, то войску дѣлиться но поламъ и противъ того истреблять, но и тогда половинѣ войскъ быть всегда во фрунтѣ. И такъ, ежели аулы

въ близости въ трехъ верстахъ, то войско дѣлится на три части — половина всегда въ линіи для резерва, тоже и на четыре части, когда въ близости четыре большихъ аула; но раззореніи жъ слѣдуетъ далѣе впередъ. Двумъ легкимъ баталіонамъ быть обыкновенно резервами; при нихъ быть всегда по два эскадрона. Конница и казаки съ коней не сходятъ, а добыча въ аулахъ чинена будетъ четвертою частію войскъ; четвертая часть всегда закрываетъ половинамъ въ строю на обратномъ походѣ, ибо крайней опасности подвергается войско, ежели къ бѣгству хотя мало приступитъ, и кто отважится то учинить, резервамъ по тому войску стрѣлять изъ пушекъ и ружей, каковому наказанію себя отнюдь никому не подвергать; въ противномъ случаѣ варвары обращаются назадъ и гибель всему таковому грабящему войску безъ помощи. Полонъ мужеска и женска пола въ передовыхъ аулахъ по причинѣ истребленія и множественному въ другихъ аулахъ впереди числу, почти быть не можетъ; случайно же отгонять со скотомъ; но оный быть долженъ въ дальнѣйшихъ аулахъ, и то по причинѣ истребленія, ежели Богъ пособитъ, множествомъ не обременяться, ибо ежели Богъ дастъ, раздѣленіе добычи всѣмъ равное. Всю добычу дѣлить: половину на государя, казакамъ двѣ трети, другому войску одна треть изъ оставшей половины. Г. Исаеву съѣдѣшними казачьими полками быть всегда при резервахъ.—

ПРИБАВЛЕНІЕ.

1) Похвальное свидѣтельство фельдмаршала Румянцова Задунайскаго Войску Донскому, за подвиги его въ Турецкую войну.

По высочайшей довѣренности Ея Императорскаго Величества, я будучи предводителемъ арміи въ послѣднюю войну съ турками, подтверждаю многократныя мои засвидѣтельствованія и симъ вообще удостовѣреніемъ о всѣхъ гг. старшинахъ и казакахъ Войска Донскаго, находившихся въ теченіи войны подъ моею командою: что подвиги ихъ противъ непріятеля отлично поспѣшествовали всѣ славные успѣхи россійскаго оружія. Они составляли зимою и лѣтомъ первую стражу арміи, не утомляясь ни нуждою, ни невыгодами та-

кому положенію свойственными, въ мѣстахъ наипаче необитаемыхъ. Ихъ бдѣнію и врожденному въ нихъ военному искуству, одолжены мы особливо, что непріятехъ не могъ нигдѣ во вредъ нашъ скрыть своего движенія; но былъ часто чрезъ собственныя ихъ силы отбитъ и пренозмогаемъ; а побуждаемъ будучи доброю волею и рвеніемъ къ службѣ во всякомъ случаѣ, гдѣ только было дѣло съ непріятелемъ, къ малыхъ и большихъ стычкахъ и въ самыхъ генеральныхъ сраженіяхъ, пускались они въ огонь первые, отличаясь храбростію чрезвычайною, новиновеніемъ власти и жертвованіемъ самой жизни, обрѣтали премногія надъ непріятелемъ побѣды. Доводы ихъ мужества, военнаго искуства, рачнія и послушаніи въ дѣйствіяхъ, которыя отъ меня собственно или отъ генераловъ, отрядами войскъ командовавшихъ, на нихъ возложены были, больше и удивительнѣе отъ нихъ содѣяни, нежели оные описать, или довольно восхвалить есть удобно. Я словомъ заключаю мое свидѣтельство, что сіе храброе и полезное отечеству Донское Войско, по отличнымъ своимъ заслугамъ, въ войнѣ доказаннымъ, достойно Высочайшаго благоволенія и милостей монаршихъ. Еже даю за подписемъ и печатью моими, Малороссійскаго Прилуцваго полку въ селѣ Парафсевкѣ, іюня 4 дня 1775 года.

Графъ Румянцовъ.

2) Высочайшая грамота, данная Войску Донскому по окончаніи Турецкой войны (1767—1775 года).

(Послѣ титула).

„На Донъ въ верхніе и нижніе юрты, всѣмъ атаманамъ и казакамъ, атаману Алексѣю Иловайскому, канцеляріи Войска Донскаго и всему оному Войску.

Наше Императорское милостивое слово:

Принявъ во всемилостивѣйшее уваженіе, засвидѣтельствованные предъ Нами отъ всѣхъ предводительствовавшихъ вашими заграничными арміяни и корпусами храбрые и неутомленные подвиги, каковыми Наше вѣрнолюбезное и знаменитое Донское Войско во время минувшей съ Портою Оттоманскою войны и при устроеніи быв-

шихъ въ Польшѣ замѣшательствъ, во всѣхъ случаяхъ и вездѣ, гдѣ польза службы требовала, къ прославленію побѣдоноснаго Вашего оружія, украшалось такъ, что врожденное онаго Войска военное искуство и неутомленность во всегдашней передовой стражѣ, не токмо не позволяли неиріятелямъ нигдѣ, во вредъ Нашихъ войскъ, скрыть своего движенія, но превозмогали и совершенно уничтожали всегда всякое онаго покушеніе; чѣмъ способствовали славнымъ оружія Нашего успѣхамъ.—И толь знаменитыми побѣдами какъ и похвальною къ Намъ и отечеству службою, обратили на себя правосудное Наше вниманіе и высокомонаршую милость, которую и восхотѣли Мы ознаменовать силою сея Императорскія грамоты ко всенародному свѣдѣнію, на память будущихъ временъ, что отличныя сего храбраго и полезнаго Намъ и Отечеству нашего Донскаго Войска, оказанныя въ войнѣ заслуги, не токмо пріемлемъ Мы достойными Монаршаго Нашего отмѣннаго благоволеніа и милости, но и сохранимъ оные всегда въ правосудномъ нашемъ признаніі и памяти. Напротивъ чего надѣемся, что оное Войско, видя таковия Высокомонаршія Наши къ нему благоволенія, почтется и впредь усугублять сію, свойственную ему славу, ревностію и усердіемъ во образѣ отправляемой имъ толь полезной для отечества службы; впрочемъ пребываемъ ко всему оному Войску вообще и каждому особенно Императорскою Нашею милостію благосклонными. Дана въ престольномъ Нашемъ городѣ Москвѣ іюня 28 дня 1775 года, а государствованія нашего въ 14-е лѣто."

На подлинной написано Собственною Ея Императорскаго Величества рукою:

Екатерина.

3) Предложеніе князя Потемкина Войсковому атаману Иловайскому съ препровожденіемъ Высочайше пожалованныхъ Войску Донскому знамени, бунчука, булавы и насѣки.

„На Донъ въ нижніе и верхніе юрты, всѣмъ атаманамъ и казакамъ, господину Войсковому Атаману Иловайскому, Канцеляріи Войска Донскаго и всему оному Войску.

При семъ препровождаю Всемилостивѣйшіе пожалованныя отъ Ея Императорскаго Величества Войску Донскому, въ воздаяніе знаменитыхъ его подвиговъ и усерднѣйшей къ отечеству службы: войсковые знамя, буичукъ, атаманскія булаву и насѣку, изъ коихъ знамя освящено въ присутствіи моемъ Платономъ архіепископомъ Московскимъ и Калужскимъ. Знаки сіи да пребудутъ въ ономъ на вѣки къ прославленію драгоцѣннѣйшаго Имени Августѣйшія Обладательницы и покровительницы Екатерины Великія, премудрыя Матери Отечества; будутъ и для потомства Войска сего побужденіемъ къ храбрымъ подвигамъ и всегдашнимъ напоминовеніемъ, сколь служба Войска сего награждена отъ руки столь великія и щедрыя Монархини. Я жъ себя счастливымъ почитаю, что во время начальствованія моего надъ симъ знаменитымъ воинствомъ не мало имѣлъ случаевъ объявлять Высочайшія къ оному милости и матернія взысканія. 9 Декабря 1776 года.“

„Князь Потемкинъ.“

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

етр.

I. ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ ДОНЦОВЪ ПРОТИВЪ ДЕВЛЕТЪ-ГИРЕЯ И ПУГАЧЕВА.

Глава 1-я. Взглядъ на внутреннее состояніе Войска Донскаго въ 1773—1774 г. 1

Глава II. Мѣры предосторожности принятыя на Дону къ отраженію хана Девлетъ-Гирея. 7

Глава III. Враждебные замыслы на Донъ Девлетъ-Гирея и дѣйствіе его противъ Донцовъ. 21

Глава IV. Обзоръ главнѣйшихъ дѣйствій Пугачева. 37

Глава V. Мѣры предосторожности и дѣйствія Донцовъ противъ Пугачева въ предѣлахъ Дона. 48

Глава VI. Дѣйствія Донцовъ противъ Пугачева за предѣлами Войска Донскаго. 64

Глава VII. Преслѣдованіе, поимка и казнь Пугачева. Царскія милости за заслуги Донцовъ. 78

II. ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ ДОНЦОВЪ ПРОТИВЪ НАГАЙСКИХЪ ТАТАРЪ.

Глава I. Взглядъ на внутреннее состояніе Донцовъ и Нагайцовъ въ 1775—1781 годахъ. 91

Глава II. Нападеніе Черкесъ и Нагайцовъ на Донскіе посты въ 1777 и 1778 г. . 101

Глава III. Вторженіе черкесъ въ Нагайскія орды въ 1779 и 1780 годахъ. 111

Глава IV. Первое возмущеніе нагайцовъ и мѣры правительства къ усмиренію ихъ. 123

Глава V. Усмиреніе возмутившихся нагайцовъ, въ 1781 году. 141

Глава VI. Второе возмущеніе нагайцовъ и присоединеніе ихъ къ Россіи вмѣстѣ съ Крымскими татарами въ 1782—83 годахъ. 150

Глава VII. Третье и послѣднее возмущеніе Нагайцовъ и Закубанской походъ противъ нихъ Суворова. 164

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

стр.

I. БІОГРАФІИ ДОНСКИХЪ СТАРШИНЪ ПРОШЛАГО ВѢКА.

Андроновъ. 11
Барабанщиковъ. 14
Грековъ Гаврила. 16
Грековъ Макаръ. 18
Головъ. 23
Давыдовъ. 27
Колпаковъ. 29
Кутейнивовъ. 32
Манылыкинъ. 36
Перфиловъ. 38
Платовъ. 45
Поповъ. 47
Семютжинъ. 50

II. ЗАМѢТКИ ИЗЪ СОВРЕМЕННАГО БЫТА ВОЙСКА ДОНСКАГО.

Случай изъ Крымской кампанія. 63
Старикъ-охотникъ на войнѣ. 68
Нѣчто о волкахъ на Дону. 88
Нѣсколько словъ о Донѣ по поводу тазстнихъ статей. 93
Нѣсколько словъ о Верховцахъ, по поводу статьи А. Леонова: о происхожденіи словъ чага и туна?. . . . 113
Замѣтки на проэктъ положенія о торговлѣ въ Войскѣ Донскомъ. 128
О выжиганіи Донскихъ полей. 136
Нѣсколько словъ о годѣ по поводу Новаго Года. 145
Pro Эпилогъ: Взглядъ на Исторію Войска Донскаго. 157
Примѣчанія. 195
Приложенія 213

ОПЕЧАТКИ.

ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стран.	Строк.	*Напечатано:*	*Читай:*
17	3 и 4	въ станицѣ. . . . . вашей	въ станицѣ вашей
—	10	а сего строгостію	а сею строгостію
19	30	Ихъ политика	Изъ политики
20	9 и 34	Капая	Каная
34	7	и упомянемъ	а упомянемъ
38 и др.	21	компаніяхъ	кампаніяхъ,
—	33	казаковъ	казакомъ.
39	4	Каурской	Наурской
43	5	отрившійся	открывшійся
—	34	распоряжешісмъ	распоряженіямъ
45	2	отряженямихъ	отряженнымъ
49	12	подъятымъ“	подъятыми.“
50	26	и подвержены	не подвержены
51	1	полученіи	по полученіи
53	25	пугачъ	Пугачъ
54	29	онъ успѣлъ	онъ успѣлъ собрать
61	6	послалъ	пославъ
66	31	старшжиою	пожалованнымъ старшиною
68	27	Автиновсвой	Антиповсвой
80	34	до устьи	до устьи
88	7	непоколебимое	непоколебимо
98	20	будмацкихъ	Буджацкихъ
101	26	Керчь—Ениколь	Керчь, Ениколь
103	7	хъ вечеру	съ вечеру
106	6	въ проказахъ	въ привазахъ
108	7	Чельасъ	Челбасъ
—	26	съ Джаумою	съ Джаумомъ
114	21	сильныя партія	сильныя партіи
118	2	Бейсуру	Бейсугу
120	8	предупредить	предпринять
121	18	полиеру	долиеру

Стран.	Строк.	*Напечатано:*	*Читай:*
129	26	утвердить	утвердили
132	2	приставомъ о нашихъ ивне-моженіяхъ	приставокъ. Почему, извѣщал васъ о нашихъ изнеможеніяхъ,
138	24	далеко	далеки
153	16	Татаръ	Татары
154	2	энегрію	энергію
156	24	съ дворною	съ придворною
157	10	взять	вчать
160	11	раздѣленіе	распредѣлеіе
—	29	Дягкина	Дячкина
163	18	изронъ	избранъ

ВО ВТОРОЙ ЧАСТИ:

23	6	означенную	означенную челобитную
27	13	но коихъ	о коихъ
30	25	не лестно	ни лестною
31	29	не нало	ни жало
33	18	на Мусѣ	па Міусѣ
37	15	состоявшими	стоявшими
41	21	чинанъ, отличіемъ	чинамъ и отличіямъ
55	33	но меньше	не меньше
56	3	безъ преувеличиванія	безъ преувеличенія
76	18	много панесеннихъ	мною нанесенныхъ
85	24	почуявшій	почуявши
90	3	чрезъ вародныхъ	чрезъ парочвыхъ
98	35	ни моґли	не могли
103	5	статей	степей
109	18	въ 1737 году	въ 1637 году
115	21	слово	слово *чиса*
117	10	что русскій	чтобъ русскій
118	13	еачѣтно	замѣтно
—	20	къ насказанной	къ несказанной
122	25	не всѣмъ	не совсѣмъ
132	27	представляется	предоставляется
135	13	въ погрессу	къ прогрессу
140	9	и тотчасъ	а тотчасъ
151	29	*кругъ*. Въ воспшинаніе	*Кругъ*, въ воспоминаніе
157	2	необходимое зерцало	необходимая: зерцало
164	8	къ голоду	къ золоту
182	28	солюцій	аволюцій
189	5	было дѣйствіе	были дѣйствія

Стран.	Строк.	*Напечатано:*	*Читай:*
202	42	отъ нее	отъ него
206	2	говоритъ	говорятъ
208	17	тременъ	временъ
214	12	тогожъ ночью	тою жъ ночью
—	16	Міусы, Мамбетева	Мусы Мамбетева
—	26	и городскихъ	у городскихъ
217	15	Прибывъ же	Прибылъ же
224	34	съ учиненною	съ учиненнаго
226	13	и на смертельную	и несмертельную
228	26	наряженнимъ	наряженнихъ
229	14	Тпманкѣ	Тишанкѣ
233	15	но ихъ благоразумному	но и къ благоразумному
—	25	чина	чины
236	31	которымъ	который
238	7	извѣстію	извѣстно
250	21	кровопролитію и жадности	и кровопролвтію жадности,
252	34	до тридцати	до тринадцати
257	5	ни гдѣ	нѣгдѣ
258	30	Картъ-Кашу	Картъ-Кешу
259	30	напала	напало
260	27	по нодружности	но подручности
264	6	въ походѣ	въ походъ
269	31	Малейскому	Малоейскому
272	32	Солько	Только
278	5	а побуждаемъ доброю вашею	а побуждаемы доброю волею
279	12	на тѣхъ что	на память
—	14	въ войскъ заслуги	въ войнѣ заслуги